

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

Сборник посвящен важной теоретической проблеме — становлению классов и государства. Эти вопросы рассматриваются на конкретном историческом материале различных обществ Азии, Америки и Африки. На их примере прослеживаются механизмы и процессы классовобразования, как присущие всем обществам этой стадии развития, так и специфические для отдельных регионов и хозяйственно-культурных типов.

Ответственный редактор

А. И. ПЕРШИЦ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Общие закономерности становления классов и государства были глубоко исследованы основоположниками научного коммунизма, немало сделавшими и для изучения их отдельных локально-временных вариантов. Введение в научный оборот новых историко-этнографических данных все более расширяет наши знания в этой области, ставит перед нами все новые научные проблемы, разработка которых вносит свой вклад в развитие марксистско-ленинской науки.

В последнее время исследование проблем классов и политогенеза заметно активизировалось. Разрабатывались и оживленно обсуждались вопросы развития общинных структур, соотношения имущественной дифференциации и социального неравенства, природы ранних форм эксплуатации, вариантности путей становления классов и государства. Некоторые попытки решения связанных с этим вопросов, рассматриваемых как в глобальном или региональном плане, так и на материалах отдельных народов, предлагаются в настоящем сборнике.

В чем состояло коренное различие родовой и соседской общин, как возник тот отмеченный К. Марксом дуализм, который был характерен для земледельческой общины? Ю. И. Семенов в статье «Первобытная коммуна и соседская крестьянская община», исходя из марксистского положения о примате социально-экономических отношений над всеми прочими общественными связями, выявляет различия между системой производственных отношений, образующей базис первобытной коммуны, и

системой производственных отношений, являющейся фундаментом крестьянской общины. Статья включает также критический анализ точек зрения по этому вопросу, содержащихся в работах зарубежных исследователей.

Как в различных исторических ситуациях действовали эндогенный и экзогенный факторы зарождения частной собственности и в конечном итоге классовообразования? Один из вариантов их параллельного действия рассматривает В. И. Васильев в статье «Возникновение элементов частнособственнического уклада у народов Обско-Енисейского Севера». Автор показывает, что при эндогенном пути зарождение частной собственности потребовало развития производящего оленеводческого хозяйства, при экзогенном — превращения пушного промысла в товарный и приложения к рыболовству русского торгового капитала. При этом, хотя самодийские народы раньше вступили на второй из этих путей, основным был первый, связанный с ведущим направлением хозяйственной деятельности.

Эта же проблема, но применительно к более высокой стадии исторического развития рассматривается в статье Л. Е. Куббеля «Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана». Здесь сложение классовой структуры начиналось путем монополизации родовой верхушкой организационных функций в торговом обмене с классовыми обществами Северной Африки и Египта, т. е. под влиянием факторов внешнего порядка. Однако по мере развития имущественной и социальной дифференциации такой обмен способствовал выдвиганию на первый план факторов внутреннего порядка. Это особенно проявилось со времени возникновения сельскохозяйственных поселков зависимых людей, которые стали объектом эксплуатации со стороны старой родовой и новой, главным образом военной, знати.

Тому, как в различных конкретно-исторических условиях протекают параллельные процессы классово- и политогенеза посвящена статья Э. С. Годинер «Становление государства в Буганде». В ней прослеживается их взаимодействие на примере формирования одного из государств африканского Междозерья. Анализ материала подтверждает два важнейших тезиса классиков марксизма

о закономерностях становления государственности вообще и на Востоке, в частности: тезис Ф. Энгельса об одном из путей классовообразования, восходящем к появлению общественного разделения труда между производством и управлением¹, и мысль К. Маркса о том, что на Востоке, в силу ряда природных и социальных факторов, «не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям. . .»²

Как известно, становление политической организации повсюду сопровождалось соперничеством различных слоев формирующегося господствующего класса — родоплеменной аристократии, военных предводителей, жречества. Как правило, какой-то из них выдвигался на первый план. Долгое время считалось, что царство майя было теократическим. В. И. Гуляев в статье «Проблема становления царской власти у древних майя» анализирует письменные источники и новейшие археологические данные, позволяющие сделать вывод, что политогенез в этой области Мезоамерики протекал в основных чертах так же, как и в первых раннеклассовых обществах Древнего Востока.

Могли ли кочевые скотоводы в своем спонтанном развитии перешагнуть рубеж классового общества? Ответить на этот старый вопрос нелегко, так как мы нигде не встречаем номадов-всадников изолированными от их оседлых соседей.

А. И. Першиц в статье «Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов» исследует материалы о бедуинах Аравии и туарегах Сахары, которые даже в Новое время менее других кочевников подверглись деформирующему влиянию оседлой государственности. Автор приходит к выводу, что особенности кочевой скотоводческой экономики и военное превосходство номадов над земледельцами стимулировали развитие даннических форм эксплуатации и тормозили классовообразование в среде кочевых племен. Кочевники почти не знали рабства соплеменников, процесс феодализации не пошел у них дальше ранних, незрелых форм. В целом развитие кочевых скотоводов определялось как общеисторическими, так и некоторыми специфиче-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 184.

² Там же, т. 25, ч. II, стр. 354.

скими закономерностями, обусловленными особенностями их экономики и структурой всей земледельческо-скотоводческо-городской системы.

Специально один из важнейших аспектов специфики кочевого скотоводческого хозяйства рассматривается в статье А. М. Хазанова «Роль рабства в процессах классовообразования у кочевников евразийских степей». Автор обосновывает тезис о том, что рабство, почти имманентно присущее кочевникам, играло второстепенную роль в протекавших в их среде процессах классовообразования. Ведущая же роль принадлежала даннической эксплуатации. Таким образом, еще раз подтверждается распространенное в советской этнографии положение о том, что классовообразование едино по своему социальному содержанию, но многообразно по конкретным путям и проявлениям.

Публикуемые в настоящем издании статьи сгруппированы по принципу хозяйственно-культурной общности: оседлые земледельцы и кочевые скотоводы. Хронологически и хронологически сборник разнообразен: в нем рассматриваются общества, существовавшие на территории от Северной Сибири до Мезоамерики и от древности до Нового времени. Но все эти общества более или менее близки друг к другу в историко-стадиальном отношении — это общества либо предклассовые, либо раннеклассовые. В сборнике сделана попытка конкретно исследовать характерные для них различные механизмы и варианты универсально-исторического процесса становления классов и государства.

ПЕРВОБЫТНАЯ КОММУНА И СОСЕДСКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА

Ю. И. Семенов

Переход от доклассового общества к классовому является необычайно сложным и противоречивым процессом, включающим в себя множество моментов и сторон. И одной из важнейших сторон является превращение первобытной общины в существующую в недрах классового общества крестьянскую общину. Обозначение последней как крестьянской имеет целью отличить ее от других социальных образований классового общества, которые также нередко именуется общинами. Так, например, слово «община» применяется для обозначения городов-государств Древнего Шумера, полисов античной Греции и Италии¹. Определенные основания для этого имеются. Но не следует при этом забывать, что такого рода «общины» представляют собой явление иного порядка, чем крестьянские общины. Если крестьянские общины никогда не являются социальными организмами, а существуют в недрах более крупных, классовых по своей структуре социальных организмов, то города-государства Древнего Шумера и античные полисы представляли собой самостоятельные классовые социальные организмы². Однако понимание этого принципиального отличия отсутствует у некоторых авторов, ставящих в один ряд азиатскую и германскую крестьянские общины и античную гражданскую общину³.

¹ *Фюстель де Куланж*. Древняя гражданская община. М., 1903; *И. М. Дьяконов*. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959; *К. М. Колобова*. Возникновение и развитие рабовладельческих полисов в Греции. Л., 1956.

² Об этом понятии см.: *Ю. И. Семенов*. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки. «Вопросы истории», 1966, № 8.

³ См., например: *Л. С. Васильев, И. А. Стучевский*. Три мо-

Большое внимание крестьянской общине уделял К. Маркс, выделивший одну из ее разновидностей под названием земледельческой общины. К. Маркс особо подчеркнул наличие непосредственной генетической связи земледельческой общины с общиной первобытной. Он охарактеризовал ее как «*новейший тип архаической общественной формации*»⁴. Как указывал К. Маркс, характерным для земледельческой общины был дуализм между общинной собственностью на землю и парцеллярным крестьянским хозяйством, с неизбежностью предполагавшим частное присвоение продуктов труда⁵. Эта основополагающая идея К. Маркса получила дальнейшую, но не исчерпывающую разработку в советской науке. В данной статье предпринята попытка рассмотреть ее применительно в первую очередь к отношениям распределения и обмена.

Все это делает понятным, какое огромное значение для понимания перехода от доклассового общества к классовому имеет детальное исследование трансформации первобытной общины в общину крестьянскую. Превращение первобытной общины в крестьянскую является важнейшим моментом процесса становления классового общества в целом. Но понимание сущности тех изменений, которые произошли в общине при переходе от доклассового общества к классовому, предполагает выявление различия между первобытной общиной и крестьянской. Именно последней проблеме и посвящена настоящая работа.

Состояние и постановка проблемы. Многие советские исследователи противопоставляли и сейчас продолжают противопоставлять первобытную общину как покоящуюся на *родстве* крестьянской общине как основанной на *соседских* связях. Соответственно первую они характеризуют как *общину родовую или кровнородственную*,

дели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. ВИ, 1966, № 5, стр. 79—84.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 404. Подробнее о взглядах классиков марксизма по этому вопросу см.: Н. Б. Тер-Акопян. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине. «Из истории марксизма и международного рабочего движения». М., 1973.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 418, 419.

а вторую — как *общину соседскую*⁶. И вполне понятно, что сущность перехода от первобытной общины к крестьянской они видят в замене родственных связей соседскими.

Противопоставление родства как основы первобытной общины соседству как фундаменту крестьянской общины было в свое время крупным шагом вперед. В этой форме был осознан факт существования глубокого, коренного различия между социальными отношениями, на которых покоилась первобытная община, и социальными отношениями, лежавшими в основе крестьянской общины. Но если различие и было осознано, то сущность его не была вскрыта. В основу различия этих двух типов социальных связей было положено не столько внутреннее их содержание, сколько внешняя форма. Но между содержанием и формой в определенных условиях может возникнуть и несоответствие. В результате связи одного типа могут приобрести внешние признаки, характерные для связей другого.

Как на основной признак, отличающий общину, основанную на родстве, от общины, основанной на соседстве, в литературе указывается на наличие между всеми ее членами отношений родства.

Но известно немало примеров общин классового общества, которые состояли из родственников ничуть не в меньшей степени, чем первобытная община. В Юго-Восточном Китае даже в начале XX в. довольно часто встречались деревни, в которых все мужчины прослеживали свое происхождение от одного общего предка. Население такой деревни составляло одну родственную патрилинейную группу. Однако связи внутри такой общины сколько-нибудь существенно не отличались от тех, что образовывали основу деревень, население которых не составляло одной родственной группы⁷. Несмотря на наличие между ее членами родственных связей, такая деревенская община ни в коем случае не может быть охарактеризована как первобытная. Это подлинно крестьянская, и в этом смысле соседская, а не кровнородственная община. Деревни, население каждой из которых составляло одну

⁶ Обзор см.: Л. Б. Алаев. Община. «Советская историческая энциклопедия», т. 10, стлб. 418—424.

⁷ M. Freedman. Lineage organisation in southeastern China. London, 1958.

родственную группу, существовали в Японии в XIX—XX вв., на Севере России, в Белоруссии, на Украине в XVI—XIX вв., в Болгарии⁸.

Но науке известны не только крестьянские общины, состоявшие из родственников, но и общины доклассового общества, члены которых далеко не все были между собой связаны родством и свойством. В связи с этим некоторыми советскими этнографами в качестве одного из этапов эволюции доклассового общества была даже выделена стадия первобытной соседской общины⁹.

Все это делает совершенно невозможным ограничиваться при характеристике различий между первобытной и крестьянской общиной терминами «родство» и «соседство». Необходимостью является раскрытие внутренней сущности как связей, лежавших в основе первобытной общины, так и отношений, образывавших базис крестьянской общины. Только это может дать ключ к пониманию сущности процесса превращения первобытной общины в крестьянскую.

Однако в нашей литературе этому вопросу не уделялось достаточно внимания. Авторы ограничивались лишь самыми общими положениями о родстве и соседстве, не раскрывая их содержания.

Прямо, непосредственно не занимались этой проблемой и зарубежные исследователи. Но они обращались к ней в связи с решением других интересующих их вопросов.

Характерным для последнего времени является возрастание интереса зарубежных этнографов, социологов и экономистов к крестьянству вообще, к крестьянской экономике в частности¹⁰. В этом отношении показательна эволюция так называемой экономической антропологии¹¹.

⁸ R. Beardsley, J. Hall, R. Ward. Village Japan. Chicago, 1959; M. O. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963, стр. 104—107, 168 сл.

⁹ А. И. Першиц. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории. «Труды Института этнографии», новая серия, т. 54. М.—Л., 1960.

¹⁰ R. Redfield. Peasant society and culture. Chicago, 1956; Peasant society. A reader. Boston, 1967; Peasant and peasant societies. Harmondsworth, 1971, etc.

¹¹ См. о ней: Ю. И. Семенов. Теоретические проблемы «экономической антропологии». «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973.

В составе этой научной дисциплины, первоначально занимавшейся почти исключительно экономическими отношениями первобытного и формирующегося классового общества (primitive economy), постепенно возник и оформился раздел, специализирующийся на изучении экономических отношений внутри крестьянства вообще, внутри крестьянской общины в частности (peasant economy).

Все обращавшиеся к изучению крестьянства так или иначе стремились дать определение этому понятию. А это с неизбежностью ставило их перед задачей выявления различия между крестьянскими и первобытными общинами. А перед теми, кто обращался к изучению «крестьянской экономики», с неизбежностью вставал вопрос о ее отличии от первобытной.

Когда этнографы обращались к сравнению первобытных и крестьянских общин, им нередко прежде всего бросалось в глаза то самое сходство между ними, которое дало основание К. Марксу охарактеризовать раннюю крестьянскую общину как последний этап архаической формации. Известный американский этнограф Р. Рэдфильд в одной из своих работ даже объединил первобытные и крестьянские общины под названием «folk society»¹². Последний термин широко используется в англоязычной этнографической литературе, но в основном лишь в применении к социальным низам классового общества вообще, к крестьянству прежде всего. Поэтому, хотя его буквальное значение — «народное общество», правильное всего будет его перевести как «простонародное общество». Но сравнительно верно передавая обычное значение этого термина, данное словосочетание малопривлекательно для выражения того, более широкого смысла, который вкладывает в него Р. Рэдфильд. Однако какое-либо другое подобрать трудно. Поэтому будем пользоваться им.

По мнению Р. Рэдфильда, «примитивное» и «крестьянское» общество образуют один тип, что и дает ему основание применять для их обозначения один термин. «Простонародное общество» он характеризует прежде всего как «малое, изолированное, бесписьменное и гомогенное, с сильным чувством групповой солидарности»¹³.

¹² R. Redfield. The folk society. «American Journal of Sociology», vol. 52, N 3, 1947.

¹³ Ibid., p. 300.

Это общество представляет собой «группу, экономически независимую от всех остальных: его члены производят то, что они потребляют, и потребляют то, что производят»¹⁴. Все эти характеристики суммируются в утверждении, что «простонародное общество есть малый мир в себе и для себя»¹⁵. Во всех этих рассуждениях Р. Рэдфильда есть рациональное зерно. Нельзя в этой связи не вспомнить, что К. Маркс характеризовал русскую общину как «*локализованный микрокосм*»¹⁶.

Однако, подчеркивая черты сходства между первобытной и крестьянской общинами, Р. Рэдфильд совершенно оставляет в стороне различия между ними. А между тем они столь существенны, что делают невозможным отнесение примитивных и крестьянских общин к одному типу и соответственно обозначение их одним термином. На это указал другой американский этнограф Дж. Фостер в статье, появившейся пять лет спустя после указанной работы Р. Рэдфильда¹⁷. Основное различие между первобытной и крестьянской общинами он видел в том, что первая является вполне самостоятельным обществом, со своей собственной самостоятельной культурой, а вторая всегда существует в составе более крупных общественных организмов, которые имеют свою культуру, не совпадающую с культурой крестьянской общины и влияющую на последнюю.

Такая точка зрения высказывалась некоторыми этнографами и ранее¹⁸. «Крестьяне, — писал А. Кребер, — всегда сельские жители, однако живут в связи с рыночными городами; они образуют классовый сегмент большего населения, остальная часть которого живет в городских центрах, иногда столице. Они образуют частичные общества с частичной культурой»¹⁹. Развивая этот взгляд, Дж. Фостер подчеркивал, что крестьянское (простонародное) общество есть «часть большой социальной единицы (обычно нации), которая расслоена и по верти-

¹⁴ Ibid., p. 301.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 405.

¹⁷ G. Foster. What is folk culture. «American Anthropologist», vol. 55, N 2, 1956.

¹⁸ J. F. Embree. Suye Mura: A Japanese village. Chicago, 1939, p. XVI.

¹⁹ A. L. Kroeber. Anthropology. N. Y., 1948, p. 284.

кали, и по горизонтали. Крестьянский компонент этой большой единицы поддерживает симбиотические пространственно-временные отношения с более сложным компонентом, который состоит из высших классов доиндустриального городского центра»²⁰.

В том же году, что и статья Дж. Фостера, вышла в свет новая работа Р. Рэдфильда, в которой автор, пока еще не отказываясь прямо от старой точки зрения, развивал по существу те же самые взгляды. Как подчеркивал теперь Р. Рэдфильд, крестьянские общины, в отличие от первобытных, существуют только в качестве частей больших социальных образований, обязательно включающих в свой состав города, где живет политическая, религиозная и интеллектуальная элита²¹. В этих и последующих работах Р. Рэдфильда и Дж. Фостера большое внимание уделяется взаимоотношению между «малой традицией», т. е. устной анонимной культурой крестьянских общин, и «большой традицией», т. е. письменной, профессиональной культурой всего общества в целом²².

С определением крестьянских общин как частичных обществ, а крестьянской культуры как частичной культуры согласно подавляющее большинство зарубежных исследователей. Некоторые из них идут дальше, видя суть большого общества, в состав которого входят крестьянские общины, в существовании не городов, а государства. «Не город, но государство, — пишет Э. Вольф, — есть решающий критерий цивилизации, и появление государства — вот что знаменует порог перехода от земледельцев вообще к крестьянам»²³. Соответственно главный признак, отличающий крестьянскую общину от первобытной, Э. Вольф видит в том, что члены ее были объектом эксплуатации со стороны господствующего класса²⁴,

Крестьянские общины, в отличие от первобытных, действительно всегда существовали в недрах классовых социальных организмов, являлись их частями. Однако совершенно недостаточно ограничиваться констатацией

²⁰ G. Foster. What is folk culture, p. 163.

²¹ R. Redfield. Primitive world and its transformations. Ithaca, 1953, p. 31.

²² G. Foster. What is folk culture; R. Redfield. Peasant society and culture.

²³ E. R. Wolf. Peasants. Englewood Cliffs. N. Y., 1966, p. 11.

²⁴ Ibid., p. 3, 4.

этого факта. Невозможно ограничиваться и указанием на то, что крестьяне подвергались эксплуатации со стороны господствующего класса, ибо это характеристика не столько самой крестьянской общины, сколько общества, в состав которого он входит. Необходимо раскрыть различие между внутренней структурой первобытных и крестьянских общин. Но это прежде всего означает выявить различие между первобытной и крестьянской экономикой. Однако сколько-нибудь четкого ответа на этот вопрос в трудах по экономической антропологии мы не находим.

«Под крестьянской экономикой, — пишет, например, один из крупнейших специалистов по экономической антропологии Р. Ферс, — понимается система мелких производителей с простой технологией и снаряжением, чаще всего обеспечивающих свое существование прежде всего тем, что они сами производят. Основным средством обеспечения жизни крестьян является обработка земли»²⁵. Но как совершенно справедливо указал другой видный специалист в области экономической антропологии Дж. Дальтон, данное определение с не меньшим правом может быть отнесено не только к крестьянскому, но и ко многим примитивным обществам²⁶.

Соглашаясь с характеристикой крестьянских общин как частей большого общества, Дж. Дальтон подчеркивает, что, позволяя отделять крестьянскую культуру от первобытной, она в то же время мало что дает для понимания отличия крестьянской экономики от первобытной. Вся трудность, по его мнению, заключается в том, что крестьянская экономика действительно очень сходна с примитивной. «В традиционном крестьянстве, — пишет он, — так же как в примитивных общинах, существует тот же самый упор на одну или две основные пищевые культуры, которые составляют большую часть всей продукции, и та же самая необычайная надежда на милость природы вследствие простой технологии и отсутствия сложного процесса производства. В отношении размера производственных ячеек, технологии, зависимости от милостей природы и узкого круга производимых предметов традиционные крестьянские общины напоминают примитивные общины значительно больше, чем в отношении

²⁵ R. Firth. Elements of social organisation. London, 1951, p. 87.

²⁶ G. Dalton. Theoretical issues in economic anthropology. «Current Anthropology», vol. 10, N 1, 1969, p. 74.

культуры²⁷. Но тем более полезно, по мнению Дж. Дальтона, «провести различие между примитивной экономикой и крестьянской экономикой, как оно проводится между крестьянской и примитивной культурами»²⁸. И он попытался это сделать.

Первоначально в качестве главного отличия крестьянской экономики от примитивной он выдвинул тесную зависимость первой от рынка. «Большинство людей обеспечивает себя основной частью средств к жизни через посредство производства на рынок; сделки купли-продажи с помощью денег часты и в количественном отношении важны; часто существуют рынки факторов производства: значительные количества труда, земли, средств производства доступны для купли, аренды, найма за деньги. Именно сравнительная важность рынков, факторов производства и продуктов производства и денежных сделок составляет принципиальное различие между крестьянской и примитивной экономикой», — писал Дж. Дальтон²⁹.

Картина крестьянской экономики, нарисованная Дж. Дальтоном, находится в столь разительном противоречии с тем, что известно науке о крестьянском хозяйстве в докапиталистических обществах, исключая, пожалуй, лишь поздний феодализм Западной Европы, что автор спешит внести в нее поправки. «Хотя, — пишет он, — рудименты капиталистической (т. е. рыночной) экономики существенны и важны в крестьянских общинах, они *неполны и недоразвиты* сравнительно с рыночной организацией в современной национальной экономике. Неполнота означает, что внутри данной крестьянской общины некоторые рынки могут отсутствовать или быть крошечными — земля может часто покупаться или арендоваться, но труд — нет, или наоборот, и что производство для удовлетворения собственных нужд может количественно быть важным в некоторых хозяйствах»³⁰.

В последующих своих работах Дж. Дальтон от выдвинутого им критерия различия между крестьянской и примитивной экономикой отказался. Правда, основанием для этого послужило, кажется, не столько отсутствие

²⁷ Ibidem.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibid., p. 75.

в значительном числе крестьянских общин производства на рынок, сколько наличие в некоторых доклассовых обществах рынков и своеобразных форм денег³¹. Но как бы то ни было, Дж. Дальтон в конечном счете пришел к выводу об «отсутствии отчетливого экономического критерия, отличающего крестьян от людей племенного общества»³². По его мнению, невозможно ставить вопрос о грани между примитивной и крестьянской экономикой вообще. Можно искать различие лишь между примитивной экономикой и экономиками тех или иных исторически определенных групп крестьянства, например феодально зависимого французского крестьянства X в., но не более³³.

Однако вступая в противоречие с самим собой, Дж. Дальтон все же пытается предложить какой-то общий критерий. И он находит его в конечном счете в характеристике крестьянских общин как частей больших обществ. «Вопреки очень реальному сходству между примитивной и крестьянской технологией, производством для собственного обеспечения и низкой производительностью, традиционные крестьянские общины близки к современным, ибо деньги, коммерция, города, письменность и централизованное государство были структурными частями больших цивилизаций, в состав которых входило крестьянство»³⁴. Круг, таким образом, замкнулся.

Если Дж. Дальтон прямо поставил (и попытался найти ответ) вопрос о различии между примитивной и крестьянской экономикой, то другие специалисты по экономической антропологии, как правило, вообще избегали ставить перед собой такую задачу даже в тех случаях, когда, казалось бы, уклониться от ответа на этот вопрос вообще невозможно. В этом отношении показательна монография М. Нэша «Примитивная и крестьянская экономические системы». Хотя автор провозглашает, что в его книге будет сделан упор на анализ и теорию, однако по существу он ограничивается простым описанием, с одной стороны, экономики паузасов

³¹ G. Dalton. Peasantries in anthropology and history. «Current Anthropology», vol. 13, N 3—4, 1972, p. 387.

³² Ibidem.

³³ Ibid., p. 397, 398.

³⁴ Ibid., p. 399.

сиане, а с другой — крестьянских рынков в ряде местностей Латинской Америки, Африки и Азии. По существу, как на единственное отличие примитивной экономики от крестьянской М. Нэш указывает на то, что первая была безденежной, а вторая — частично денежной³⁵.

Современное состояние проблемы различия между примитивной и крестьянской экономикой в зарубежной этнографической науке лучше всего может быть охарактеризовано словами Дж. Дальтона. «Этнографическая литература, — писал он, — отличает крестьянскую общину от примитивной по религии, языку, организации власти, но не по экономике»³⁶.

Таким образом, в имеющейся литературе различие между первобытными и крестьянскими общинами до сих пор сколько-нибудь глубоко не раскрыто. Остается невыясненным главное — качественное различие между системой связей, образующих базис первобытной общины, и системой отношений, лежащих в основе крестьянской общины. В основе любой целостной системы общественных отношений всегда лежит система экономических связей. Поэтому раскрыть сущность грани, отделяющей крестьянскую общину от первобытной, прежде всего означает выявить различие между системами экономических связей, образующих фундамент каждого из этих двух социальных образований.

Марксизм исходит из того, что «если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития — о производстве общественных индивидуумов»³⁷. Производство всегда имеет определенную общественную организацию, существует в определенной общественной форме. Поэтому существует несколько отличающихся по своей общественной структуре типов, видов производства, являющихся одновременно и определенными ступенями его развития. Они получили название способов производства. Общественной формой производства на каждой ступени его развития является целостная система производственных отношений определенного типа. Для ее обозначения В. И. Ленин использовал термин система «общественного хозяйства»,

³⁵ M. Nash. Primitive and peasant economic systems. San Francisco, 1966, p. 3.

³⁶ G. Dalton. Peasants. . . , p. 387.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 710—711.

«уклад общественного производства», «уклад общественного хозяйства», «система общественного производства» и «общественно-экономический уклад»³⁸, из которых наибольшее распространение получил последний. Категория «общественно-экономический уклад» теснейшим образом связывает понятие о производстве с понятием об обществе. Представляя собой общественную форму производства, определенная система производственных отношений одновременно является фундаментом, основой, базисом общества.

Методологическая ценность понятия общественно-экономического уклада особенно наглядно выступает при анализе социально-экономической структуры отдельных, конкретных обществ — социальных организмов. В социальных организмах нередко одновременно существуют производственные отношения, относящиеся не к одному типу, а к нескольким. И существуют они по-разному. Производственные отношения того или иного типа могли образовывать целостную систему, т. е. определенный общественно-экономический уклад, причем совершенно не исключена возможность наличия в одном и том же социальном организме одновременно нескольких укладов общественного производства. Как правило, в социальном организме, в котором существовало несколько укладов общественного хозяйства, один из них был господствующим, доминирующим, а остальные — подчиненными. Господствующий уклад являлся основой социального организма и определял его тип, его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации³⁹.

Но определенные производственные отношения могли и не образовывать в данном социальном организме целостной системы, а существовать в виде более или менее значительного придатка к системе, образовавшей соци-

³⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 493; т. 4, стр. 36, 37; т. 19, стр. 331; т. 36, стр. 296; т. 39, стр. 15, 271; т. 43, стр. 207, 221, 227, 229. Анализ взглядов В. И. Ленина по этому вопросу см.: Ю. И. Семенов. Категория «общественно-экономический уклад» и ее значение для философской и исторической наук. «Философские науки», 1964, № 3.

³⁹ О соотношении общественно-экономической формации и социального организма см.: Ю. И. Семенов. Марксистско-ленинская теория общественно-экономических формаций и исторический процесс. «Философские науки», 1973, № 5.

ально-экономическими отношениями иного типа. Таким образом, производственные отношения могут выступать в социальном организме как в качестве укладных, так и в качестве неукладных социально-экономических связей. И различие укладных и неукладных производственных отношений имеет важное значение.

Но общего указания на то, что производственные отношения могут существовать как в укладной, так и в неукладной формах, недостаточно. Необходимо выявление признаков, по которым можно судить, образуют ли в конкретном социальном организме те или иные социально-экономические отношения целостную систему, т. е. уклад, или же существуют в качестве неукладных. Но это невозможно сделать без дальнейшего совершенствования терминологии.

Чтобы стало ясным, какие понятия необходимы, остановимся на наиболее детально изученной из всех систем общественного производства — капиталистической, причем возьмем ее на домонополистической стадии. Первичным элементом этой системы является конкретное капиталистическое предприятие. Оно представляет собой единицу капиталистической собственности, т. е. капиталистических производственных отношений, и одновременно единицу функционирования производительных сил. Такого рода единство мы в дальнейшем изложении будем называть *хозяйственной ячейкой*. Именно внутри этой ячейки осуществляется процесс созидания потребительных стоимостей.

Но капиталистическое предприятие, являясь вполне самостоятельной хозяйственной ячейкой, не может функционировать иначе как в составе системы, включающей в себя множество подобного же рода ячеек. Связывает их воедино рынок, границы которого обычно совпадают с государственными, т. е. внутренний, или национальный, рынок. Такого рода высшее экономическое единство, вне которого невозможно функционирование хозяйчеек, мы будем именовать *хозяйственным организмом*. Каждый капиталистический хозяйственный организм был полным воплощением капиталистической системы хозяйства в единстве всех ее сторон. Он был одновременно социальным организмом, т. е. отдельным обществом. Сказанное выше дает возможность понять, в каких случаях можно говорить о существовании капиталистического уклада. Для этого

необходимо существование капиталистических хозяйств и капиталистического хозорганизма, рынка.

Понятия хозяйственной ячейки и хозяйственного организма важны для анализа любого общественно-экономического уклада, но применять их необходимо с учетом его специфики⁴⁰. Особенно своеобразен в этом отношении первобытнообщинный уклад.

Первобытная коммуна. Если взять за основу изменение производственных отношений, то в эволюции сложившегося первобытного общества можно выделить две основные фазы, за последней из которых следует период превращения этого общества в классовое. Все основные особенности первобытных социально-экономических отношений наиболее четко выступают на первой фазе эволюции доклассового общества. Именно поэтому на ней мы и остановимся.

Первая фаза первобытного общества характеризовалась безраздельным господством тех социально-экономических отношений, которые обычно именуется уравнительными⁴¹.

Однако, вопреки привычному толкованию, эти отношения не предполагают с необходимостью распределения поровну, хотя последнее может иметь место. Зато они с необходимостью предполагают, что каждый член того или иного коллектива имеет право на часть общественного продукта, созданного его членами, совершенно независимо от того, участвовал ли он сам в его создании или не участвовал. Достаточным основанием для получения доли продукта, созданного в коллективе, является принадлежность к нему. Никаких других оснований не нужно.

Иными словами, уравнительное распределение созданного в коллективе продукта между его членами есть не что иное, как проявление полной собственности этого коллектива на весь данный продукт. Общественная собственность на продукт является полной, когда последний не переходит в собственность отдельных членов общества. Общество, и только общество, является собственником

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Ю. И. Семенов. Значение категории «общественно-экономический уклад» для анализа социально-экономического строя общества. «Философские науки», 1976, № 3.

⁴¹ «Курс политической экономии», т. I. Досоциалистические способы производства. М., 1973, стр. 83.

продукта. Члены общества могут им только пользоваться и распоряжаться. Социальный организм, в котором существует такого рода собственность на весь продукт, с полным правом может быть назван коммуной. Первобытная община на первой фазе своей эволюции была не чем иным, как первобытной коммуной. Соответственно эта форма собственности может быть названа первобытно-коммунистической или коммуналистической⁴².

Именно в силу того, что весь созданный членами данного первобытного коллектива продукт являлся полной собственностью этого коллектива в целом, каждый его член имел право на часть продукта совершенно независимо от участия в его создании.

Было бы ошибочным рассматривать полную общественную (коммуналистическую) собственность на продукт как на особенное общественное отношение, существующее отдельно от уравнительного распределения и определяющее последнее. *Коммуналистическая собственность на продукт* может существовать и существует только в отношениях уравнительного распределения, и никак иначе. Уравнительные социально-экономические отношения есть в своей сущности отношения коммуналистической собственности на созданный коллективом продукт. Поэтому их лучше всего и называть коммуналистическими, а не уравнительными.

Коммуналистическое (уравнительное) распределение исключает зависимость размеров получаемой человеком доли общественного продукта от его вклада в создание этого продукта. Поэтому доля продукта, получаемая членом коллектива, может определяться лишь двумя основными факторами: во-первых, общим объемом продукта, подлежащего распределению, во-вторых, потребностями данного индивида. Уравнительное распределение есть распределение продукта соразмерно потребностям индивидов.

Коммуналистическое распределение есть проявление коммуналистической собственности на созданный коллективом продукт. И причина такого характера собственности на начальном этапе развития общества коренится в уровне развития производительных сил.

⁴² Ю. И. Семенов. О периодизации первобытной истории. СЭ, 1965, № 5, стр. 84, 85.

Для понимания социально-экопомпических отношений первобытного общества большое значение имеют понятия *жизнеобеспечивающего* и *избыточного* продукта.

Жизнеобеспечивающим является общественный продукт, абсолютно необходимый для поддержания физического существования членов первобытного коллектива, причем такого существования, при котором их организмы функционируют более или менее нормально, не претерпевая необратимых патологических изменений. Весь общественный продукт, превышающий этот уровень, является избыточным. Избыточен он вовсе не в том смысле, что не может быть потреблен членами коллектива, а лишь в том, что и без него возможно их нормальное физическое существование.

Основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Добывание определенного количества пищи — абсолютно необходимое условие нормальной жизнедеятельности человека. Как свидетельствуют *данные этнографии*, пища всегда была в центре внимания людей доклассового общества.

«В простой общине, такой, как на Андаманских островах, — писал А. Р. Радклифф-Браун, — где необходимые продукты питания добываются день ото дня, пища занимает преобладающее положение и является главным источником вариаций и колебаний между условиями эйфории и дисфории, что образуют эмоциональную жизнь общества. Пища может быть добыта только путем напряжения усилий, а эти усилия коммунальны. Добывание пищи есть главная социальная деятельность, и это есть такая деятельность, в которой каждый трудоспособный член общины обязан, согласно обычаю, принимать участие. Первый долг человека перед обществом должен быть определен как его обязанность обеспечивать пищей себя и других, и ни на кого не глядят с большим презрением, чем на тех, кто ленив или беззаботен в этом деле. Наоборот, человек, который глубоко уважается всеми, это искусный охотник, который щедр в распределении всего, что добыл. Пища является источником основных радостей и бед общины. Когда пищи мало, вся община страдает... Наоборот, когда пищи в изобилии, все общество совместно радуется»⁴³.

⁴³ A. R. Radcliffe-Brown. The Andaman islanders. N. Y., 1964, p. 270.

«Она, — сообщает Ф. Белл о роли пищи в жизни меланезийцев островов Танга, — играет очень важную, если не наиболее важную роль в жизни этого примитивного народа. Их экономические усилия почти полностью направлены на производство пищи. Интересы индивида, так же как и общины, сконцентрированы главным образом на пище, и тот род жизни, который они ведут, в конечном счете определяется их нуждой в пище»⁴⁴. «Пища — вторят ему африканисты М. Фортез и С. Фортез. — есть главная практическая проблема в социальной жизни таллензи. Она, как и во всех вообще примитивных обществах, является фундаментальной составляющей бесчисленного множества социальных ситуаций, непосредственно не связанных с питанием, например жертвоприношений духам предков или погребальных церемоний»⁴⁵. И число таких высказываний можно было бы умножить⁴⁶.

Нельзя не отметить, что в двух последних цитатах речь шла о народах, давно уже перешедших к земледелию и скотоводству и производивших довольно значительный избыточный продукт. Тем более велико было значение пищи в жизни собирателей и охотников. Главная их забота всегда состояла в том, чтобы добыть столько пищи, чтобы ее хватило для обеспечения существования.

Но хорошо известно, что ход и исход таких видов хозяйственной деятельности, как охота и рыболовство, во многом зависит не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения обстоятельств. «Какими же методами, — писал, характеризуя жизнь людей первобытного общества, Л. Я. Штернберг, — человек борется за свое существование? В первую голову он применяет свои собственные силы... Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве в одном случае он направляет стрелу

⁴⁴ F. L. S. Bell. The place of food in the social life of the Tanga. «Oceania», vol. 19, N 1, 1948, p. 74.

⁴⁵ M. and S. L. Fortes. Food in domestic economy of Tallensi. «Africa», vol. 9, N 2, 1936, p. 237.

⁴⁶ F. L. S. Bell. The place of food in the social life of Central Polynesia. «Oceania», vol. 2, N 2, 1931; A. I. Richards. Hunger and work in a savage tribe. London, 1932, p. 44.

в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может паловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает «его величество случай», то, что мы называем удачей, счастьем и т. д. . . .»⁴⁷

Зависимость самого существования людей от случайностей с особой силой давала себя знать на той стадии развития, когда весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим, и только жизнеобеспечивающим. В этих условиях неблагоприятные случайности легко могли привести к гибели людей. И естественно, что необходимым условием существования общества была нейтрализация власти случайностей над добыванием пищи. А это могло быть достигнуто только одним способом — установлением собственности социального организма на всю пищу, добытую его членами, причем совершенно независимо от того, была ли она добыта совместно или в одиночку. И эта собственность социального организма на пищу могла проявиться и проявлялась в распределении пищи между всеми его членами, причем совершенно независимо от того, участвовали они в ее добывании или не участвовали. Только утверждение коммуналистической собственности на пищу делало возможным погашение неудач одних членов коллектива в добывании пищи удачами других его членов и тем самым систематическое обеспечение каждого человека прожиточным минимумом.

Так как вся пища была полной собственностью коллектива, то естественно, что и орудия, с помощью которых она добывалась, и средства труда, использовавшиеся для изготовления этих орудий, тоже были полной собственностью коллектива. И вполне понятно, что их распределение между членами коллектива определялось теми же принципами, что и распределение пищи. В этих условиях и труд членов коллектива всегда носил непосредственно общественный характер совершенно независимо от того,

⁴⁷ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936, стр. 246, 247.

трудялись ли члены коллектива совместно или в одиночку⁴⁸.

На стадии, когда избыточный продукт полностью отсутствовал или был сравнительно незначительным, производственные отношения с неизбежностью должны были быть коммуналистическими, и никакими другими. Их характер был, таким образом, обусловлен объемом производимого обществом продукта. Но объем продукта есть не что иное, как показатель уровня развития производительных сил общества. Уровень производительных сил, определяя количество производимого продукта, детерминировал тем самым природу производственных отношений, существовавших на первой фазе первобытного общества.

Сами коммуналистические отношения не оставались неизменными на протяжении всей этой фазы. По мере развития производительных сил и объема общественного продукта они претерпевали *определенные изменения*. В их эволюции можно выделить два основных этапа.

На первом из них все основные особенности коммуналистических отношений выступали особенно наглядно. Он характеризовался тем, что все продукты труда, и прежде всего пища, находились не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Общественным продуктом мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов взятый в отдельности. Каждый из членов коллектива имел право на долю продукта, но она не поступала в его распоряжение. Он не мог использовать ее для какой-либо другой цели, кроме непосредственного физического потребления. Иначе говоря, он мог потреблять ее, и только. И вследствие этого процесс распределения пищи был одновременно и процессом ее потребления. Все, что было не потреблено, не находилось в распоряжении ни одного из членов коллектива, и каждый из них имел равное с другими право взять часть данного продукта, но с таким расчетом, чтобы это не лишило остальных членов коллектива возможности удовлетворить свои потребности.

Одна из особенностей данной формы коммуналистических отношений состояла в том, что ни один член кол-

⁴⁸ Подробнее см.: Ю. И. Семенов. Проблема начального этапа родового общества. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968, стр. 187—190.

лектива не получал своей доли от кого-то. Он просто брал ее из массы продукта, который находился в собственности и распоряжении коллектива в целом. Поэтому такого рода коммуналистические отношения распределения можно было бы назвать *разборными*.

Этнографии не известно ни одного народа, у которого существовали одни только разборные отношения. И это понятно. У всех известных науке народов в той или иной степени уже существовал избыточный продукт. Однако у целого ряда групп разборные отношения сохранялись в качестве одного из компонентов их социально-экономической структуры. И наконец, известно огромное количество их пережитков.

Разборные отношения скорее всего можно надеяться обнаружить у тех групп, в годичном цикле жизни которых систематически повторялись сравнительно длительные периоды, когда объем производимого продукта не превышал минимума, необходимого для физического выживания. К числу таких групп относилась, по крайней мере, часть эскимосов⁴⁹. И у них действительно обнаруживаются разборные отношения.

Если исходить из одного сообщения К. Расмуссена, у некоторых территориальных групп эскимосов нетсилик эти отношения были чуть ли не безраздельно господствующими. «Люди одной и той же деревни, — писал он об уткиликьялингмиют, — живут совместно летом в таком состоянии резко выраженного коммунизма, что у них не существует даже дележа охотничьей добычи. Все мясо поедается совместно столь быстро, сколько это возможно, хотя мужчины и женщины едят отдельно»⁵⁰. Однако другие приводимые им материалы дают основание полагать, что у данной группы эскимосов, наряду с разборными, существовали и иные отношения⁵¹.

Согласно мнению большинства этнографов, у значительной части эскимосов существовало то, что они именуют личной или даже частной собственностью. Причем многие из них утверждают, что в собственности отдель-

⁴⁹ K. Birket-Smith. The eskimos. London, 1936, p. 111; E. M. Weyer. The eskimos. Their environment and folkways. Hamden, 1962, p. 115—124.

⁵⁰ K. Rasmussen. The Netsilik eskimos. Social life and spiritual culture. Copenhagen, 1931, p. 483.

⁵¹ Ibid., p. 488, 489.

ных лиц и семей находилась также и пища⁵². Серьезным преступлением считалось, в частности, у эскимосов взять пищу, запасенную другой семьей на зиму⁵³.

Однако, как отмечают нередко те же самые исследователи, когда наступал голод, все эти ограничения снимались и пища становилась общей собственностью⁵⁴. Каждый тогда имел право взять из склада любой семьи пищу, в которой нуждался. Но взятую пищу он мог использовать только для одной цели — для непосредственного физического потребления. «Во время голода, — писал К. Биркет-Смит, — все права собственности на пищу исчезали: вся охотничья добыча становилась общей собственностью, и каждый, кто был голоден, мог просто взять из мясного склада другой семьи то, в чем он нуждался, не становясь от этого вором...»⁵⁵

Нагляднейшим воплощением основной особенности разборных отношений — перехода продукта только в потребление индивида, но не в его собственность и даже распоряжение — был способ распределения пищи, бытовавший у целого ряда эскимосских групп. Большой кусок мяса шел по кругу. Каждый мужчина отрезал от него такую порцию, которую мог взять в рот, и передавал следующему. К тому времени, когда кусок возвращался к тому же человеку, последний успевал справиться с первой порцией и отрезал новую. Таким же образом шел по кругу сосуд с супом. Каждый делал глоток и передавал следующему⁵⁶.

У папуасов, у которых охота давно уже является второстепенным занятием, такой способ распределения наблюдался во время праздников. Он носил уже характер ритуала⁵⁷.

⁵² E. M. Weyer. Op. cit., p. 184, 185; D. Jenness. The life of Copper escimos. Ottawa, 1922, p. 85, 90.

⁵³ D. Jenness. Op. cit., p. 90.

⁵⁴ H. Rink. Tales and tradition of the escimo. London, 1875, p. 28, 29, 31. K. Birket-Smith. The escimos, p. 149; E. M. Weyer. Op. cit., p. 186.

⁵⁵ K. Birket-Smith. The Caribou escimos. Material and social life and their cultural position. I. Descriptive part. Copenhagen, 1929, p. 263.

⁵⁶ T. Mathiassen. Material culture of the Iglulik escimos. Copenhagen, 1928, p. 201.

⁵⁷ R. F. Salisbury. From stone to steel: economic consequence of a technological change in New Guinea. Melbourne, 1962, p. 162.

Пока не было избыточного продукта, общество не могло позволить ни одному из своих членов использовать пищу иначе, как для собственного потребления. С появлением регулярного избыточного продукта объективная необходимость в такого рода ограничении отпала. Если бы каждый социальный организм был изолирован от других, то появление избыточного продукта не смогло бы скольконибудь быстро привести к тому, что продукты труда приобрели бы и другую, кроме потребительной, ценность.

Но пришедшая на смену первобытному стаду первобытная коммуна была одновременно и родом. Возникновение рода было в то же время и возникновением системы, состоящей из двух родов, связанных отношением группового брака, — дуально-родовой организации. Каждый взрослый член любого из двух коллективов был не только связан, по крайней мере, с одним из взрослых членов другого, принадлежавшим к противоположному полу, но и заинтересован в поддержании такой связи. И способом закрепления этих связей между индивидами стал обмен пищей, а затем и другими продуктами. По своей природе этот обмен не имел ничего общего с товарообменом. Он принадлежал к той универсально распространенной в доклассовом обществе форме обмена, которая получила наименование обмена дарами или *дарообмена*⁵⁸.

Как свидетельствуют данные этнографии, суть дарообмена заключается в создании новых или поддержании уже существующих социальных связей между индивидами или группами. Социальная связь выступает в данном случае как своеобразный канал, по которому идет встречное движение даров. Дар с необходимостью предполагает отдар. Связь существует, пока стороны обмениваются дарами. Прекращение этого взаимного обмена означает прекращение связи.

Возникновение дарообмена привело к появлению индивидуального брака⁵⁹. Но главное, оно имело следствием существенное преобразование коммуналистических отношений. Вместе с дарообменом продукты труда приобрели,

⁵⁸ См.: *B. Malinowski*. Argonauts of Western Pacific. London, 1922, p. 81—97, 156—194; *M. Mauss*. The gift: forms and functions of exchange in archaic societies. London, 1954; *M. J. Herscovits*. Economic anthropology. N. Y., 1965, p. 155—179 etc.

⁵⁹ См. об этом: *Ю. И. Семенов*. Происхождение брака и семьи. М., 1974, стр. 196—198.

рядом с потребительной ценностью, новую, чисто социальную по своей природе — дарообменную. Если раньше вещи можно было только потреблять, то теперь стало и возможным, и необходимым их дарить. Но дарить вещь — значит распоряжаться ею. Появление дарообмена с необходимостью предполагало переход, по крайней мере, части средств потребления, являвшихся собственностью коллектива, не только в пользование, но и в распоряжение отдельных его членов. В результате на смену разборным отношениям пришли новые отношения распределения.

Суть их заключалась в том, что индивиду выделялась доля общественного продукта, которой он мог распоряжаться. Часть этого продукта он потреблял, часть использовал для удовлетворения социальных потребностей, в частности дарил. Здесь имел место уже не разбор, а дележ, раздел. Поэтому данные отношения можно было бы назвать *дележными*.

Дарообменную ценность продукты труда могли иметь только для взрослых членов коллектива. Поэтому, в отличие от разборных отношений, в систему которых были включены прямо, непосредственно все члены коллектива, дележные отношения прямо, непосредственно охватывали лишь взрослых членов коллектива. С переходом от разборных отношений к дележным в обществе с необходимостью возникли два уровня распределения. Первым уровнем был раздел материальных благ, прежде всего пищи, между взрослыми членами коллектива, которые одновременно были и производителями продукта. Вторым уровнем была передача взрослыми членами социального организма части своей доли детям. Этот последний вид распределения не был разделом, ибо получаемая ребенком доля предназначалась исключительно лишь для потребления. Но он не был и разбором. Ребенок не брал долю общественного продукта, а получал ее от человека, частью первоначальной доли которого она являлась. Эту форму распределительных отношений можно было бы назвать отношениями *кормления* или *иждивения*. Они представляют собой отношение между иждивителем (иждивителями), с одной стороны, иждивенцем (иждивенцами) — с другой.

Вместе с ними в обществе стали возникать иждивенческие ячейки — группы, состоящие из иждивителей и иждивенцев. Такими ячейками были, с одной стороны,

родья — группа, состоящая из братьев, сестер и детей сестер, с другой — парная семья — группа, состоящая из мужа, жены и детей⁶⁰.

Ни одна из этих групп не была единицей собственности. Соответственно ни родья, ни семья не были хозяйственными ячейками общества. Как и на предшествующей стадии, единственной ячейкой собственности и одновременно ячейкой функционирования производительных сил была первобытная коммуна. Последняя была единственной хозяйственной ячейкой общества, причем такой, которая одновременно являлась и хозяйственным организмом. Полное совпадение хозяйственного организма с хозяйственной ячейкой было одной из специфических особенностей первобытнообщинного уклада. Представляя собой и хозяйственный организм, и хозяйственную ячейку, первобытная коммуна была одновременно и социальным организмом, т. е. конкретным отдельным обществом.

На рассматриваемой стадии не было и подлинной личной собственности. То, что исследователи принимают за личную собственность, в действительности представляет собой лишь *личное распоряжение* вещами, находящимися в собственности коллектива. Личное распоряжение вещами, находящимися в общественной собственности, имеет черты, сближающие его с личной собственностью, представляет собой по существу формирующуюся личную собственность. Черты собственности особенно отчетливо проявляются в праве передавать вещи, находящиеся в личном распоряжении человека, лицам, принадлежащим к другому коллективу, т. е. иной ячейке собственности.

Однако подлинной собственностью человека вещи, находившиеся в его распоряжении, не являлись. Общественная собственность на вещи, выделенные обществом в распоряжение индивида, нагляднейшим образом проявлялась в его обязанности делиться ими с другими членами коллектива.

Слово «дележ», которое было уже использовано выше в качестве термина, имеет два тесно связанных, но тем не менее отличных смысла. Первое его значение связано с глаголом «делить». Делить между собой люди могут

⁶⁰ Там же, стр. 198—224.

Только то, что до этого момента находилось в их совместной собственности и распоряжении. Такого рода дележ есть переход того, что ранее находилось в совместной собственности и совместном распоряжении группы лиц, в одних случаях в собственность и соответственно в распоряжение меньших групп или отдельных лиц, в других — только в распоряжение, но не в собственность меньших групп или индивидов. Его обычно именуют *разделом*.

Второе значение слова «дележ» связано с глаголом «делиться». Если делить между людьми можно только то, что находилось в их общей собственности и распоряжении, то делиться с другими людьми можно только тем, что находится в личном распоряжении одного человека. Тот или иной человек обязан делиться вещами только в том случае, если последние находятся в его распоряжении, но не в его собственности, и только с теми людьми, которые принадлежат к группе, чьей собственностью эти вещи являются. Такого рода дележ есть переход вещей из распоряжения одного человека, принадлежащего к группе, чьей собственностью эти вещи являются, в распоряжение другого человека, принадлежащего к той же группе.

Фактически мы имеем дело с тремя формами дележа, из которых одна характеризуется переходом вещей из собственности в собственность, а две другие — переходом их только из распоряжения в распоряжение в рамках общей собственности. В последующем изложении термин «дележ» со всеми производными от него мы будем применять для обозначения только двух последних форм распределения. Переход вещей из общественной собственности и общественного распоряжения в распоряжение отдельных лиц мы будем называть *раздело-дележом*. Соответственно отношения, которые мы именовали просто дележными, мы будем в дальнейшем характеризовать как *раздело-дележные*. Переход вещей из распоряжения одних лиц в распоряжение других при сохранении общественной собственности на них мы будем называть *даче-дележом*. В данном случае человек делится с другим, давая ему часть вещей, находящихся в его распоряжении. Соответственно мы будем говорить о *даче-дележных отношениях*. Что же касается перехода вещей из общей собственности и общего распоряжения в собственность

меньших групп или отдельных лиц, то мы будем именовать его просто *разделом*.

Даче-дележные отношения возникли вместе с раздело-дележными, как дополнение к ним. И сам факт их существования нагляднейшим образом свидетельствовал, что и после дележа вещи продолжали оставаться собственностью коллектива, что они находились в распоряжении индивида, но не в его собственности. Убедительным доказательством того, что и после появления раздело-дележных отношений коллектив оставался собственником всей пищи, является право индивида присоединиться к трапезе, устраиваемой любыми другими его членами.

Здесь мы имеем дело не с собственно даче-дележом, ибо пища не переходила в распоряжение гостя. Он ее лишь потреблял. Но это и не разбор в точном смысле слова, ибо пища, которую он брал, находилась в распоряжении не коллектива в целом, а тех или иных отдельных его членов. Скорее всего можно было бы говорить о *даче-разборе*.

Всего этого не могли не заметить и те исследователи, которые личное распоряжение продуктами труда характеризуют как личную собственность на них. И в результате мы встречаем у них буквально на одних и тех же страницах утверждения, с одной стороны, о том, что те или иные вещи находились в частной собственности индивидов, а с другой — что ими пользовались все члены коллектива. И выхода из этого противоречия они найти не могут⁶¹.

Возникнув как дополнение к раздело-дележным отношениям, даче-дележные в дальнейшем если не у всех, то у значительного числа групп стали господствующими, оттеснив на задний план первые. Это было прежде всего связано с объективной необходимостью новых стимулов труда. На стадии, когда весь продукт был жизнеобеспечивающим, индивид не мог ограничиться добычей такого количества продукта, которое было достаточно для его прокормления. Ведь все, что он добыл, поступало в общую собственность коллектива и вместе со всей остальной добычей подлежало распределению между всеми членами

⁶¹ M. J. Herscovits. Op. cit., p. 321, 322; A. R. Radcliffe-Brown. Op. cit., p. 43.

коллектива сообразно с их потребностями. В результате, даже добыв много, человек мог получить очень мало, остаться голодным, если потерпели неудачу остальные члены коллектива. В таких условиях человек с неизбежностью должен был стремиться добыть возможно больше продукта. Только таким способом он мог гарантировать себе прожиточный минимум. Все это было достаточным стимулом для развития производства.

С появлением регулярного избыточного продукта существование людей стало значительно более обеспеченным. Каждый человек, взятый в отдельности, мог рассчитывать получить достаточную долю общественного продукта даже в том случае, если он сам не прилагал слишком больших усилий. Однако общество в целом было объективно заинтересовано в том, чтобы каждый его член по-прежнему стремился добыть как можно больше продукта. В противном случае объем произведенного продукта мог бы упасть снова до уровня жизнеобеспечивающего. И эта объективная заинтересованность первобытной коммуны в том, чтобы каждый ее член трудился с максимальной отдачей, нашла свое выражение в почете, которым стали окружаться люди, вносящие *большой, чем остальные, вклад в создание общественного продукта*. Одновременно стало формироваться пренебрежительное отношение к тем членам коллектива, чей вклад в общий котел был несоразмерно мал по сравнению с *их возможностями*.

Искусные и удачливые охотники, конечно, пользовались всеобщим уважением и раньше. Однако если прежде в центре внимания были их личные качества, то теперь прежде всего — размеры их вклада в совокупный общественный продукт. Необходимостью стало более или менее точное определение размеров этого вклада. Когда человек охотился в одиночку, это не составляло труда. Сложнее обстояло дело, когда охота была коллективной. Возникли нормы, определяющие, кого именно из группы охотников, совместно убивших зверя, следует считать главным (а иногда и единственным) добытчиком, кого — следующим по значению и т. д.⁶²

⁶² Сводку материалов см.: J. H. Dowling. Individual ownership and the sharing of game in hunting societies. «American Anthropologist», vol. 70, N 3, 1968.

Некоторые этнографы трактуют все это как способы установления собственника добычи. И в результате им остается только недоумевать, почему добыча, имеющая признанного обществом собственника, в обязательном порядке распределяется между всеми охотниками и в конечном счете между всеми членами коллектива⁶³.

В действительности во всех этих случаях мы, как правило, сталкиваемся вовсе не с подлинным разделом по труду, как нередко считается. Установление количества продукта, добытого охотником, связано вовсе не с потребностью точного определения размеров причитающейся ему доли, а порождено необходимостью общественной оценки и общественного признания его вклада в общий фонд. Общественное признание принимало различные формы. Если добыча была велика, то она торжественно демонстрировалась, причем охотнику воздавались почести.

Нередко торжественно обставлялся сам акт передачи охотником своей добычи коллективу. Продукт затем делился между членами группы⁶⁴.

Именно к этой стадии уходит своими корнями *нимат* — очень своеобразный обычай, который вплоть до наших дней сохранялся у эвенков. Суть нимата заключалась в том, что человек, добывший крупного зверя, не имел права не только присвоить, но даже распределить его. Он обязан был отдать его другому человеку, который и делил добычу между членами группы⁶⁵.

Стремление дать нимат было огромным стимулом для труда. На эту сторону впервые обратил внимание М. К. Расцветаев. «Молодежь, например, ночей не спит, по словам тунгусов, чтобы больше добыть и дать нимат, — пишет он, характеризуя эвенков начала 30-х годов. — Неудачливый молодой охотник доходит до слез, так как безуспешность его стараний ложится на него некоторым позором. Нимат есть гордость охотника. К лицам, мало дающим нимат, общественное мнение относится отрица-

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ G. Landtman. The origin of the inequality of the social classes. London, 1938, p. 40—41.

⁶⁵ М. К. Расцветаев. Тунгусы Мямальского рода. Л., 1933, стр. 32—37, 42—44; Н. П. Никульшин. Первобытные производственные отношения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 34—38.

тельно, и только общее признание их как неудачливых или неумелых охотников освобождает их от общественного порицания. Но такое признание для них равносильно общественной смерти»⁶⁶.

У некоторых народов передача охотником продукта коллективу церемониально не обставлялась, однако она всегда сопровождалась чествованием добытчика⁶⁷.

Возникновение общественного признания вклада охотника в общий фонд способствовало возрастанию роли даче-дележных отношений. Если раньше они были отношениями вторичного распределения, перераспределения, то теперь они все в большей степени становятся отношениями и первичного распределения. Прежде охотничья добыча делилась между всеми мужчинами коллектива, теперь чаще всего только между теми из них, которые принимали участие в данной охоте. И лишь затем уже каждый из участников охоты делился с теми, кто не принимал в ней участия⁶⁸. Раньше человек, в одиночку добывший зверя, передавал его коллективу, который и делил его между своими членами. Теперь все чаще охотник сам раздавал свою добычу членам коллектива⁶⁹. Это уже не просто дача, а раздача.

Конечно, грань между раздело-дележом и даче-дележом является крайне относительной, и нередко трудно установить, имеем ли мы в данном конкретном случае дело с первым или со вторым, однако в целом роль последнего возрастала. Если раньше весь продукт поступал в распоряжение коллектива и только затем в распоряжение отдельных его членов, то теперь он нередко сразу же поступает в распоряжение отдельных членов коллектива, которые затем уже делятся им с остальными его членами. Логическим завершением этого процесса было бы полное вытеснение раздело-дележных отношений даче-дележными. И в некоторых обществах охотников-собираателей это наблюдалось. В качестве примера можно указать на отдельные группы бушменов. У них даже продукт коллективной охоты поступал в распоряжение от-

⁶⁶ М. К. Расцветаев. Указ. соч., стр. 44.

⁶⁷ A. Oldfield. On the aborigines of Australia. «Transaction of the Ethnological Society of London», vol. 3, 1865, p. 271.

⁶⁸ D. Jenness. Op. cit., p. 114; E. M. Weyer. Op. cit., p. 178, 179.

⁶⁹ K. Birket-Smith. The Caribou eskimos, p. 262, 263.

дельного человека, который затем делился им с членами общины⁷⁰.

Даче-дележные отношения можно было бы иначе назвать отношениями взаимной дачи. Каждый взрослый член коллектива давал другим его членам, соответственно и они давали ему. Однако взаимность носит здесь не «линейный», а «круговой» характер. Один индивид дает другому вовсе не потому, что тот раньше ему что-то дал, а потому, что оба они принадлежат к кругу лиц, внутри которого существует общая собственность на данный продукт. Даже в ситуации, когда два человека постоянно дают друг другу, мы имеем дело не с обменом, а с распределением, дележом. Но особенно наглядно характер этих отношений проявляется тогда, когда человек дает одним индивидам, а получает от других. Вполне понятно, что ни о какой эквивалентности дач не может быть и речи⁷¹.

Возникновение раздело-дележных отношений не привело к полному исчезновению разборных. Превращение даче-дележных в господствующие чаще всего тоже не влекло за собой полного исчезновения ни разборных, ни раздело-дележных отношений. Как правило, во всех реальных обществах, находящихся на стадии первобытной коммуны, сосуществуют все три формы коммуналистического распределения, хотя важность их далеко не одинакова.

Коммуналистическое распределение в любой своей форме по самому своему характеру возможно только в пределах сравнительно узкого круга людей. Объективной необходимостью поэтому является четкая формальная фиксация круга лиц, входящих в ячейку коммуналистической собственности. Этот круг не мог быть чрезмерно велик, но не мог быть и чрезмерно мал, и главное — должен был оставаться сравнительно постоянным. В противном случае коммуналистическое распределение стало бы невозможным. Поэтому принадлежность к данному кругу неизбежно должна была носить пожизненный характер.

Необходимостью было поэтому существование особых правил, определяющих, в состав какой именно ячейки

⁷⁰ R. B. Lee. The Kung bushmen of Botswana. «Hunters and gatherers today». N. Y., 1972, p. 348, 349.

⁷¹ J. Henry. The economics of pilaga food distribution. «American Anthropologist», vol. 53, N 2, 1951.

коммуналистической собственности должен войти человек, который только что появился на свет. Войдя в тот или иной круг, человек, как правило, оставался в нем на всю жизнь. До самой смерти обязан был он делиться с его членами своей добычей и соответственно имел право на долю продукта, добытого им.

На ранних стадиях развития первобытного общества круг, в пределах которого осуществлялось коммуналистическое распределение, совпадал с социальным организмом, который был одновременно родом. Коммуналистические отношения были, таким образом, отношениями внутри рода, выступали по форме как отношения родовые. В дальнейшем, когда социальный организм перестал совпадать с родом, круг людей, обязанных делиться друг с другом, стал все в большей степени определяться не столько родовой принадлежностью, сколько родством.

Все это и дало основание для утверждения, что первобытная община покоится на родовых или родственных связях. В действительности роль родственных (родовых) отношений сводится лишь к формальной фиксации круга людей, связанных коммуналистическими отношениями, фиксации, необходимость которой вытекает из сущности данной формы производственных отношений. Родственные связи вообще по своему существу есть отношения не содержательные, а формальные. Они всегда существовали как способ организации содержательных отношений, как рамки, в которых последние проявляются.

Теперь, когда раскрыт реальный смысл, который скрывался за определением первобытной общины как основанной на родовых или родственных связях, можно перейти к выявлению истинной природы и так называемых соседских связей.

Крестьянская община. Первобытная коммуна была одновременно и хозяйственной ячейкой, и хозяйственным организмом. Крестьянская община была только хозяйственным организмом, но не хозяйственной ячейкой. она всегда состояла из большего или меньшего числа хозяйственных ячеек.

Эти ячейки именуются в литературе по-разному. Одни называют их крестьянскими домохозяйствами, другие просто крестьянскими хозяйствами, третьи предпочитают говорить о крестьянских дворах. Но последний термин применяется лишь тогда, когда речь идет о русском кре-

стьянстве. Для обозначения хозяйчеек крестьянства других стран он применяется крайне редко. Мы в дальнейшем изложении для обозначения крестьянских хозяйчеек будем в равной степени применять термины «крестьянский двор» и «дворохозяйство».

Нельзя до конца понять природу дворохозяйства, не зная природы крестьянской общины, так же как нельзя разобраться в характере крестьянской общины, не зная особенностей дворохозяйства. Но с чего-то нужно начать. И мы начнем с крестьянского двора.

Дворохозяйство прежде всего было ячейкой собственности. Но сказать это недостаточно. Необходимо определить природу данной собственности. Проще всего было бы охарактеризовать эту форму собственности как частную. Однако нельзя не принять во внимание, что сам термин «частная собственность» употребляется в литературе в нескольких смыслах. В самом узком смысле под частной собственностью понимают собственность на средства производства, являющуюся основой эксплуатации человека человеком. Именно в этом смысле говорят о рабовладельческой, феодальной и буржуазной частной собственности. В более широком смысле частная собственность рассматривается как антитеза собственности общей, коллективной, общественной.

Но нельзя не отметить, что далеко не одинаковый смысл вкладывается разными авторами и в термин «общественная собственность». И особенно многозначными являются понятия коллективной и общей собственности. Все это делает необходимым точное определение терминов, которыми мы будем пользоваться.

Об *общественной* собственности мы будем говорить лишь в том случае, когда, во-первых, собственниками являются все члены социального организма, вместе взятые, во-вторых, ячейка собственности совпадает с социальным организмом. Общественная собственность есть собственность социального организма.

Социальный организм всегда является простой или сложной единицей функционирования производительных сил. Поэтому общественная собственность всегда является и собственностью на средства производства.

В том случае когда, во-первых, собственником является один человек или группа людей, составляющие лишь

часть членов социального организма, во-вторых, ячейка собственности не совпадает с последним, а входит в его состав в качестве одного из элементов, в-третьих, данная ячейка собственности является единицей функционирования производительных сил, т. е. хозяйственной ячейкой, мы будем говорить об *обособленной* собственности. Если ячейка собственности характеризуется только первыми двумя признаками и соответственно представляет собой лишь ячейку потребления, но не производства, то лучше говорить об *отдельной* собственности. Отдельную собственность принято именовать личной собственностью. Но неудобство последнего термина в том, что он предполагает, что собственником является лишь одно лицо, в то время как им может быть группа лиц, например семья. Подобно отдельной, и обособленная собственность может быть как персональной (т. е. собственностью одного лица), так и групповой. Обособленная собственность становится частной, когда на ней основывается эксплуатация человека человеком.

Крестьянское дворохозяство всегда является единицей обособленной собственности. Обособленность собственности крестьянского двора отчетливо проявляется в том, что его члены в принципе не были обязаны делиться произведенным продуктом даже с самыми близкими родственниками, если только последние принадлежали к другому дворохозяству. «Семья, — писал, например, П. А. Матвеев, имея в виду русскую крестьянскую семью, составлявшую двор, — есть отдельная имущественная корпорация или община, на имущественное достоинство которой никто из чужой семьи, какой бы он ни был близкий родственник, рассчитывать не может»⁷². «Люди, состоящие в браке, — говорит Дж. Фостер о мексиканских крестьянах, в среде которых двор обычно состоит из членов одной малой семьи, — имеют первичные экономические обязанности по отношению к супруге и детям... Кроме обязательств по отношению к престарелым родителям, брачные пары испытывают мало экономической ответственности перед родственниками, находящимися за пре-

⁷² П. А. Матвеев. Очерки народного юридического быта Самарской губернии. «Сборник народных юридических обычаев», т. I. СПб., 1878, стр. 31.

делами малой семьи, какими бы близкими они ни были»⁷³. Дж. Фостер характеризует крестьянский двор как «социальный изолят»⁷⁴. Таковы же были отношения между крестьянскими дворами в Китае⁷⁵.

Когда крестьянский двор делился, то между новыми, возникшими дворохозяйствами, состоящими из самых близких родственников, которые только еще составляли одно хозяйство, устанавливались те же самые отношения, что и между совершенно чужими друг другу дворами. «Выделившиеся домохозяйства двух или более братьев, — сообщает М. Фридман о китайских крестьянах, — переставали в правовом отношении быть частями одной экономической ячейки. Члены одного домохозяйства не имели автоматических притязаний на труд и продукт членов другого. Финансовые отношения между ними могли законно регулироваться теми же договорными принципами, что управляют сходными сделками между чужими друг другу людьми»⁷⁶. Буквально то же самое писали исследователи о русских крестьянах XIX в.⁷⁷

Будучи единицей обособленной собственности, крестьянский двор был обособленной хозяйственной ячейкой. Но он был ячейкой не только производства, как, например, капиталистическое предприятие, но и потребления.

Бросающейся в глаза особенностью большинства крестьянских дворов является их семейный характер. Дворохозяйство образуют обычно одна семья или несколько родственных семей. С этим связана характеристика крестьянского хозяйства как семейного хозяйства, которую мы находим во всех работах, посвященных крестьянству, начиная с ранних и кончая самыми последними.

Однако даже в том случае, когда, с одной стороны, крестьянский двор состоит из членов одной элементарной семьи, а с другой — все члены малой семьи входят в сос-

⁷³ G. M. Foster. The dyadic contract: a model for the social structure of a Mexican peasant village. «American Anthropologist», vol. 63, N 6, 1961, p. 1180.

⁷⁴ Ibidem.

⁷⁵ M. Freedman. Op. cit., p. 18.

⁷⁶ Ibid., p. 23.

⁷⁷ В. П. Тихонов. О семейных дележах по смерти отца в Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 3. М., 1891, стр. 70.

тав одного двора, дворохозяйство и семья не представляют собой абсолютного тождества. Это два тесно связанных, но не тождественных явления, из которых нас интересует дворохозяйство.

В зависимости от состава дворохозяйства можно выделить несколько его типов. Мы ограничимся только основными.

Простейшим типом является дворохозяйство, состоящее в основном из членов одной элементарной семьи. Это *односемейное* дворохозяйство. Более сложным является дворохозяйство, которое образует несколько элементарных семей, объединенных общностью мужа. Это *полигамное* дворохозяйство.

Очень часто встречающимся типом является дворохозяйство, включающее в свой состав несколько самостоятельных (в брачном отношении) элементарных семей. Это — *многосемейное* дворохозяйство⁷⁸. Одна из его разновидностей состоит из элементарных семей, образовавшихся в результате вступления в брак мужчин, родившихся в исходной малой семье, и самой этой исходной семьи. Такое объединение семей носит обычно название «большой» или «расширенной» семьи.

Но если существование элементарной семьи имеет под собой не только экономическое, но и иные основания, из которых в первую очередь должна быть названа общественная потребность в организации отношений между полами, то большая семья обязана своим существованием почти исключительно экономической выгоде бытия хозяйственной ячейки, размерами превышающей малую семью. Большая семья не является семьей в точном смысле слова. Она обязана своим существованием почти исключительно лишь дворохозяйству. Именно в силу этого в этнографической литературе термин «большая семья» применяется для обозначения не только и, может быть, даже не столько собственно объединения элементарных семей, сколько дворохозяйства, состоящего из них.

Однако, возникнув, большая семья приобретает относительную самостоятельность по отношению к дворохозяйству. В частности, это проявляется в известной зави-

⁷⁸ Термины «односемейный двор», «многосемейный двор» не являются новыми. Они и раньше использовались в литературе (М. Кубанин. Классовая сущность процесса дробления крестьянских хозяйств. М., 1929, стр. 54, 57).

симости судьбы каждого конкретного такого дворохозяиства от изменения внутренней структуры большой семьи. Очень часто со смертью главы исходной элементарной семьи такого рода многосемейное хозяйство распадалось на несколько односемейных. В таком случае существование многосемейного дворохозяиства было одной из фаз цикла развития, другой фазой которого были односемейные дворы⁷⁹. Поэтому его можно было бы назвать *временным многосемейным дворохозяиством*.

Многосемейные дворохозяиства, которым такой распад не угрожал, можно было бы назвать *постоянными многосемейными дворами*. Одни из них по своей структуре не отличались от временных многосемейных дворохозяиств. И в литературе они также называются большими семьями. Смерть главы исходной семьи с неизбежностью меняет структуру этого объединения. Исчезает вершина семейной пирамиды — исходная брачная пара. Дальнейшее развитие может привести к исчезновению всех вообще людей, входивших в состав исходной семьи, что еще больше усложняет структуру. Такого рода дворохозяиство, обычно включавшее несколько десятков людей, если не больше, тоже нередко именуется большой семьей. Однако для его обозначения часто применяется термин «семейная община», причем тем чаще, чем более крупным является двор.

Очень редко, но встречаются и такие крестьянские дворы, которые вообще не состоят из семей. Они существовали, например, у найров Малабарского берега (Южная Индия) в XVIII и даже XIX вв. В их состав входили братья, сестры, дети сестер, дети дочерей сестер, а иногда и дети внучек сестер⁸⁰. Как уже отмечалось выше, такого рода родственную группу мы предложили именовать родьей. Соответственно хозяйственную ячейку данного типа можно было бы назвать родейным дворохозяиством. Супруги у найров всегда принадлежали к разным дворохозяиствам, т. е. разным единицам обособленной собственности. Соответственно они не имели никаких эконо-

⁷⁹ См. подробнее об этом: «The developmental cycle in domestic groups». Cambridge, 1958.

⁸⁰ E. K. Gough. The Nayars and the definition of marriage. «The Journal of Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. 89, pt. 1, 1959, p. 23—32.

мических прав и обязанностей по отношению друг к другу⁸¹.

Крестьянские дворы существенно отличались друг от друга по составу и численности. Но при всех различиях они были единицами обособленной собственности. Чаще всего эта собственность была не персональной, а групповой. В родейном дворохозяйстве собственниками были все взрослые члены родьи, в односемейных и многосемейных — все взрослые члены малой или большой семьи, исключая женщин. Каждое дворохозяйство имело главу, который был распорядителем собственности крестьянского двора. Одна из тенденций развития состояла в превращении главы двора в единственного собственника. В определенных условиях эта тенденция могла реализоваться, и в результате крестьянский двор превращался в единицу персональной обособленной собственности. В односемейном дворе, где единственный взрослый мужчина был его главой, обособленная собственность внешне нередко выступала как персональная.

Групповой характер собственности крестьянского двора особенно наглядно выступал в дворохозяйствах, включавших значительное число взрослых мужчин. Все созданное трудом членов дворохозяйства становилось их совместной собственностью и поступало в распоряжение главы двора. Остальные члены двора не получали ничего ни в свою собственность, ни в свое распоряжение. Они могли только пользоваться вещами, находившимися в общей собственности, причем под контролем главы двора. Определенное исключение допускалось лишь в отношении женщин, прежде всего тех, что пришли в хозяйство извне в качестве жен. Все члены даже очень крупного дворохозяйства, включавшего десятки людей, питались совместно, за одним столом⁸². Иначе говоря, отношения распределения внутри большого крестьянского двора были очень близки к разборным, с тем только от-

⁸¹ Ibidem.

⁸² Сводку материалов и литературы см.: *М. О. Косвен*. Указ. соч., стр. 5—94; см. также: *Д. Я. Самоквасов*. Семейная община в Курском уезде. «Сборник народных юридических обычаев», т. I, стр. 13, 34, 35; *И. Красноперов*. Антошкина община. «Отечественные записки», 1882, № 6, стр. 222—225; *С. Пономарев*. Семейная община на Урале. «Северный вестник», 1887, № 1, стр. 11, 20—22; *M. Freedman*. Op. cit., p. 36.

личием, что в нем всегда существовал распорядитель общей собственности.

Если теперь принять во внимание, что многосемейные дворы могли по численному составу превосходить первобытную коммуу, то станет ясным, почему многие этнографы рассматривали семейную общину как форму, унаследованную от первобытнообщинного строя, как остаток первобытного коммунизма. И даже те из них, которые не шли столь далеко, рисуя первобытную коммуу, чаще всего брали за основу «семейную общину». Материалы, полученные в результате исследования процесса разложения «семейной общины» в условиях втягивания крестьянства в капиталистический рынок, широко использовались для воссоздания картины перехода от первобытного общества к классовому.

Многие авторы если не отождествляли, то во всяком случае сближали «семейную общину» и первобытную коммуу как общественные образования, основанные на коллективной, общей, совместной собственности, и противопоставляли их формам, базирующимся на частной собственности⁸³. Однако как данное сближение, так и противопоставление не выдерживают критики.

При всем внешнем сходстве между первобытной коммуной и «семейной общиной» существует коренное, принципиальное различие: первая является самостоятельным социальным организмом, самостоятельным обществом, а вторая — всего лишь хозяйственной ячейкой, являющейся частью хозяйственного организма, в свою очередь входящего в большой социальный организм. Коллективная собственность в первобытной коммуе есть общественная собственность в точном смысле слова. Отношения коллективной собственности в первобытной коммуе есть социально-экономические отношения, т. е. такие экономические отношения, которые образуют базис социального организма, основу общества.

Совершенно иное дело — отношения коллективной собственности в «семейной общине». Это отношения не в социальном организме в целом, а лишь внутри небольшой его ячейки. Они не образуют базиса социального организма, фундамента общества. Коллективной эта собственность является по отношению лишь к «семейной

⁸³ М. О. Косвен. Указ. соч.

общине», но не к социальному организму. Поэтому она ни в коей мере не является общественной собственностью. По отношению к социальному организму собственность «семейной общины» является собственностью не коллективной, не общей, а обособленной и в этом смысле частной. И обособленной она является ничуть не в меньшей мере, чем собственность одного лица.

«Семейная община», как и любое крестьянское дворовое хозяйство, не представляет собой пережитка первобытно-общинного строя. Крестьянский двор вообще, «семейная община» в частности, возникли только в процессе перехода к классовому обществу и представляют собой явления, характерные только для него. Специфичными для крестьянского, а не первобытного общества являются и теснейшим образом связанные с «семейными общинами» «патронимии»⁸⁴.

Как видно из всего сказанного выше, говоря о крестьянстве, мы прежде всего имеем в виду такое, которое либо совсем не связано с рынком, либо связано с ним сравнительно слабо. Его принято именовать традиционным или патриархальным крестьянством. Последним термином часто пользовался В. И. Ленин⁸⁵.

Огромные изменения претерпевает крестьянство, когда оно втягивается в капиталистический рынок. Когда крестьянские хозяйства окончательно становятся, наряду с капиталистическими предприятиями, элементами капиталистического хозяйственного организма, они перестают быть крестьянскими. Крестьянское хозяйство превращается в мелкобуржуазное, а крестьянин становится мелким буржуа⁸⁶. Мелкобуржуазный уклад представляет собой очень своеобразное явление. Он не имеет собственного хозяйственного организма. Специфические для него хозяйственные ячейки погружены в капиталистический хозяйственный организм. В силу этого данный общественно-экономический уклад никогда не может стать господствующим, никогда не может определять тип социального организма. Он может существовать только в симбиозе с капиталистическим укладом, только в недрах последнего как своеобразное дополнение к нему.

⁸⁴ См. о них: М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 92 сл.

⁸⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 165 и др.

⁸⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 220 и др.

Превращение крестьянского двора в мелкобуржуазную хозяйственную ячейку сказывается на всей его структуре. В частности, мелкобуржуазное хозяйство всегда является единицей персональной, а не групповой обособленной собственности. С превращением крестьянина в мелкого буржуа главным стимулом для хозяйствования становится не непосредственное обеспечение потребностей семьи, а извлечение максимального денежного дохода.

Мелких самостоятельных земледельцев, окончательно ставших мелкими буржуа, в зарубежной литературе принято именовать фермерами. Этим термином будем пользоваться и мы.

Крестьян докапиталистического общества отличает от фермеров принадлежность к иному укладу, который В. И. Ленин именовал патриархальным⁸⁷. Мы будем называть его патриархально-крестьянским или крестьянско-общинным. Втягивание крестьян в капиталистический рынок было процессом превращения крестьянско-общинного уклада в мелкобуржуазный. Этот процесс шел медленно и постепенно. Поэтому между патриархально-крестьянским и мелкобуржуазным укладом, а соответственно и между крестьянином и фермером существуют все стадии перехода. Можно, вероятно, говорить о существовании переходного крестьянско-фермерского уклада. В одной из работ В. И. Ленин охарактеризовал такой переходный уклад как мелкокрестьянский. «Что в мелкокрестьянской стране, — писал он, — преобладает «уклад» мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно»⁸⁸.

Если фермер работал на капиталистический рынок, то крестьянин производил прежде всего для удовлетворения потребностей членов своего двора, своей семьи. Крестьянское хозяйство в основе своей было натуральным. На рынок, если он существовал, поступали только излишки. И вполне понятно, никакого товарообмена не могло существовать между самими крестьянскими дворами. Все это с неизбежностью создавало иллюзию отсутствия каких-либо экономических связей между

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 296; т. 43, стр. 158 и др.

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 221.

крестьянскими дворохозяйствами. И в результате многие исследователи, пытавшиеся взглянуть на крестьянское хозяйство как на особый экономический тип, пришли к выводу, что все экономические связи, специфичные для него, полностью исчерпываются отношениями внутри крестьянского двора. Крестьянская экономика свелась для них исключительно лишь к экономике крестьянского дворохозяйства, и тем самым социально-экономический подход был подменен организационно-хозяйственным.

Наиболее ярко это проявилось в работах последователь «организационно-производственного направления» в русской экономической мысли, виднейшими представителями которого были А. В. Чаянов, Н. П. Макаров и А. Н. Челинцев⁸⁹. По их мнению, крестьянское хозяйство, которое они рассматривали как простую совокупность крестьянских дворов, может сочетаться с любой системой народного хозяйства — феодализмом, капитализмом или какой-либо другой, не меняя своей природы. В любой системе экономические отношения внутри крестьянского двора сохраняют неизменной свою сущность. Он всегда остается трудовым семейным хозяйством, целью которого является обеспечение существования своих членов⁹⁰. Исходя из этого, сторонники «организационно-производственного» направления всячески затушевывали мелкобуржуазный характер хозяйства большинства русских крестьян начала XX в.

В действительности ни одну хозяйственную ячейку (исключая совпадающую с хозорганизмом) нельзя понять, не рассматривая хозяйственный организм, элементом которого она является. Становясь элементом капиталистического хозяйственного организма, крестьянское хозяйство перестает быть крестьянским в точном смысле слова. Оно становится мелкобуржуазным, фермерским. Крестьянский двор превращается в ферму.

Крестьянское дворохозяйство остается крестьянским в точном смысле слова, пока оно является элементом особого крестьянского хозяйственного организма и не

⁸⁹ А. Н. Челинцев. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Н. П. Макаров. Крестьянское хозяйство и его эволюция, т. I. М., 1920; А. Чаянов. Организация крестьянского хозяйства. М., 1925, и др.

⁹⁰ А. Чаянов. Указ. соч., стр. 11 сл.

втянуто в капиталистический рынок. Крестьянский уклад в отличие от мелкобуржуазного имеет не только свою, специфичную для него, хозяйственную ячейку, но и свой специфический хозяйственный организм. Этим организмом является крестьянская община.

Крестьянская община есть система дворохозяйств. И важнейшей задачей является выяснение природы отношений, связывающих крестьянские дворы в единое экономическое целое, природы экономических связей между ними. Проще всего, конечно, сказать, что крестьянские дворы связывает в единое целое общинная собственность на землю. Но, как известно, в поздних формах общины эта собственность не распространялась на пахотную землю. Она ограничивалась лишь угодьями. Но община тем не менее сохранялась как единое экономическое целое. Это говорит о наличии и иных, кроме общинной собственности на землю, экономических связей между дворами, составляющими общину.

Крестьянский двор, как уже указывалось, является единицей обособленной собственности. Это означает, что он должен полностью себя обеспечить. Никто из его членов не имеет права ни на труд, ни на продукт труда членов других дворов. А между тем нужда в труде и продуктах труда членов других дворов с неизбежностью то и дело возникала, причем тем чаще, чем меньшими были размеры двора.

Причин было много. Сельскохозяйственное производство в тех формах, в которых оно существовало у крестьян, всегда было подвержено власти случайностей. Влияли чисто природные факторы: расположение обрабатываемых участков, качество земли, погода, вредители.

Как уже отмечалось, крестьянский двор образовывали элементарные семьи, группы семей, роды. Во всех этих случаях люди становились членами двора в силу рождения.

В результате как численность, так и возрастной и половой состав каждого конкретного двора также во многом зависели от случайностей, причем роль их была тем больше, чем меньшим по размеру был двор.

Как на важную характеристику крестьянского двора исследователи указывали на отношение числа работников к числу иждивенцев или на отношение числа едоков

к числу работников⁹¹. Более или менее стабильными эти отношения могли быть только в очень крупных дворах. В остальных они были подвержены постоянному изменению, что не могло не сказываться на производственной деятельности этих ячеек. Двор с малым числом работников и большим числом иждивенцев, болезнь, а тем более смерть одного из работников, особенно главы двора, могла поставить на грань катастрофы. Без помощи со стороны двор вообще не мог обойтись.

Это, конечно, чрезвычайная ситуация. Но во всяком случае объем продукта, который производил двор, всегда зависел от случайного стечения различного рода обстоятельств. Эти обстоятельства благоприятствовали одним дворам, не благоприятствовали другим, причем не все время одним и тем же. Полосы удачи могли сменяться полосами неудачи. Если теперь учесть, что и потребности разных дворов были неодинаковыми, то легко можно понять, что одни дворы могли иметь продукции больше, чем ее нужно было для обеспечения потребностей, другие — меньше, чем это необходимо для обеспечения существования.

Нельзя при этом также забывать, что для сельскохозяйственного производства в большинстве случаев характерна та или иная форма сезонности. В результате в определенные периоды времени крестьянскому двору требовалось больше рабочих рук, чем он располагал. Единственным выходом из положения было обращение к другим дворам. Не следует сбрасывать со счетов экстраординарные события, например, строительство дома. В этих случаях привлечение дополнительной рабочей силы являлось насущной необходимостью.

Таким образом, каждый крестьянский двор время от времени нуждался в помощи со стороны других крестьянских дворов. И он ее получал.

Нет, пожалуй, ни одного исследователя крестьянской жизни и хозяйства, который не упоминал бы о соседской взаимной помощи среди крестьян. Однако в большинстве случаев мы не находим в их работах не только анализа, но даже сколько-нибудь обстоятельного описания этих

⁹¹ В. В. Тарковский. О делимости семейств в Малороссии. «Журнал Министерства внутренних дел», 1854, часть пятая, отделение III, стр. 73—75; А. Чайнов. Указ. соч., стр. 23—26 сл.

отношений. Огромное количество работ существует, например, о русской крестьянской общине⁹². Однако авторы их, как правило, концентрировали свое внимание на земельных отношениях, рассматривая остальные лишь попутно. Мало внимания уделяли соседской взаимопомощи и зарубежные исследователи.

Объектом специального исследования эти отношения стали лишь сравнительно недавно. Среди сравнительно небольшого числа работ, посвященных им, особого внимания заслуживает статья Дж. Беннетта «Взаимный экономический обмен среди североамериканских земледельцев»⁹³. Особо следует отметить, что Дж. Беннетт проводил свои исследования в одном из округов канадской провинции Саскатчеван, где традиционного крестьянства вообще никогда не существовало. Как сам он подчеркивает, мелкие земледельцы, с которыми он имел дело, были не крестьянами, а фермерами. Они были втянуты в «национальную рыночную экономику»⁹⁴. Не существовало у них и общин в том смысле, в котором это слово употребляется в нашей литературе.

И тем не менее между этими втянутыми в капиталистический рынок мелкими самостоятельными землевладельцами существовала сложная система экономических отношений, которые ни в коем случае не могут быть охарактеризованы ни как буржуазные, ни как мелкобуржуазные, которые вообще не являются рыночными, товарными. В упомянутой статье мы находим не только их описание, но в определенной степени также и анализ.

В отличие от многих других авторов, Дж. Беннетт рассматривает эти отношения не просто как социальные, но и как экономические, как «законную фазу местной экономики»⁹⁵, что позволяет ему добиться значительно больших результатов.

Ему в достаточной степени ясны причины существования этих отношений. «Если исключить крупные капиталистические фермы, которые являются самодовлею-

⁹² Обзор литературы см.: Е. И. Якушкин. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, вып. 1. Ярославль, 1875; вып. 2. Ярославль, 1896; вып. 3. М., 1908; вып. 4. М., 1909.

⁹³ J. W. Bennett. Reciprocal economic exchange among North American agricultural operators. «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 24, N 3, 1968.

⁹⁴ Ibid., p. 277, 305.

⁹⁵ Ibid., p. 279.

щими индустриальными предприятиями, земледельческие хозяйства всегда испытывают хроническую нужду в дешевых источниках экономической помощи. Их сравнительно небольшие размеры порождают большой риск, поэтому у них всегда возникает тенденция искать средства, которые увеличили бы масштаб их операций и тем самым уменьшили бы риск»⁹⁶. В определенных конкретных условиях это с неизбежностью порождает отношения взаимной помощи. Такие условия существовали, в частности, в западной части Саскатчевана.

Самым элементарным звеном в системе взаимной помощи было отношение между двумя лицами, которое Дж. Беннетт именуется «парным обменным партнерством». Фермер А, испытывая нужду в какой-либо сельскохозяйственной машине, различного рода вещах (пища, корм для скота, лекарства и т. п.) или дополнительной рабочей силе, обращался к одному из соседей — фермеру Б. Последний, если имел возможность, выполнял просьбу: давал в пользование свою машину, предоставлял нужные материалы, работал в хозяйстве А пужное время.

Никакого формального договора при этом не заключалось. Дающий помощь даже устно не ставил никаких условий перед получателем. Не оговаривался срок возврата. И даже более того — возврата вообще не требовалось. Ни труд, ни вещи не считались данными займы. Получение накладывало на А лишь одно обязательство — отозваться на призыв Б, когда последний в свою очередь будет испытывать нужду в чем-либо. И вполне понятно, что характер и объем того, что должен был дать А в данном случае, определялись не столько характером и размерами помощи, которую он ранее получил от Б, сколько нуждами последнего. Поэтому он мог дать и меньше, и больше, чем он получил сам от Б. В первом случае его обязанность помогать Б сохранялась, во втором — аналогичное обязательство по отношению к нему возникало у Б. Но в любом случае отношения между А и Б на этом не прекращались. Обмен помощью между ними продолжался. Он носил не разовый, а длящийся характер. Именно поэтому Дж. Беннетт и говорит о партнерстве.

Важная особенность описываемых отношений заключается в том, что обе стороны находились в равных отно-

⁹⁶ Ibidem.

шениях друг к другу. Ни одна из сторон не отдавала, не отплачивала, не возвращала. Каждая давала, и только давала, причем одно и то же, а именно помощь. Ни одна из них не требовала возмещения, возврата данного. Каждая из них обращалась к другой за одним и тем же, а именно за помощью. Б обращался к А вовсе не потому, что желал вернуть то, что ранее дал ему, а потому что он, как ранее А, испытывал нужду в чем-то, нуждался в помощи. То обстоятельство, что он ранее уже помог А, играло лишь одну роль — гарантировало ему, что его просьба не будет отвергнута.

Это, конечно, в определенной степени ставило стороны в неравное положение: одна имела право на помощь, а другая — была обязана помогать. Но так как отношения носили длящийся характер, то каждая сторона попеременно оказывалась то в одном положении, то в другом. В результате отношения, будучи асимметричными в каждый данный момент, в целом имели симметричный характер.

Каждой из сторон было выгодно быть в положении уже давшей помощь, но еще не получившей ее. Это гарантировало ей получение помощи в случае нужды. С этим связано отрицательное отношение к возврату в точном смысле этого слова, открытому простому возмещению, ибо это лишало права на помощь. Человека, который стремился по возможности быстрее вернуть, осуждали, ибо видели в этом желание разорвать отношения⁹⁷.

То обстоятельство, что данная связь была отношением не дачи и отдачи, а взаимной дачи помощи, исключало возможность открытого, прямого расчета. «Считалось постыдным или просто грубым, — пишет Дж. Беннетт, — говоря об обмене, исчислять его в деньгах или даже вообще выражать его в понятиях рассчитанной взаимности»⁹⁸. Но если возможность прямого расчета была исключена, то скрытый учет данного в помощь и полученного в помощь велся обычно каждой из сторон. Он мог иметь как приблизительный, так и более точный характер. Могли вестись и велись записи. Но «такие записи всегда держались в тайне и никогда не были делом открытого обсуждения»⁹⁹.

⁹⁷ Ibid., p. 292, 293.

⁹⁸ Ibid., p. 291.

⁹⁹ Ibid., p. 286.

Учет того, что было дано партнеру, и того, что от него было получено, велся с целью не допустить чрезмерной диспропорции между тем и другим. При обращении за помощью к партнеру человек исходил не только из собственных своих нужд. Он принимал также во внимание и существующие отношения между данным и полученным. Учитывал это отношение и тот, к кому он обращался за помощью.

В целом идеалом была эквивалентность между данным и полученным. Однако каждый из партнеров всегда стремился к тому, чтобы данная им помощь несколько превышала полученную им, ибо это гарантировало получение помощи в случае новой нужды¹⁰⁰.

Важно подчеркнуть, что описываемые Дж. Беннеттом фермеры не понимали под эквивалентностью абсолютное равенство данного и полученного. Так, например, труд одного партнера признавался равным труду другого, если разница в количестве затраченного времени не превышала 50%. Использование инвентаря стоимостью 350 долларов приравнивалась к использованию машины стоимостью 1500 долларов и т. п.¹⁰¹

Однако даже приблизительно эквивалентный обмен был постоянно возможен только между людьми, хозяйства которых были примерно равного масштаба. В противном случае неизбежно было нарастание диспропорции между данным и полученным, и обмен помощью между данными лицами либо совсем прекращался, либо перерождался в отношения покровительства, патернализма, патроната. Человек менее состоятельный превращался в клиента более состоятельного¹⁰². Подлинный обмен помощью возможен только между равными. Об этом в достаточной степени красноречиво говорят все приведенные Дж. Беннеттом материалы¹⁰³.

От картины, нарисованной Дж. Беннеттом, мало чем отличается та, которую мы находим, например, в одной из статей Дж. Фостера, посвященной отношениям в мексиканской деревне Цицунцан. Объектом исследования были здесь не фермеры, а крестьяне, хотя уже и начавшие становиться фермерами. Однако связь с капи-

¹⁰⁰ Ibid., p. 292, 293.

¹⁰¹ Ibid., p. 292, 300.

¹⁰² Ibid., p. 289, 290, 296.

¹⁰³ Ibidem.

талистическим рынком еще не привела к перестройке всей структуры описываемой Дж. Фостером деревни. Она, как и прочие деревни Мексики, была общиной в полном смысле этого слова.

Особое внимание Дж. Фостер уделяет отношениям, которые он именует «парным контрактом». Среди них он выделяет две основные формы. Первая — связь между двумя людьми, находящимися в равном социально-экономическом положении. Вторая — связь между людьми неравными по своему социально-экономическому положению. Последняя есть отношение патрона и клиента¹⁰⁴. Что же касается первой формы «парного контракта», то перед нами не что иное, как то самое отношение, которое было описано Дж. Беннеттом под названием «парного обменного партнерства». Характеристики совпадают до деталей.

Отношение это прежде всего заключается в постоянном обмене вещами и услугами между двумя лицами. Оно носит длящийся характер. Так как партнеры занимают одинаковое социально-экономическое положение, то они, если рассматривать их отношения в течение длительного периода, обмениваются одними и теми же вещами и одними и теми же услугами¹⁰⁵. Никакого формального открытого расчета не существует, но каждый из партнеров учитывает в уме данное им и полученное, чтобы не допустить слишком большой диспропорции между ними. Идеалом является эквивалентность, которая реализуется лишь в общем и целом и только на протяжении длительного времени.

«Очень важное функциональное требование системы, — писал Дж. Фостер, — заключается в том, чтобы точный и явный баланс между двумя партнерами никогда не был подведен. Это поставило бы под угрозу все отношения, ибо если бы все кредиты и дебиты каким-то образом смогли бы быть сбалансированы в одно время, то контракт перестал бы существовать. По меньшей мере новый контракт должен быть установлен, и это привело бы к неопределенности и возможной неприятности, если один партнер обнаруживает нежелание его продолжать. Парный контракт эффективен именно потому, что парт-

¹⁰⁴ G. M. Foster. The dyadic contract..., p. 1174.

¹⁰⁵ Ibid., p. 1174, 1176, 1184.

неры никогда точно не уверены в их сравнительном положении в каждый данный момент. Пока они знают, что их вещи и услуги плывут навстречу друг другу в равных в сущности количествах по мере течения времени, они знают также, что их отношения имеют под собой прочную базу»¹⁰⁶.

Дж. Фостер, не ограничиваясь описанием «парного контракта», вскрывает причины его возникновения и существования. «Они, — пишет американский этнограф о жителях Ципцунцапа, — все время, от рождения до смерти, стоят лицом к лицу с враждебным и опасным миром, в котором всевозможные блага палятся всегда в небольшом количестве и в котором существование всегда находится под угрозой голода, болезней, смерти...»¹⁰⁷ Человек все время должен бороться за свое существование, постоянно должен защищать себя. «Защищать себя, — пишет Дж. Фостер, — в узком экономическом смысле — означает быть способным сводить концы с концами, обеспечивать кровом, одеждой и пищей жену и детей»¹⁰⁸.

И самым важным способом «защиты» является завязывание и сохранение «парных контрактов». Только это может обеспечить существование человека и его семьи, т. е. функционирование его хозяйственной ячейки¹⁰⁹.

Любой человек находился в таких отношениях не с одним лицом, а с несколькими. Каждый из его партнеров в свою очередь состоял в нескольких «парных контрактах», причем лица, с которыми он был связан, вовсе не обязательно совпадали с теми, с кем было связано первое лицо. Каждый человек, таким образом, был точкой, от которой отходило несколько линий взаимопомощи, причем конец каждой такой линии в свою очередь был точкой, а от нее также отходило несколько линий взаимопомощи. Результатом было существование необычайно сложной сети отношений взаимной помощи, в которую были вовлечены если не все жители деревни, то по крайней мере главы всех дворохозяйств.

¹⁰⁶ Ibid., p. 1185.

¹⁰⁷ G. M. Foster. The dyadic contract; a model for the social structure of a mexican peasant village. «Peasant society», p. 213.

¹⁰⁸ Ibid., p. 214.

¹⁰⁹ Ibidem.

Как подчеркивал Дж. Фостер, «парный контракт» был формой социальных связей, доминировавшей над всеми остальными типами общественных отношений¹¹⁰. Именно система этих отношений связывала все дворы деревни в единое экономическое целое. Она прежде всего и образовывала костяк хозяйственного организма, элементами которого были крестьянские дворы.

Таким образом, крестьянская община как хозяйственный организм прежде всего была образована системой отношений взаимной помощи. Конечно, отношения взаимопомощи могли существовать и между жителями разных деревень, членами различных общин. Однако, как указывал Дж. Фостер, экономическая «безопасность» человека прежде всего обеспечивалась «парными контрактами» внутри деревни. «Парные контракты» между жителями разных деревень имели второстепенное значение¹¹¹. Наличие внедеревенских связей взаимопомощи так же не подрывало единства общины как хозяйственного организма, как существование внешней торговли не подрывает целостности национального рынка, связывающего воедино как капиталистические предприятия, так и хозяйства мелких буржуа.

Термин «взаимная помощь» имеет более широкий смысл, чем тот, какой мы выше в него вкладывали. Он применяется для обозначения и таких связей, которые никакого отношения к экономике не имеют, являются неэкономическими. И это вполне оправданно, ибо взаимная помощь может иметь место во всех сферах человеческой деятельности. Но даже когда термин «взаимная помощь» применяется для характеристики экономических отношений, он нередко имеет значение, отличное от того, в котором он нами выше употреблялся.

В частности, этот термин нередко используется для характеристики производственных отношений первобытного общества. Однако если понимать под взаимной помощью особого рода обмен вещами и деятельностью, то ее в первобытной коммуне заведомо быть не могло. Такого рода экономическое отношение возможно только между ячейками обособленной собственности, а таковых в первобытной коммуне не было. Все члены первобытной

¹¹⁰ Ibid., p. 215.

¹¹¹ G. M. Foster. The dyadic contract... «American Anthropologist», vol. 63, N 6, 1961, p. 1178.

коммуны, вместе взятые были полными собственниками всех средств производства и продукта. Поэтому между ними могли быть только отношения распределения, но не обмена. Они не обменивались даже вещами, не говоря уже о труде. Труд в первобытной коммуне носил непосредственно общественный характер. Поэтому говорить о взаимной помощи здесь можно только в чисто техническом, но никак не в экономическом смысле. Что же касается вещей, то внутри первобытной коммуны их делили, ими делились друг с другом, но никогда не обменивали. Обмен мог происходить только с людьми, принадлежавшими к другому коллективу.

От обмена помощью качественно отличался даже внешне очень сходный с ним даче-дележ.

Даче-дележ происходил в пределах одной ячейки собственности, взаимопомощь осуществлялась между разными ячейками собственности. Поэтому делиться можно было только вещами, а обмениваться можно было и трудом.

При даче-дележе вещи переходили только из распоряжения в распоряжение, при обмене помощью — из собственности в собственность.

Даче-дележные отношения существовали между людьми не как конкретными определенными лицами, а как между членами одной ячейки общей собственности. Поэтому они не возникали и не исчезали. Они существовали как проявление общей собственности до тех пор, пока сохранялась ячейка этой собственности. Взаимная помощь была отношением между конкретными, определенными лицами. Поэтому каждое такое конкретное отношение должно было быть установлено, и, вполне понятно, оно в дальнейшем могло исчезнуть, заменяясь иным конкретным отношением.

Даче-дележ осуществлялся постоянно. Помощь оказывалась только во время нужды, т. е. время от времени.

При даче-дележе человек мог давать одним, а получать от других. Не существовало никакого учета данного и полученного и соответственно не могло быть и речи об эквивалентности. При взаимной помощи человек получал от того, кому сам давал. Всегда имел место учет данного и полученного. Необходимым условием существования отношения была эквивалентность. В случае если одна из сторон систематически получала больше,

чем сама давала, связь рано или поздно либо обрывалась, либо превращалась в отношения патроната.

Вполне понятно, что грань между даче-делением и взаимопомощью является относительной, ибо имеются переходные формы, но она тем не менее существует.

Наличие у термина «взаимная помощь» широкого диапазона значений и крайняя неопределенность смысла, который в него вкладывается, когда он применяется для характеристики экономических отношений, создают большие неудобства. Единственный выход из положения может состоять во введении особого термина, который бы обозначал исключительно лишь экономические отношения описанного выше типа. Таким термином могли бы быть слова *помощеобмен* или *помогообмен*. Соответственно можно было бы говорить о *помощеобменных* или *помогообменных* отношениях.

Помогообмен, связывающий две стороны, мы будем называть *линейным*. Именно такого рода отношения Дж. Беннетт именовал «парным обменным партнерством», а Дж. Фостер — «парным контрактом». Но во многих случаях два человека не просто обмениваются трудом, а образуют особую производственную единицу, своеобразную бригаду, которая попеременно работает то в хозяйстве одного, то в хозяйстве другого. Такая бригада может включать в свой состав представителей и большего числа дворов и соответственно трудиться поочередно во всех этих хозяйствах¹¹². Помогообмен такого рода можно было бы назвать *линейно-бригадным*. Нередко существование кооперативной рабочей группы связано с тем, что ни один из хозяев, взятый в отдельности, не располагает необходимыми средствами производства. Подобного рода объединения в русской литературе обычно именуется супрягами¹¹³. Соответственно можно было бы говорить о *линейно-супряжном* помогообмене. Вполне понятно, что такого рода отношения существовали не только в России, но по всему миру¹¹⁴.

¹¹² Е. И. Якушкин. Обычное право, вып. 1—4; С. J. Erasmus. Culture structure and process. «Southwestern Journal of Anthropology», vol. 12, N 4, 1956.

¹¹³ Е. И. Якушкин. Обычное право.

¹¹⁴ С. J. Erasmus. Op. cit.; S. T. Kimball. Rural social organisation and co-operative labor. «American Journal of Sociology», vol. 55, N 1, 1949.

Широчайшее распространение в крестьянских обществах имела форма помоогообмена, которую русские крестьяне обычно именовали «помочью»¹¹⁵. Человек, нуждавшийся в большом числе дополнительных рабочих рук, обращался не к ряду конкретных лиц, связанных с ним отношениями помоогообмена, а ко всем членам общины в целом. Чаще всего это имело место при чрезвычайных обстоятельствах. «Помочь» не влекла за собой возникновения линий помоогообмена, которые связывали бы организатора с каждым из участников коллективной работы. Человек, собиравший «помочь», был обязан откликнуться на призыв любого участника только в том случае, если последний в свою очередь собирав «помочь». Но передко участие в «помочи», собираемой любым членом общины, и без того считалось обязательным для всех жителей деревни.

Таким образом, помоогообмен носил здесь не линейный, а *круговой* характер. Человек получал помощь не от определенного числа лиц, взятых в отдельности, а от определенного их круга и в свою очередь давал помощь лишь в составе этого круга. Нетрудно заметить, что круговой помоогообмен обладал некоторыми особенностями, характерными для даче-дележа.

Помоогообменные отношения качественно отличались не только от дележных, но и от экономических отношений еще одного типа, которые в литературе тоже чаще всего именуется взаимной помощью. Данные отношения генетически связаны с помоогообменом и имеют с ним немало общего.

Отличает их от помоогообмена наличие открытого взаимного расчета. Если при помоогообмене имеем дело с взаимной дачей, то здесь — с дачей и отдачей. Возврат, возмещение полученного — основной принцип этих отношений. Все особенности этих отношений четко рельефно выступают, когда объектом дачи и отдачи является не труд, а вещи разового пользования (пища, корм для скота и т. п.) и также деньги.

И здесь, как при помоогообмене, одна сторона дает другой вещи, в которых последняя испытывает нужду. При этом в отличие от помоогообмена, даваемые вещи выступали не в форме помощи, а в форме *займа*. При этом

¹¹⁵ Е. И. Якушкин. Обычное право; С. J. Erasmus. Op. cit.

чаще всего определялся срок возврата займа, т. е. уплаты долга. Но к одному лишь займу и возврату займа данные отношения отнюдь не сводились.

Каждый конкретный акт помощи всегда является единством двух неразрывных моментов, первый из которых — предоставление помощи, а второй — *данное* в помощь. При анализе помогообмена различие этих двух моментов не имело существенного значения, ибо помощью равно являлось как предоставление, так и данное.

Иначе обстоит дело в рассматриваемой форме отношений. То, что давалось, превратилось из помощи в заем. Помощью осталось лишь само ее предоставление. Человек помог другому, дав ему займы вещи, в которых последний испытывал нужду. И вследствие того, что мы в данном случае имеем дело не только с займом, но и с помощью, возврат займа не означает прекращения отношений. Ведь возвращен только заем, но не помощь.

На человеке, получившем заем, и после возврата лежит обязанность помочь бывшему кредитору, а именно дать последнему в свою очередь заем, когда у него возникнет нужда в этом. Этот обмен помощью может приобрести длящийся характер. В таком случае каждая из сторон будет попеременно выступать в роли то кредитора, то должника, и отношения в целом приобретут симметричный характер, столь характерный для помогообмена. Однако может восторжествовать и принцип отдачи. В таком случае возврат бывшим кредитором долга своему бывшему должнику будет означать разрыв отношений между ними. Такого рода связи, совмещающие особенности займа с особенностями помогообмена, можно было бы назвать *помогозаемными*.

Вполне понятно, что помогозаемные отношения еще в большей степени, чем помогообменные, возможны только между людьми равными по своему экономическому положению. Обмениваться займами могут только люди, которые в одинаковой степени в них нуждаются и в одинаковой степени способны их давать.

Между людьми с различным имущественным положением помогозаемные отношения существовать не могут. Между ними могут существовать только заемные отношения, хотя последние внешне могут принимать и форму помогозаемных. Для заемных отношений характерно, что одна сторона выступает в них только в роли креди-

тора, а другая — только в роли должника. Не имея возможности оказать кредитору аналогичную услугу, должник должен ему чем-то платить. Выступая по форме как плата за помощь, за услугу, проценты в действительности представляют собой присвоение чужого труда. Заемные отношения есть отношения эксплуатации. Когда они приобретают длящийся характер, перед нами то самое явление, которое обычно именуют *кабалой*¹¹⁶. Имеющиеся материалы дают возможность проследить все стадии перерастания помогозаемных отношений в заемно-кабальные¹¹⁷.

В результате возникновения открытого взаимного расчета вещи, которые раньше передавались в форме помощи, приобрели форму займа. Помогообменные отношения превратились в помогозаемные. Но, как мы уже знаем, помощь могла состоять в труде, а также в передаче в пользование на время инвентаря и т. п. И здесь помогообменные отношения превратились в иные, характерной чертой которых был открытый взаимный расчет и соответственно расчленение на дачу и отдачу. Однако назвать эти отношения помогозаемными нельзя, ибо понятие займа неприменимо к труду. В отличие от вещей, вернуть труд можно не в любое время, а только тогда, когда человек, ранее оказавший помощь в работе, сам нуждается в дополнительном труде, и никак не раньше. То же самое можно сказать и в отношении использования инвентаря. Поэтому их можно было бы назвать просто *помоговозвратными* отношениями.

Различие помогообменных и помоговозвратных отношений проводится в работах целого ряда исследователей. В этом отношении интересна одна из статей украинского этнографа Ф. Рыльского, в которой отношения взаимной

¹¹⁶ И. М. Дьяконов. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949, стр. 33, 67—76, 118—120; В. В. Струве. Борьба с рабством-должничеством в Вавилонии и Палестине. «Палестинский сборник», 3 (66), 1959, стр. 15 сл.; К. М. Колобова. Революция Солона. «Ученые записки ЛГУ», 1939, № 39. Серия исторических наук, вып. 4, стр. 50—56; Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. М., 1954, стр. 15, 50, 95; Г. П. Сазонов. Ростовщичество-кулачество. СПб., 1894; Р. Гвоздев. Ростовщичество-кулачество. СПб., 1898, и др.

¹¹⁷ В. П. Тихонов. О займе у крестьян Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии. «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 3.

помощи, характеризующиеся «элементом взаимного соседского благоволения», достаточно четко противопоставляются отношениям, в которых присутствует «элемент строго экономического расчета». Последние автор считает более поздней формой¹¹⁸.

Так же как и помоогообменные отношения, помооговозвратные могли быть и линейными, и линейно-бригадными, и линейно-супряжными. Чаще всего они принимали две последние формы¹¹⁹.

Как видно из всего сказанного, помоогозаемные и помооговозвратные отношения представляют собой две разновидности одних и тех же связей, которые можно было бы назвать *помооговозмездными*.

Как уже отмечалось, и помоогообменные, и помооговозмездные отношения возможны между людьми, экономическое положение которых примерно одинаково. Имущественные различия между сторонами с неизбежностью ведут к превращению помоогообменных отношений в патронатные, а помооговозмездных — в засмно-кабальные.

Но в неодинаковом экономическом положении находятся не только люди более состоятельные и менее состоятельные, но также и те, которые отличаются друг от друга по роду занятий.

Внутри многих крестьянских общин существовали люди, специальностью которых было то или иное ремесло. И отношения между ними и крестьянами не могли быть только помоогообменными или помооговозмездными.

Ремесленники, конечно, давали крестьянам то, в чем последние нуждались, и тогда, когда последние в этом нуждались. Но давали это в форме услуги. Услуги были самыми разнообразными: ремонт инвентаря, изготовление обуви, одежды и т. п. Услуга нуждалась в возмещении, причем, в отличие от помощи, она могла быть возмещена только такими вещами и действиями, которые по своей потребительной ценности отличались от того, что было дано. Для этой формы экономических отношений с самого начала было характерно противопоставление *дачи отдаче*. За услугу нужно было платить. Все это

¹¹⁸ Ф. Рылский. К изучению украинского народного мировоззрения. Экономические отношения. «Киевская старина», 1903, № 4, стр. 177, 184, 186.

¹¹⁹ Там же, стр. 177—186; В. В-ико. Об обычном праве в земледелии в Малороссии. «Юридический вестник», 1881, № 9, стр. 115.

дает основание для характеристики данных отношений как *услугоплатежных*. Платеж полностью погашал услугу. Поэтому в принципе услуги-платежные отношения должны были носить разовый характер. Однако в условиях господства помоогообменных и помоговозмездных отношений и эти связи могли приобрести длящийся характер и даже оформиться в качестве таковых. Примером формализованных длящихся услугоплатежных связей могут послужить отношения джаджмани, столь характерные для деревенских общин Индии. Необычайно широкое их развитие связано с тем, что ремесленники составляли значительную часть жителей индийских деревень¹²⁰.

Помогообменные, помоговозмездные и услугоплатежные связи не только теснейшим образом переплетаются, образуя одну систему экономических отношений, но и имеют между собой много общего. Они представляют собой различные формы в сущности одного и того же вида обмена. Учитывая, что помощь есть один из видов услуги в широком смысле, этот обмен можно было бы назвать *услугообменом*. Следует сказать, что и в этнографической литературе, особенно когда речь идет о помоговозмездных отношениях, очень часто говорится не о взаимной помощи, а о взаимном обмене услугами¹²¹.

Уточняя ранее сказанное, крестьянскую общину можно охарактеризовать как хозяйственный организм, костяком которого является система отношений услугуобмена, среди которых особо важную роль играют помогообменные связи. Услугообменные связи в своей сущности и есть крестьянско-общинные связи.

Однако существование услугуобменных связей еще не обязательно означает бытие крестьянской общины. Когда услугуобменные связи возникают лишь как дополнение к господствующим рыночным капиталистическим отношениям, община не образуется, нет общинных угодий.

В таком случае, несмотря на наличие услугуобменных связей, мы имеем дело не с крестьянами, а с фермерами, лишь обладающими некоторыми чертами кре-

¹²⁰ W. H. Wiser. The hindu Jajmani system. Lucknow, 1936; T. Beidelman. A comparative analysis of the Jajmani system, Locust Valley. N. Y., 1959, etc.

¹²¹ В. В. Тарковский. Указ. соч., стр. 96; Ф. Рыльский. Указ. соч., стр. 184; В. В-нко. Указ. соч., стр. 115.

стьян. Примером могут послужить описанные Дж. Беннеттом мелкие самостоятельные земледельцы Саскатчевана. Однако следует подчеркнуть, что если подлинной общины у них и не было, то существование у них своеобразных общиноподобных образований несомненно.

В зависимости от конкретных условий дополнением к господствующим рыночным капиталистическим связям могут быть как пологовозмездные, так и пологообменные отношения, а нередко и те и другие вместе. Но хотя наличие услугуобменных связей среди фермеров и не исключено, обязательными они не являются. Как показал американский социолог С. Кимбалл, буквально рядом с районами, в которых фермеры вовлечены в систему услугуобменных связей, существуют такие, где единственной формой связи являются рыночные отношения¹²². В последнем случае мы имеем дело с фермерами, лишенными каких-либо крестьянских черт, фермерами в полном смысле слова.

Но если даже мелкие самостоятельные земледельцы, полностью вовлеченные в капиталистический рынок, в определенных конкретных условиях не могут вести хозяйство, не вступая между собой в отношения услугуобмена вообще, пологообмена в частности, то мелкие самостоятельные земледельцы, хозяйство которых носило полностью или в значительной степени натуральный характер, вне более или менее оформившейся системы таких отношений существовать не могут. Наличие общины было необходимым условием их бытия. Там, где существуют крестьянские дворохозяйства, с неизбежностью возникает крестьянская община.

Исследователями велись бесконечные споры о причине появления общины, например, в Сибири. Одни объясняли ее возникновение «влиянием тех воззрений, которые огромное число переселенцев принесли с мест своей родины...»¹²³, другие видели причину в «присутствии вообще крестьянину-пахарю, независимо от его происхождения, воззрении на землю как на «ничью», «божью», «государеву», как на фонд, из которого *каждый*

¹²² S. T. Kimball. Op. cit.

¹²³ А. А. Дубенский. Формы землевладения. «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний», т. 4, вып. 3. Иркутск, 1894, стр. 136.

имеет равное с другими право черпать себе средства существования»¹²⁴. В действительности же она возникла потому, что вне такого хозяйственного организма крестьянские хозяйства не смогли бы нормально функционировать.

Когда речь заходит о натуральном хозяйстве, его обычно представляют как совокушность определенного числа хозяйственных ячеек, которые в экономическом отношении почти полностью изолированы друг от друга. «При таких условиях, — писал, например, Р. Гвоздев, — каждое хозяйство представляется вполне изолированным, ничем не связанным с другим таким же, рядом с ним существующим хозяйством»¹²⁵. Однако нет ничего более ошибочного, чем эта картина. Натуральность хозяйства означает отсутствие лишь товарного обмена, но не обмена вообще. Единицы натурального хозяйства меньше всего можно рассматривать как замкнутые и изолированные. Они являются узлами сложной сети отношений обмена, но только обмена не товарами, а помощью и услугами. Между ними идет непрерывная циркуляция труда и материальных благ.

И еще на одном укоренившемся представлении следует остановиться. Мы имеем в виду взгляд на взаимную помощь как на пережиток первобытнообщинных отношений и соответственно на крестьянскую общину как на остаток первобытнообщинного строя, который находится в состоянии чуть ли не непрерывного разложения. В действительности, как мы уже видели, отношения помоогообмена не обязательно являются пережитком первобытнообщинных связей.

В первобытной коммуне помоогообмена не было и не могло быть. Помоогообменные отношения есть новообразование. Это можно наглядно видеть на примере фермеров Саскатчевана. Новообразованием, а не остатком первобытного коммунизма является и возникшая из первобытной крестьянская община. И эта община в классовом обществе не всегда разлагается и не только разлагается. Она в нем возникла, оформилась и развивается.

Теперь, когда раскрыта природа отношений, связывающих крестьянские дворы в единую хозяйственную

¹²⁴ А. А. Кауфман. Крестьянская община в Сибири. СПб., 1897, стр. 61.

¹²⁵ Р. Гвоздев. Указ. соч., стр. 5.

организацию — крестьянскую общину, можно, наконец, дать и общую характеристику крестьянско-общинных отношений в целом.

Крестьянство в классовом обществе чаще всего является эксплуатируемым классом. Часть продукта, созданного в крестьянском дворе, безвозмездно присваивается господствующим классом. Однако такого рода отношения выходят за пределы крестьянской общины. Конечно, эксплуатация может иметь место и внутри крестьянской общины. Однако наличие ее не является объективной необходимостью. Она может быть, а может и не быть. В идеале в рамках крестьянской общины циркулирует только необходимый, но не прибавочный продукт. Именно он, и только он, распределяется внутри этого хозяйственного организма. И важно понять принцип его распределения.

Каждый крестьянский двор является единицей обособленной собственности. Поэтому весь созданный в нем необходимый продукт поступает в его полную собственность. Никто, кроме членов двора, прав на него не имеет. Таков способ распределения необходимого продукта, созданного внутри общины, между составляющими его крестьянскими дворами. Долю каждого двора составляет тот необходимый продукт, который создан в нем. Существование услугообмена ничего в этом отношении не меняет, ибо основным принципом его является, как мы уже видели, эквивалентность. Каждый двор получает от других дворов столько, сколько он сам им дает. Поэтому при всех изменениях доля каждого двора остается равной тому количеству необходимого продукта, которое было создано в нем.

В каждом из крестьянских дворов продукт создается трудом его членов. Поэтому количество его зависит от количества труда, затраченного членами двора. Чем больше будет затрачено труда, тем большей будет доля необходимого продукта, приходящаяся на двор. Таким образом, распределение необходимого продукта между крестьянскими дворами является распределением по труду. Это давно уже было подмечено российскими этнографами, в трудах которых много было сказано о господстве «трудового начала», «трудового принципа» в крестьянской среде¹²⁶.

¹²⁶ А. Ефименко. Исследования народной жизни, вып. I. Обычное право. М., 1884, стр. 136—157; В. Пругавин. К вопросу об об-

Однако это своеобразный вид распределения по труду. Он отличается от того, который существует при социализме. При социалистическом распределении по труду весь созданный продукт поступает в собственность общества в целом, а затем каждый из работников получает от общества в собственность долю материальных благ, пропорциональную его трудовому вкладу. Кроме социалистического распределения по труду, возможно и такое, когда продукт непосредственно становится собственностью того человека, который его создал. Оно впервые возникает на стадии эволюции первобытной общины, непосредственно следующей за стадией первобытной коммуны. Такое распределение возможно лишь в условиях, когда труд носит не обобществленный, а индивидуальный характер¹²⁷. Но распределение по труду, характерное для крестьянской общины, имея общее с этим вторым типом, в то же время отличалось от него.

Наглядно это различие проявлялось в том, что вещь, созданная членом крестьянского двора, становилась, как правило, собственностью не его самого, а крестьянского двора в целом. Распределение по труду происходило, таким образом, не между работниками, взятыми в отдельности, а между ячейками обособленной собственности — крестьянскими дворами, каждый из которых выступал в качестве совокупного работника. По труду получали, таким образом, совокупные работники — дворохозяева. Этот вид распределения по труду можно было бы назвать подворно-трудовым распределением.

Внутри самих дворохозяев принцип распределения по труду не действовал. Доля, которую получал член двора, не зависела от величины его вклада в создание продукта. Таким образом, принцип распределения, действовавший внутри двора, находился в явном противоречии с принципом, действовавшим внутри крестьянской общины. В односемейном дворе, в котором единственным работником-мужчиной был его глава, это противоречие почти совсем не давало себя знать. Но чем крупнее был двор, чем большее число взрослых мужчин включал он в свой состав, тем более острым становилось это противоре-

пественной запашке. «Северный вестник», 1887, № 1; Ф. Рылский. Указ. соч., стр. 164 и др.

¹²⁷ Ю. И. Семенов. Проблема начального этапа родового общества, стр. 187—190.

чье. Взрослые мужчины были не только членами крестьянского двора, в котором господствовал уравнивательный принцип, но и членами крестьянской общины, где действовал иной принцип распределения. Это не могло не порождать у них стремления получать по труду. Но чтобы получать по труду, нужно было стать обособленным собственником. Как уже отмечалось, близким к такому положению было положение главы односемейного двора.

Все это с неизбежностью порождало тенденцию к разделу многосемейных дворов на односемейные. «В малой семье, — приводит исследователь слова одного крестьянина, — по себе каждый зарабатывает, по себе и получает; коли семья большая, так он ничего себе самому не дождется»¹²⁸. Многие исследователи русского крестьянства давно уже указывали на противоречие между «трудовым» и «кровным» («родовым») началами как на важнейшую причину дробления многосемейных дворов¹²⁹.

Но этой тенденции протвостоят другая — прямо противоположная. Чем меньше по своим размерам был двор, тем больше он был подвержен влиянию различного рода неблагоприятных случайностей. «Случайности, так сильно действующие на малые семьи, — писал один из исследователей положения украинских крестьян середины XIX в., — беспрестанно уничтожают их благосостояние, которое в Малороссии по этой причине никогда не бывает прочно»¹³⁰.

Как мы уже видели, важнейшим способом страховки от различного рода случайностей было завязывание отношений помогообмена с другими дворами. Однако полной гарантии это дать не могло. Помогообменные отношения исправно функционировали, пока затруднения носили временный характер. Резкое и непрерывное ухудшение материального положения хозяйства с неизбежностью вело к тому, что оно оказывалось не в состоянии давать столько же, сколько получало. Результатом был разрыв отношений помогообмена.

¹²⁸ *И. М. Богаевский*. Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. «Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России», вып. 1. М., 1889, стр. 2.

¹²⁹ *А. Ефименко*. Указ. соч., стр. 62—67; *В. П. Тихонов*. О семейных дележах по смерти отца в Козловской волости Сарапульского уезда Вятской губернии, стр. 74, 110—113.

¹³⁰ *В. В. Тарковский*. Указ. соч., стр. 80.

Существование хозяйства было тем более обеспеченным, чем более крупным по размеру оно было, чем больше взрослых мужчин включало оно в свой состав. Все это с необходимостью порождало тенденцию к укрупнению крестьянских дворов, к превращению односемейных в многосемейные, временных многосемейных в постоянные многосемейные. На роль большой семьи как гаранта безопасного существования ее членов указывают многие ученые¹³¹.

Борьбу указанных выше двух противоположных тенденций можно наблюдать у самых различных групп крестьянства в самые различные исторические эпохи. Исследователи нередко характеризуют ее как борьбу «родового» и «трудового» (экономического) начал¹³².

В зависимости от конкретных обстоятельств могла брать верх то одна тенденция, то другая. Окончательно и бесповоротно побеждает тенденция к разделу только в условиях втягивания крестьянства в капиталистический рынок.

Распределение необходимого продукта между крестьянскими дворами выше было охарактеризовано нами как распределение по труду. Однако таким оно является лишь при наличии определенных условий.

Конечно, объем необходимого продукта, созданного внутри двора, всегда зависит от количества приложенного труда. Однако зависит он исключительно от количества приложенного труда только в том случае, если работники располагают всеми необходимыми средствами производства. Подлинное распределение по труду существует только тогда, когда работник может приложить столько труда, сколько он может и хочет. Лишь тогда размеры его доли определяются исключительно его трудовым вкладом. Это означает, что подлинное распределение по труду внутри крестьянской общины в качестве своего необходимого условия предполагает наличие свободного доступа каждого двора к основному средству производства — земле. Если такого доступа не существует, то неизбежно большее или меньшее отклонение от принципа распределения по труду.

¹³¹ *W. H. Wiser, Ch. V. Wiser. Behind mud walls. N. Y., 1951, p. 160; E. R. Wolf. Peasants., p. 66, 67.*

¹³² *А. Ефименко. Указ. соч., стр. 62.*

Размеры участка земли, которым владеет крестьянский двор, могут делать невозможным полное использование труда его членов. В таком случае объем необходимого продукта, созданного двором, будет фактически определяться размерами его земельного владения. В результате распределение, продолжая в определенной степени оставаться распределением по труду, во многом становится уже распределением по собственности.

Свободный доступ к земле предполагает, во-первых, общинную собственность на землю, во-вторых, наличие фонда свободных, незанятых земель. Только при этих условиях распределение внутри крестьянской общины может стать подлинным распределением по труду. Община, владеющая землей и располагающая фондом незанятых земель, является идеальным типом крестьянской общины. Только в ней крестьянско-общинные отношения могут достичь высшего развития. Только такая община создает все условия, необходимые для нормального развития и функционирования крестьянских дворов.

Крестьянский двор состоит из семей. В семье рождаются и подрастают дети. Иными словами, в крестьянском дворе появляются новые едоки и работники. Растут как потребности двора, так и находящийся в его распоряжении фонд рабочей силы. Возросшие потребности требуют расширения хозяйства. Увеличение числа рабочих рук не только требует того же, но и создает возможность реализации этого требования. Вполне понятно, что это предполагает увеличение количества средств производства, находящихся в распоряжении двора, и прежде всего земли.

Увеличение хозяйственной ячейки до определенных размеров, а затем ее разделение на несколько меньших, которые в свою очередь претерпевают те же самые изменения, является законом для крестьянских обществ с временными многосемейными дворохозяйствами. Эта тенденция в достаточной степени явственно давала себя знать в развитии русских крестьянских хозяйств даже в начале XX в., когда они уже в значительной степени были втянуты в капиталистический рынок¹³³. Описанные

¹³³ А. И. Хращева. Сборник статистико-экономических сведений по Елифанскому уезду Тульской губернии. Тула, 1913; Г. А. Куценко. Крестьянское хозяйство в Сурожском у. Черниговской губернии по двум переписям — 1882 и 1911 гг. Чернигов, 1916.

выше явления в русской литературе о крестьянстве получили название *демографической дифференциации* ¹³⁴.

Конечно, наиболее благоприятные условия для такого развития крестьянских дворов создавали общинная собственность на землю и наличие в общинном владении фонда свободных земель. При исчерпании такого фонда единственным способом не допустить слишком большого отклонения распределения необходимого продукта между дворами от распределения по труду и соответственно обеспечить возможность более или менее нормального развития крестьянских дворов был передел земли.

Как свидетельствуют материалы, последний представлял собой довольно позднее явление в истории крестьянской общины ¹³⁵. Земля перераспределялась между дворами в соответствии с числом мужчин в каждом из них, или с числом только взрослых мужчин-работников, или, гораздо реже, с числом едоков ¹³⁶. Здесь мы сталкиваемся не с чем иным, как с определенным уравнением хозяйственного положения крестьянских дворов.

В этом же направлении действовал и еще один фактор. Как уже известно из работ Дж. Беннетта и Дж. Фостера, услугообменные отношения возможны только между хозяйствами, находящимися в примерно равном экономическом положении ¹³⁷. Поэтому имущественное расслоение в среде крестьян с неизбежностью ставило под угрозу всю систему услугообменных отношений вообще, сеть помогообменных отношений в первую очередь.

Но наличие системы услугообменных отношений было необходимым условием существования крестьянских дворов. Сохранение ее было объективной экономической потребностью. Тем самым объективной экономической потребностью было выравнивание экономического положения крестьянских дворов, т. е. ликвидация отклонений от среднего уровня как в ту, так и в другую сторону.

¹³⁴ А. Чапанов. Указ. соч., стр. 32, 198.

¹³⁵ В. В. Крестьянская община. «Итоги экономического исследования России по данным земской статистики», т. I. М., 1892, стр. 1—221.

¹³⁶ Сводку материалов см.: В. В. Указ. соч., стр. 221—296; К. Р. Качоровский. Русская община, т. I, ч. I. М., 1906.

¹³⁷ См. также: В. П. Тихонов. О займе у крестьян..., стр. 1—4; «Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. 4, вып. I. Формы крестьянского землевладения в Московской губернии». М., 1879, стр. 268, 269; S. T. Kimball. Op. cit., p. 41; C. J. Erasmus. Op. cit., p. 447.

И эта объективная потребность в той или иной, нередко иллюзорной, форме осознавалась крестьянами. Во многих крестьянских обществах этнографами было обнаружено существование убеждения, что крестьяне, принадлежащие к той или иной общине, вместе взятые, располагают только строго определенным количеством материальных благ и вообще любого вида «добра», которое не может быть увеличено. Поэтому любой двор может улучшить свое благосостояние только за счет других¹³⁸.

Улучшение положения одного двора с неизбежностью означает ухудшение положения других. «Кто-то при этом ограблен, независимо от того, замечает он это или нет, — писал, излагая крестьянские взгляды по этому вопросу Дж. Фостер. — И так как часто существует неопределенность относительно того, кто же именно теряет, — вполне возможно, что я, — *любое* значительное улучшение воспринимается как угроза не какому-либо одному человеку или семье, а *всем* индивидам и семьям»¹³⁹. Всякое более или менее значительное улучшение имущественного благосостояния любого крестьянского двора рассматривается крестьянами как явление, нарушающее стабильность общины, как угрозу всей общине в целом¹⁴⁰.

И крестьянская община принимает меры для того, чтобы ликвидировать опасность. Во многих крестьянских обществах существовали специальные механизмы, действие которых обеспечивало выравнивание имущественного положения крестьянских дворов¹⁴¹. В Латинской Америке, например, состоятельные сельчане обязаны были принимать на себя значительные по масштабу расходы по организации деревенских праздников¹⁴².

¹³⁸ П. Я. Никифоровский. Простонародные приметы и поверья. Витебск, 1897, стр. 104, 105; «Материалы по этнографии Гродненской губернии», вып. I. Гродно, 1911, стр. 77; Д. К. Зеленин. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма. «Труды Института антропологии и этнографии», т. I, вып. I. Л., 1934, стр. 29, 30; С. М. Leslie. Now we are civilized: a study of the world view of the Zapotec indians of Mitla, Oaxaca. Detroit, 1960, p. 70.

¹³⁹ G. M. Foster. Peasant society and the image of limited goods. «Peasant society», p. 305.

¹⁴⁰ Ibid., p. 305, 311, 312.

¹⁴¹ Ibid., p. 314—315; E. Wolf. Sons of shaking earth. Chicago, 1959, p. 216.

¹⁴² G. M. Foster. Peasant society..., p. 315; J. R. Gregory. Image of limited goods, or expectation of reciprocity. «Current Anthropology», vol. 15, N 5, 1974.

Как угроза общине рассматривалось не только обогащение одних ее членов, но и обнищание других¹⁴³. С этим связано существование в деревнях различных форм безвозмездной помощи, благотворительности. Они в достаточной степени подробно освещены в этнографической и экономической литературе¹⁴⁴. При этом нередко самые состоятельные крестьяне обязаны были помогать самым неимущим¹⁴⁵.

Но самым радикальным средством выравнивания экономического положения крестьянских дворов было перераспределение не продукции, а ресурсов, и прежде всего земли¹⁴⁶.

Таким образом, внутри крестьянской общины действовали факторы, способствовавшие сохранению и даже возпикновению общей собственности на землю и порождавшие тенденцию к уравнительному перераспределению земли, факторы, вообще способствовавшие сохранению равенства имущественного положения крестьянских дворов. Тенденция к имущественному равенству вытекала из самой сущности крестьянско-общинных отношений. Крестьянское общество в идеале есть общество эгалитарное.

И в этой связи нельзя не отметить, что эгалитарная тенденция имеет место везде, где только существуют услугообменные отношения. В отношении фермеров Саскатчевана, описанных Дж. Беннеттом, ни о какой общинной собственности на землю говорить не приходится. И тем не менее как на характерную черту их местной социальной системы автор указывает на «сильный эгалитаризм»¹⁴⁷. «Эгалитарность, — пишет Дж. Беннетт, — относится к тенденции рассматривать конечный результат социальной и экономической эволюции как общество равных.

¹⁴³ G. M. Foster. Peasant society..., p. 312.

¹⁴⁴ См.: «Сборник статистических сведений по Московской губернии», стр. 269; В. Пругавин. Указ. соч., стр. 83; «Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики, т. I. Борнсоглебский уезд». Тамбов, 1881, стр. 33, 34.

¹⁴⁵ J. R. Gregory. Op. cit.; E. R. Wolf. Peasants., p. 78.

¹⁴⁶ E. R. Wolf. Peasants, p. 79.

¹⁴⁷ J. W. Bennett. Microcosm-macrocosm relationships in North American agrarian society. «American Anthropologist», vol. 69, N 3, 1967, p. 445, 446.

Идеальным для них является состояние, когда каждый имеет те же самые ресурсы»¹⁴⁸.

Но наряду с тенденцией к равенству в крестьянском обществе всегда существует и прямо противоположная тенденция — к имущественному, а тем самым и социальному расслоению. Последняя тенденция столь же неизбежно вытекает из природы крестьянско-общинных отношений, как и первая.

Выше уже говорилось о зависимости и хода, и исхода хозяйственной деятельности каждого крестьянского двора от случайного стечения обстоятельств. И на разных дворохозяйствах эта власть случайностей с неизбежностью сказывалась по-разному. Для одних дворов обстоятельства складывались более благоприятно, для других — менее, для третьих — совсем неблагоприятно. На то, что давление обстоятельств на крестьянские дворы носит избирательный характер, указывали многие исследователи. «Мы уже видели, — пишет Э. Вольф в своей монографии о крестьянах, — что крестьянство постоянно подвергается действию различного рода давлений, которые приходится на него и ставят под угрозу его существование... Такие давления приходится на всех крестьян, но всегда на одних больше, чем на других. Так, например, человек, что живет близко к источнику воды, и его товарищ, что ведет хозяйство на краю сухого обрабатываемого массива, оба нуждаются в воде, но тот, кто ближе к источнику, может рассчитывать на более регулярное пользование водой и с меньшей затратой энергии, чем тот, кто более далек от него. Подобно этому, саранча может полностью опустошить поля человека, но не его соседа. Некоторые крестьяне могут иметь меньше детей и больше земли, чем другие, произвести больше зерна в данном году, чем другие, потерять меньше сыновей в армию, чем остальные, иметь больше женщин в составе двора, чем другие, и тому подобное. В каждом поколении поэтому давление, что падает на всех, приходится на всех не в равной мере. В течение времени мы можем ожидать, что некоторые дворы будут более жестко придавлены, чем другие. Отсюда такое давление носит избирательный характер, благоприятствуя постоянному выживанию одних дворов по сравнению

¹⁴⁸ Ibid., p. 446.

с другими и ведя к дифференциации крестьянского поселения»¹⁴⁹.

Первоначальная имущественная дифференциация является результатом действия фактора случайности. По мере возрастания имущественных различий вступают новые факторы, которые действуют в строго определенном направлении.

С обогащением одних и обеднением других помогообменные отношения превращаются в патронатные¹⁵⁰, поговозмездные — в засмно-кабальные. Более состоятельные превращаются в патронов или кредиторов-ростовщиков, а менее состоятельные — в их клиентов или кабальных должников. Нередко патронатные и кабальные отношения совмещались. Патрон был одновременно и кредитором, клиент — должником¹⁵¹.

Кредитор не только брал с должника проценты, что само по себе способствовало обогащению одного и обеднению другого, но нередко привлекал его к работам в своем хозяйстве. Клиенты всегда в той или иной форме работали на своего патрона. Только трудом они могли отплатить ему за ту «помощь», которую он им оказывал.

Привлечение клиентов и должников к работе в хозяйствах их патронов и кредиторов имело двоякие последствия. С одной стороны, оно имело результатом рост экономического могущества последних, с другой — вело к дальнейшему обнищанию первых. Работа в хозяйстве патрона или кредитора мешала клиенту или должнику уделять достаточно внимания своему и без того маломощному хозяйству¹⁵². В конечном счете это могло иметь своим последствием полную потерю ими средств производства и экономической самостоятельности. В условиях втягивания крестьян в капиталистический рынок кабала представляет собой не что иное, как первичную, зароды-

¹⁴⁹ *E. R. Wolf. Peasants.*, p. 77, 78.

¹⁵⁰ Кроме статьи Дж. Беннета, см. о патронате: *В. П. Тихонов. О займе у крестьян...*, стр. 26; *В. В. Тарковский. Указ. соч.*, стр. 96; *В. В-нко. Указ. соч.*, стр. 108; *T. Shanin. The nature and logic of the peasant economy. «The Journal of Peasant Studies»*, vol. 1, N 1, 1973, p. 76.

¹⁵¹ *W. H. Wiser, Ch. V. Wiser. Op. cit.*, p. 18—32.

¹⁵² *А. Я. Абрамов. Крестьянский кредит. «Отечественные записки»*, 1884, № 1; *Г. П. Сазонов. Формы народного кредита. «Северный вестник»*, 1887, № 6, 7, 9, 11; *В. В-нко. Указ. соч.*, стр. 180.

шевую форму капиталистических отношений¹⁵³. Таким образом, убеждение крестьян, что разбогатеть человек может только за счет других, имело под собой прочную основу. Оно достаточно верно отражало реальное положение вещей.

Вся история любого крестьянского общества представляет собой борьбу двух рассмотренных выше противоположных тенденций — тенденции к имущественному расслоению и тенденции к выравниванию имущественного положения¹⁵⁴. И эта борьба нередко находит прямое выражение в борьбе социальных сил внутри крестьянской общины. В частности, в трудах русских исследователей содержится достаточно полное описание той борьбы, которая шла в крестьянских общинах по вопросу о переделе земли¹⁵⁵.

В зависимости от конкретных условий могла брать верх то одна, то другая. Ошибочным является представление о развитии крестьянской общины только в одном направлении от имущественного равенства к имущественному и социальному неравенству. В его основе лежит неверный, как мы уже видели, взгляд на крестьянскую общину как на пережиток первобытно-общинного строя. В действительности было возможно и в определенных конкретно-исторических условиях реально имело место и движение в противоположном направлении — от имущественного неравенства к имущественному равенству. Тенденция к имущественному расслоению крестьянской общины становится необратимой лишь в условиях господства в стране капиталистических отношений. Только капитализм делает неизбежным исчезновение крестьянства и крестьянской общины. Однако это происходит далеко не сразу. Услугообменные отношения при капитализме не только могут долгое время существовать, но даже возникать заново.

Что же касается докапиталистических классовых обществ, то победа тенденции к имущественному расслоению обычно не ведет к полному исчезновению крестьян-

¹⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 509, 510.

¹⁵⁴ E. R. Wolf. Peasants, p. 78.

¹⁵⁵ В. В. Указ. соч., стр. 101—153; Н. Харузин. Этнография, вып. 3. Собственность и первобытное государство. СПб., 1903, стр. 145—177.

ской общины. Община лишь все в большей и большей степени отклоняется от идеального типа.

Отсутствие определенного направления в эволюции крестьянской общины объясняется тем, что она не является самостоятельной единицей исторического развития. Она всегда существовала как часть более крупного социального организма, который и был такой единицей.

Место крестьянской общины в классовом обществе лучше всего рассмотреть на примере феодального общества. Чтобы понять сущность феодального общественного экономического уклада, необходимо выявить как его хозяйственную ячейку, так и хозяйственный организм.

В крестьянском дворе самом по себе нет ничего феодального. Нет ничего феодального и в самой крестьянской общине. Крестьянские дворы, объединенные в общину, представляли собой особый общественно-экономический уклад, но этот уклад не был феодальным. Ни крестьянские дворы как части общины, ни сама крестьянская община не были единицами феодальной собственности, единицами феодальной эксплуатации, феодальными хозяйственными ячейками. Не была крестьянская община и феодальным хозяйственным организмом. В крестьянских дворах как частях общины создавался только необходимый продукт. Крестьянско-общинный уклад был системой производства только необходимого продукта.

Но крестьянские дворы при феодализме входили в качестве хозяйственных ячеек не только в крестьянскую общину, но и в хозяйственный организм совершенно иного типа — феодальную вотчину, поместье. Характерная черта феодальных производственных отношений заключается в раздвоении феодальной собственности на верховную собственность феодала и подчиненную собственность крестьян. Вотчина была ячейкой верховной собственности, крестьянские дворы как ее части — ячейками подчиненной собственности.

Дворы феодально зависимых крестьян входили, таким образом, одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов: вотчины и общины. Вотчина и община и по территории, и по личному составу могли совпадать. Однако они от этого не переставали быть разными хозяйственными организмами.

Если в крестьянских дворах как в частях общины создавался необходимый продукт, то в них же как в частях

вотчины — прибавочный продукт. Только вотчина в целом выступала как воплощение феодального способа производства, как его единица. Она и была подлинной хозяйственной ячейкой феодализма. Только в ней создавался прибавочный продукт. И добавим, в ней создавался исключительно прибавочный продукт, и никакой другой. На это указывали многие средневековые историки¹⁵⁶.

Характер вотчины как ячейки по производству лишь феодальной ренты особенно наглядно проявлялся в том, что кроме крестьянских дворов она, как правило, включала в себя господское хозяйство, в котором по самой его природе никакого другого продукта, кроме прибавочного, создаваться и не могло.

Вотчины как хозяйственные ячейки феодализма системой экономических связей между членами господствующего класса были объединены в социально-экономический организм, который был одновременно и социальным организмом, т. е. отдельным обществом.

Таким образом, для феодализма характерным был симбиоз двух укладов, из которых один был системой производства необходимого продукта, а другой — системой производства прибавочного продукта. Являвшийся системой производства исключительно прибавочного продукта феодальный уклад не мог существовать иначе, как своеобразная надстройка над системой производства необходимого продукта — крестьянско-общинным укладом. Здание феодальной системы общественного производства всегда покоилось на прочном фундаменте крестьянско-общинной системы хозяйства.

Крестьянские общины существовали в недрах феодального социального организма и в этом смысле были его частями. Но они были очень своеобразными частями. Феодальные социальные организмы, включая в себя крестьянские общины, в то же время не состояли из них. Системы производственных отношений, образовывавшие базисы крестьянских общин, не были частями системы производственных отношений, которая образовывала базис феодального социального организма. Система феодальных производственных отношений включала в себя отно-

¹⁵⁶ См., например: С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968, стр. 101, 102 и др.

нения, во-первых, между феодалами и крестьянами, во-вторых, между самими феодалами. У общины, таким образом, был иной экономический базис, чем у социального организма, в состав которого она входила.

В результате каждая из общин выступала как сравнительное замкнутое обособленное социальное образование. На это обстоятельство, как мы уже видели, указывали многие исследователи, в частности К. Маркс и Ф. Энгельс¹⁵⁷.

Но община, имея общее с подлинным социальным организмом, в то же время отличалась от него. Члены общины, как известно, входили в состав не только ее, но одновременно другого хозяйственного организма — вотчины, а тем самым если не прямо, то косвенно — в состав феодального социального организма. Сама община существовала не самостоятельно, а в недрах феодального социального организма. Она была поэтому не социальным организмом, а социальным суборганизмом. Поэтому производственные отношения, образывавшие ее базис, были не социально-экономическими, а субсоциально-экономическими. Соответственно крестьянско-общинная система хозяйства была укладом не столько социально-экономическим, сколько субсоциально-экономическим.

И будучи социальным суборганизмом, а не организмом, крестьянская община была неспособна к самостоятельному историческому развитию. Направление ее эволюции во многом зависело от особенностей структуры и развития социального организма, в состав которого она входила.

*

Выявление качественного различия между системой экономических отношений, составляющей базис первобытной коммуны, и системой экономических связей, образующей основу крестьянской общины, дает возможность глубже понять особенности процесса, который в конечном счете привел к превращению доклассового общества в классовое.

Важнейшим моментом этого процесса был переход от уравнительного распределения к распределению по труду. Только возникновение распределения по труду, создав

¹⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 544; т. 19, стр. 405.

новые стимулы для производственной деятельности, могло способствовать дальнейшему прогрессу производительных сил общества. Возникновение трудового распределения было невозможно без появления, наряду с общественной собственностью, собственности отдельной. Отдельная собственность, возникающая из личного распоряжения вещами, находившимися в коллективной собственности, была персональной, т. е. собственностью отдельных лиц, что и дало основание для ее характеристики как собственности личной.

На стадии первобытной коммуны необходимым условием существования людей была непрерывная циркуляция материальных благ между членами человеческого коллектива. Чтобы жить, люди должны были непрерывно давать друг другу и получать друг от друга пищу, вещи и т. п. Переход к распределению по труду отнюдь не означал прекращения этой циркуляции. Она по-прежнему оставалась необходимым условием существования общества. Изменилась лишь общественная форма, в которой происходило это движение.

Переход от уравнительного распределения к трудовому означал превращение дележных отношений в услугуобменные. Дележ имеет место между людьми, являющимися совместными собственниками продукта. Услугуобмен происходит между отдельными, или обособленными собственниками. Переход от уравнительного распределения к трудовому был проявлением изменения форм собственности.

Последняя и высшая форма коммуналистического распределения — даче-дележ прямо смыкается с первой и простейшей формой услугуобмена — помогообменом. Между ними существуют все формы перехода. Однако развитие шло не просто по линии перерастания даче-дележа в помогообмен. Оно носило значительно более сложный характер.

Еще на стадии первобытной коммуны возникли экономические связи между членами разных коллективов — даруобмен. Обмен дарами существенно отличался от разбора и дележа. Это был переход материальных благ не просто из распоряжения одного лица в распоряжение другого, а из собственности одного коллектива в собственность другого. Даритель, который в отношении к членам своего коллектива выступал как распорядитель вещи, являвшейся их совместной собственностью, по отноше-

пию к одариваемому лицу выступал как собственник. Вполне понятно, что дарообмен с неизбежностью предполагал возврат, возмещение. Если за даром не следовал отдар, отношения прекращались.

Первоначально дарообмен не имел сколько-нибудь существенного значения. В дальнейшем положение изменилось. Объективная потребность в появлении распределения по труду и личной собственности нашла на первых порах свое выражение в непрерывном увеличении массы продукта, циркулировавшего по каналам дарообмена. Вполне понятно, что для этой цели мог использоваться лишь избыточный продукт. Результатом было стремление к увеличению его массы, что в свою очередь способствовало развитию дарообмена.

Переход от первой фазы эволюции первобытного общества — стадии раннепервобытной общины или первобытной коммуны ко второй ее фазе — стадии позднепервобытной общины был ознаменован своеобразным раздвоением системы экономических отношений доклассового общества. Наряду с системой распределения жизнеобеспечивающего продукта возникли и получили развитие особые системы распределения и обмена избыточного продукта, которые в зарубежной литературе получили название *престижной экономики*¹⁵⁸. Престижно-экономические отношения зародились еще у охотников и собирателей. Существование их отмечено в обществе аборигенов Австралии и индейцев Калифорнии¹⁵⁹. Но полное развитие они получили у народов, перешедших к земледелию и скотоводству. Классическим примером может послужить Меланезия вообще, Новая Гвинея в первую очередь¹⁶⁰.

Если системы распределения жизнеобеспечивающего продукта в основном охватывали членов одной общины, то системы распределения и обмена избыточного про-

¹⁵⁸ Этот термин был введен в работе: *C. Du Bois*. The wealth concept as an integrative factor in Tolowa-Tututni culture. «Essays in anthropology». Berkeley, 1936.

¹⁵⁹ *W. E. H. Stanner*. Ceremonial economics of the Mulluk Mulluk and Madngella tribes «Oceania», vol. 4, № 2, 1933, N 4. 1934; *D. F. Tompson*. Economic structure and the ceremonial exchange cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949; *R. L. Beals*. Ethnology of Nisengan. Berkeley, 1933; *W. Goldschmidt*. Nomlaki ethnography. Berkley and Los Angeles, 1951, etc.

¹⁶⁰ *B. Malinowski*. Op. cit.; *R. F. Salisbury*. Op. cit.; *A. Strathern*. The rope of Moka. Cambridge, 1971.

дукта, т. е. престижно-экономических отношений, всегда связывали людей, принадлежавших к значительному числу общин. Престижная экономика связывала большое число общин в системы, правда не обязательно замкнутые.

Основным принципом престижной экономики было требование эквивалентности дачи и отдачи. Оно носило в достаточной степени определенный характер. У многих народов, стоявших на данной стадии развития, были даже выработаны специальные понятия для обозначения эквивалентности¹⁶¹. Избыточный продукт циркулировал не только между членами разных общин, но и между людьми, принадлежавшими к одной общине. Первоначально последние делились между собой избыточным продуктом, но постепенно требование эквивалентности, хотя и в не явной форме, проникло и в отношения между ними. В результате дежные отношения уступили место помогообменным, а затем и помоговозмездным. А это означало, что избыточный продукт стал распределяться между членами коллектива по труду.

Результатом было известное неравенство в распределении этого продукта между членами коллектива, которое имело тенденцию к углублению. Развитие престижной экономики с неизбежностью вело к выделению в системе обмена избыточного продукта особого слоя людей, через руки которых проходила основная масса этого продукта. Именно с престижной экономикой связано возникновение первых форм имущественного и социального неравенства, зародышевых форм эксплуатации человека человеком¹⁶².

Что же касается жизнеобеспечивающей экономики, то в ней еще долгое время продолжали сохраняться и даже преобладать старые отношения. Этнографы, изучавшие те или иные народы, находившиеся на данной стадии развития, нередко указывают на резкий контраст между отношениями в сфере престижной и сфере жизнеобеспе-

¹⁶¹ См., например: *B. Malinowski*. Op. cit., p. 182; *L. Pospisil*. *Karauku rarian economy*. New Haven, 1963, p. 314.

¹⁶² *A. H. Gayton*. *Yokuts-Mono chiefs and shamans*. Berkeley, 1930, p. 373; *C. Du Bois*. Op. cit., p. 31; *R. Firth*. *Primitive polynesian economy*. London, 1939, p. 191; *A. L. Gillog*. *Economics of the Mount Hagen tribes*. New Guinea. N. Y., 1947, p. 34—36; *M. J. Meggitt*. *The Enga of New Guinea Highlands*. «Oceania», vol. 27, N 4, 1958, p. 287; *C. H. Wedgewood*. *Report on researches in Manam island*. «Oceania», vol. 4, N 4, 1934, p. 383.

чивающей эконоимики. Если в первой из них господствует прямой экономический расчет, то во второй — по-прежнему имеет место дележ¹⁶³.

Однако принцип эквивалентности, господствующий в престижной экономике, все в большей степени проникает и в жизнеобеспечивающую. Дележные отношения и здесь вначале дополняются, а затем и заменяются услугообменными. Все это имеет следствием стирание граней между престижной и жизнеобеспечивающей экономикой. Особые системы престижно-экономических отношений постепенно исчезают. Остатки их сохраняются лишь в виде придатков к основным экономическим отношениям.

Но все эти изменения происходят крайне медленно и постепенно. Шаг за шагом сужается круг людей, которые обязаны постоянно делиться друг с другом. Он перестает совпадать с социальным организмом. Коммуналистическая собственность перестает быть общественной. Шаг за шагом сокращается круг вещей, которыми человек обязан делиться с другими. Уменьшается число ситуаций, в которых человек обязан делиться с другими.

Община во все большей степени базируется не только на коммуналистических, но и на услугообменных связях. Однако стать господствующими последние долгое время не могут. Причина — отсутствие в позднепервобытной общине ячеек обособленной собственности. В ней, наряду с общинной собственностью на землю и вообще природные ресурсы и исчезающей коммуналистической собственностью на различного рода вещи, прежде всего пищу, существует лишь отдельная, личная собственность. И последняя носила крайне своеобразный характер.

Любой взрослый человек был отдельным собственником, но лишь в определенных отношениях. Он был собственником по отношению к одним вещам, но лишь распорядителем по отношению к другим. Он был собственником данной вещи по отношению к одним людям, но лишь ее распорядителем по отношению к другим. Он был собственником данной вещи по отношению к определенным людям в этой ситуации, но лишь распорядителем в других ситуациях.

Не существовало, таким образом, никаких сколько-нибудь определенных ячеек личной собственности. Грани

¹⁶³ *C. Du Bois. Op. cit., p. 51; R. F. Salisbury. Op. cit., p. 39—42, 65, 74, 85—90, 99, 100, etc.*

между ними носили относительный и условный характер. Одни ячейки совершенно незаметно переходили в другие. Соответственно крайне условными были границы и между кругами людей, обязанных делиться друг с другом. Вполне понятно, что они не могли быть единицами функционирования производительных сил. Не была хозяйственной ячейкой и семья. Семейная собственность отсутствовала. Каждый взрослый ее член был отдельным собственником и, кроме того, мог входить в круг коммуналистической собственности, отличный от тех, в которые входили другие члены семьи.

Новый шаг вперед был связан с началом формирования ячеек обособленной собственности. Последняя формировалась как собственность групповая. Люди, входившие в ячейку такой собственности, переставали быть личными собственниками. Они превращались в пользователей вещей, находившихся в совместной собственности, а один из них становился распорядителем всей этой собственности.

Исчезновение границ собственности между лицами, входившими в состав одной ячейки обособленной собственности, было одной стороной процесса. Другой стороной был разрыв связей совместной собственности ее членов с лицами, стоящими вне данной ячейки. Границы ячейки обособленной собственности становились все более четкими и определенными, она все в большей степени отделялась от остальных таких же ячеек.

По мере того как ячейка обособленной собственности все больше определялась, она все в большей степени становилась единицей функционирования производительных сил и тем самым хозяйственной ячейкой общества. Соответственно и община все в большей степени теряла черты хозяйственной ячейки и становилась лишь хозяйственным организмом. Община, пришедшая на смену позднепервобытной, была не чем иным, как формирующейся крестьянской или просто протокрестьянской общиной. Для нее уже был характерен дуализм между унаследованной от первобытной общины совместной собственностью на землю и возникшим парцеллярным хозяйством.

Переход от позднепервобытной общины к протокрестьянской кладет конец второй и последней фазе эволюции первобытнообщинной формации. Стадия развития, на которой теперь оказалось общество, уже не может

быть безоговорочно отнесена к доклассовому обществу. Но в то же время она не может быть отнесена и к классовому. Точнее всего ее можно было бы определить как *предклассовую*.

Мы предпочитаем характеризовать данное общество как предклассовое, а не формирующееся классовое (протоклассовое) потому, что оно далеко не всегда является становящимся классовым обществом. Последнее утверждение нуждается в пояснении. Как уже отмечалось, еще на стадии позднепервобытной общины появились зачатки имущественной и социальной дифференциации, зародышевые формы эксплуатации. С переходом к протокрестьянской общине все явления получают дальнейшее развитие. Однако это, само по себе взятое, еще не означает формирования классового общества.

Становление классового общества начинается с появления формирующихся классовых социальных организмов, которые одновременно являются и формирующимися государствами. Пока таких организмов нет, пока существуют только протокрестьянские общины и различного рода их системы, можно говорить лишь о вызревании предпосылок классовобразования, но не о нем самом. Таков один из возможных вариантов развития.

Этнография дает нам множество примеров обществ, которые не могут быть отнесены ни к числу доклассовых, ни к числу формирующихся классовых. Больше всего их существовало в Африке. Зарубежные исследователи именуют их обычно сегментарными или ацефальными обществами¹⁶⁴. На наш взгляд, такого рода предклассовые общества лучше всего называть *протокрестьянскими*.

Протокрестьянские общества не были формирующимися классовыми, но в них шло вызревание предпосылок становления классов, которое, в частности, выражалось в развитии патроната, кабалы, а нередко также и рабства. И поэтому, чем позже начинался в них процесс становления классов и государства, тем интенсивнее он протекал. И особенно быстрыми были темпы, когда такое общество оказывалось в сфере влияния сложившихся классовых социальных организмов. Оно буквально в считанные десятилетия могло превратиться из протокрестьянского

¹⁶⁴ «African political systems». London, 1940, p. 5—14, 197—296; «Tribes without rulers». London, 1958; «East African chiefs». London, 1960, p. 15, 216—343.

в классовое. Примером могут служить хотя бы галла Эфиопии¹⁶⁵.

Другой основной разновидностью предклассовых обществ были формирующиеся классовые или протоклассовые общества. Протоклассовые общества могли возникнуть не только из протокрестьянских, но и непосредственно из доклассового общества. В последнем случае смена позднепервобытной общины протокрестьянской была одновременно и переходом от доклассового общества к протоклассовому.

Формирующиеся классовые социальные организмы возникали по-разному. Один путь состоял в возникновении системы надобщинных социально-экономических отношений, которая и становилась базисом протоклассового социального организма. Он предполагал выделение представителей формирующегося господствующего класса из состава общин и соответственно превращение последних в организации, объединяющие лишь представителей угнетенного класса. Общины при этом продолжали существовать в качестве суборганизмов в недрах протоклассового социального организма. Этот путь вел в конечном счете к возникновению раннеклассовых обществ того типа, к которому относятся древнеегипетское, древнекитайское, Древнее царство майя, империя инков.

Но формирующиеся классовые организмы могли возникнуть и иным путем — в результате объединения протокрестьянских общин в целостное образование. Именно он привел к возникновению раннеклассовых обществ того типа, к которому, в частности, относятся города-государства Древнего Шумера и доколумбовой Америки. В иных исторических условиях результатом движения по такому пути были полисы Древней Греции и Италии.

¹⁶⁵ H. S. Lewis. A galla monarchy. Jimma Abba Jifar, Ethiopia, 1830—1832. Madison and Millwaukee, 1965.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВАХ ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО СУДАНА

Л. Е. Куббель

Предметом настоящей статьи служит рассмотрение тех особенностей, которые отличали процесс классообразования в Западном и Центральном Судане, т. е. на пространстве от Атлантического океана до оз. Чад. Характер природных условий и сходство исторических судеб различных обществ этого обширного региона позволяют рассматривать его как единое целое, во всяком случае в том, что касается интересующих нас проблем. В целом разложение родового строя и формирование классового общества происходили здесь в рамках тех же общеисторических закономерностей, что и в других частях земного шара. Но так же, как и везде, эти закономерности проявлялись в локальных, своеобразных формах, появление которых определялось теми условиями, в которых развивались суданские общества.

Локальные особенности процесса классообразования в рассматриваемом регионе были обусловлены в основном двумя обстоятельствами: во-первых, экологическими условиями, в которых развивались суданские народы; во-вторых, периферийным положением последних по отношению к средиземноморско-ближневосточному региону, одному из самых развитых в то время на земном шаре в социально-экономическом смысле.

Территория Западного и Центрального Судана — это главным образом обширные редкозаселенные пространства саванны. В хозяйстве оседлого населения этих саванн на протяжении многих веков практически безраздельно господствовала подсеčno-огневая система мотыжного земледелия. Орошаемое земледелие, сколько можно судить по археологическим материалам, не получило здесь широ-

кого распространения¹ (для нас в данном случае не имеет существенного значения вопрос о заимствованном из Нильской долины или же об автохтонном характере производящего хозяйства в суданском регионе, довольно оживленно обсуждаемый в научной литературе последних лет²).

При отсутствии орошаемого земледелия не возникало необходимости в такой организующей общественной производственной силе, как прямое принуждение. Тем самым сдерживалось и создание необходимого для такого принуждения аппарата власти, который в иных условиях, например в Нильской долине или в Двуречье, становился сам по себе достаточно мощным классообразующим фактором, обеспечивая изъятие прибавочного продукта у непосредственного производителя. Правда, в условиях подсечно-огневой системы земледелия существовала потребность в сохранении достаточно крупного производственного коллектива; но она обеспечивалась сохранением общинной организации, представленной различными вариантами перехода от родовой общины к соседско-большесемейной. Притом именно последняя оставалась основной ячейкой производства вплоть до европейской колонизации в последние десятилетия XIX в.³

Устойчивость архаичных форм общественной организации, обусловленная потребностями общественного произ-

¹ *Th. Shaw*. The prehistory of West Africa. «History of West Africa», vol. I. London, 1971, p. 64—66; *R. Mauny*. Les siècles obscurs de l'Afrique Noire. Paris, 1970, p. 49—53; *H.-J. Hugot*. Origins of African agriculture. «Current Anthropology», vol. 9, N 4, 1968, p. 486—490; *idem*. Le Sahara avant le désert. Colombes, 1974, p. 201 sq.; *R. Oliver, B. M. Fagan*. Africa in the Iron Age, c. 500 B. C. to A. D. 1400. Cambridge—London—N. Y.—Melbourne, 1975, p. 12—21.

² Различные точки зрения по данному вопросу см., например: *G. P. Murdock*. Africa: Its peoples and their culture history. N. Y.—Toronto—London, 1959, p. 64—68; *J. Desmond Clark*. The problem of Neolithic culture in Subsaharan Africa. «Background to evolution in Africa. Proceedings of the Symposium Held at Burg Wartenstein, Austria, Jul.—Aug. 1965». Chicago—London, 1967, p. 601—627; *idem*. The prehistory of Africa. Southampton, 1970, p. 202—205; *R. Mauny*. The Western Sudan. «The African Iron Age». Oxford, 1971, p. 64—78.

³ См., например: *M. Delafosse*. Haut-Sénégal — Niger (Soudan Français), t. III. Paris, 1942; «Contumiers juridiques de l'Afrique Occidentale française», t. I—III PCEHS, série A, N 8—10. Paris, 1939, а также работы, вышедшие в 50-х годах в серии «Ethnographic Survey of Africa» под редакцией Д. Форда.

водства, служила в немалой степени тормозящим фактором при переходе от доклассового общества к классовому, на что уже указывалось в марксистской научной литературе⁴. Вместе с тем сочетание низкой плотности населения и огромных свободных пространств пригодной для обработки земли не способствовало возникновению потребности в интенсификации производства: до самого недавнего времени в Западном и Центральном Судане (исключая районы культуры арахиса и в значительно меньшей степени — хлопчатника на экспорт) практически преобладало простое воспроизводство, и возможности появления прибавочного продукта, присвоение которого общественной верхушкой создало бы предпосылки образования общественных классов в марксистском понимании этого слова, оставались минимальными. В итоге такого сочетания замедлявших классовообразование факторов в сфере общественного производства заметно возрастала роль факторов внешних, т. е. в конечном счете воздействия на суданские общества их соседей, ушедших вперед в своем социально-экономическом развитии — Египта и Северной Африки.

Проблема взаимодействия центра и периферии в историческом развитии в последнее время привлекает заметное внимание советских исследователей⁵. По-видимому, нет необходимости подробно пересказывать здесь те выводы, к которым приходили авторы указанных работ. Ограничимся указанием на то, какой представляется в свете этих выводов история взаимоотношений централь-

⁴ Ср.: *J. Suret-Canale. Afrique Noire Occidentale et Centrale. Géographie, civilisations, histoire.* Paris, 1961, p. 65—119; *M. Matłowski. Wielkie państwa Sudanu Zachodniego w późnym średnio-wieczu.* Warszawa, 1964, s. 133 и сл.; *Л. Е. Куббель.* К истории общественных отношений в Западном Судане в VIII—XVI вв. «Африка в советских исследованиях. Ежегодник», т. I. М., 1968, стр. 170—173; *он же.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974, стр. 340—341.

⁵ См., например: *А. М. Хазанов.* Проблемы взаимосвязи классовых обществ и первобытной периферии в докапиталистические эпохи. «Народы Азии и Африки», 1972, № 1; *он же (при участии Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной).* Первобытная периферия докапиталистических обществ. «Первобытное общество. Основные проблемы развития». М., 1975; *И. Л. Андреев, Л. А. Файнберг.* Судьбы первобытной периферии в новое и новейшее время. Там же; *Л. Е. Куббель.* Сонгайская держава. . . , стр. 7—10, 339—342.

ных и периферийных областей в интересующем нас регионе.

На протяжении античности и средневековья общества Западного и Центрального Судана неизменно оказывались в роли периферии по отношению к обществам средиземноморского бассейна, которые значительно обгоняли их по темпам социально-экономического развития. Средиземноморско-ближневосточный регион вообще был в истории человечества одним из главных центров сложения классового общества, оказывавшим весьма существенное влияние на окружающие его области Центральной и Западной Европы, Балкан, Северного Причерноморья, Малой Азии и суданской зоны Африки. Страны бассейна Средиземного моря — Южную Европу, Переднюю Азию и Северную Африку, включая Египет, в указанном плане можно рассматривать как единый экономический и историко-культурный регион, во всяком случае к рубежу н. э. Однако общества суданской зоны Африканского континента имели непосредственные контакты прежде всего с Северной Африкой и Египтом, а уже через них — с остальными странами, входящими в этот регион, служивший для окружающих его обществ единым центром.

Этот центр неизбежно должен был вступать в контакты с окружавшими его периферийными обществами, причем, как и всякие вообще контакты, они должны были быть взаимными. Но такая взаимность ни в коей мере не означала какого-то «равновесия» или «гармонии» между взаимодействием центра и периферии и обратным влиянием последней на центр. Наоборот, в силу гораздо более высокого уровня, на котором находилось общественное производство в центральных областях, они воздействовали на периферийные общества гораздо сильнее и многообразнее, нежели те на них. Но и для центра потребность в связях с периферией была достаточно велика. В частности, для античных обществ такие связи служили главным источником рабов — одной из основных производительных сил в таких обществах. В интересующем нас регионе, например, торговые контакты с глубинными областями Африканского континента в немалой степени обусловили процветание Карфагенской державы в I тысячелетии до н. э.⁶ А в более позднее время золото, до-

⁶ R. C. C. Law. The Garamantes and Transsaharan enterprise in classical times. «The Journal of African History», 1967, vol. VIII,

ставлявшееся из Судана или лесных районов Гвинейского побережья в африканские порты Средиземного моря, сделалось едва ли не основой всей денежной системы в самом высокопозвитом районе раннесредневековых Европы и Передней Азии⁷.

Главным типом контактов центра и периферии в конкретно-исторических условиях рассматриваемого нами региона были торговые связи. И не случайно центры классовообразования и сложения государственности на территории суданской зоны оказались теснейшим образом «привязаны» к важнейшим торговым путям через Сахару.

Вместе с тем нельзя забывать, что периферийное положение Западного и Центрального Судана было таким только по отношению к странам Средиземноморья или, в более узком смысле, к Египту и Северной Африке в целом. По отношению же к южным соседям суданский регион выступал в совершенно иной роли, служа передатчиком влияния средиземноморской зоны на еще более отдаленные общества полосы тропического леса. Другими словами, для этих последних Судан сам оказывался как бы центром, играя видную роль в ускорении процессов социально-экономического развития в более «глубоких» периферийных областях. По существу правильнее говорить не просто о взаимодействии центра и периферии, но центра и двух разных типов периферийности — ближнего и дальнего, поскольку, чем больше возрастало расстояние от высокоразвитых классовых обществ до вступающих с ними в контакт отстававших по темпам развития окраин ойкумены, тем менее можно, видимо, говорить о непосредственном воздействии первых на вторые. Это воздействие осуществлялось уже через ближнюю пе-

N 2, p. 188, 189, 196; *B. G. Martin*. Kanem, Bornu and the Fezzan: notes on the political history of a trade route. *Ibid.*, 1969, vol. X, N 1, p. 15, 16.

⁷ *M. Bloch*. Le problème de l'or au moyen âge. «*Annales d'histoire économique et sociale*», 1933, t. 19; *F. Braudel*. Monnaies et civilisations. De l'or du Soudan à l'argent d'Amérique. «*Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*», I. Paris, 1946; *M. Lombard*. L'or musulman du VIIe au XIe siècles. Les bases monétaires d'une suprématie économique. «*Annales. Economies. Sociétés. Civilisations*», II. Paris, 1947; *М. Маловист*. Европа, Магриб и Западный Судан в XV в. Международные предпосылки европейской экспансии в Африке. «Проблемы африканистики. История, социология, литературоведение. Статьи польских ученых». М., 1974, стр. 134 и сл.

риферню, что служило выражением объективного процесса расширения сферы влияния классово развитых обществ и соответственно возрастания роли последних в мировом историческом процессе.

В истории Западного и Центрального Судана такое расширение сферы влияния центра, т. е. в данном случае средиземноморско-ближневосточного региона, можно проследить очень хорошо. В самом деле, к началу н. э. Судан играл роль дальней периферии, поскольку в качестве ближней по отношению к римско-эллинистическому Средиземноморью выступали такие раннесоциальные образования Северной Африки, как Мавретания, Нумидия и царство гарамантов в Феццане. Но в результате активизации торговых связей через Сахару, чему в решающей степени способствовало появление в Северной Африке около III в. н. э. верблюда, сразу ставшего важнейшим транспортным средством, функции ближнепериферийных обществ ко времени проникновения арабов в Судан перешли уже к таким обществам, как Гаана на западе региона и Канем на востоке его. Надо при этом иметь в виду и то, что первые арабские сведения о Судане относятся лишь к VIII в., но устная традиция позволяет говорить о формировании Древней Гааны уже на рубеже III и IV вв. н. э.⁸ Зона же дальней периферии теперь отодвинулась далеко на юг, к границе тропического леса.

В социально-экономическом развитии обществ периферии как ближней, так и дальней, ведущей была, как правило, тенденция к выравниванию уровня развития с центральными областями; исключением оказывались лишь те случаи, когда непосредственное военно-политическое воздействие более развитых соседей вело просто

⁸ *M. Delafosse. Haut-Sénégal — Niger, t. II, p. 24, 25.* Устная традиция, зафиксированная в суданской хронике «Тарих ал-Фаттан», говорит о 20 правителях Гааны до времени пророка, т. е. до VI—VII вв. (см.: *Tarikh el-Fettâch fi akhbâr el-Bouldân oua-l-djouyoufich oua-akâbir en-nâs par Mahmoûd Kâti ben el-Hâdj el-Motaouakkel Kâti et l'un de ses petits-fils. «Publications de l'Ecole des langues orientales vivantes», V-e série, vol. IX. Paris, 1913, p. 41.*) Свод устной исторической традиции народа сонинке, относящейся к Древней Гаане, см.: *Ch. Monteil. La légende du Ouagadou et l'origine des Soninké. «Mélanges ethnologiques. Mémoires de l'Institut français de l'Afrique Noire», N 23. Dakar, 1953, p. 359—408.*

к деградации и разрушению хозяйства и социальных структур периферийных соседей. Правда, до полного выравнивания почти никогда не доходило, однако в ходе этого процесса, отражавшего объективно прогрессивное и необратимое расширение влияния классовых обществ как более высокого типа социально-экономической организации, происходили существенные изменения не только в самой структуре обществ периферийных, но, по мере того как изменялась эта структура, и в распределении удельного веса среди причин таких изменений между факторами внешними и внутренними. В самом деле, на примере суданских обществ средневековья легко проследить, как постепенно снижалась роль торговых контактов с центральными областями ойкумены, т. е. в данном случае с Египтом и странами Магриба, в социально-экономическом развитии ближней периферии и на первый план все более выступали местные условия и обстоятельства, иначе говоря, в сущности своей обычные формы развития и укрепления раннеклассового, а затем, в Сонгай и Борну XV—XVII вв., и сравнительно развитого классового общества. Это, попятно, не изменяет того факта, что воздействие контактов с центром в конкретно-исторической обстановке интересующего нас региона служило важнейшим толчком, развязывавшим и ускорявшим действие таких внутренних факторов социально-экономической эволюции.

Собственно, специфичной для Западного и Центрального Судана была сама диалектика взаимодействия внутренних и внешних факторов в сложении общественных классов, т. е., по определению В. И. Ленина, таких групп людей, «из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁹. Воздействие высоко развитых соседей во многом предопределило и темпы процесса, и последовательность различных его стадий, и внешние формы, какие этот процесс принимал. А поскольку такое воздействие осуществлялось прежде всего через сферу торговли — в идеологической сфере проникновение ислама было, во-первых, хронологически более поздним явлением, а во-вторых, само по себе оказывалось как бы побочной функцией торговых контактов, лишь

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 15.

значительно позднее приобрета относительную самостоятельность, — целесообразно вкратце охарактеризовать эту торговлю между суданской зоной и Северной Африкой и Египтом.

Несомненно, что в той или иной форме торговля между Суданом и его северными соседями велась еще задолго до нашей эры. В частности, уже у Геродота (V в. до н. э.) впервые появляются сообщения об обмене ремесленных изделий на суданское золото, который осуществляли карфагенские купцы при помощи «немой торговли»¹⁰. Геродот рассказывает, что гараманты Феццапа на своих запряженных четверней боевых колесницах охотились на «эфиопов-троглодитов», т. е., видимо, на предков современных тиббу¹¹. Здесь, помимо интереса, какой представляли бы сами по себе сообщаемые «отцом истории» факты, значение имеет то обстоятельство, что в своем труде он с полной определенностью зафиксировал важнейшие статьи суданского экспорта, которым суждено было играть главную роль в обмене между народами суданской зоны и их северными соседями на протяжении многих веков, — золото и невольников. В то же время Геродот сообщает и о месторождении минерала, который позднее стал важнейшей статьей обмена именно на золото и невольников — каменной соли¹².

Во времена Геродота торговля находилась в руках карфагенян. После завершения Пунических войн их роль перешла к римлянам, что, однако, не повлекло за собой изменения ни характера торговли, ни списка участвовавших в ней товаров¹³. Точно так же почти ничего не изменила в этом отношении смена римлян византийцами, а затем последних — арабами начиная с VII в. К этому времени новые господа Северной Африки нашли здесь уже сложившуюся систему торговых путей, которая и перешла в их руки без сколько-нибудь заметных потрясений.

¹⁰ Геродот, IV, 196.

¹¹ Там же, 183.

¹² Геродот, IV, 185.

¹³ Ch.-A. Julien. Histoire de l'Afrique du Nord. Tunisie—Algérie—Maroc. Des origines à la conquête arabe (647 ap. J.-C.). Paris, 1956, p. 82, 150—152; H. Terrasse. Histoire du Maroc des origines à l'établissement du protectorat français, t. I. Casablanca, 1949, p. 203, 204.

Ко времени появления сочинений арабских историков и географов средневековья — наших первых достаточно достоверных источников по истории и исторической географии суданской зоны в тот период — через Сахару вело несколько главных путей, по которым осуществлялись торговые связи с Северной Африкой¹⁴. На западе дорога, начинавшаяся в Сиджилмассе в Южном Марокко, выводила в район современного городища Кумби-Сале, где помещалась столица Древней Ганы. Далее к востоку караванный путь соединял южные окраины современных Алжира и Туниса с излучиной Нигера в том месте, где неподалеку от выхода к реке уэда Тилемси сложился на рубеже VII—VIII вв. крупный торговый и политический центр в Гао. Еще восточнее пролегал дорога, соединявшая Триполи через Фецдан с районом оз. Чад, т. е. с Канемом, лежавшим на его северо-восточном берегу. Кроме того, существовал и старинный прямой путь от излучины Нигера в Египет через область египетских оазисов в Сахаре (ал-Вахат). В частности, перечисляемые ал-Якуби во второй половине IX в. «царства» Маранда и другие к северо-востоку от Гао находились, как можно понять, именно на этой последней дороге¹⁵. Однако этот путь уже в X в. практически утратил свое прежнее значение как из-за изменения климатических условий, так и из-за превратностей политической истории тех областей, через которые он пролегал. Во всяком случае, уже Ибн Хаукал относил процветание дороги через ал-Вахат к гораздо более раннему периоду, чем современная ему эпоха¹⁶.

¹⁴ Описание главных торговых путей по Сахаре см.: *T. Lewicki. Traits d'histoire du commerce transsaharien: marchands et missionnaires ibadites en Soudan Occidental.* «Etnografia polska», 1964, VIII, str. 291—311; *M. Fournel. La Tripolitanie. Les routes du Soudan.* Paris, 1887; *B. E. Thomas. Trade routes of Algeria and the Sahara.* «University of California Publications in Geography», vol. 8, N 3. Berkeley—Los Angeles, 1957.

¹⁵ *Ibn Wadhih qui dicitur al-Ja'qūbī historiae, t. I. Lugduni Bataurum, 1883, p. 220; «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары».* М.—Л., 1960, стр. 39, 41; см. также: *J. Marquart. Die Benin-Sammlung des Reichsmuseums für Völkerkunde in Leiden beschrieben und mit ausführlichen Prolegomena zur Geschichte der Handelswege und Völkerbewegungen in Nordafrika versehen.* Leiden, 1913, S. XCVII—CXVI.

¹⁶ *Opus geographicum auctore Abū-l-Kāsim Muhammad Ibn Haukal secundum textum et imagines cod. Constantinopolitani conservati in Bibl. Antiqui Palatii N 3346 cui titulus est «Liber imaginis*

Я столь подробно остановился на размещении торговых путей через Сахару потому, что их относительное значение не оставалось неизменным: в общем на протяжении периода, документированного сначала арабскими, а затем и европейскими источниками, происходила постепенная передвижка центра тяжести транссахарской торговли в направлении с запада на восток. И всякое такое перемещение приводило, как правило, к заметной активизации процессов классовобразования и становления классового общества именно в тех областях суданской зоны, которые оказывались в сфере воздействия более активного в данный момент торгового пути. Можно, видимо, предположить, что именно этим объяснялось последовательное смещение к востоку центров политических образований, которые сами по себе служили выражением в сфере надстроечных явлений тех принципиальных изменений, что происходили в социально-экономической структуре суданских обществ — от лежавшего в Сахеле «города Ганы» к хаусанским городам-государствам на территории современной Нигерии через Ниани в верховьях Нигера и Гао как последовательные этапы. Что же касается Центрального Судана, то и здесь наблюдался аналогичный по смыслу процесс, только географически ориентированный в противоположном направлении — с востока на запад. В самом деле, перемещение в конце XIV в. центра политического образования в бассейне оз. Чад с северо-восточного берега на юго-западный и превращение раннесредневекового Канема в просуществовавшее до XIX в. государство Борну¹⁷ тоже отражали запустение древнего прямого пути между долинами Нигера и Нила и переход ведущей роли в транссахарских связях к хаусанским городам (хотя окончательно такой переход произошел только в XVI—XVII вв.). Видимо, не случайна и хронологическая близость между такими важнейшими событиями суданской истории, как переход политической гегемонии в Западном Судане от

terrae», edidit collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J. H. Kramers, fasc. 1. Lugduni Batavorum, 1938, p. 60; «Арабские источники X—XII веков...», стр. 45, 63.

¹⁷ См.: Y. Urvoy. Histoire des populations du Soudan Central (Colonie du Niger). «Publications du Comité des études historiques et scientifiques de l'A. O. F.», série A, N 5. Paris, 1936, p. 323; A. (H. F. C.) Smith. The early states of the Central Sudan. «History of West Africa», vol. 1. London, p. 177—180.

Ганы к Мали, а в Центральном — от Капема к Борну! то и другое приходится на XIII в. Поэтому небезынтересно было бы попытаться выяснить, не представлял ли именно этот период (точнее, конец XIII—начало XIV в.) какой-то определенный рубеж и в социально-экономическом развитии суданских обществ, политическим выражением которого сделалась бы смена носителей гегемонии в западной и восточной половинах интересующего нас региона.

Говоря об экономических контактах с высокоразвитыми классовыми обществами как о важнейшем факторе, стимулировавшем классовое образование на ближней суданской периферии, нельзя, однако, упускать из виду то, что влияние центра в данном случае отнюдь не было прямым и однозначным. Стимулируя, с одной стороны, появление имущественного неравенства, одной из важнейших предпосылок последующего возникновения общественных классов, способствуя разложению общественных структур, характерных для родового строя, это воздействие, с другой стороны, имело бесспорно тормозящее значение для всего социально-экономического развития суданских народов. Причина заключалась в самом характере торговых отношений, издавна сложившихся между Суданом и Средиземноморьем.

Как уже было сказано, еще Геродот обратил внимание на важнейшие два товара, поступавшие на Север через Сахару или предшествовавшие ей в начале второй половины I тысячелетия до н. э. пространства саванны, — золото и невольников. На протяжении столетий именно они оставались главными статьями вывоза, хотя, несомненно, никогда не были единственными: среди африканских товаров еще в античное время фигурировали слоновая кость, страусовые перья, экзотические животные, а в более позднюю эпоху заметное место занимала медь в слитках, о чем сообщает, скажем, в середине XIV в. Ибн Баттута¹⁸. Высказывалось мнение и о том, что широ-

¹⁸ Voyages d'Ibn Batoutah. Texte arabe accompagné d'une traduction française par C. Defrémery et R. Sanguinetti, t. IV. Paris, 1858, p. 440; Extraits tirés de «Voyages d'Ibn Battuta». Traduction annotée: A Djénidi, R. Mauny, V. Monteil, S. Robert, J. Devisse. «Textes et documents relatifs à l'histoire de l'Afrique» (Université de Dakar. Publications de la Section d'Histoire, N 9). Dakar, 1966, p. 74. Ср. также: R. Mauny. Tableau géographique de l'Ouest

кому вывозу золота из Судана мог предшествовать вывоз железа и изделий из него¹⁹; впрочем, такая точка зрения не представляется мне бесспорной. Однако какие бы товары ни участвовали в транссахарской торговле наряду с золотом и невольниками, ни один из них не мог соперничать с этими двумя ни по объему вывоза, ни по стоимости. Судан не случайно был для арабских авторов средневековья преимущественно «страной золота» (или «золотого песка») начиная с VIII в. А в более позднее время, когда западноафриканское золото утратило свое преобладающее значение в мировой экономике, основная масса информации, какую удавалось собрать европейцам относительно внутренних областей западной части континента, неизменно именовала Нигер «Нилом рабов» — Нил ал-абид²⁰.

Мы видим, таким образом, что спрос на золото и невольников, на протяжении всего средневековья существовавший на североафриканских рынках, отличался в целом большой устойчивостью и был сравнительно мало подвержен конъюнктурным колебаниям. Если таковые и наблюдались, то главным образом в сторону повышения спроса, как это было, например, в пору острой нехватки золота и серебра в Западной и Центральной Европе в XIV—начале XV в.²¹ Но ни золото, ни рабы не были, в сущности, продуктом хозяйственной деятельности народов суданской полосы: и то и другое поступало в Судан с юга, из зоны тропического леса и прилегающих к ней областей. При этом золото обеспечивало поступление жизненно необходимой соли из сахарских месторождений, а рабов правящие группы суданских обществ добывали во время многочисленных и, по-видимому, достаточно регулярных экспедиций за полоном, причем оплачивали невольниками уже не столько соль, сколько ремесленные изделия и лошадей. Другими словами, ближнепериферийные общества Западного и Центрального Судана благодаря своему промежуточному положению вы-

Africain au moyen âge d'après les sources écrites, la tradition et l'archéologie. MIFAN, Dakar, 1964, N 61, p. 308—313.

¹⁹ *M. Malowist. Wielkie państwa Sudanu Zachodniego...*, s. 255.

²⁰ Ср., например: *R. Hallet. Records of the African Association. London, 1964, p. 122.*

²¹ *M. Маловист. Европа, Магриб и Западный Судан в XV в., стр. 137, 140, 141; idem. Europa a Afryka w dobie wczesnej ekspansji kolonialnej. Warszawa, 1969, s. 91—158.*

полняли функцию посредника в эксплуатации классовыми обществами Средиземноморья и Ближнего Востока дальней западноафриканской периферии. Но именно это способствовало консервации в самой суданской зоне застойных форм хозяйства и общественной организации, и тем самым увековечивался и все возрастал разрыв между уровнями хозяйственно-технического, а значит и общественного, развития стран Северной Африки и Судана, вне всякого сомнения существовавший уже в первых веках н. э.

Внутри собственно суданских обществ ни рабы, ни золото не находили хозяйственного применения довольно долго. Это с полной очевидностью можно усмотреть, например, из единственного имеющегося в распоряжении исследователя описания Ганы начала XI в., принадлежащего ал-Бекри²². Но в то же время получение этих товаров из южных районов Западной Африки, доставка их в пункты обмена на соль и ремесленные изделия на границе Сахары, дальнейшее распределение соли в районах золотодобычи в обмен на золото — все это требовало довольно значительной по тогдашним масштабам и техническим возможностям организационной деятельности, и кто-то должен был взять ее на себя. Естественно, что наибольшее возможности для этого имела традиционная родовая верхушка: в ее распоряжении находились вооруженные силы общества, она осуществляла идеологическое руководство последним и обладала достаточным авторитетом, и определенным организационно-управленческим опытом. В условиях весьма низкого технического уровня общественного производства и вытекавшей из этого низкой производительности общественного труда возможности создания прибавочного продукта были, как уже говорилось, крайне незначительными, а его отчуждение было бы затруднено традиционной нормой, строжайшим образом фиксировавшей количественную сто-

²² Description de l'Afrique Septentrionale par Abou Obeid el-Bekri. Texte arabe revu sur quatre manuscrits et publié par le Baron M. G. de Slane. Alger, 1857, p. 174—179; «Арабские источники X—XII веков...», стр. 160—164, 181—185; *Al-Bakri* (Cordoue, 1068). Routier de l'Afrique blanche et noire du Nord-Ouest. Traduction nouvelle de seize chapitres avec notes et commentaire (sur le manuscrit arabe 17 Bd. PSS/902 du British Museum) par V. Monteil. «Bulletin de l'Institut fondamental d'Afrique Noire», 1968, t. XXX, série B, N 1.

ропу обычных приношений рядовых соплеменников. Участие же в торговле с Севером сулило родовой аристократии несравненно большие выгоды.

Именно поэтому классовобразование и формирование классового общества в условиях средневекового Судана не началось с непосредственного присвоения родовой верхушкой прибавочного продукта, произведенного трудом рядовых членов общества, а пошло сначала путем монополизации общественной должностной функции, о котором говорил Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»²³. В данном случае речь шла об организационных функциях в обмене с высокоразвитыми классовыми обществами центра. Таким образом, в объем понятия «организационные функции» входило здесь и военное руководство, поскольку приобретение такого экспортного «товара», как невольники, вообще невозможно было без вооруженной силы, да и сбор золота и его транспортировка, в особенности в местностях, граничивших с районами обитания сахарских и сахельских кочевников, также нуждалась в военном обеспечении. Следует, впрочем, ясно представлять себе, что даже при таком пути сложения классового общества естественное развитие последнего все равно рано или поздно должно было привести к сложению системы эксплуатации рядовых членов общества социальной верхушкой, т. е. к присвоению прибавочного продукта, произведенного в данном социальном организме, в результате общественного разделения труда. Тем более что, строго говоря, уже самый факт монополизации организационных функций отдельными членами общества или какой-либо группой их предполагает известное сокращение непосредственного личного участия последних в общественном производстве, поскольку означает такое перераспределение созданного продукта, при котором часть его потребляется лицами, не принимавшими прямого физического участия в его создании.

Но в конкретно-исторических условиях суданской зоны путь непосредственного присвоения прибавочного продукта, особенно на первых порах, не был, как уже было сказано, необходимостью, поскольку предметом обмена служили не продукты собственного производства суданских обществ. Собственно, такой состав экспорта,

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 183—186.

способствовавший консервации застойного характера собственного хозяйства в Судане, и сама эта застойность должны, видимо, рассматриваться как специфичная для данного региона форма проявления неэквивалентности в обмене между обществами центра и ближней периферии.

Несомненно, однако, что монополизация организационных функций в торговле с Северной Африкой и Египтом предопределяла появление весьма существенных изменений в социальной структуре народов Судана: ускорялось развитие имущественного неравенства — этой главной и неперемемной предпосылки разложения родового строя, появлялась новая, непроизводительная общественная прослойка. Последнюю в данном случае отличало от традиционной родовой знати (из среды которой она вышла и с которой была органически связана и генетически и функционально) заметное относительное уменьшение ее роли в руководстве хозяйственной жизнью общества. Следовательно, можно говорить о все большем паразитизме такой прослойки по отношению к остальным членам соответствующего общественного организма. И тем не менее, такой паразитизм не означал еще прямой эксплуатации соплеменника. Едва ли есть основания говорить и о существовании эксплуатации невольника-пленного в период, относительно которого имеются первые сколько-нибудь достоверные сообщения арабоязычных источников, т. е. практически с VII—VIII вв. Во всяком случае, вплоть до XI в. для арабских авторов невольники — только товар, предназначенный для вывоза на Север и не пахотный применения в самом Судане. В этом смысле можно отметить полное единодушие между ибадитскими хронистами и такими авторами, как ал-Якуби, Ибн Хаукал и ал-Бекри²⁴. Единственная форма

²⁴ *T. Lewicki. Quelques extraits inédits relatifs aux voyages des commerçants et missionnaires ibadites nord-africains aux pays du Soudan Occidental et Central au Moyen Age. «Folia orientalia. Revue d'études orientales publiée par la Commission — Section de Cracovie de l'Académie polonaise des sciences», 1960, t. II, fasc. 1—2, p. 1—27; «Kitâb al-a'lâk an-nafisa auctore Abu Ali Ahmed ibn Omar ibn Rosteh et Kitâb al-boldân auctore Ahmed ibn Abi Jakub ibn Wadhîh al-Kâtib al-Ja'kûbî». Lugduni Bat., 1892 (BGA VII), p. 345; «Арабские источники VII—X веков...», стр. 43, 46; «Opus geographicum auctore Ibn Haukal», fasc. I, p. 97; «Description de l'Afrique Septentrionale...», p. 177, 178; «Арабские источники X—XII веков...», стр. 48, 65, 163, 184.*

хозяйственного использования полона, существование которой можно предполагать с почти стопроцентной вероятностью, — это применение невольников в качестве носильщиков как раз в золото-соляной торговле, иначе говоря, опять-таки в непродуцированной — для обществ Западного и Центрального Судана — сфере.

Таким образом, если общества суданской зоны выполняли функцию посредников в эксплуатации высокоразвитыми классовыми обществами средиземноморско-ближневосточного региона дальней периферии путем неэквивалентного обмена, то и для социальной верхушки в Западном и Центральном Судане объектом эксплуатации, создававшей предпосылки дальнейшего укрепления привилегированного положения этой верхушки и постепенного ее превращения в «протокласс», по определению Ж. Баландьё²⁵, оказывался первоначально не соплеменник и даже не раб-полоняник, а более слабый южный сосед, вернее, соседи. Именно они, народы, жившие по границе между суданской и лесной зонами, стали поставщиками и золота и рабов. И можно, видимо, утверждать, что как раз в силу этого обстоятельства неизбежная при разложении родового строя поляризация общественных слоев, ведущая в конечном счете к их превращению в антагонистические классы, развивалась в суданских условиях замедленным темпом, несмотря на относительно раннее начало превращения традиционной социальной верхушки в зародыш эксплуататорского класса. Другими словами, противоречие между трансформирующейся родовой аристократией и массой рядовых членов общества, антагонистическое по характеру, до поры до времени оказывалось как бы вынесенным вовне этого общества и подменялось противоречием между социальной верхушкой Ганы, раннего сонгайского княжества и Канема при первых правителях из династии Сефава и народами, стоявшими на более низких ступенях общественного развития, у которых разложение родового строя еще не начиналось.

Можно пойти и далее, утверждая, что если для ближней периферии влияние центра носило все же двойственный характер, поскольку закрепление застойности в сфере хозяйственной до какой-то степени компенсиро-

²⁵ G. Balandier. *Anthropologie politique*. Paris, 1967, p. 56, 101.

валось ускорением, пусть даже искусственным, формирования предпосылок возникновения классов, прежде всего имущественного неравенства, то на долю обществ дальнепериферийных оставались преимущественно отрицательные стороны этого влияния в виде разрушительного воздействия на их демографическую и социальную структуру систематической и широко поставленной охоты за рабами, которую осуществляли правящие слои ближней периферии.

При слабости материально-технической базы суданской экономики и вытекавшем отсюда низком уровне развития общественного производства, прежде всего земледелия, его ведущей отрасли, такое положение могло сохраняться достаточно долго. Но не бесконечно: параллельно с активным участием социальной верхушки суданских народов в торговле золотом и невольниками происходила и психологическая адаптация общества к мысли о возможности использования труда пленного в интересах того, кто этого пленного захватил и обратил в свою собственность. Здесь в несколько своеобразной форме находила выражение закономерность, отмеченная К. Марксом в «Экономических рукописях 1857—1859 годов»: «... производство создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является создаваемый им продукт»²⁶.

Как только что говорилось, знакомство с применением рабского труда начиналось с использования невольников в качестве носильщиков. Кроме того, их трудом для таких целей пользовались почти исключительно люди, бывшие чуждым для социальной структуры суданских обществ элементом, — купцы-мусульмане арабо-берберского происхождения, приезжавшие с Севера (кстати сказать, в этом заключалось самое, пожалуй, очевидное проявление воздействия центра на периферийные общества). Не исключено, на мой взгляд, что как раз это в известной мере предопределило и характер использования подневольного труда в обществах Западного и Центрального Судана на раннем этапе. Нужно, видимо, оговориться, что в принципе такое использование могла начать главным образом перерождавшаяся традиционная верхушка,

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 29.

поскольку основная масса полна концентрировалась в ее руках, а также и потому — это, пожалуй, не менее важно, — что в рамках хозяйства большесемейной общины при крайне низком техническом уровне производства и малой производительности общественного труда чужака можно было использовать только в форме патриархального рабства: такой чужак, в сущности, просто увеличивал число рабочих рук в домохозяйстве. Собственно, как раз в этом и проявлялось подчеркиваемое в «Капитале» обязательное сочетание в прибавочном труде объективного и субъективного моментов: нужно, чтобы по условиям развития общественной производительности труда работник мог выполнять прибавочный труд²⁷. Но именно общественная производительность труда росла в доколониальных обществах суданской зоны крайне медленно. И последняя причина продолжала действовать отнюдь не только на ранних стадиях процесса классового образования. Она сохранилась на обширных территориях Западной Африки почти до колониального раздела этой части континента, несмотря на три с лишним столетия европейской работорговли. Это и дает, например, Ж. Сюрэ-Канале достаточно веские основания утверждать, что рабство в интересующем нас регионе носило преимущественно «маргинальный» характер²⁸.

Нельзя забывать и того, что до XIII в. у нас нет данных, которые бы подтверждали существование у социальной верхушки Канема и Ганы какого-то собственного хозяйства, где могли бы сколько-нибудь широко использоваться полоняники. Но именно к этому столетию относятся и первые сведения о начале массового применения невольников сначала в непроизводственной сфере, а затем и в земледелии. Но связаны эти сведения уже с теми политическими образованиями, которые стали преемниками Ганы на западе региона, Канема — на востоке его, т. е. соответственно Мали и Борну. В последних произошли качественные изменения как в составе верхушки общества, так и в среде непосредственных производителей материальных благ. Забегая вперед, можно с достаточной уверенностью сказать, что как раз эти из-

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 184.

²⁸ J. Suret-Canale. Problèmes théoriques de l'étude des premières sociétés de classe. «Recherches internationales», 1967, N 57—58, p. 7.

менения позволяют утвердительно ответить на ранее поставленный вопрос, не был ли конец XIII—начало XIV в. определенным рубежом в социально-экономическом развитии обществ Западного и Центрального Судана.

Несомненно, к этому времени заметно выросло общественное производство в суданской полосе, если говорить о его количественной стороне. Об этом можно судить по отмечаемому всеми важнейшими источниками данного периода — сочинениями таких авторов, как Ибн Саид, ал-Омари и Ибн Баттута, основанными, как правило, на информации из первых рук и даже на личных впечатлениях их создателей, — расширению текстильного ремесленного производства и связанной с этим возросшей роли хлопководства в земледелии. Видимо, к этому времени можно уже говорить и о существовании специализированных ремесленных каст: во всяком случае, о них говорят уже предание о Сундьяте²⁹.

И здесь же, в предании о Сундьяте, впервые встречается упоминание о «превращении в рабов» целых племен в результате победы мандингского героя над правителем Сосо Сумаоро Канте³⁰. Конечно, в этом случае едва ли можно предполагать поголовное превращение в рабов (даже если очень осторожно подходить к использованию этого термина, отнюдь не придавая ему значения, характерного для времен античности) целого народа. На практике дело скорее всего ограничивалось установлением тех или иных форм даннической зависимости, притом, по видимому, без перемещения побежденных из прежнего района их обитания. Для нас важнее всего то, что этот рассказ — первое упоминание об отношениях эксплуатации внутри суданских обществ. Впрочем, даже эти сообщения вовсе еще не означают, что покоренные с самого начала использовались только в сфере материального производства. Напротив, дальнейшая история Мали и Борну свидетельствует о все расширявшемся использовании пленных в качестве военной силы. И именно это послу-

²⁹ Обзор экономики средневекового Мали см., например: Л. Е. Кубель. Из истории древнего Мали. «Африканский этнографический сборник, V. История, этнография, лингвистика» (ТИЭ, т. 76). М.—Л., 1963, стр. 81—94; M. Malowist. *Wielkie państwa Sudanu Zachodniego...* str. 133—202.

³⁰ Dj. T. Niane. *Soundjata, ou l'épopée mandingue*. Paris, 1960, p. 140, 142.

жило одной из причин тех принципиальных изменений в составе верхушки общества, которые позволяют расцепить XIII—XIV вв. как качественно отличный от предшествовавшего периода этап социально-экономического развития народов Западного и Центрального Судана.

Я пытался уже рассмотреть вопрос о причинах появления именно в это время рабской гвардии у правителей суданских политических образований³¹. Здесь достаточно будет только сказать, что речь шла о средствах обеспечения такого расширения хозяйственных систем в восточной и западной частях интересующего нас региона, которое бы предопределило их максимальную экономическую эффективность, т. е. о средствах реализации определенной тенденции в развитии обществ, находящихся в стадии перехода от родового общественного строя к классовому, тенденции, отмечаемой советскими исследователями в последние годы³². Для данной же статьи представляет интерес прежде всего то, к каким социально-политическим результатам привела такая реализация в суданской зоне.

Легко понять, почему сравнительно широкое использование невольников правящей верхушкой суданских обществ начиналось в военной и, так сказать, «престижной» (т. е., по существу, в качестве дворни) формах. В обоих случаях господин имел дело не с более или менее сплоченной этнической или земляческой группой, а с индивидуальным полоняником — воином или челядинцем. К тому же обе эти категории лиц практически оказывались, во всяком случае с экономической точки зрения, в привилегированном положении по сравнению со свободными соплеменниками своего господина. В итоге ни те ни другие не требовали за собой того сравнительно жесткого контроля со стороны последнего, какой потребовался бы при хозяйственном использовании компактной

³¹ Л. Е. Куббель. Сонгайская держава... стр. 355—356.

³² Э. О. Берзин. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых обществ. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства)». М., 1966, стр. 63, 64; И. Л. Андреев. Экономические предпосылки складывания классов. «Труды Тюменского индустриального ин-та», вып. 7, ч. II. Философия. Тюмень, 1969, стр. 10.

группы подневольных людей; а на ранних этапах процесса такие соображения оказывались немаловажными.

Таким образом, на первой стадии применения невольничьей рабочей силы в западно- и центральносуданских обществах невольники ни в коей мере не могут рассматриваться как эксплуатируемый слой в обычном понимании этого слова. Скорее даже наоборот: как раз рабское войско стало в этом регионе главным проявлением хорошо известного историка по другим частям ойкумены процесса оттеснения традиционной родовой верхушки новой аристократией, которую точнее всего можно обозначить названием «царские люди». И ход этого процесса, и его результаты оказались практически одинаковыми как на западе интересующего нас региона, у мандеязычных народов, так и на востоке его — у кацури³³.

Именно появление этой новой прослойки в составе социальной верхушки послужило мощным толчком к началу использования невольника в общественном производстве, иначе говоря — к возникновению системы эксплуатации внутри самих суданских обществ. В самом деле, в отличие от родовой знати, царские люди (т. е. в данном случае рабская гвардия, особенно ее командиры) не имели никаких связей с общинами. А будучи за пределами последних, они не могли рассчитывать на получение доли общественного продукта, поступавшего из общин в распоряжение традиционной знати в виде приношений или «даров». К тому же по-прежнему низкий уровень производительности общественного труда во все большей степени делал эту долю недостаточной даже для старой родовой аристократии, потребности которой тоже непрерывно возрастали.

Правда, у традиционной знати существовал еще один источник получения доходов — давняя связь с транссахарской торговлей. Здесь сложился достаточно тесный и в целом взаимовыгодный союз между родовой аристократией и крупным купечеством, причем такой союз укреплялся и заметно продвинувшимся к XIII в. ростом числа

³³ Ср., например: *Ch. Monteil. Les Khassonké. Monographie d'une peuplade du Soudan Français.* Paris, 1915, p. 328, сл.; *G. Boyer. Un peuple de l'Ouest Soudanais. Les Diawara.* «Mémoires de l'Institut français d'Afrique Noire», N 29. Paris, 1953, p. 72, 73; *R. Cohen. The dynamics of feudalism in Bornu.* «Boston University Papers on Africa», vol. II. Boston, 1966, p. 98—101.

лиц суданского происхождения в среде купечества, которое еще в VIII—IX вв., особенно на стадии ибадитского преобладания в торговле с Суданом, было в этническом отношении почти исключительно арабо-берберским. Но для новой аристократии, для царских людей, и в этом союзе тоже не оставалось места.

В итоге единственной возможностью обеспечить себе получение сколько-нибудь ощутимой доли общественного продукта становилось для новой знати расширение хозяйственной системы общества, а это в конкретных условиях Судана означало создание собственного хозяйства такой знати. Но оно могло быть создано только на основе труда зависимых людей, не связанных с традиционной общественной организацией, которая смогла бы обеспечить им известную защиту от эксплуатации. А такими людьми могли быть только военнопленные. Именно появление, а затем и все возрастающее распространение использования труда невольников внутри самих обществ Западного и Центрального Судана, в Мали и Борну, становится характерной чертой XIII—XIV вв. в истории региона. И именно это позволяет говорить об указанном времени как о совершенно определенном рубеже в историческом развитии народов региона — о сложении раннеклассового общества.

Естественно возникает вопрос: какова была основная форма эксплуатации непосредственных производителей в данном обществе, другими словами, какую общественно-экономическую формацию оно представляло? Вопрос этот в достаточной мере сложен, однако можно, я полагаю, с достаточной уверенностью утверждать, что в данном случае мы имеем дело с обществами раннефеодальными, а не раннерабовладельческими. В пользу такой точки зрения говорят как общеисторический контекст, в котором протекало развитие Западного и Центрального Судана в рассматриваемое время, так и те сведения, какими мы располагаем относительно характера эксплуатации и внутренней структуры интересующих нас обществ.

Что касается общеисторической обстановки, то, не касаясь общетеоретического вопроса о всеобщем или локальном характере рабовладения как формации, следует иметь в виду совершенно определенную закономерность в социально-экономическом развитии периферийных обществ:

они, как правило, воспроизводят с теми или иными локальными вариациями те формы общественной организации, которые существуют у их более развитых соседей, обществ центра. Как писал Н. И. Конрад, «возникновение у какого-нибудь народа рабовладельческой формации тогда, когда у других народов уже сложилась феодальная система, было возможно лишь при полной исторической изоляции этого народа от других»³⁴. Поскольку ни о какой исторической изоляции Судана не было и речи, а северные окраины Сахары занимали определенно феодальные государства — мерипидское Марокко, хафсидская Ифрикия и мамлюкский Египет, ведущей тенденцией в сложении раннеклассовых обществ в Западном и Центральном Судане могла быть только феодальная.

Внутри же самих суданских обществ имеющиеся в нашем распоряжении источники выделяют как нечто само собою разумеющееся практически единственную форму использования невольников в хозяйственной деятельности — сажание их на землю. Иногда в научной литературе можно встретить предположение, что речь в этих случаях шла о создании рабовладельческих латифундий³⁵. Мне, однако, кажется, что такое толкование недостаточно учитывает особенности суданской действительности. В самом деле, совершенно очевидно, что латифундиальная форма эксплуатации непосредственного производителя требует очень жесткого контроля со стороны господина и соответственно — достаточно развитого административно-полицейского аппарата, способного такой контроль осуществлять. Но низкий уровень производительности труда в хозяйстве, которое оставалось основанным на подсеке, делало весьма проблематичной возможность получения такого количества прибавочного продукта, которое дало бы возможность содержать этот аппарат, да еще в масштабах всего общественного организма в целом.

И в то же время обращает на себя внимание хорошо прослеживаемая по источникам тенденция правящей верхушки при сажании пленных на землю сохранять (до известной степени, понятно) этническую однородность

³⁴ Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, стр. 130, 131.

³⁵ См., например: Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв. «Очерки по истории и истории культуры» (ТИЭ, т. 53). М.—Л., 1960, стр. 58.

сажаемых групп либо, в тех случаях, когда такую однородность сохранить не удавалось, к искусственному воссозданию у полона привычных для победителя форм общественной организации, и прежде всего большесемейных общин. Речь шла, таким образом, о стремлении приспособить для нужд эксплуататора традиционные общественные структуры (поскольку и при сохранении этнически однородных групп зависимых эксплуататора интересовали именно они). Это и понятно: переход к эксплуатации зависимого человека не сопровождался каким-либо изменением материально-технической базы хозяйства, ведущей его отрасли — земледелия. И следовательно, сохранялась необходимость существования достаточно крупного производственного коллектива, без которого подсечно-огневое мотыжное земледелие было бы попросту невозможно; а таким коллективом и была большесемейная община. И объектом эксплуатации оказывалась именно она, вне зависимости от того, сохранили ли ее при угоне полона или создавали заново из людей, совершенно не связанных какими бы то ни было родственными отношениями. Такая община вдобавок достаточно эффективно выполняла и функции социального контроля за поведением своих членов, тем самым избавляя господина от необходимости заниматься этим. Но как раз последнее было возможно лишь при условии, что за общиной оставалось распоряжение какой-то частью произведенного продукта, иначе говоря, если члены ее не превращались полностью в форму «неорганического условия производства»³⁶. То есть в итоге положение членов такой зависимой общины было гораздо ближе к положению сервов раннего западноевропейского средневековья, нежели рабов в полном смысле этого слова.

Эксплуатацию зависимых людей в сельском хозяйстве начинала в основном новая аристократия. Однако довольно быстро ее примеру последовала в этом и традиционная, хотя уже и в значительной степени переродившаяся родовая верхушка. У нее были к тому достаточно веские мотивы. С одной стороны, количественный рост этого слоя социальной верхушки вел к тому, что его растущие потребности в гораздо меньшей мере, чем прежде,

³⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 478.

могла удовлетворять транссахарская торговля, некогда служившая основным источником материальных привилегий. Помимо количественного роста и возрастания потребностей, немалую роль играло то, что усиление новой знати вызывало необходимость в какой-то, пусть даже и минимальной, степени делиться с нею доходами от караванной торговли: ведь с появлением рабского войска кончилась монополия вооруженной силы, которой располагала раньше родовая верхушка. А военная сила, обеспечивая безопасность торговых путей, оставалась необходимой гарантией получения выгод от обмена с Севером. Больше того, в то время старая знать особенно нуждалась в противовесе непрерывно усиливавшимся царским людям. И единственным реально существовавшим противовесом такого рода оставалась связь традиционной аристократии с общинами свободных. Уже одно это делало невозможным нажим на последние ради увеличения получаемой от них доли произведенного продукта. А кроме того, обычай строго регламентировал именно количественную сторону «даров», они были тесно связаны с традиционными верованиями, сохранявшими огромное влияние, несмотря на все успехи ислама. Кстати сказать, различие между старой и новой аристократией довольно четко фиксировалось в очень неодинаковом темпе внедрения мусульманских верований в эти слои социальной верхушки: новая знать, прежде всего военачальники рабского происхождения, была мусульманской (естественно, в специфически суданских формах), по существу, с самого начала, тогда как старая аристократия принимала ислам гораздо осторожнее, как бы с оглядкой на традиционные верования, с которыми неразрывно было связано ее привилегированное положение в обществе. Все эти причины и обусловили активное участие традиционной верхушки в создании системы эксплуатации зависимых людей. И таким путем создавалась важнейшая предпосылка сближения между этими соперничавшими прослойками социальной верхушки, а в конечном счете, в более далекой исторической перспективе — превращения их в господствующий класс общества.

Однако и на этом этапе исторического развития Западного и Центрального Судана темпы формирования господствующего «протокласса» опережали темпы сложения его антагониста — единого класса зависимых производи-

телей. В самом деле, из всего сказанного становится очевидным, что первоначальная форма классового расслоения, которое может быть определено как таковое в соответствии с ранее приведенным ленинским определением понятия «класс», не включала в систему рядового соплеменника. Друг другу противостояли не простые свободные и социальная верхушка, а последняя и посаженные на землю зависимые люди, принадлежавшие к иным, чем свободные общинники, этническим группам.

Правда, новая знать тоже в большинстве случаев принадлежала к другим этническим общностям. Но как раз здесь обнаруживались диаметрально противоположные тенденции в развитии взаимоотношений между основной массой населения и чужаками у социальной верхушки и у непосредственных производителей. Действительно, рабская по происхождению аристократия неизменно проявляла стремление к возможно более быстрой ассимиляции, к стиранию этнических граней между собой и остальной знатью, причем как традиционной, так и купеческой. В то же время в том, что касалось зависимых людей, с самого начала очень резко выявилась тенденция к закреплению замкнутости различных их групп и категорий. Понятно, что с особой ясностью это ощущалось при контактах между рядовыми свободными соплеменниками и зависимым населением — «чужаками»; здесь взаимному отталкиванию способствовали социально-психологические установки, внушавшие в лучшем случае осторожность и подозрительность по отношению к «чужому», установки, складывавшиеся у людей родового общества на протяжении многих веков и отличавшиеся большой устойчивостью и тогда, когда родовое общество было уже пройденным этапом эволюции. Не меньшую роль играло и противопоставление «свободный — полоняник», хотя хронологически оно и было вторичным. Но и среди зависимых дробность и замкнутость отдельных групп были едва ли не самыми стабильными их характеристиками. Связанные с этим ограничения затрагивали в первую очередь сферу брачных связей, и можно, таким образом, сказать, что с самого начала во взаимоотношениях как между свободными и зависимыми членами общества, так и между разными категориями и группами зависимых преобладала тенденция к кастовому типу разграничения, включая сюда и стремление к поддержанию эндогамного характера различ-

ных групп зависимого населения. Характерным в данном случае оказывалось то, что формирование объединений типа каст вызывалось не столько общественным разделением труда (поскольку в земледелии практически не существовало разницы между большесемейными общинами свободных и зависимых — основными производственными единицами общества), сколько стремлением господствующего «протокласса» сохранить вхождение в такие объединения людей в зависимом состоянии, раз и навсегда резко отделив их от свободных.

Сказанное, понятно, никоим образом не означает, что в Судане отсутствовала кастовая организация, вытекавшая непосредственно из общественного разделения труда. С наибольшей ясностью она прослеживается в тех случаях, когда исследователь имеет дело с контактами между этническими общностями, представлявшими разные хозяйственно-культурные типы. В этих условиях при низком материально-техническом уровне общественного производства производственная специализация той или иной общности в конечном счете неизбежно закреплялась социальной стратификацией, весьма близкой к кастовой. И сама такая стратификация, естественно, отражала те отношения господства и подчинения, какие рано или поздно складывались при «наложении» друг на друга этнических групп, представлявших разные отрасли общественного производства, особенно если речь шла о контактах экономики производящей и непроизводящей. Примером такого пути сложения социальных групп кастового типа могут служить взаимоотношения земледельцев-сопгаев с рыбаками-сорко и охотниками-гоу. Здесь первоначальная двойная, производственная и этническая, стратификация постепенно превратилась в социально-экономическую, но уже в рамках единого этноса (хотя и сорко и гоу сейчас представляют существенно более сложное явление, нежели касты, так сказать, в «чистом» виде).

Однако примеры, подобные вышеприведенному, встречаются все же не столь часто. Гораздо более распространен в Судане тот тип кастового разграничения внутри общества, который представлен ремесленными кастами, в первую очередь кузнецами, ткачами, гриотами и т. п. Он более тесно связан с общественным разделением труда, нежели те кастовые группы, которые формировались, притом чаще всего искусственно, среди зависимого

земледельческого населения. Но и в данном случае нельзя говорить, видимо, о наличии прямой связи между родом занятий и социальным статусом, потому что на такую, несомненно существовавшую первоначально, связь наложился затем, по мере интенсификации контактов с мусульманской Северной Африкой, и вторичный элемент — конфессиональный. Представители ремесленных профессий, занимавшие в доисламском обществе высокое положение не только в силу своей профессиональной деятельности, но также и из-за связи, например, кузнечного ремесла с целым комплексом традиционных верований и магических представлений, в результате распространения ислама не только были лишены прежнего привилегированного социального статуса, но и оказались до определенной степени в положении париев, которых хотя и побаиваются, но отнюдь не признают равными, скажем, земледельцам³⁷. Для традиционных обществ Западного и Центрального Судана характерно, что ремесленные касты существуют параллельно кастовым группам бывшего зависимого населения (это в значительной степени сохранилось даже в наши дни), причем в различных обстоятельствах оба типа кастовой стратификации могут перекрещиваться, но, как правило, не сливаются.

Конечно, использование в экономике суданских обществ труда зависимых людей до того, как началась эксплуатация рядовых свободных членов этих обществ, — проявление хорошо известной общесторической закопмерности. Однако до определенного предела оно не только ускоряло социально-экономическое развитие в суданской зоне, но и притормаживало его, поскольку все расширявшаяся эксплуатация пленников-сервов сдерживала нажим социальной верхушки на свободного соплеменника. В итоге, если можно говорить о существовании в Западном и Центральном Судане во времена расцвета Мали и в период раннего Борну, т. е. как раз во второй половине XIII — первой половине XIV в., достаточно развитых уже «протоклассов»: эксплуататоров — в лице двух категорий аристократии, старой и новой, и эксплуатируемых — в лице певольников, сажавшихся на землю, то все же

³⁷ Анализ этого явления см.: Д. А. Ольдерогге. Сумаоро — царь кузнецов и древняя культура Западной Африки. «Африканский этнографический сборник», VII (ТИЭ, т. 93). Л., 1969, стр. 180—185; L. Makarius. Le sacré et violation des interdits. Paris, 1974.

нельзя говорить об окончательном сформировании в обществах региона стратификации *классовой*. Нельзя потому, что в такую стратификацию не входила основная масса населения, свободные члены большесемейных общин. Рядовой соплеменник включался в такой тип членения общества в последнюю очередь, и произошло это только в следующий период истории интересующего нас региона. Этот этап общественного развития был связан в политическом плане уже не с мадингским государством, а с его преемником — Солгайской державой и с Борну в пору наивысшего могущества последнего; иначе говоря, XVI—начало XVII века — время, к которому мы можем отнести уже завершение складывания классового общества.

Следует подчеркнуть, что речь идет прежде всего о тенденции, с наибольшей силой проявившейся в указанное время. Сама по себе классовая структура западно-п центральносуданских обществ вовсе не приобрела, так сказать, классической завершенности. Во многих случаях исследователи второй половины XIX—начала XX в. при ознакомлении с социальным строем даже самых развитых народов суданской полосы обнаруживали такое количество следов и пережитков доклассовых отношений, что и сейчас еще нередко приходится слышать, особенно от африканских ученых, сомнения в том, что здесь вообще существовали классовые общества³⁸. Правда, приходится учитывать и возможность (а главное, и реальные случаи) регресса в социальных отношениях в результате неблагоприятных внешних воздействий, например, таких, как сопровождавшиеся завоеванием оседлых районов миграции скотоводческих народов (прежде всего фульбе, затем туарегов; в последнем случае масштабы бывали меньше, но это «компенсировалось» гораздо более разрушительным воздействием на производительные силы подчиняемых районов). В качестве примера можно указать на солгайское население долины Нигера между Томбукту и Ансонго. На протяжении XVII—XIX вв. не прекращающийся нажим, с одной стороны, марокканских завоевателей и их потомков — арма, а с другой — туаре-

³⁸ С наибольшей определенностью эта тенденция проявляется в трудах таких видных историков, как Ш. А. Диоп и Бубу Хама. См., например: *Boubou Hama. Enquête sur les fondements et la genèse de l'unité africaine*. Paris, 1966; *Ch. A. Diop. Antériorité des civilisations Nègres: mythe ou vérité historique?* Paris, 1967.

гов-юллиминден, стал одной из главных причин не просто дисперсного, но, по определению современного исследователя, «распыленного» расселения сонгаев в этом районе. Он заставлял забрасывать возделывавшиеся ранее суходольные земли на берегах реки и переориентировать хозяйство на острова и паводковую зону, менее уязвимые для набегов кочевников³⁹.

Главное, однако, заключалось все же не в этих внешних влияниях. Окончательному оформлению классовой структуры суданских раннеклассовых обществ препятствовал в первую очередь все тот же низкий уровень развития общественного производства. В самом деле, как уже говорилось, различие в материальном статусе свободных и зависимых большесемейных общин было крайне незначительным. Это, с одной стороны, не обещало социальной верхушке особенных выгод в случае усиления давления на свободных членов общества, а с другой — сосредоточивало разграничение по принципу «свободный — зависимый» преимущественно в сфере социально-психологической и правовой, т. е. как раз там, где традиционные формы всегда отличаются особенной устойчивостью и консерватизмом.

Существовало и еще одно немаловажное обстоятельство, затруднявшее, казалось бы, резкую поляризацию эксплуататоров и эксплуатируемых в конкретных условиях Судана. Я имею в виду достаточно широко распространенный здесь у большинства народов временный характер невольничьего статуса: как правило, каждое последующее поколение зависимых получало определенные преимущества правового характера по сравнению с предыдущими. Правда, окончательного уравнивания в правах со свободными по рождению в практике так и не происходило, особенно если учесть, что ограничения, связанные с кастовой стратификацией, сохраняли силу, в особенности в семейно-брачных отношениях; и сейчас еще, например, в большинстве районов суданской зоны отлично помнят, «кто есть кто»⁴⁰. Но в результате «подвижности» зави-

³⁹ Ср.: G. Brasseur. Les établissements humains du Mali. Paris, 1968, p. 119.

⁴⁰ Ср., например: J. P. Olivier de Sardan. Esclavage d'échange et captivité familiale chez le Songhay-Zerma. «Journal de la Société des africanistes», 1973, t. XLIII, 1, p. 151.

симого статуса создавалась обычно очень многослойная и сложная структура общества. С точки зрения эксплуататоров это, впрочем, было существенным преимуществом, поскольку при спокойной внешнеполитической обстановке делало почти невозможными совместные выступления эксплуатируемых, что и подтверждается имеющимися в нашем распоряжении источниками: как хрониками Томбукту, так и хрониками хаусапских городов. В первом случае речь о каких-то проявлениях того, что можно расценить как социальный протест, идет лишь в связи с переломными моментами в истории Сонгайской державы, а во втором вообще трудно обнаружить что-либо похожее до появления документов, связанных с восстанием под руководством Османа дан Фодю на рубеже XVIII и XIX вв.⁴¹

По-видимому, вовсе не случайно хроника Сонгайской державы, прежде чем заговорить о стремлении уравнивать в правах свободных сонгаев с многочисленным зависимым населением, которое во все большей степени проявляли государи второй династии, упоминают о несомненных попытках усилить эксплуатацию именно зависимого населения. Картина этого с полной определенностью предстает перед историком в неоднократно рассматривавшемся разными исследователями рассказе хроники «Тарих ал-Фатташ» о последовательном изменении уровня и характера повинностей, которые несли зависимые земледельцы-бамбара на протяжении всего XV в.: от ши Мухаммеда Дао в начале его до аскии ал-Хадж Мухаммеда I в 90-х годах (вопрос о подлинности или позднейшем включении этих сведений в текст в данном случае не играет существенной роли)⁴². И только когда возможности такого усиления эксплуатации зависимых были при заданном уровне материально-технической базы общественного производства исчерпаны, правящая верхушка перешла в наступление и на права свободных членов общества, что в конце концов нашло выражение и в формальном приравнивании

⁴¹ Анализ сообщений сонгайских хроник на эти темы см.: Л. Е. Куббель. Сонгайская держава..., стр. 183—185. О восстании Османа дан Фодю см.: Д. А. Ольдерогге. Западный Судан в XV—XIX вв., стр. 78—91. Ср. также: S. J. Hogben, A. H. M. Kirk-Greene. The emirates of Northern Nigeria. A preliminary survey of their historical traditions. London, 1966.

⁴² Tarikh el-Fettâch..., p. 56.

в правление сонгайского аскии Дауда I (1549—1583) свободных воинов к «рабам», т. е. к зависимому населению. Этим как бы завершался с правовой точки зрения процесс сложения единого класса непосредственных производителей на обширной территории, прилегающей к долине Верхнего и Среднего Нигера. Характерно, что аналогичным образом развивались события и в Борну, причем практически в то же самое время — в правление Идриса Алома (1580—1617)⁴³.

В указанное время произошла и окончательная консолидация господствующего класса: наряду со старой и новой аристократией, в его состав вошла как органическая составная часть купеческая и духовная знать крупных торговых центров. Таким образом, оформились две основные группы эксплуататоров, которые можно определить как сословия военно-административное (в этом смысле старая знать и царские люди давно уже слились в одну группу⁴⁴) и духовно-купеческое. Противостоявший им класс непосредственных производителей можно также рассматривать как состоящий из нескольких сословий. В самом общем виде таковыми можно считать, во-первых, свободное крестьянство господствующей этнической группы (сонгаев на западе региона, капури на востоке его); во-вторых, зависимое земледельческое население разных категорий (а вернее, поколений) и, в-третьих, ремесленные касты.

Характерным признаком завершавшегося оформления классовой структуры общества стало заметное возраста-

⁴³ *Ahmad Ibn Fartua. History of the first twelve years of Mai Idris Alooma. Lagos, 1926, p. 33—34.*

⁴⁴ Такое слияние, однако, ни в коей мере не означало, да и в наши дни не означает, что происхождение той или иной прослойки знати предано забвению. Это хорошо видно, скажем, на примере сегодняшних хаусанских княжеств. Так, например, в Гобире аристократия включает в свой состав «царских детей», т. е. лиц, связанных родственными отношениями с правящей династией, «слуг», т. е. старую знать, наследственно связанную с определенными должностями, и, наконец, «рабов», т. е. чужаков по происхождению, ныне уже тоже наследственно занимающих определенные посты в административной иерархии (см.: *C. Nicolas. Fondements magico-religieux du pouvoir politique au sein de la principauté Hausa du Gobir. «Journal de la Société des africanistes», 1969, t. XXXIX, 2, p. 206—207*). Не менее ясно осознавался двухсословный характер структуры правящего класса, скажем, в Зиндере (см.: *A. Salifou. Le Damagaram, ou Sultanat de Zinder au XIX-e siècle. Niamey, 1971, p. 168—169*).

ние роли поземельных отношений в эксплуатации разных групп непосредственных производителей по сравнению с безраздельно господствовавшими первоначально отношениями личного господства и подчинения. Это можно хорошо проследить, скажем, по изменениям в содержании *махрамов* (иммунитетных грамот), жалованных царями Канема и Борну. Если ранние из них, восходящие к концу XI в., говорят лишь о предоставлении налогового иммунитета тем или иным представителям мусульманского духовенства и их потомству, то махрамы государей конца XV—XVI в., таких, как Али Гаджи, Идрис Катагармабе или Идрис Алома, рисуют уже существенно иную картину. С одной стороны, пожалование иммунитета предваряется пожалованием «земель и селений» или «городов», на которые распространяется даруемый иммунитет. С другой же стороны, махрамы выдаются уже «правителю города такого-то», т. е. и светской знати⁴⁵. Хорошо известно, что средневековая Африка к югу от Сахары, за исключением Эфиопии, не обнаруживает феодальной земельной собственности в тех формах, которые принято считать типичными для последней. Это в свою очередь значительно видоизменило и картину надстроечных явлений. В итоге классовые общества доколониальной Африки оказываются довольно далеки от тех форм феодализма, которые принято считать как бы «чистыми» (ранее я уже говорил о причинах того, почему складывающиеся в субсахарской зоне континента классовые общества не могли возникнуть в форме рабовладельческих). Мне представляется, однако, что социально-экономическая эволюция суданских обществ от родового строя к классовому отражает совершенно определенную ведущую тенденцию, а именно тенденцию феодальную, тенденцию к феодальным формам эксплуатации зависимого непосредственного производителя.

Известно, что феодальные формы эксплуатации — это прежде всего получение в виде ренты части прибавочного продукта, произведенного в рамках хозяйства зависимого производителя, сохраняющего в то же время определенную долю экономической самостоятельности. Это возможно лишь при помощи внеэкономического принужде-

⁴⁵ R. H. Palmer. The Bornu Sahara and Sudan. London, 1936, p. 21—22, 28, 30.

ния, иначе говоря, наличия отношений господства и подчинения между тем, кто присваивает прибавочный продукт, и тем, кто его производит. Естественно, что в наиболее открытом виде эти отношения выступают между военнопленным и тем, кто его захватил в плен. Это означает, что в качестве объекта эксплуатации поначалу мог выступать преимущественно чужак, не входивший в состав основной производственной ячейки общества, т. е. большесемейной общины, домохозяйства. В естественно-исторических условиях Судана, при сочетании обширных пространств пригодной для обработки земли и низкой плотности населения на этих пространствах, именно производитель оказывался тем самым «дефицитным», по определению И. Л. Андреева, звеном в цепи «производитель — средства труда — предмет труда», на основе отчуждения которого возникали отношения эксплуатации⁴⁶. А поскольку эти же самые естественно-исторические условия предопределяли и застойный характер суданской экономики, ее крайне низкий материально-технический уровень и низкую производительность труда в основных отраслях хозяйства, становится попятной и исключительная устойчивость и долговечность отношений личной зависимости, долгое время остававшихся основой эксплуатации в суданском регионе.

Однако диалектика исторического процесса проявлялась и в том, что, по мере того как расширялось использование невольничьей рабочей силы, т. е. явление, построенное на определенной степени отчуждения личности производителя, начинали складываться предпосылки ускорения перехода к нормальной для классового общества системе прямой эксплуатации непосредственного производителя, другими словами — для оттеснения на второй план той самой монополии на отправление организационных функций в обществе, с которой начиналось выделение «протокласса» эксплуататоров.

Но коль скоро начала складываться система прямой эксплуатации, что означало определенное смягчение дефицита в рабочей силе, естественно и неизбежно стало возрастать значение другого звена цепи — предмета труда, т. е. земли. То, что эксплуатация начиналась с отчуждения производителя, не может затемнить то обстоятельство,

⁴⁶ И. Л. Андреев. Указ. соч., стр. 11.

что единственной реальной базой для использования его рабочей силы, и, следовательно, для получения доли прибавочного продукта в виде ренты, была возможность распоряжаться землей (примитивный характер тех средств труда, какими располагало суданское хозяйство, делал малоперспективным с точки зрения эксплуататора присвоение этого элемента производительных сил). Установленная К. Марксом закономерность, что «монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой... способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме»⁴⁷, для Западного и Центрального Судана столь же действительна, как и для любой другой части земного шара. Специфика суданской зоны, как и большинства вообще регионов Тропической Африки, заключалась в данном отношении в том, что проблема отчуждения общинных земель, весьма острая в Европе или в ближневосточном регионе с его развитым ирригационным земледелием, практически не возникала очень долго. Ведь тот, кто имел в своем распоряжении рабочие руки, — а это, понятно, относится почти исключительно к аристократии, старой или новой — безразлично, — всегда мог освоить новые земли. И традиционное земельное право, в этом смысле единое у большинства народов Судана, безоговорочно признавало его первопользователем, и, значит, распорядителем данного земельного участка. Таким образом, в практике узурпация права распоряжаться трудом зависимых людей предопределяла возможность узурпации права на распоряжение любыми доступными для обработки пространствами земли. В этих условиях провести грань между собственностью на землю и владением ею очень и очень трудно, тем более, что такой критерий, как неотчуждаемость в смысле купли-продажи, просто не имел смысла в суданских условиях.

Но поскольку, как отмечал К. Маркс, «земельная рента... предполагает крупную земельную собственность... в качестве фактора производства, но не землю как таковую»⁴⁸, роль земли (точнее, прав на нее) резко возрастала, когда речь шла о перераспределении земельного фонда

⁴⁷ К. Маркс. Капитал, т. III. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 166.

⁴⁸ К. Маркс. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, стр. 31.

между различными группами господствующего класса или отдельными его членами. Это в особенности относилось к поливным землям в долинах крупных рек. Именно пожалование таких земель представителям мусульманского духовенства и купечества, что широко и последовательно практиковалось и в Сонгай при второй династии, и в Борну при Идрисе Алома, свидетельствует о таком возрастании роли земельных прав: тот или иной факхих получал уже не «рабов», руками которых он волен был бы ввести в хозяйственный оборот любой свободный земельный участок, а селение вместе с живущими в последнем зависимыми людьми. Эти люди, таким образом, превращались уже из самостоятельного объекта пожалования в атрибут жалуемых земельных угодий. Иными словами, в такого рода дарении решающее место принадлежало не производителю, а предмету труда. По всей видимости, в таких случаях можно говорить уже о чисто крепостнических формах феодальной эксплуатации зависимого населения. И как раз включение факхихов и купцов в систему эксплуатации зависимых в земледелии, уравнивавшее до известной степени экономическую основу обоих сословий правящей верхушки, позволяет, мне представляется, говорить о сложении единого господствующего класса на базе единой по своему социально-экономическому смыслу, а именно феодальной, крупной земельной собственности.

Отмеченная тенденция в Западном и Центральном Судане не получила завершения. Однако она прослеживается достаточно ясно, для того чтобы можно было на ее основе определить время, когда в интересующем нас здесь регионе закончилось в основном сложение классового общества в его феодальной форме. Этим временем стал как на западе, в Сонгай, так и на востоке, в Борну, XVI век.

В заключение попытаюсь кратко резюмировать те соображения о ходе развития процесса классовообразования в суданской зоне и о его периодизации, которые вытекают из всего сказанного.

На первом этапе — начало его лежит, видимо, в первой половине I тысячелетия н. э., а конец приходится примерно на рубеж XIII—XIV вв. — в разложении родового строя на территории региона и начальной стадии формирования классового общества преобладало действие внешних факторов — влияние развитых классовых обществ Северной Африки и Египта. Началось выделение

зародыша правящего «протокласса» на основе монополизации организационных функций в торговле со Средиземноморьем, но в роли эксплуатируемых выступали южные соседи — народы зоны тропического леса.

В то же время, еще с XIII в. начинается новый этап, на котором появляется эксплуатация внутри самих суданских обществ. В это время, т. е. примерно до последней четверти XV в., она, однако, распространяется только на чужаков, прежде всего военнопленных. Торговля сохраняет значение как фактор ускорения распада родовых структур, однако по мере расширения использования труда зависимых людей, т. е. сложения системы эксплуатации, последняя все более выдвигается на передний план в качестве ускорителя сложения таких общественных структур, которые могут быть определены как раннеклассовые.

Наконец, с последних десятилетий XV в.,ряду со всемерным расширением эксплуатации зависимого населения различных категорий, начинается и включение в систему эксплуатации свободных большесемейных общин. Одновременно с этим завершается формирование господствующего класса из военно-административной и купеческой знати. Основой единства такого класса с социально-экономической точки зрения становится во все возрастающих масштабах формирующаяся крупная земельная собственность. Наивысшего подъема эти встречные процессы достигают почти одновременно на западе и востоке региона к 80-м годам XVI в. К этому времени можно говорить уже о завершившемся в основных чертах сложении феодального общества на территориях, вошедших в состав Сонгайской державы и Борну.

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В БУГАНДЕ

Э. С. Годинер

Вопрос о происхождении государств африканского Межозерья, одним из которых была Буганда¹, впервые возник более ста лет тому назад.

Для европейских путешественников второй половины прошлого века (Спик, Грант, Бейкер и др.) знакомство с межозерным очагом африканской государственности, и в первую очередь с ее политическим центром — Бугандой, оказалось в достаточной степени неожиданным. Они не были подготовлены к тому, что им довелось увидеть.

Стройная, детально разработанная система государственного управления; регулярная сеть дорог, взбирающихся на холмы и пересекающих болота, с точно регламентированной шириной, в зависимости от близости к столице и стратегического значения; штат придворных гонцов, за один-два дня доносивших до окраин государства распоряжения, способные за следующие несколько дней собрать военное ополчение или рабочую силу; вереницы носильщиков, спешащих к столице с грузом натуральных податей и связками каури; обложенные государственной пошлиной рынки — внутри страны и на границах; суды, штафы, казни для нарушивших традиционные нормы права, а чаще — просто по произволу правителя, обладавшего деспотической властью; явные и тайные каналы контроля, постоянно пробующие прочность стянутых к центру нитей управления; скот и пленные, угнанные из

¹ Первоначальное ядро бугандского государства сложилось на северо-западном побережье оз. Виктория. Впоследствии, в процессе экспансии, границы Буганды постепенно раздвигались, и к концу доколониального периода она заняла площадь приблизительно в 10 тыс. кв. миль (около 26 тыс. км²) (*M. Southwold. The Ganda of Uganda. «Peoples of Africa». N. Y., 1965, p. 85.*

соседних стран, — вся эта картина совсем не походила на пеструю чересполосицу разрозненных этносоциальных групп, с которыми европейцы встречались на пути в глубь Африканского континента.

Неудивительно, что едва ли не первым вопросом, повольно возникавшим у всех, кто успел побывать в Буганде до установления протектората, был вопрос о том, откуда появилась в центре Африки, в окружении «диких» племен столь развитая форма общественной организации. Большинству европейских авторов публикаций конца XIX—начала XX в. сложность социальных структур Междозерья казалась объяснимой лишь как результат насильственного введения неафриканских или, во всяком случае, «ненегрских» политических систем в автохтонные общества, органически не способные к самостоятельному развитию. «В этих странах управление находится в руках чужеземцев», — писал в своем «Дневнике» Дж. Спик, первый из европейцев, побывавший в Буганде². По его мнению, возникновение межозерных государств — следствие экспансии и распада государств Абиссинии, некогда основанных при завоевании местного земледельческого населения «хамитами»³ — скотоводами азиатского происхождения. Под давлением арабов, как полагал Спик, часть «хамитских» племен, вероятно, галла, вынуждены были откочевать к югу и юго-западу, в Междозерье, где история повторилась: покорив земледельцев, на этот раз банту, галла основали новое государство, «великое королевство Китарра». Впоследствии оно распалось на ряд самостоятельных образований, а язык, религия (христианская) и даже самоназвание завоевателей были каким-то образом утрачены. Подтверждением своей теории Спик считал сходство антропологических типов правящих скотоводческих групп Междозерья — бахима, бахума и галла Сомали (высокий рост, относительно светлая кожа, ортогнатность, узкое и высокое переносье и т. п. «кавказоидные» черты), а также сохранившиеся в устной традиции банту смутные

² J. H. Speke. The Journal of the discovery of the source of the Nile. London, 1863, p. 247.

³ Термин «хамиты» впервые введен как понятие чисто лингвистическое в 1863 г. египтологом Р. Лепсиусом. Однако, как это видно по опубликованному в том же 1863 г. «Дневнику» Спика, понятие «хамиты» уже в то время стало обрастать антропологическими и этнографическими характеристиками.

предания о родоначальниках местных династий — «наполовину черных, наполовину белых» пришельцах с севера или востока ⁴.

Правда, в отношении Буганды — по общему признанию, самого высокоорганизованного из государств Междоустья, а по некоторым оценкам, даже «уникального» в общеафриканских масштабах ⁵ — первый аргумент оказывался малоприменимым. Искомая «хамитская» примесь здесь едва проступала или вовсе не была заметна. Бугандская элита была почти столь же негрской и такой же земледельческой, как и подавляющее большинство населения, а социальный статус и престиж скотоводов-бахима — очень низкими в глазах знатных и богатых баганда, нанимавших их в пастухи ⁶.

Таким образом, положительная связь между примесью «хамитской» крови в жилах правящего сословия и степенью развития государственности на примере Буганды, казалось бы, не подтверждалась. Тем не менее взгляды Спика многократно повторяются в трудах путешественников, миссионеров и первых колониальных чиновников: Г. М. Стэнли приписывает хамитам «усовершенствование древних примитивных рас Африки» ⁷, по У. Ансорджу, «королевская семья Уганды — хамитской крови» ⁸, А. Тукер «убежден, что она (т. е. государственность Междоустья. — Э. Г.) никогда не могла бы развиться изнутри» ⁹; П. Кольманн повторяет, что возникновение государства в Уганде повлекла за собой «иммиграция... хамитской расы», хотя и выражает недоумение по поводу более низкого уровня культуры как раз в тех странах, Анколе и Карагве, где бахума меньше смешивались с банту ¹⁰.

⁴ J. H. Speke. Op. cit., p. 248, 536.

⁵ «The Diaries of Lord Lugard», vol. II. London, 1959, p. 11.

⁶ P. Kollmann. The Victoria Nyanza. London, 1899, p. 9; H. Johnston. The Uganda Protectorate, vol. II. London, 1902, p. 601, 602.

⁷ H. M. Stanley. In Darkest Africa. London, 1890, p. 359.

⁸ W. G. Ansorge. Under the African sun. London, 1899, p. 111.

⁹ A. R. Tucker. Eighteen years in Uganda, vol. I. London, 1908, p. 96.

¹⁰ P. Kollmann. Op. cit., p. 8, 9. См. также: С. У. Бэкер. Измаилия. СПб., 1876, стр. 327; R. P. Ashe. Two kings of Uganda. London, 1899, p. 38, 85, 112; G. Portal. The British mission to Uganda. London, 1894, p. 184, 185; J. Cunningham. Uganda and its peoples. London, 1905, p. X.

Вообще в этот период — конец XIX — начало XX в. — все, что могло показаться признаком несоответствия между увиденным и хамитской теорией, как бы изначально общепризнанной, либо оставлялось без ответа (Роско, лишь удивляющийся, что «скотоводческий парод, умственно более развитый и, несомненно, более способный, до такой степени всецело посвятил себя уходу за скотом, что ... нет никакого развития культуры»¹¹), либо все-таки увязывалось с господствующим взглядом¹².

Начало научной разработки вопроса, «по причинам, которые сами по себе могли бы быть интересным объектом исследования»¹³, не только не изменило, но закрепило такую постановку проблемы. Высказанное Джолстоном еще в 1902 г. предположение о том, что языки банту возникли в области Великих озер в результате смешения языков суданоязычных негров и «хамитов», закрепляется лингвистической классификацией К. Мейхофа, относящей языки банту к разряду «смешанных», происшедших от «хамитского отца и негрской матери»¹⁴.

В 1930 г. вышла работа К. Зелигмана «Расы Африки», обобщившая разбросанные в источниках и литературе, все еще в основном «любительской», замечания и наблюдения, которые были истолкованы автором в пользу хамитской теории, в ней делается вывод, что «цивилизации Африки — это цивилизации хамитов»¹⁵, сохранивших единый культурный и антропологический субстрат от додинастических египтян до беджа и галла XIX в.

Проявлением этого перенесенного на «негрскую» почву «хамитского» субстрата Зелигман считал само существование в субсахарской Африке, в том числе и в Бу-

¹¹ J. Roscoe. The Bakitara of Banyoro. Cambridge, 1923, p. 10.

¹² Беспрецедентна для своего времени попытка миссионера К. Хетгерслея выйти из хамитского русла: «Большинство авторов думали, — возможно, потому, что так думали самые ранние из них, — что баганда были завоеваны бахума... Но почти невозможно представить, что какая-нибудь раса могла завоевать народ, навязать своего короля и затем исчезнуть, оставив в качестве своих единственных представителей немногих рабов, чтобы пасти скот для завоеванных... Бахума пашли в баганда сильных противников и были жестоко разбиты» (C. W. Hattersley. The Baganda at home. London, 1908, p. 89, 90).

¹³ L. A. Fallers. Bantu bureaucracy. A century of political evolution among the Basoga of Uganda. Chicago—London, 1965, p. 27.

¹⁴ C. Meinhof. Die Sprachen der Hamiten. Hamburg, 1912, S. 2.

¹⁵ C. G. Seligman. Races of Africa. London, 1930, p. 96.

гапде, «сакрального королевства» (divine kingship) с такими специфическими его чертами как ритуал, связанный с персоной правителя и направленный на обеспечение его долголетия и благоденствия государства, насильственное умерщвление или самоубийство больших и одряхлевших государей, павыки мумификации, институт соправительницы — сестры-жены и некоторые другие, по мнению Зелигмана, также «хамитские» характеристики¹⁶.

В работах 30—50-х годов основные тезисы хамитской теории при расхождении в деталях повторяются с навязчивым постоянством стереотипа¹⁷. Создается впечатление, что из проблемы исчезла проблемность. Скорее всего этому способствовало, с одной стороны, широкое распространение в западной историографии общих теорий происхождения государства посредством диффузий и завоеваний, а с другой — методология функционализма, положенная в основу полевых исследований английских социальных антропологов и не ставившая своей задачей создание исторических реконструкций.

Первыми критиками хамитской теории стали ученые, не связанные с традициями английской антропологической школы: советский африканист Д. А. Ольдерогге, американский лингвист Дж. Гринберг и итальянский исследователь Д. Краццолара.

На основе анализа лингвистических данных Д. А. Ольдерогге показал, что выделение особой хамитской группы внутри семито-хамитской языковой семьи искусственно, так как не существует специфических признаков, общих для этой группы и отличающих ее от собственно семитских языков. Не находит Ольдерогге и «общехамитских» показателей антропологического или этнографического порядка и, подводя итоги, оценивает хамитскую теорию как

¹⁶ C. G. Seligman. *Egypt and Negro Africa. A study of divine kingship*. London, 1934, p. 12, 57.

¹⁷ См., например: H. B. Thomas. *The story of Uganda*. Oxford, 1939; R. Coupland. *East Africa and its invaders from the earliest times to the death of Seyyid Said in 1856*. Oxford, 1938; J. Gorju. *Face au royaume hamite du Ruanda. Le royaume frère de l'Urundi. Essai de reconstitution historique. Moeurs pastorales. Folklore*. Bruxelles, 1938; K. Oberg. *The Kingdom of Ankole in Uganda*; M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard. *African political systems*. Oxford, 1941; T. Irstam. *The king of Ganda*. Lund, 1944; R. Oliver. *Oral tradition, Pt. I. «History and archaeology in Africa»*. London, 1955, etc.

«величайшее извращение в вопросах образования государства»¹⁸.

Итальянский миссионер Д. Краццолара в результате кропотливой многолетней работы с лингвистическим и фольклорным материалом пилотских народов Северной Уганды и Южного Судана также пришел к выводам, противоречащим хамитской теории: бахима (бахума) он связывает не с «хамитами» азиатского происхождения, а с потомками скотоводов-луо, мигрировавших из Южного Судана и ставших, по его мнению, основателями династий государств Межозерья. Однако откровенно непримирим к хамитской теории, позиция Краццолара в то же время в определенной части с ней невольно смыкается. По существу, Краццолара порывает лишь с антропологическими и лингвистическими ассоциациями сторонников хамитской теории, оставляя за скотоводами как таковыми исключительную способность к созданию государственных систем и с пренебрежением своих информаторов-луо относясь к земледельцам как к «низшему» и чисто пассивному субстрату, вопреки собственному утверждению, что «нет ли одного факта, который бы указывал на существование у луо единой политической организации» в период миграции¹⁹.

Дж. Гринберг, отрицая единство семито-хамитских языков семито-хамитской семьи, считает понятие «хамиты» лишены научного содержания как в лингвистическом, так и во всех других отношениях, и тем более несправедливым — построение теорий хамитской ориентации, не согласующихся, по его мнению, с фактическим материалом²⁰. По общему признанию, крупнейшим научным вкладом является разработанная Гринбергом классификация языков банту, опровергающая старый тезис Мейнхофа о якобы решающем для формирования языков банту хамитском лингвистическом влиянии²¹.

Как это бывает при переоценке устоявшихся стереотипов, единообразие суждений сменяется в последующие

¹⁸ Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике. СЭ, 1949, № 3, стр. 169, 170.

¹⁹ J. P. Crazzolaro. The Lwoo. Pt. I. Lwoo migrations. Verona, 1950, p. 6.

²⁰ J. H. Greenberg. Africa as a linguistic area. «Continuity and change in African cultures». Chicago, 1959, p. 19.

²¹ Ibid., p. 20, 21; *idem*. The languages of Africa. «International Journal of American Linguistics», vol. XXIX, N 1, January 1963.

годы различными, подчас неожиданными, подходами к теме. Так, К. Райли полностью пересматривает вопрос о государствообразующей роли скотоводов. Он меняет ролями бахима и банту: первые, по его мнению, уже потому не могли быть создателями государства, что «скотоводческий народ... способен нести лишь очень легкий культурный багаж»; вторые, напротив, вполне вероятные основатели королевства банту, типологически сходного с Конго, Лунда и Мономотапой²².

Так же оценивает историческую роль скотоводов Дж. Мердок: «...предположение, что политические системы Уганды возникли в результате завоевания и покорения земледельческих банту кочевниками-скотоводами, не имеет под собой никакой реальной почвы»²³. Однако, в отличие от Райли, первичными создателями государств Межозерья Мердок считает не банту, а земледельцев-кушитов, еще в древности (в I тысячелетии до н. э.) переселившихся из Южной Эфиопии и в конце I тысячелетия н. э. покоренных банту методом «„клин клином“», т. е. восприятием политической системы кушитов и использованием ее для их же покорения»²⁴.

С Райли и Мердоком полемизирует танзанийский ученый Б. Огот: ни археология, ни устная традиция, как он думает, ничего не говорят ни о предполагаемых Райли государствах банту, ни о добантуских кушитах Мердока. Ко времени вторжения в Межозерье нилотов-луо (конец XV в.) север этого района Африки был сферой господства раннегосударственного объединения мади, тогда как на юге подобные образования возглавляли кушиты, предки бахима²⁵.

Археологические раскопки в Биго, Нтуси и других городищах на территории Уганды²⁶ прояснили ряд вопросов, но одновременно поставили новые. Радиоуглеродный

²² C. C. Wrigley. Some thoughts on the Bachwezi. UJ, vol. 22, N 1, 1958, p. 16, 17.

²³ G. P. Murdock. Africa. Its peoples and their culture history. N. Y., 1959, p. 350.

²⁴ Ibidem.

²⁵ B. A. Ogot. Kingship and statelessness among the Nilotes. «Problems in African history». N. Y., 1968, p. 159—161.

²⁶ E. C. Lanning. Ancient earthworks in W. Uganda. UJ, vol. 17, N 1, 1953; idem. Excavations at Mubende Hill. UJ, vol. 30, N 2, 1966; P. L. Shinnie. Excavations at Bigo, Uganda. Antiquity, vol. XXXIII, 1957, p. 54—57; R. Oliver. Ancient capital sites of Ankole. UJ, 1958, vol. 23, N 1.

анализ датирует Биго, по масштабу и характеру сооружений (земляные валы, искусственные водосмы) оцепного как центр, если не государственного, то предгосударственного объединения²⁷, 1350—1500 гг. Место и время Биго согласуются с памятью о легендарной династии Чвези (Бачвези). Но кто такие Чвези? Баптуизированные луо — Jo-Swaа²⁸, вымысел, «блестящий образец фантазии»²⁹, эфиопидные предки бахима³⁰ или их же предки, но негроидные³¹?

За спорами о времени и направлениях миграций, завоеваниях или мирных контактах, этнических и хозяйственно-культурных характеристиках населения первых государств Междозерья просматривается общая для большинства работ этого периода и качественно новая тенденция, переводящая в совершенно иную плоскость саму постановку вопроса: механистическое противопоставление «носителей» и «реципиентов» государственного начала сменяется пониманием сложности процесса трансформации общественной структуры, обусловленного наличием «определенных экономических, политических и военных факторов»³². По Познанскому, не «„суданская цивилизация“ ... расцвела в Уганде или даже мероитская фильтрация этой цивилизации, но нечто такое, что коренилось столько же в окружающей среде и экономических возможностях Западной Уганды, сколько и во влияниях, просочившихся из Нубии»³³. И дело здесь не в охлаждении интереса к поискам культурных влияний, а в претерпевшем существенное изменение самом понятии контакта, который стал определяться как взаимное, а не одностороннее направленное действие. По мысли Р. Коллинза, механизм передачи идей и институтов срабатывает не потому, что

²⁷ Подсчитано, что строительство всего комплекса Биго потребовало бы работы 1000 человек на протяжении года (*M. Posnansky. Kingship, archaeology and historical myth. UJ, 1966, vol. 30, N 1, p. 5*).

²⁸ *J. P. Crazzolara. Op. cit., p. 101.*

²⁹ *C. C. Wrigley. Op. cit., p. 11.*

³⁰ *B. A. Ogot. Kingship... p. 160; J. Maquet. Kitara. «Dictionnaire des civilisations africaines». Paris, 1968, p. 236.*

³¹ Резкое антропологическое отличие бахима от негроидного облика Познански пытается объяснить как «следствие социальных факторов и питания, а не непременно миграций с Восточноафриканского Рога» (*M. Posnansky. Kingship... p. 6*).

³² *B. A. Ogot. Kingship... p. 163.*

³³ *M. Posnansky. Kingship... p. 9, 10.*

их посетители отличаются превосходством в культуре, а потому, что для этого созрело и в этом нуждается общество-реципиент³⁴.

Превращение претерпевает в 60-х годах и оценка роли завоеваний в генезисе государства.

Во-первых, сравнительное изучение огромного материала, содержащегося в устной традиции банту, нилотов и бахима (кем бы ни считать последних), показало, что в ряде случаев миграции были мало похожи на предполагавшиеся раньше внезапные и неотразимые пабеги воинственных орд кочевников. Скорее это было медленное проникновение относительно небольших групп, сопровождавшееся установлением отношений симбиоза с местным земледельческим населением и иногда — последующей кристаллизацией государства с выделением элиты более или менее чистого или смешанного происхождения. Тем самым снималась фетишизация момента завоевания как необходимой предпосылки государствообразования.

Во-вторых, само по себе завоевание и установление политического господства не истолковывается теперь как очевидное свидетельство превосходства культуры победителей.

Главное же в переоценке роли завоеваний — в понимании несводимости формирования государства к простому факту завоевания, даже если заведомо известно, что направление экспансии — от центра цивилизации к ее ближней или дальней периферии. Причем это переосмысление отчасти затронуло и взгляды авторов, продолжавших придерживаться традиционной хамитской трактовки. Так, Л. Мейр пишет, что формирование государств Междоузерья не всегда и не в первую очередь связано с завоеванием³⁵. М. Перэм относит к числу наиболее благоприятных для развития Буганды факторов то обстоятельство, что «в Буганде различия в происхождении и культуре между правящими и покоренными не сохранились», и багапта, таким образом, «имели преимущества конструктивного руководства хима в сочетании с социальным единством»³⁶.

³⁴ R. O. Collins. African states. «Problems in African history», p. 212.

³⁵ L. P. Mair. Primitive government. Harmondsworth, 1962, p. 107.

³⁶ M. Perham. Introduction. «The Diaries of Lord Lugard», vol. II, p. 12.

Нельзя не заметить, что симптоматичный для 60-х годов отказ значительного числа специалистов по истории Междоустья от хамитской теории происходил на фоне общего пересмотра теоретических и методологических основ, на которых базировались исследования предыдущих десятилетий³⁷.

Именно в эти годы намечается тенденция к отходу от функционального метода, одной из основных посылок которого было предположение о возможности изучения общественных структур без обращения к истории их формирования. Показательно, например, что не кто иной, как Эванс-Притчард, один из авторов классической для британской «функциональной» антропологии работы «Африканские политические системы»³⁸, опубликованной в 1941 г., в 1963 г. подвергает критике основные положения функционализма и настаивает на необходимости сотрудничества социальных антропологов и историков³⁹.

60-е годы характеризуются возрождением интереса к внутренним факторам, разрывающим родовые связи и ставящим на их место связи, качественно от них отличные. Как на пример такого подхода можно сослаться на гипотезу М. Фрида, различающего три стадии закономерного восхождения к государству, причем вторичный характер большинства цивилизаций не мешает ему придавать важнейшее значение саморазвитию общества, так как внешние импульсы (в том числе и завоевания) «устанавливали не стратификацию, а суперстратификацию»⁴⁰.

Недостаток многих теорий видит в чрезмерном внимании к внешним факторам и французский исследователь Ж. Балацде, считающий актуальной задачей современной науки изучение внутренних механизмов и процессов происхождения социального и имущественного неравенства. При этом он отмечает, что в «скрыто или явно марк-

³⁷ Не последнюю роль в этом сыграли привнесенные структуралистами идеи технического прогресса и социальной эволюции, закономерно присущих всем обществам (см.: *Е. А. Веселкин*. Теория «единого социального поля» в британской социальной антропологии (на примере «африканской социологии»). «Этнологические исследования за рубежом». М., 1973, стр. 105—125).

³⁸ *M. Fortes, E. E. Evans-Pritchard*. Op. cit.

³⁹ *E. E. Evans-Pritchard*. *Essays in social anthropology*. N. Y., 1963, p. 19—25.

⁴⁰ *H. M. Fried*. *On the evolution of social stratification*. *Culture in history*. N. Y., 1960, p. 729.

спетской антропологии анализируется внутренняя сущность процесса трансформации общества от догосударственных форм к государственным» и «заданное (Энгельсом. — Э. Г.) направление остается плодотворным»⁴¹.

Логическим следствием переориентации в постановке проблемы генезиса африканских государств, естественно, стало повышенное внимание к экологии, экоэкономике и процессам социальной дифференциации. Интересный анализ такого рода содержится в одной из новейших работ по доколониальной Буганде — статье К. Коттака (США) «Экологические переменные в происхождении и эволюции африканских государств: пример Буганды»⁴². Методологически автор объявляет себя последователем теории многолинейной эволюции Дж. Стюарда, «культурного материализма» М. Харриса и «специфического эволюционного подхода» М. Салинза и Э. Сервиса. Возражая против «прискорбной», по его выражению, тенденции, исключавшей возможность саморазвития сложных политических образований в Африке, автор сразу же заявляет, что он «не мог найти никаких свидетельств того, что завоевание местного населения чужеземцами сыграло решающую роль — если оно и в самом деле сыграло хоть какую-нибудь — в происхождении государства Буганда»⁴³. Вслед за Стюардом Коттак полагает, что, «даже если государство было заимствовано или навязано, необходимо еще показать условия, которые сделали это заимствование возможным». Одно только понятие диффузии не объясняет еще, почему одно общество восприняло ее, а другое отвергло⁴⁴.

Ответы на эти вопросы автор надеется получить в детальном исследовании «локальных технико-экологических ниш, используемых обществом, и условий их включения в «супралокальные ниши» главным образом через обмен. Именно в развитии экономики (переход к земледелию, хозяйственная специализация «экологических микросред», появление обмена) Коттак видит основные предпосылки разрушения «эгалитарного» общества и — через

⁴¹ G. Balandier. *Anthropologie politique*. Paris, 1967, p. 184.

⁴² C. P. Kottak. *Ecological variables in the origin and evolution of African states: the Buganda example*. «Comparative Studies in Society and History», vol. 14. Cambridge, 1972, N. 3.

⁴³ *Ibid.*, p. 353.

⁴⁴ *Ibidem*.

последовательные фридовские стадии «ранжированного» и «стратифицированного» состояний — становление собственно государства. Что же касается контактов со скотоводами, то Коттак оценивает их как важную «переменную», причастную к эволюции государства в Буганде, но не имеющую ничего общего с завоеванием. Появление скотоводов, по его мнению, стимулировало создание сложной политической системы в Буганде двояким образом: 1) добавив скот к статьям межрегионального обмена и 2) поставив ганда в «положение обороны» (*defensive pose*)⁴⁵. «Если завоеватели-луо и правили когда-либо Бугандой, — заключает Коттак, — такое правление было... эфемерным»⁴⁶ хотя бы потому, что экологически Буганда непригодна для скотоводческого направления экономики.

Внимание к экономическим предпосылкам становления государства заметно сейчас во многих работах зарубежных исследователей, однако анализ этих предпосылок затруднен неразработанностью важнейших вопросов теории экономики «примитивных» обществ⁴⁷ и отсутствием единых критериев в определении понятия государства. Существует методологическое направление, вообще отказывающееся видеть принципиальные различия между государственными и безгосударственными структурами Африки на том основании, что «все африканские общества характеризуются в разной степени иерархией социальных связей, ограничивающей свободу и равенство каждого»⁴⁸.

В советской историографии последнего десятилетия продолжается интенсивная разработка проблемы раннегосударственных образований⁴⁹.

⁴⁵ *Ibid.*, p. 371.

⁴⁶ *C. Kottak*. *Op. cit.*, p. 373.

⁴⁷ См., например: *Economic anthropology. Readings in theory and analysis*. N. Y., 1970; *Ю. И. Семенов*. Теоретические проблемы «экономической антропологии». «Этнологические исследования за рубежом».

⁴⁸ *R. Verdier*. *Observations préliminaires à une étude sociologique des systèmes politiques Nègro-africaine traditionnelles*. *Gouvernés et gouvernants*, Pt. I. Bruxelles, 1969, p. 154—157.

⁴⁹ См.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966; «Проблемы истории докапиталистических обществ», ч. I. М., 1968; *А. М. Хазапов*. Военная демократия и эпоха классовобразования. ВИ, 1968, № 12; «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968; *И. Л. Андреев*. Экономические предпосылки складывания классов. «Труды Тюменского индустриального ин-та», вып. 7, ч. 1.

Большое значение для понимания стимулов развития и социально-экономической природы ранних государств имеет анализ и обобщение африканского материала.

Между тем можно назвать примерно более десяти-пятнадцати работ советских африканистов, специально посвященных этой теме или хотя бы затрагивающих некоторые ее аспекты⁵⁰. Что же касается Междозерья, то, за исключением большой статьи А. С. Орловой⁵¹, дающей сводку и анализ источников по истории этой части африканского материала и намечающей основные направления исследования, автору не известно ни одной попытки систематического изучения предпосылок и эволюции государственности у народов Уганды.

*

Как известно, важнейшая предпосылка, создающая возможность развития социального и имущественного неравенства, — наличие регулярного прибавочного продукта. Последний появляется, как правило, лишь с переходом к производящей экономике, развитие которой на ранних

Тюмень, 1969; Ю. И. Семенов. Теория социально-экономических формаций и всемирный исторический процесс. НАА, 1970, № 5; Г. А. Меликишвили. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке. НАА, 1972, № 4; «Первобытное общество». М., 1975; А. М. Хазанов. Социальная история скифов. М., 1975; В. Н. Никифоров. Восток и всемирная история. М., 1975.

⁵⁰ Л. Е. Куббель. The Origin of statehood in Western Sudan. Moscow, 1967; С. Р. Ким. Раннеклассовое государство в Центральном Камеруне (по материалам султаната Бамум, XIV—XIX вв.). «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1; И. А. Сванидзе. Королевство Бенин. История, экономика, социальные отношения. «Некоторые вопросы истории стран Африки». М., 1968; «Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970; Д. А. Ольдерогге. В. И. Ленин и проблемы возникновения государства. «Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1969». Л., 1970; С. Я. Берзина. Предпосылки образования Древней Гапы. НАА, 1970, № 1; Н. Б. Кочакова. Города-государства йорубов. М., 1968; А. С. Орлова. История государства Конго (XVI—XVII века). М., 1968; О. С. Томаповская. Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале. «Основные проблемы африканистики». М., 1973; Л. Е. Куббель. Сонгайская держава. М., 1974.

⁵¹ А. С. Орлова. Источники по истории общественного строя народов Междозерья. «Африканский сборник», М., 1963, стр. 231—301.

этапах во многом, как правило, обусловлено экологической средой.

Выделение Междозерья в особую географическую область объясняется не столько однородностью его природных условий, сколько отъединенностью от окружающего мира барьерами «разной степени труднодоступности»⁵²: на западе к Междозерному плато подступают влажные леса Конго, на севере — заболоченные берега оз. Кьога и скрытые покровом плавучей растительности верховья и притоки Белого Нила, путь на восток преграждает негостеприимная Ньика — аридные степи между Верхним Нилом и нагорьями Эфиопии. Относительно доступные проходы оставались с северо-запада, по водоразделу Конго—Нил, и с юга, по обе стороны от оз. Виктория, причем западный из южных коридоров считается топографически более удобным⁵³.

Разумеется, нельзя считать изолятом страну, веками пропускавшую через себя волны мигрантов, но географическая удаленность от центров передовой культуры древности и средневековья, затрудненность даже косвенных контактов с ними не могли не сказаться на исторических судьбах народов Междозерья. Один из ранних европейских авторов пишет о баганда: «Их знание географии... весьма ограничено. На севере оно простиралось до страны ачولى и луру, за оз. Альберт и оттуда... к горе Элгон... не распространялось дальше плато, заселенного нанди и масаями. В юго-западном направлении они знали о существовании страны Уньямвези и оз. Танганьика. На западе их взоры упирались в великую стену конголезского леса... Таковы были границы их знаний до 1850 или 1848 г.»⁵⁴ Как видно из приведенного отрывка, представления баганда об окружающем мире почти не выходили за пределы Междозерья. До середины XIX в. бугандские «короли думали, что они — самые могущественные из суверенов, а их страна — самая большая... в мире»⁵⁵.

⁵² D. N. McMaster. Speculations on the coming of the Banana to Uganda. «Journal of Tropical Geography», vol. XVI, Oct. 1962, p. 57—69.

⁵³ S. J. K. Baker. The East African environment. «History of East Africa», vol. I. Oxford, 1963, p. 8.

⁵⁴ H. Johnston. Op. cit., p. 697.

⁵⁵ J. Roscoe. The Baganda. London, 1911, p. 3.

Рельеф Межозерья — волнистое плато, плавно понижающееся к неглубоким водам оз. Виктория. Средняя высота над уровнем моря — 1000—1500 м, с постепенным повышением к западным нагорьям Рифт и болотистой пизипой оз. Кьога на северо-востоке. Типичный ландшафт северо-западного побережья оз. Виктория — пологие холмы, разделенные болотами и ручьями, заросшими папирусом. Именно здесь, в центре формирования государства Буганда, больше всего чувствуется влияние огромного водного бассейна оз. Виктория⁵⁶: экваториальный режим осадков делит год на два сухих и два дождливых сезона (март—май, октябрь—декабрь), но даже в сухое время года дожди — обычное явление. Среднегодовое количество осадков на побережье — 1500 мм, почти столько же выпадает на северо-западе Уганды, но там они распределяются крайне неравномерно из-за тенденции к сближению сезонов. Влажные северо-запад и юго-восток страны разделены более сухим средним поясом (до 800 мм в год).

По имеющимся данным, климат Восточной Африки первых тринадцати веков н. э. был суше, чем сейчас. Есть предположение, что миграции конца I—начала II тысячелетия н. э. были вызваны засухой⁵⁷. Увлажнение началось с XIV в. и продолжается до сих пор. Уровень воды в оз. Виктория постоянно поднимается⁵⁸.

Суточный перепад температур в Уганде невелик, среднегодовая на юге, в Энтеббе, — 24—26°. Растительный мир принято делить на две зоны: короткотравной саванны сухого пояса и длиннотравной влажной (с так называемой слоновой травой — *pennisetum purpureum*). В пизипах и вдоль рек — болота и полосы леса. Лес в Уганде относительно молодой: его распространение И. Дэйл относит к влажным 1400—1600 гг.⁵⁹ Плоские короткотравные вершины холмов сложены из латеритов и пригодны только для пастбищ. Самый плодородный пояс — средняя

⁵⁶ Площадь оз. Виктория — 68 800 км², средняя глубина — 40 м (*R. L. Kendall. An ecological history of the Lake Victoria basin. «Ecological Monographs», vol. 39, N 2. Spring, 1969, p. 124.*)

⁵⁷ *I. R. Dale. Forest spread and climatic change in Uganda during the Christian Era. «Empire Forestry Review». London, vol. 33, 1954, p. 26.*

⁵⁸ *R. L. Kendall. Op. cit., p. 125.*

⁵⁹ *I. R. Dale. Op. cit., p. 28.*

часть склонов с красноземными почвами муффин, структура которых позволяет впитывать большое количество влаги⁶⁰. Ниже, вплоть до границы болот находится пояс серых долинных почв. Из трех восточноафриканских стран — Уганды, Кении и Танзании — в Уганде больше всего площадей, пригодных для земледелия, а в пределах Уганды первенство в этом отношении принадлежит Буганде⁶¹. Однако условия повышенной влажности, благоприятные для тропического земледелия, одновременно препятствуют развитию скотоводства: 32% площади Уганды заражены мухой цеце⁶².

Восточноафриканская королевская комиссия 1953—1955 гг., признавая разнообразие природных условий Восточной Африки, в целом отнесла их к разряду «суровых»⁶³ (harsh): почти половина территории Восточной Африки позволяет вести лишь экстенсивное скотоводческое хозяйство. В связи с этой оценкой становится понятным, почему почти в каждой работе о Буганде настойчиво подчеркивается исключительная благоприятность ее естественной среды. По восточноафриканским стандартам, Буганда действительно выглядит приятным контрастом сожженным солнцем саваннам, но современные исследователи показали, что видимую привлекательность облика страны не следует переоценивать. Медико-географические характеристики Уганды колеблются между слабой степенью дискомфорта на востоке и слабой степенью комфорта на западе⁶⁴. Высокий уровень заболеваемости во влажных высокотравных саваннах вызывал эпидемии, что должно было периодически снижать «давление избытка населения на производительные силы»⁶⁵ — одно из условий их развития.

Археологически район Межозерья изучен еще недостаточно. Находки костных остатков проконсула у вулкана Напак в дистрикте Карамоджо дают некоторое основание

⁶⁰ C. G. Hansford. General agriculture. «Agriculture in Uganda». Oxford, 1940, p. 65.

⁶¹ S. J. K. Baker. Op. cit., p. 20.

⁶² C. P. Kirby. East Africa. Kenya, Uganda and Tanzania. London, 1968, p. 7.

⁶³ S. J. K. Baker. Op. cit., p. 19.

⁶⁴ Е. Л. Райх. Некоторые медико-географические особенности Восточной Африки. «Страны и народы Востока», вып. IX. М., 1969, стр. 171.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 568.

думать, что «в Угаде история начинается в нижнем миоцене»⁶⁶. На северо-западе Уганды, в отложениях р. Кафу, Э. Уэйландом были найдены палеолитические орудия галечного типа, впоследствии получившие название Кафуанской культуры. Четыре датировки находок микролитических орудий в пещере Мушьяма на о-ве Бувума у северных берегов оз. Виктория показывают, что типичная микролитическая индустрия восходит здесь к очень раннему времени — XIII тысячелетию до н. э.⁶⁷ По общему мнению, древнейшими обитателями запада Межозерья были охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ группы пигмеев. С ними связывают относящуюся к верхнему плейстоцену культуру Сангоа. В юго-восточной части Уганды палеоантропологами установлен бушменский тип (скелетные остатки в Канам — залив Кавироondo⁶⁸) популяций охотников-рыболовов озерного варианта микролитической культуры Вильтон-Вильтон С, распространившейся в Восточной Африке примерно 7 тыс. лет назад⁶⁹. За восточными и северо-восточными границами Межозерья, по-видимому, еще в древности началось расселение эфиопской расовой группы. Во всяком случае, уже верхнекепийская капсийская мезолитическая культура, начало которой датируется не позднее, а вероятно, раньше X тысячелетия до н. э.⁷⁰, представлена эфиопским типом. Однако археологи и палеоантропологи не располагают пока никакими данными о том, что это расселение затронуло Уганду.

На современном уровне знаний приходится считать, что для Межозерья, как и для всей Африки южнее Суданского пояса и Африканского Рога, неолитический период производящего хозяйства, по-видимому, не был характерен⁷¹. За очень немногими исключениями, родина

⁶⁶ «Prelude to East African history». London, 1966, p. 13.

⁶⁷ J. E. G. Sutton. New radiocarbon dates for Eastern and Southern Africa. JAH, 1972, vol. XIII, N 1, p. 18.

⁶⁸ S. Cole. The Stone Age of East Africa. «History of East Africa», p. 46.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ S. Cole. The Stone..., p. 42; J. E. G. Sutton. New radiocarbon dates..., p. 3, 4.

⁷¹ S. Cole. The Stone..., p. 48; J. D. Clark. Prehistoric origins of African culture. «Papers in African Prehistory». Cambridge, 1970, p. 20; C. Wrigley. Speculations on the economic prehistory of Africa. Ibid., p. 70; J. E. G. Sutton. The interior of East Africa. «The African Iron Age». Oxford, 1971, p. 146.

исходных форм культурных растений и домашних животных субэкваториальной Африки прослеживается либо севернее экватора, либо вне Африканского континента. Если же учесть затрудненность контактов между севером и югом Африки, разделенных Сахарой и болотами Нила, отсутствие рек, пригодных к ирригации, зараженность влажных районов мухой цеце, недостаточную техническую оснащенность мезолитических обществ и обилие растительной и животной пищи в лесах и саваннах, станет понятной скудость свидетельств неолитического образа жизни в Африке к югу от экватора. Правда, есть предположение, что некоторые африканские корнеплоды (гвинейской ямс и kaffir potato) возделывались в Центральной и Южной Африке, возможно, еще в I тысячелетии до н. э.⁷² Особенно отстаивает древнюю историю тропического корнеплодного земледелия в Африке Райли⁷³. Однако допущение этой гипотезы не меняет существенно общей картины: вряд ли возделывание одной-двух культур низкой урожайности и питательности могло отстеснить на задний план присваивающую экономику, не говоря уже о том, что большинство населения Тропической Африки, вероятно, не приобщилось и к этому типу земледелия и продолжало вести исключительно охотничье-собираческое хозяйство.

Комплекс сельскохозяйственных культур доколониальной Уганды включал суданское сорго (*sorghum vulgare*), эфиопское просо (*eleusine coracana*), культуры Юго-Восточной Азии: бананы (*musa paradisiaca*), ямс (*dioscorea esculenta*), таро (*colocasia antiquorum*), и Америки: сладкий картофель (*ipomoea batatas*), кассаву (*manihot esculenta*), маис (*zea mays*), арахис (*arachis hypogea*). Когда и какими путями проникли они в Межозерье? Ближайшим (и самым южным в Африке) центром неолитической экономики была область распространения культуры Stone Bowl на Кенийском нагорье и в долине Рифт. Четыре варианта этой культуры датируются началом I тысячелетия до н. э.⁷⁴ Костные остатки показывают, что носи-

⁷² J. D. Clark. Prehistoric... , p. 15; D. N. MsMaster. Speculations... , p. 60; S. Cole. The Stone... , p. 48; R. Oliver. The problem of the Bantu expansion. JAH, 1966, vol. VII, N 3, p. 364.

⁷³ C. Wrigley. Speculations on the economic prehistory of Africa, p. 92.

⁷⁴ J. E. G. Sutton. The interior of East Africa, p. 144.

тели Stone Bowl принадлежали к эфиопскому антропологическому типу⁷⁵. Очевидно, именно эти группы начали выращивать в Восточной Африке эфиопские сорта проса и сорго. Гораздо менее ясен вопрос о степени влияния кенийской неолитической культуры на Междозерье. В отличие от Мердока и Маке, Оливер и Саттон считают, что население Уганды оставалось на стадии присваивающей экономики вплоть до н. э.⁷⁶, и это мнение кажется более обоснованным, по крайней мере в отношении малоприспособленного для зернового направления земледелия влажного северо-западного побережья оз. Виктория.

К северо-западу и несравнимо дальше от Уганды находился другой центр древней неолитической культуры — Западный Судан. Регулярные контакты между средним Нилом и районом оз. Чад Познански относит еще к IV тысячелетию до н. э.⁷⁷ В середине III тысячелетия до н. э. с высыханием Сахары началось движение неолитических групп на юг и земледельческое освоение Суданского пояса⁷⁸. Тем же путями в Западную Африку проникли две породы крупного рогатого скота: длиннорогий и короткорогий безгорбый⁷⁹. Дальнейшему распространению неолитической культуры Судана на юг и восток мешали леса Конго и болота Нила, но не исключено, что ранние миграции предков банту, обладавших позднекаменной техникой, двигаясь вдоль северной кромки конголезских лесов и затем обогнув их по водоразделу Конго—Нил, могли достичь северо-западной окраины Междозерья⁸⁰.

Итак, самое большее, что можно допустить на основании имеющихся данных, — частичное размывание мезолитических границ Междозерья кушитами с востока и банту с северо-запада.

⁷⁵ S. Cole. The Stone... , p. 53, 54.

⁷⁶ G. P. Murdock. Op. cit., p. 349; J. Maquet. Grands Lacs. «Dictionnaire des civilisations africaines», p. 190; R. Oliver. The problem of Bantu expansion, p. 364; J. E. G. Sutton. The interior of East Africa, p. 146.

⁷⁷ M. Posnansky. Bantu genesis, p. 97.

⁷⁸ J. D. Clark. Prehistoric... , p. 20.

⁷⁹ M. Posnansky. The origins of agriculture and iron working in Southern Africa. «Prelude to East African history», p. 86.

⁸⁰ A. Southall. The peopling of Africa: the linguistic and sociological evidence. «Prelude to East African history», p. 74; J. D. Clark. The spread of food production, p. 35, 36; J. Roscoe. The Baganda, p. 378; D. W. Cohen. The historical tradition of Busoga. Oxford, 1972, p. 103.

Предположив, что земледелие придвинулось к границам Междозерья еще в неолитическое время, можно было бы ожидать, что с началом железного века на древней прародине банту (культура Нок в Северной Нигерии — III в. до н. э.), установленной Гринбергом⁸¹ в той же области, где находился суданский центр неолитической культуры, и с расширением масштаба миграций прабанту на восток и юг континента резко возросла возможность включения Междозерья в земледельческий ареал Африки. До последнего времени преобладала точка зрения, предполагающая распространение железа — с исходным пунктом в Мероэ, через район оз. Чад и культуры Нок — в Уганду⁸². Однако древнейшие доказанные археологические свидетельства знакомства населения Междозерья с железом по типу керамики связываются не с культурой Нок, а с культурами раннего железа, распространенными по всей Центральной и Южной Африке от оз. Виктория до Трансвааля. Эти культуры, получившие названия *Dimple-based* и *Channelled* керамики, датируются преимущественно началом и серединой I тысячелетия н. э. и отличаются, при некоторой вариантности, очевидно, близким родством⁸³. Археологи, лингвисты и антропологи пришли к соглашению, что центр формирования культур Димпл и Ченнелд находился к югу от лесов Конго, где с освоением малайских влаголюбивых растений произошел вторичный демографический взрыв, вызвавший экспансию банту во всех направлениях, в том числе и северном⁸⁴. До недавнего времени самая ранняя датировка Димпл приходилась на Мачили в долине Замбези (96 ± 220 г. н. э.), но три последние находки, одна в Руанде — Рутаре (230 ± 50 г. до н. э.) и две в Северо-Западной Танзании — Катурука (450 ± 115 и 550 ± 115 г. н. э.), датируемые необычно ранним временем, позволяют предположить, по мнению Дж. Саттона, что железный век начался в Уганде за

⁸¹ J. H. Greenberg. Studies in African linguistic classification. New Haven, 1955, p. 116.

⁸² S. Cole. The prehistory of East Africa. London, 1963, p. 301; «Prelude to East African history», p. 87—90.

⁸³ J. E. G. Sutton. New radiocarbon dates. ..., p. 6.

⁸⁴ R. Oliver. The problem of Bantu expansion; M. Guthrie. Some developments in the prehistory of the Bantu languages. JAH, vol. III, N 2; J. Hiernaux. Bantu expansion: The evidence from physical anthropology confronted with linguistic and archaeological evidence. JAH, 1968, vol. IX, N 4.

несколько веков до н. э.⁸⁵ Более того, даже если не принимать во внимание эти три датировки, еще нуждающиеся в проверке, остается необъясненной почти одновременность культур типа Димпл и Чепвелд на юге, в предполагаемом ядре, и на далеком севере, каким является Междоузье по отношению к долине Замбези. В обоих случаях они приходится на I—III вв. н. э.: Каламбо-Фоллз в Замбии (345 ± 40 г. н. э.), Катурука (60 ± 115 г. н. э.), Макошго (40 ± 100 г. н. э.), Ндора в Руанде (250 ± 100 г. н. э.), Квале в Кении (270 ± 115 г. н. э.). В Уганде, согласно сообщению Р. Сопера, найдена самая северная из Димпл. Она обнаружена в Чоби, в двух с четвертью градусах к северу от экватора, на территории Мерчисонского заповедника и датируется 290 ± 125 г. н. э.⁸⁶ На юге Уганды Димпл прослеживается до конца I тысячелетия н. э. (Нсонгези — 825 ± 150 г. н. э.) и в некоторых районах остается до середины II тысячелетия. Кроме того, раскопки в Магоси (северо-восточная Уганда, 1240 г. н. э.) и в пещерах островов северо-западной части оз. Виктория показали неравномерное распространение железа: в обоих случаях археологи констатируют сохранение культуры Вильтон, правда, с небольшими признаками контактов с представителями производящей экономики⁸⁷.

Как бы ни решился в будущем вопрос о путях, которыми железо пришло в Междоузье, сейчас уже очевидно, что с середины I тысячелетия н. э. область к северо-западу от оз. Виктория была населена людьми, говорившими на банту и умевшими изготавливать железные орудия. Примерно с этого же времени или несколько позже датируется появление бананов в Уганде. По подсчетам ботаников, для выведения нескольких десятков сортов, известных сейчас в Восточной Африке, понадобилось не менее 1500—2000 лет⁸⁸. В попытках реконструкции «путей банана» прослеживается эволюция взглядов, сходная с решением проблемы «путей железа». Если Дж. Мердок предполагал прямой путь индонезийских культур с северо-восточного побережья через посредничество кушитов к банту Междоузья, пройденный еще до

⁸⁵ J. E. G. Sutton. *New radiocarbon dates...*, p. 11.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 8.

⁸⁷ J. E. G. Sutton. *The interior of East Africa*, p. 151.

⁸⁸ D. N. McMaster. *Speculations...*, p. 67.

пачала п. э.⁸⁹, а Дж. Вейпрайт отводил исходный пункт еще дальше к северо-востоку в Эфиопию⁹⁰, А. Томас и Д. Макмастер усомнились в возможности распространения влаголюбивых культур этими путями и предложили свое совершенно иное решение вопроса. Они обратили внимание на то, что преодоление аридных пространств кенийской Ньяки вряд ли было возможно для банана, не способного переносить засуху, и естественнее предположить, что бананы, ямс и таро, понав с Мадагаскара на Мозамбикское побережье Африки, достигли Междозерья с юга через долину Замбези и Великие озера⁹¹. Эту точку зрения поддержали К. Райли, М. Познански и Р. Оливер⁹². Культуры американского комплекса распространились в Африке с XVI в.⁹³

Сколько-нибудь заметное проникновение скотоводческих групп в Междозерье датируется, вероятно, не ранее II тысячелетия п. э. Наиболее распространенная в Центральной и Восточной Африке порода скота — горбатый санга — сложилась в Эфиопии в результате скрещивания длинноногого безгорбого скота переднеазиатского происхождения с короткорогим горбатым зебу на рубеже I—II тысячелетия и вскоре через свободные от мухи цеце коридоры плато по обе стороны долины Рифт достигла короткотравных саванн Западного Междозерья⁹⁴.

С введением скотоводства стали терять былое значение присваивающие виды экономики и отступило на задний план в сухой полосе земледелие. Лишь влажное побережье создавало естественную преграду перевесу скотоводческого образа жизни, в той же мере поощряя земледельческий. Основной культурой, в отличие от зерновых севера Междозерья, здесь стал банан, несколько десятков сортов которого и сотни разновидностей распределяются между четырьмя группами: bitoke для варки, mbide — для приготовления пива, gonja — для вяления и десертные —

⁸⁹ G. P. Murdock. Op. cit., p. 349.

⁹⁰ G. A. Wainwright. The coming of the Banana to Uganda. UJ, vol. XVI, N 2, p. 145—147.

⁹¹ A. S. Thomas. The coming of the Banana to Uganda. UJ, vol. XIX, 1955; D. N. McMaster. Speculations..., p. 61, 62.

⁹² C. Wrigley. Speculations on the economic prehistory of Africa, p. 92; M. Posnansky. Bantu genesis, p. 86—92; R. Oliver. The problem of Bantu expansion, p. 145—148.

⁹³ M. Posnansky. The origins of agriculture..., p. 82.

⁹⁴ Ibid., p. 88, 89.

menyu. Посаженный в плодородный краснозем бугандских холмов банан начинает плодоносить через 10—18 месяцев и способен приносить урожай в течение 30—50 лет⁹⁵. По урожайности он уступает только маниоке, а уход за ним нетрудоемок⁹⁶: в дождливый сезон производится прополка, окапывание и обрезание лишних боковых побегов. Срезанные листья расстилаются на земле, образуя ковер, предохраняющий почву от высыхания, и со временем гнивают, удобряя ее. При желании бананы можно запастись впрок: вялить или толочь на муку, но страдной поры эта культура от земледельца не требует: грозди срезают по мере созревания и надобности круглый год. Ниже по склону сажали однолетние культуры: бататы, ямс, маниоку, бобовые, арахис; еще ниже, на серых долинных почвах — зерновые. Междурядья заполняли деревьями из рода фикусовых, их тень защищала бананы от солнца. Баганда не знали ткачества и одежду делали из обработанного до замшевой мягкости луба этих деревьев.

Во времени колонизации в системе земледелия баганда видны элементы чередования культур, но значительного развития они не получили: земли было много и истощенный участок всегда можно было забросить на несколько лет. Все работы производились несколькими простыми орудиями: мотыгой, палкой-копалкой с железной рабочей частью, ножами разной величины и формы⁹⁷. Сложившееся в Буганде соотношение сельскохозяйственных культур, наряду с другими факторами, о которых речь пойдет ниже, оказало глубочайшее влияние на социальную историю этой страны. Не знающая засух Буганда не знала и угрозы голода. Многолетняя культура банана обеспечивала прочную оседлость поселения, стабильность хозяйства, что при потребительском направлении экономики неминуемо означало меньшую по сравнению с областями

⁹⁵ C. G. Hansford. Op. cit., p. 114; D. N. McMaster. A subsistence crop geography of Uganda. «World Land Use Survey. Occasional Papers», London, 1962, N 2, p. 42—43.

⁹⁶ X. Акабане на примере Конго (ныне Заир) приводит следующие данные: чтобы вырастить и собрать урожай на гектаре, нужно затратить 122 рабочих дня для манса, 162 — риса, 310 — маниоки и только 80 — для банана (H. Akabane. Traditional pattern of land occupancy in Black Africa. «The Developing Economics», vol. VIII, N 2. Tokyo, 1970, p. 165).

⁹⁷ M. Trowell, K. Wacksmann. Tribal crafts of Uganda. London, 1953, p. 92—96.

зернового земледелия площадь под однолетними культурами и соответственно меньший объем работ в периоды расчисток новых земель и уборки урожая. Тем самым в основной отрасли производства — земледелии сводилась к минимуму необходимость коллективного мужского труда. К. Коттак прав, говоря, что «немного найдется обществ, в которых мужчины были бы так свободны от сельскохозяйственных работ»⁹⁸. За исключением подъема целипы, весь цикл сельскохозяйственных работ в Буганде был обязанностью женщин, причем одновременность созревания культур более или менее равномерно распределяла нагрузку в течение года и позволяла справляться с хозяйством без посторонней помощи. Потребность в кооперации в традиционном земледелии баганда была минимальной. Тезис об универсальности аграрного коллективизма, действительно присущего производственной деятельности многих сельскохозяйственных народов Тропической Африки⁹⁹, не подтверждается на примере баганда. Насколько это исключение можно назвать редким — трудно сказать. Для ответа на этот вопрос нужно было бы провести сравнительное исследование традиционных сельскохозяйственных экономик Африки¹⁰⁰.

Скудные данные источников дают лишь очень приблизительное представление о продуктивности сельскохозяйственного хозяйства баганда. Традиционно считалось, что одна женщина может прокормить десять мужчин, и К. Райли, посвятивший специальную работу экономике баганда, не видит в этом утверждении слишком большого преувеличения¹⁰¹. Традиция и очевидцы подчеркивают еще один

⁹⁸ С. Kottak. Op. cit., p. 358.

⁹⁹ См., например: Н. Akabane. Op. cit., p. 166; В. В. Крылов. Основные тенденции развития аграрных отношений в Тропической Африке. НАА, 1965, № 4, стр. 3—4; Н. Б. Кочакова. Особенности производства и присвоения прибавочного продукта в странах Бенинского залива. «Социальные структуры доколониальной Африки», стр. 18.

¹⁰⁰ Во всяком случае, у бакуба и балуба первичной производственной ячейкой также была не большая, а малая семья (Э. С. Львова. Социальная структура государств Куба и Луба. «Социальные структуры доколониальной Африки», стр. 149, 151). Ж. Маке также считает, что «элементарная семья является единицей сельскохозяйственного хозяйства в традиционной Африке» (J. Maquet. Polygamie. «Dictionnaire des civilisations africaines», p. 338).

¹⁰¹ С. Wrigley. The changing economic structure of Buganda. «The king's men». London, 1964, p. 18.

момент: ведение земледельческого хозяйства не требовало большого напряжения сил¹⁰². Поэтому можно думать, что в пределах, доступных земледелию мотыжного типа, потенциальные возможности производства избыточного продукта в Буганде были довольно высокими. Другое дело, были ли условия и стимулы реализации этой возможности.

Но вернемся к вопросам общественного разделения труда. Какие последствия имели индивидуализация процесса производства и высвобождение мужских рук от земледельческого труда?

Уход за скотом не был делом взрослого мужчины. Немногочисленный крестьянский скот — одна-две коровы, несколько коз и овец в каждом хозяйстве — пасли мальчики-подростки на вершине холма, который опоясывала деревня. Традиционными мужскими занятиями считались охота, рыболовство, постройка жилища и домашние ремесла: гончарное, изготовление лубяной материи мбугу, плетение сетей, цыповок, корзин, обработка кож и дерева¹⁰³. В догосударственный период отделение ремесла от земледелия, вероятно, наметилось лишь в одном из ремесел — кузнечном. Хотя появление металла и формирование государства в Буганде разделяет, по крайней мере, тысячелетие, есть довольно основательные причины думать, что плавка и тем более ковка и тем более плавка железа были усвоены предками баганда несколькими веками позже, чем просто умение пользоваться железными орудиями. Легенды о первых кузнецах — чужеземцах из Буньоро и Будду¹⁰⁴ — хорошо согласуются с размещением естественных ресурсов. Ископные земли Буганды бедны месторождениями железных руд, в отличие от соседних северо- и юго-западных областей, где они в изобилии и к тому же залегают почти на поверхности. Даже в XIX в. бугандские кузнецы специализировались главным образом на перековке вторичного сырья: дефицит металла заставлял бережно относиться к каждому кусочку железа — выбросить сработанную мотыгу считалось непозволительной роскошью в крестьянском хозяйстве¹⁰⁵. Мотыги из Буньоро и Будду — традиционная, и по-видимому восходящая

¹⁰² J. Roscoe. The Baganda, p. 4.

¹⁰³ J. Roscoe. The Baganda, p. 383—412; A. Kagwa. The customs of the Baganda. London, 1934, p. 151—159.

¹⁰⁴ J. Roscoe. The Baganda, p. 378, 379.

¹⁰⁵ A. Kagwa. The customs of the Baganda, p. 160.

к глубокой древности, статья межрегионального обмена. Соль — вторая по важности статья экспорта из Буньоро, ее издавна выпаривали в Киби́ро, на южном берегу соленого оз. Альберт¹⁰⁶. В обмен на соль и железо жители прибрежной полосы могли предложить вяленую рыбу, бананы, мбугу. При сопоставлении ассортимента участвовавшей в обмене продукции двух различных экологических зон — Буганды и Буньоро — бросается в глаза разная степень ее необходимости. В конце концов скотоводческо-земледельческое хозяйство Буньоро могло обойтись без бананов и рыбы, в то время как прекращение поступления железных орудий в Буганду сделало бы невозможным само производство. Очевидно, что по сравнению с северными соседями приозерная область гораздо больше пуждалась в интенсивных регулярных контактах, тем более что возможность выбора партнеров по обмену была чрезвычайно узкой: почти до конца XVIII в. торговые пути Междозерья замыкались в автономную систему, не имеющую выхода в другие районы Африки.

Как уже отмечалось выше, К. Коттак в числе причин, или, по его терминологии, «переменных», приведших к образованию государства в Буганде, отводит важное место включению скота в статьи межрегионального обмена¹⁰⁷. Однако, если это утверждение и можно принять, то лишь с оговорками.

Земледельческая Буганда действительно довольно быстро научилась ценить скот. Тем не менее в сколько-нибудь значительных масштабах скот не участвовал в обмене. По разным причинам это было для обеих сторон и невозможно, и не нужно. Полукочевое скотоводство менее всего было ориентировано на рынок. В представлении кочующих групп скот имел самодовлеющую ценность, с которой расставались лишь в определенных случаях, когда дарение (но не продажа) скота скрепляло взаимные социальные обязательства двух групп (заключение брака, военного союза, установление отношений покровительства, побратимства), и это имело место во взаимоотношениях с земледельческим населением северо-запада Междозерья, жившим бок о бок со скотоводами и воспринявшим во многом систему ценностей, в которой скот занимал почетное место.

¹⁰⁶ J. E. G. Sutton. The interior of East Africa, p. 167.

¹⁰⁷ C. Kottak. Op. cit., p. 371.

С другой стороны, экологические условия той узкой прибрежной полосы, где впоследствии возникло первое небольшое объединение нескольких десятков общин, не позволяли держать большие стада. Если бы баганда задалась целью приобрести как можно больше скота, им бы пришлось отнимать его силой и вместе с пастбищами — именно так развивались события несколькими веками позже, когда в бугандском обществе назрела потребность в грабительских войнах и создавалась возможность их успешного ведения. Не обмен, а война решала для баганды вопрос о том, в чьей собственности будет скот. Поэтому тезис Коттака можно считать справедливым только при условии отведения ему места частного — и далеко не самого важного — фактора в контексте отношений между скотоводами и земледельцами, в целом крайне важных для общественного развития народов Межозерья. Нельзя отрицать, что обмен был одним из каналов, провоцировавших знакомство земледельческого общества с формой накопления богатства, присущего скотоводческому, но, перефразируя Коттака, можно сказать, что не включение скота в межрегиональный обмен оказало значительное влияние на формирование государственности в Буганде, а, напротив, его недостаточное включение.

Итак, особенности структуры производящего хозяйства, развивавшегося на протяжении тысячелетия (временные границы которого приблизительно определяются V—XV вв.) в прибрежной полосе к северу от оз. Виктория, обусловили необычно высокую для мотыжного земледелия степей индивидуализацию производства и почти полное освобождение мужского населения от земледельческого труда. Относительно высокая продуктивность хозяйства способствовала росту численности и увеличению плотности населения, постепенно расселявшегося по всему побережью. Некоторая разнородность экологических условий в пределах прибрежной полосы могла, вероятно, поддерживать регулярный обмен и в границах этой зоны, но масштабы его вряд ли были значительны. Гораздо более настоящей была потребность в обмене со скотоводческо-земледельческой зоной короткотравных саванн северо-запада Межозерья, однако она отнюдь не была взаимной.

Пока прибрежное население оставалось малочисленным и разобщенным, оно, вероятно, еще могло обходиться

тем немногим, что удавалось получить от соседей, или, во всяком случае, вынуждено было мириться с дефицитом железа, соли, скота.

Устные хроники баганда с некоторой долей ностальгии повествуют о тех временах, когда каждый, довольствуясь малым, жил со своими сородичами и не знал иной власти, кроме власти родового старейшины¹⁰⁸. Лишь 5—6 из 36 родов¹⁰⁹ помнят себя в Буганде до появления Кинту — легендарного основателя династии бугандских правителей. Однако не все версии рисуют картину идиллической отъединенности родов и в ту отдаленную эпоху. В преданиях Кинту зачастую выпущен доказывать свое превосходство в единоборстве с персонажем, олицетворяющим верховное надродовое начало. Иногда это ssabataka — «старейшина старейшин», избранный из числа глав родов. Особенно часто выступает в этой роли старейшина одного из древнейших и «благородных» родов — рода Civet-cat (Виверры) по имени Walusimbi¹¹⁰. В других вариантах Кинту воцаряется в Буганде после победы над змеем Бвемба — «королем Буганды»¹¹¹ и события развиваются еще драматичнее: если Валусимби уступает Кинту, признавая его превосходство и довольствуясь положением приближенного, разъяренный Бвемба готов драться насмерть с узурпатором. Трудно сказать, была ли привнесена идея единого племенного вождя и культа позднее или она отражает какую-то долю исторической истины: иерархию родов, начало социальных конфликтов и попытки племенного объединения. Мы можем лишь предполагать вероятность последнего, учитывая, с одной стороны, общую подготовленность описываемого общества к серьезным социальным переменам и, с другой — начиная с XIII—XIV вв. все более настойчивые импульсы извне: с востока, где мощный поток расселения банту заполнял земли между оз. Виктория и Индийским океаном, западным флангом огибая озеро, и с северо-запада, где в это время консолидировалось первое в Межозерье объединение раннегосударственного типа — так называемая «империя Китара». Тем самым в этой части Африканского континента

¹⁰⁸ J. Roscoe. The Baganda, p. 186.

¹⁰⁹ Ibid., p. 145.

¹¹⁰ M. Southwold. Succession to the throne in Buganda. «Succession to High Office». Cambridge, 1966, p. 102.

¹¹¹ A. Kagwa. The customs of the Baganda, p. 12.

обозначился локальный центр государственности, по отношению к которому Буганда оказалась южной и, в масштабах Межозерья, поначалу не столь уже ближней периферией.

Какова была роль этих двух новых в истории приозерья факторов для эволюции бугандского государства? Какие последствия вызвала иммиграция с востока бантуских «групп Кинту»? И в какой мере влияние Китары затронуло ее южную периферию?

Попробуемся ответить сначала на последний вопрос. Для этого нам необходимо обратиться к некоторым основным моментам в истории самой Китары.

Китара родилась из взаимодействия скотоводческой и земледельческой культур. В сущности, это то небольшое, но и очень важное, на чем сходятся все исследователи, пытавшиеся реконструировать ранний период формирования этого государства¹¹².

Гораздо сложнее выявить этнические компоненты, участвовавшие в создании новых общественных порядков, а также конкретный механизм социальных изменений: слишком скудны основания, на которые приходится опираться исследователям: космогонические мифы и эпические предания народов Межозерья, пока еще далеко не полно подкрепленные лингвистическим, археологическим и антропологическим материалом. Хронологические рамки этого периода определяются приблизительно XII—XIII вв., т. е. совпадают с распространением скотоводческого хозяйства на севере Межозерья.

Мигрантами, постепенно просачивавшимися с севера, из Южного Судана, были, по мнению Дж. Краццолара¹¹³, поддержанному М. Познански¹¹⁴ и Д. Коэном¹¹⁵, суданоязычные скотоводы-мади. Краццолара предположил, что одной из групп мади — мади-ндри («козловым мади») — удалось на непродолжительное время установить свое господство над местным земледельческим населением и распространить контроль на большую часть территории со-

¹¹² J. Roscoe. The Bakitara or Banyoro; A. R. Dunbar. A history of Bunyoro-Kitara, Nairobi, 1965; M. Posnansky. Kingship...; J. Beattie. The Nyoro state. Oxford, 1971; J. Maquet. Societe et pouvoir en Afrique. Paris, 1974.

¹¹³ J. P. Crazzolara. Lwoo traditions. UJ, vol. 23, N 1, 1959, p. 88.

¹¹⁴ M. Posnansky. Kingship... p. 9.

¹¹⁵ D. W. Cohen. Op. cit., p. 76.

временной Уганды¹¹⁶. Мади-идри Краццолара идентифицирует с древнейшей из легендарных династий севера Межозерья — Батембузи. Д. Коэн несколько иначе оценивает этносоциальную структуру Китары XII—XIII вв.: «Батембузи не были собственно мади, но скорее были вождями скотоводческих или смешанных объединений в ответ на давление мади. Вожди Батембузи, представлявшие скорее господствующие группы, пережили действительно унитарную династию... выдвинулись в контактах между хима и банту»¹¹⁷.

Традиция насчитывает 18—20¹¹⁸ «королей» Батембузи, но легенды далеко не всегда дают возможность выстроить их героев в стройную династическую цепочку, да и нет никакой уверенности в правомерности такой операции: миф создается и живет по собственным законам и отождествлять его с реальной историей не приходится.

Как бы там ни было, в легендах о Батембузи речь идет о земледельцах, скотоводах и правителях — ставший классическим у многих народов мира сюжет о происхождении и престиже различных запятий.

В глазах создателей мифов баньоро мир населен потомками трех братьев: Каиру — крестьянина, «маленького слуги», призванного подчиняться и служить Кахума — «маленькому пастуху» и Какама Твале — «маленькому царю». Четвертый брат, Канту («маленький человек», «человеческое существо»), предстает как олицетворенное зло, вредоносное начало, вселявшееся в правителей и порождавшее несправедливость и злоупотребления со стороны власть имущих¹¹⁹. Мир Батембузи знает богатство и бедность: «Чего мне еще желать», — равнодушно отвечал подносящим дары один из представителей легендарной династии, Нгонзаки¹²⁰. О заботах противоположного социального полюса можно судить хотя бы по тому, как осмысливается институт побратимства в загадке, заданной сыну пресыщенного богатством Нгонзаки, последнему из Батембузи — Исазе. Побратимство — «дверца из бедности»¹²¹ или «дверь, за которую

¹¹⁶ J. P. Crazzolara. Lwoo traditions, p. 88.

¹¹⁷ D. W. Cohen. Op. cit., p. 80, 81.

¹¹⁸ A. R. Dunbar. Op. cit., p. 1.

¹¹⁹ Ibid., p. 10—14.

¹²⁰ J. Beattie. The Nyoro state, p. 41.

¹²¹ Ibid., p. 44.

изгоняется печаль»¹²². Если верить традиции, правление Исазы — время значительных социальных перемен: непочтительный к старейшинам, он разогнал совет и окружил себя молодыми и дерзкими выскочками, за что — укоризненно напоминая традиция — был наказан судьбой и, осознав свою вину перед оскорбленными старцами и заветами предков, восстановил власть совета старейшин¹²³. Исазе приписывается также впервые произведенное деление страны на 16 административных округов — *saza*¹²⁴, в числе которых называется и *Muhwahwa*, частично совпадающая с землями Буганды¹²⁵.

Очевидно, проблемы, волновавшие создателей легенд о последних Батембузи, — проблемы общества, в котором старые родовые институты вынуждены, хотя и не без борьбы и временных успехов, уступать место качественно новой организации. К сожалению, проследить историю ее создания из-за скудости материала крайне трудно, но нельзя не заметить главное: консолидация государства происходит на стыке и во взаимодействии двух обществ: скотоводческого и земледельческого. Ни мигранты, гнавшие стада на юг, ни земледельцы, тысячелетие как освоившие саванны Межозерья, сами по себе не пришли к созданию новой системы общественных отношений, хотя вполне эгалитарным ни то, ни другое общество не назовешь. В каждом из них были свои стимулирующие и тормозящие развитие особенности экономики и социальной жизни. Зерновое по преимуществу земледелие северо-запада Межозерья могло давать более или менее стабильный, но вряд ли значительный излишек продукции. Стимулировать его рост с целью обмена на тогда еще редко населенном и экологически однородном севере Межозерья не имело смысла. Скотоводство, напротив, не требуя больших трудовых затрат, как известно, создает значительные возможности интенсивного накопления богатств. Однако стабильностью эта форма накопления не отличается: эпизоотия, засуха, нападение враждебных племен легко могли сменить владельцев стада или уничтожить его вовсе.

¹²² A. R. Dunbar. Op. cit., p. 14.

¹²³ J. Beattie. The Nyoro state, p. 41, 42.

¹²⁴ Само имя Исазы — производное от *okusala* — резать, делить (A. R. Dunbar. Op. cit., p. 10).

¹²⁵ B. K. Taylor. The Western Lakustrine Bantu. London, 1962, p. 17.

Северо-Западная Уганда как пельзя более подходила к тому, чтобы эти две различные эконоики оказались вклиненными одна в другую. Между обработанными полями было достаточно просторных и плодородных пастбищ, а соседство земледельческого хозяйства служило подстраховкой ненадежному скотоводческому. Чем прочнее становился симбиоз, тем решительнее менялась социальная структура общества. В этом мы можем убедиться, если обратимся к следующему за Батембузи короткому, но блестящему в народной памяти периоду истории Китары — периоду Бачвези, не потому, что предполагаем отсутствие контактов между скотоводами и земледельцами в эпоху Батембузи (как раз установление таких контактов Д. Коэн вполне справедливо считает важнейшим итогом начальной истории Китары ¹²⁶), а потому, что располагаем слишком скудными сведениями о первой из трех династий. Вероятно, то, что уже вполне отчетливо проступает в несколько лучше документированной истории Китары «золотого века» Бачвези, в известной мере можно экстраполировать и на начальный период ее формирования, так как возникновение государства — не единовременный акт, а процесс, зачастую наглядно проявляющийся в серии попыток, волнообразно чередующих консолидацию с распадом непрочных образований.

Традиционно Бачвези — новая волна чужеземцев-скотоводов, пришедших с севера и оттеснивших от власти Батембузи. Впрочем, одновременно легенды стараются представить Бачвези законными наследниками Батембузи, устанавливая между двумя династиями родство по женской линии. Бачвези описываются высокорослыми, светлокожими людьми, чьи таланты и искусство во всем — от ремесел до управления страной — и магическая власть над самой природой казались непревзойденными до конца истории Китары. Настойчивость, с какой подчеркивается в легендах многих народов Межозерья светлокожесть Бачвези, обращала исследователей к поискам прародины пришельцев в Эфиопии. А. Райт, например, производит этноним Бачвези (Bachwezi) от амхарского Tschewa (Chewa) — воин ¹²⁷. Структурное сходство княжеств Сидамо Юго-Западной Эфиопии с Китарой зачастую наво-

¹²⁶ D. W. Cohen. Op. cit., p. 81.

¹²⁷ A. C. A. Wright. A review of J. P. Crazzolaro's «The Lwoo», part I. Lwoo migrations. «Problems in African History», p. 153.

дипло на мысль о возможной между ними генетической связи¹²⁸, а по некоторым поразительным совпадениям, например, в ежегодном ритуале так называемой «церемонии с луком»¹²⁹ родство межозерной государственности прослеживалось восходящим через Мероэ к Египту. Последнего не отрицает и такой «автохтонист» в вопросах происхождения государственности в Межозерье, как М. Познански¹³⁰. Были ли бачвези эфиопидами и можно ли видеть в относительно светлокожих бахима (бахума) Межозерья их потомков? Кстати, интересно возражение А. Данбара относительно понимаемых обычно как синонимы этнонимов бахима и бахума. По его мнению, ставить знак равенства между ними неправомерно, так как бахума — бантуизированная форма от глагола *okuhuma*, поддающегося лишь описательному переводу и означающего какофонию звуков при движении стада: мычание скота, топот копыт, окрики пастухов и т. д., в то время как значение глагола *okuhima* совсем иное — становится темнее, грубее¹³¹. Потемневшие скотоводы? Бантуизированные кушиты? Некоторым подтверждением этого предположения можно считать находки керамики с орнаментом типа *Roulette*, сменившей в XIV—XV вв. на севере Уганды керамику *Dimple* и однотипной с керамикой, распространенной у хима-хума, с одной стороны, и в некоторых районах Эфиопии и Южного Судана — с другой¹³².

В Эфиопских нагорьях или, возможно, более широком ареале, включающем и Южный Судан, сложилась и известная в Межозерье порода скота — длиннорогий горба-

¹²⁸ R. Oliver. Oral tradition, p. 16; G. P. Murdock. Op. cit., p. 274—274; B. A. Ogot. History of the Southern Luo, vol. I. Migration and settlement, 1500—1900. Nairobi, 1967, p. 43.

¹²⁹ Она заключалась в том, что во время коронации и затем ежегодно правитель Китары стрелял из лука на все четыре стороны света, говоря: «*Ndasere amahaga kugasinga*» («Я поражаю народы, чтобы победить их») (J. Roscoe. The Bakitara or Vanuogo, p. 134). Изображение сходного ритуала сохранилось на так называемом вендширлийском барельефе: фараон Тахарка и его супруга стреляют из лука (25-я династия, 712—633 гг. до н. э.) (C. G. Seligman. Egypt and Negro Africa..., p. 15). Вслед за Зелигманом Хантингфорд полагает, что эта церемония в Китаре заимствована из Египта (G. W. Huntingford. The peopling of the interior of East Africa by its modern inhabitants. History of East Africa, p. 88, 89).

¹³⁰ M. Posnansky. Kingship..., p. 9.

¹³¹ A. R. Dunbar. Op. cit., p. 20.

¹³² M. Posnansky. Kingship..., p. 4, 5.

тый сапта, хотя, разумеется, одно ее появление на севере Уганды еще не означает миграции тех, кто ее впервые вывел.

Поиски этнических связей кушиты — Чвези — хима, признаваемых одними исследователями и отрицаемых другими, — особый сложный вопрос, требующий специального изучения. Здесь же приводятся некоторые «за» и «против», и памеренпо больше «за», лишь для того, чтобы показать, что и допущение «по максимуму» этнического родства кушитов — Чвези — хима, а следовательно, и возможной приобщенности средневековых иммигрантов в Междозерье к цивилизации Эфиопии и долины Нила, пенное мекает в генезисе междозерных государств. Ибо скотоводы, оставаясь скотоводами, способны заимствовать и прочно освоить лишь то из соседней цивилизации, что отвечает насущным пуждам их общества. Нет ни одного факта, который бы давал основание говорить, что к этим последним относилось государство. Зато есть основание предполагать, что эта пужда возникала, как только кочевое общество приходило в соприкосновение с земледельческим. Сразу оговоримся, что не со всяким обществом, просто знакомым с земледелием: подсобное, прозябающее на задворках хозяйственной жизни земледелие скотоводов, рыболовов и охотников болот Верхнего Нила не в счет. Но стоило мигрантам пересечь «роковую» — иначе не назовешь — границу Междозерья, с его относительно развитой земледельческой культурой, как благополучно сохраненные на всем пути — из Судана ли или Эфиопии — патриархально-родовые устои общества начинали быстро перестраиваться. В самом деле, весь период Бачвези, по устной традиции, подтвержденной археологией, занимает промежуток всего 150—200 лет: радиоуглеродные датировки Биго — предположительной столицы Бачвези на р. Катонга в Западной Уганде показывают пределы 1350—1500 гг.¹³³ Этого времени Чвези хватило, чтобы объединить под своим владычеством или, по крайней мере, вовлечь в сферу своего влияния почти всю территорию современной Уганды.

Что представляла собой Китара Бачвези?

По всему поясу короткотравных саванн Северной и Западной Уганды археологами обнаружены остатки посе-

¹³³ Ibidem.

лений, окруженных земляными валами эллиптической формы. Внутри поселений — следы траншей и насыпей с проходами к центру — искусственному возвышению, откуда открывался широкий обзор местности. Судя по характеру и планировке поселений, многочисленным находкам костей скота, железа и керамики типа *Roulette*, Биго, Нтуси и ряд подобных городищ более всего походили на укрепленные краали скотоводов. Масштабы и основательность сооружений предполагали использование тысяч рабочих рук и расчет на длительное пребывание в одном месте¹³⁴.

Устная история отводит Биго роль политического центра, откуда король — мукама, верховный владыка всех богатств Китары, и прежде всего скота, вместе с советом объединенных побратимством паместников провинций-саза управлял страной. Обязанности управленческой верхушки общества, состоявшей исключительно из скотоводов, заключались в распределении пастбищ, учете скота, взимании дани с земледельческого населения (зерно, пиво, соль, изделия ремесла) и поставке рабочей силы для строительства жилищ, загонов для скота и т. д. В вознаграждение они получали от мукамы скот, в свою очередь время от времени посылая небольшое количество голов скота в дар земледельцам¹³⁵. По этим сведениям, приведенным Дж. Роско, отношения между земледельцами и скотоводами напоминают скорее взимание дани и добровольный обмен дарами, нежели регулярное, одностороннее направленное и принудительное налогообложение. Стоит ли думать, что дело здесь лишь в мемуарном сожалении о «старых добрых временах» и в неизбежной их идеализации в памяти народа? Вряд ли. Кажется более вероятным, что между безоглядно-грабительскими набегами кочевников и жестко репрессивной политикой зрелых государств по необходимости оказывался период, когда несовершенные, перестраивающиеся формы управления способны были удерживать постоянный контроль лишь при

¹³⁴ E. J. Wayland. Notes on the Biggo bya Mugenyi. UJ, vol. II, 1934, p. 21—32; E. C. Lanning. Op. cit., 1933, p. 51—62; P. L. Shinnie. Excavations at Bigo. UJ, vol. XXIV, 1960, p. 16—28; M. Posnansky. Some archaeological aspects of the ethnohistory in Uganda. «Actes du IV-e Congres Panafricain de prehistoire et de l'étude du quotidien». Tervuren, 1962.

¹³⁵ J. Roscoe. The Bakitara or Banyoro, p. 51, 52, 59, 60.

условии значительной доли добровольности и заинтересованности со стороны подданных. Нам известно, что земледельцы охотно включались в отношения обмена, стремясь во что бы то ни стало приобрести единственно ценное в Китаре богатство — скот. «Чистое» же насилие выносилось на окраины государства для захвата новых пастбищ и замирения новых племен. Таким образом, отношения эксплуатации, какими они складывались в Китаре, отличались следующими характерными чертами: 1) они возникали на основе дашичества и неэквивалентного обмена; 2) соподчинение верхов и низов общества наметилось по линии скотоводы — земледельцы, т. е. рубежи общественного разделения труда между производством и управлением совпали с традиционным разделением труда в сфере производства. При этом организаторские полномочия оказались присвоенными скотоводами, свободными от трудоемких затрат земледельческого труда и в силу мобильного и полного опасностей образа жизни располагавшими и лучшей военной организацией, постепенно адаптированной к пуждам управления оседлым обществом.

В какой степени южная провинция Китары, впервые при Бачвези названная Бугандой, была втянута в систему общественных отношений «империи» скотоводов?

Традиция ньоро говорит об этом скупо и незаинтересованно: кому нужна узкая полоска земли, далекая и непригодная для пастбищ? Впрочем, формально она включена в Китару, известны имена двух паместников¹³⁶ — Куошуа и Kaganda Russiri, последовательно сменивших друг друга и время от времени по требованию мукамы взимавших дань с местного населения — кофе, мбугу¹³⁷. Сохранилось предание, что 20 поколений тому назад, т. е. приблизительно в середине XV в., мукама Ndahuga собственной персоной проплыл вдоль берегов оз. Виктория, утверждая свою власть на южных границах¹³⁸. Но в общем скудные упоминания о Буганде выдержаны в равнодушно-сострадательном тоне: что можно взять с беднягабаиру, уже потому «рабов», что они закабалены худшим из рабств — рабством земледельца. Земледелие на западе Китары требовало большого вклада мужского труда — это

¹³⁶ В. К. Taylor. Op. cit., p. 17, 18.

¹³⁷ J. H. Speke. Op. cit., p. 251; H. Johnston. Op. cit., p. 678.

¹³⁸ В. А. Ogot. Kingship. ., p. 177.

знала скотоводческая аристократия Чвези. Г. Джонстон, опираясь на терминологическую тенденцию легенд норо называть рабами прибрежных жителей, считает, что у правителей Китары были на это, помимо известного высокомерия скотоводов по отношению к земледельцам, и реальные основания, поскольку плодородные, густонаселенные земли Буганды представляли собой удобное «поле охоты за рабами»¹³⁹. Однако ни в традиции баньоро, ни в легендах баганда не сохранилось никаких следов о набегах, уводе в плен или взимании дани с населения.

Трудно вообразить, что сколько-нибудь значительный, регулярный и насильственный отток населения из страны не оставил по себе памяти в устной истории обоих народов. Более того, у нас нет никаких оснований считать, что в самой Китаре, несмотря на чрезвычайную легкость, с которой скотоводы наделяли эпитетом «раб» всякого, кто занимался земледелием, была социальная категория людей, чье положение было бы сопоставимо с рабским. Для скотовода любой земледелец — «раб», порабощенный прежде всего собственным тяжелым трудом и не способный поэтому оказать сопротивления вооруженному давлению союза полукочевых общин. По существу же, общины земледельцев, трудом и данью платившие за подданство государству, остались нетронутыми. Объяснение этому, как нам кажется, нужно искать в замеченной многими исследователями положительной зависимости между развитием рабовладельческого уклада (даже в его специфических, далеких от античной «восточных» формах) и товарной направленностью производства, почти неощутимой в Межозерье до конца XVIII в. Не случайно XIX век, открывший границы Межозерья для торговли с арабским миром, стал для народов этого района Африки бедственным временем лихорадочной погони за рабами.

Что же касается Буганды XIV—XV вв., то, по-видимому, не приходится говорить не только о «рабстве», которого не было и в самой «метрополии», но проблематичным остается и вопрос о простом данничестве или, по крайней мере, о его регулярности и обременительности для местного населения. По мнению Коттака, эффективный контроль влажной зоны был не нужен и не доступен правителям Китары. Буганда не обладала никакими ре-

¹³⁹ *H. Johnston. Op. cit., p. 679.*

сурсами, которые могли бы побудить скотоводческую аристократию пачать прочное освоение экологически чуждого ей пояса¹⁴⁰. Поэтому Коттак сомневается в правдоподобности реконструкции Джонстоном отношений Буганда — Китара даже в той ее части, где говорится о даппичестве. При нынешнем состоянии источников этот спор решить практически невозможно, но и несомненные свидетельства даппичества не смогли бы перевесить тот очевидный факт, что элита Чвези, сохранившая ориентацию на скотоводческое хозяйство и установившая отношения симбиоза с земледельцами лишь постольку, поскольку короткотравная саванна оказалась равно пригодной для обоих видов производственной деятельности, избегала непосредственных контактов с приозерной областью. Границы Буганды надежно охранял ее климат. К тому же возможности экспансии в обход Буганды, в юго-западном направлении, еще не были исчерпаны.

Судя по всему, внимание жителей прибрежной полосы также было отвлечено от северного соседа. Цикл легенд о Чвези, столь широко распространенный в Межозерье, почти неизвестен баганда, как, впрочем, и предания о Батембузи¹⁴¹. Ньоро, хоть и смутно, помнят Буганду в составе Китары, ганда этого не помнят или почти не помнят, вероятно, потому, что Буганда того времени гораздо реальнее ощущала импульсы, шедшие с востока: все внимание традиции, рассказывающей о зарождении самостоятельного государства в Буганде, обращено не на северо-запад, к Китаре, а в противоположную сторону — к востоку или северо-востоку, откуда якобы пришел легендарный предок и основатель Буганды — Кинту.

Оговоримся сразу, что исторические предания народов Межозерья в целом отнюдь не дают полной уверенности для локализации предполагаемой прародины Кинту к востоку от Уганды. Помимо присущей легендарной традиции мифологичности осмысления пространства, с одинаковой легкостью допускающей и «падение Кинту с неба», и приход из чужой страны, географическая неопределенность того «извне», откуда пришел Кинту, порождена еще и сложностью пересечения этнических и социальных судеб народов Межозерья. Представление об «адамической»,

¹⁴⁰ *C. Kottak*. Op. cit., p. 369, 370.

¹⁴¹ *L. P. Mair*. Primitive government, p. 133; *M. Posnansky*. Kingship... , p. 4.

но выражению Д. Коэна¹⁴², фигуре Кинту чрезвычайно содержательно: он прародитель, культурный герой и основатель династий у многих народов Междозерья, олицетворяющая конденсация исторического опыта народов, в разное время и по-разному заселявших и осваивавших земли Междозерья. Но именно потому, что за пять-семь веков цикл легенд о Кинту впитал и переплавил множество разнородных влияний, его содержательность остается трудно поддающейся расшифровке. В самом деле, Кинту севера Междозерья — это совсем не то, что Кинту юга или востока. Обобщенный образ «сына неба», первопрародка и демурга, в соответствии с этническими и социально-культурными особенностями развития различных групп дополнялся теми чертами, которые его создатели считали наиболее необходимыми для устроителя земной жизни. Поэтому в одних вариантах Кинту — скотовод, с трудом привыкающий к оседлой жизни и растительной пище, в других он появляется с ростком банана в руке или «случайно вылавливает» его из озера¹⁴³. Подобным же образом Кинту приписывается, кроме общего, «небесного», разное земное происхождение: западное, северное, впрочем, всегда неопределенное и с заметным, как кажется, перевесом в пользу восточных версий. Нет и единой хронологии: Кинту стоит у начал народной истории, но сами эти начала разновременны: есть Кинту, стоящий у основания династии Батембузи в Китаре¹⁴⁴, и есть Кинту Буганды, лишь на два правления (собственное и сына Чва) опередивший Кимеру¹⁴⁵, современника и основателя третьей династии Китари — династии Бито.

Таким образом, различные конкретные характеристики единого культурного героя (имя которого, включающее древний бантуский корень *-ntu*, является возможным свидетельством и очевидным символом общности происхождения создателей легенд о Кинту) выдают различия в экономической, культурной и этнической истории банту Междозерья.

Традиция баганда отличается явным преобладанием «восточной темы» Кинту. В память о прародине бугандские правители строили свои резиденции фасадом на вос-

¹⁴² D. W. Cohen. Op. cit., p. VII.

¹⁴³ J. Roscoe. The Baganda, p. 141.

¹⁴⁴ B. K. Taylor. Op. cit., p. 18.

¹⁴⁵ J. Roscoe. The Baganda, p. 214.

ток¹⁴⁶. В преданиях ганда повелитель неба Ггулу дает Кипту в жены свою дочь Намби¹⁴⁷. По мнению Д. Коэна, посвятившего этногисторическим легендам басога, восточных соседей баганда, большое специальное исследование, Ггулу и Бугулу, область в Южной Бусоге, «может быть одно и то же», так как устная традиция прослеживает колонизацию Южной Бусоги группами, связанными с Кипту, и их недолгую остановку в Бугулу¹⁴⁸. Исходный пункт миграций родов, считающих своим предком Кипту, Коэн определяет районом горы Элгон на современной границе Уганды и Кении. Основание для такого вывода Коэн видит в том, что упоминание о горе Элгон как о легендарной прародине чаще всего встречается в преданиях родов и линиджей Буганды и Бусоги, имеющих тотем Льва или Леопарда и состоящих, по общему признанию, в наиболее близком родстве с Кипту¹⁴⁹. Зафиксированные традицией временные резиденции Кипту на всем пути с востока на запад совпадают с размещением родовых земель групп Льва-Леопарда¹⁵⁰. В Буганде члены родов Льва и Леопарда считались «благородными» благодаря родству с Кипту и освобождались от всеобщей трудовой повинности по прокладке дорог и ремонту помещений в столице¹⁵¹. Косвенным доказательством правильности установления прародины мигрантов Коэн считает наличие некоторых черт сходства в культуре банту Восточного Междоузья и контактных групп кушитов: «Не доказана, однако, кажется возможной гипотеза, что Кипту образует связь между миром банту, распространявшимся на север и восток в районе горы Элгон, и культурами, связанными с кушитским субстратом, перекрывающим границы горы Элгон и оз. Виктория»¹⁵². Похоже, что при всей гипотетичности описанная Коэном картина миграций банту приозерья полнее всего согласуется с источниками и содержит лучшее из имеющихся объяснение сходства культур Восточного Междоузья — через кушитский субстрат контактной зоны горы Элгон — с культурами Юго-Западной Эфи-

¹⁴⁶ A. Kagwa. The customs of the Baganda, p. 74.

¹⁴⁷ J. Roscoe. The Baganda, p. 460, 461.

¹⁴⁸ Ibid., p. 117.

¹⁴⁹ Ibid., p. 89, 92, 94.

¹⁵⁰ Ibid., p. 87.

¹⁵¹ Ibid., p. 141, 142.

¹⁵² D. W. Cohen. Op. cit., p. 103.

оппи. Вероятно, последствиями тех же контактов можно считать признаки эфиопидного антропологического типа, не частые, но заметные на фоне общей негроидности населения Межозерья.

Социально-экономические характеристики мигрантов поддаются на основании традиции лишь самому общему определению. Земледелие, скотоводство, возможно, несколько более совершенные, чем у автохтонного населения навыки обработки железа¹⁵³. То, что сородичей и потомков Кинту не отпугнула влажная банановая зона, заставляет предполагать, что они либо были знакомы с этой культурой еще до начала миграций, либо научились ее выращивать на новой родине, но при любом варианте, вопреки уверениям жрецов из рода Леонарда, охраняющих священный банан у храма на холме Магонга, якобы впервые посаженный в стране самим Кинту¹⁵⁴, последний никак не мог познакомить местные роды с культурой банана по той простой причине, что она была известна задолго до его прихода.

Несмотря на элементы модернизации истории в традиции баганда¹⁵⁵, природа социальных связей в эпоху Кинту описывается в корне отличной от результата их развития два-три века спустя.

Трудно сказать, что принесло победу мигрантам: организованность и боеспособность, присущая переселенцам, случайный численный перевес или какие-то другие, неизвестные нам обстоятельства. Во всяком случае, у нас нет никаких оснований считать культуру групп Кинту существенно более высокой (или низкой) по сравнению с культурой местных банту. Похоже, что предводительство Кинту было аналогом роли *ssabataka* — главы объединения автохтонных родов. Момент узурпации — насильственное смещение местного представителя верховной власти могущественным чужеземцем — ярко запечатлелся в легендах о поверженном змее Ббемба и *ssabataka*, уступившем свою власть Кинту. Этот же момент стал необходимой частью ритуала коронации: прежде чем войти в особое помещение, называвшееся «Буганда» и храм на

¹⁵³ D. W. Cohen. Op. cit., p. 106.

¹⁵⁴ J. Roscoe. The Baganda, p. 141.

¹⁵⁵ У Роско, мы, например, читаем: «С древнейших времен истории Уганды там был король (кабака) с деспотической властью...» (J. Roscoe. The Baganda, p. 186).

холме Будо, где кабака благословлялся на царство жрецом Семанобе, он должен был «одержать победу» над свитой жреца, «вооруженной» тростниковыми копьями и щитами из башановых листьев¹⁵⁶.

Однако предполагаемый традицией захват власти легендарным лидером мигрантов не сопровождался переходом на положение высшего слоя всех его сородичей, и это обстоятельство сыграло важнейшую роль в выборе путей и форм развития социальной стратификации. Именно здесь, у самых истоков государственности, между Бугандой и остальными государствами Межозерья наметилось различие в способах рекрутирования господствующего слоя. Буганда, единственная в Межозерье, полностью избежала этнокастового противопоставления завоевателей завоеванному, поставив все роды в относительно равное положение по отношению к управленческой родо-племенной верхушке¹⁵⁷. Отсутствие устойчивой дискриминации какой-либо из родовых групп объясняется, по-видимому, примерно равным балансом сил, сходством уровней экономического и социального развития: обе группы сочетали в хозяйстве земледелие и скотоводство, в обеих наметились процессы политической консолидации.

Как рассказывают легенды, Кинту, возглавивший союз приблизительно 15 родов, не обходит ни одного из старейшин предоставлением должности-привилегии: один род ответствен за выпас его стад, другой — за доставку питьевой воды в резиденцию, третий — за хранение фетишей и т. д.¹⁵⁸ Взаимные дары, угощения, заключение брачных союзов (жена Кинту, Намби, будучи, как уже упоминалось, «дочерью Неба», одновременно и дочь старейшины древнейшего в Буганде рода с тотемом обезьяны колобус)¹⁵⁹, символическая раздача земель старым родам, и без того ее имеющим, и реальная — новопоселенцам — все используется для скрепления новых внеродовых связей, тем легче устанавливающихся, что они уже были известны, и примерно на одном уровне, до начала контактов.

¹⁵⁶ J. Roscoe. The Baganda, p. 192, 193.

¹⁵⁷ M. S. M. Kiwanuka. A history of Buganda. From the foundation of the kingdom to 1900. London, 1971, p. 32.

¹⁵⁸ J. Roscoe. The Baganda, p. 141—172.

¹⁵⁹ Ibid., p. 142.

В нарождающемся суверенитете Кинту еще совсем не просматривается деспотизм Суны или Мтезы — правителей XIX в. Это видно хотя бы из запоздалой обиды батата — старейшин родов на самоуправство деспота в поздней Буганде: «Мы не пойдем больше к этому наглецу, — объясняют они обычай избегания, — раньше мы были важными людьми, равней ему, и вот, теперь он делает нас простыми общинниками»¹⁶⁰. Узурпировав должность ssabataka, Кинту полностью остался в границах этой роли — «первого среди равных», арбитра в спорах между главами родов, предпочитающего не вмешиваться во внутриродовые дела, военачальника и верховного распорядителя земельных фондов подвластных территорий. Прочность положения ssabataka считалась зависящей от его muwombefu, что переводится приблизительно как «выдержка», «хладнокровие»¹⁶¹, но, вероятно, шире этих понятий и включает, помимо личной характеристики, представление об особой силе, «субстанции власти», но выраженной Ж. Балантье¹⁶², обладание которой дает способность и право воздействия на людей и природу. Само воцарение кабаки — доказательство, что muwombefu на его стороне, так как в древности власть доставалась тому из сыновей умершего правителя, который в поединках одерживал победу над своими братьями. По той же логике распри старейшин, эпидемии, неудачи в обороне или нападении, наконец, личное нездоровье кабаки могли показаться свидетельством того, что этот особый дар покинул его¹⁶³. В хрониках правление ранних кабаков конча-

¹⁶⁰ M. Southwold. Bureaucracy and chiefship in Buganda. «East African Studies», N 14. Kampala, 1960, p. 10.

¹⁶¹ M. Southwold. Succession to the throne in Buganda, p. 64.

¹⁶² G. Balandier. Op. cit., p. 120.

¹⁶³ Такого рода представления в разных стадияльных и конкретных формах встречаются у многих народов мира. Древние скандинавы верили, что «в конунга вселялась некая таинственная сила, с помощью которой он обеспечивал благополучный ход времени и преуспеяние своего народа» (А. И. Гуревич. История и сага. М., 1972, стр. 29). Сомнение вызывает, однако, утверждение, что «эта способность государя не зависела от его личных качеств, а имела магический характер» (там же, стр. 30). То, что «самая власть понималась как сакральная» (там же), не исключало, а, напротив, предполагало как важнейшую необходимую предпосылку успешности «вселения» в правителя этой магической силы, обладание им определенными личными качествами. Именно поэтому одни государи

ется их таинственным «исчезновением»¹⁶⁴, а в одном месте Роско прямо сообщает, что в древности большой или старый монарх обязан был прибегнуть к самоубийству¹⁶⁵. Один из вариантов мифа об исчезновении Кинту лучше, чем что-либо иное, характеризует ту пропасть, которая отделяет ранние формы власти правителей от ее поздних форм: Кинту исчезает, в припадке гнева убив слишком досаждавшего ему человека и затем настолько устыдившись своего злодеяния, что предпочитает навеки скрыться от людских взоров¹⁶⁶. Правителям XVIII—XIX вв., управлявшим на жертвенники сотни людей, так же как и их подданным, в том числе и прирешенным в жертву, сюжет этого мифа должен был показаться фантастически нелепым. Можно сказать, что в характере власти кабаки оказался секрет перевертыша: поначалу, едва превышая полномочия племенного вождя, она выпуждала его расплачиваться жизнью за потерю реальной или мнимой способности управлять природой и людьми, позднее все виды невезения стали искупать, принося в жертву подданных.

Роль посредников, стоявших между верховным вождем и его подданными, взяли на себя представители социальной категории, унаследованной от родового общества и формирующейся по его законам: должность старейшины — батака наследуется в роде, его избрание — внутреннее дело рода.

Однако и в эпоху Кинту-Чва при видимом сохранении автономии рода был сделан первый шаг к ее утере. Для триады традиционных обязанностей сородичей-общинников¹⁶⁷: обычая подношений-даров вождям, участия в коллективных работах — строительстве жилых помещений для вождя, расчистке дорог — и, наконец, вооруженной защиты рода — резиденция вождя перестала быть средо-

считались более удачными носителями сверхъестественного дара, нежели другие.

¹⁶⁴ J. Roscoe. The Baganda, p. 214.

¹⁶⁵ J. Roscoe. Twenty-five years in East Africa. London, 1924, p. 87.

¹⁶⁶ N. Stam. The religious conceptions of some tribes of Buganda. «Anthropos», 1908, Bd. III, H. 2, S. 216.

¹⁶⁷ Хотя, по утверждению Л. Мейр, «родовая группа никогда не была локальной» и при строгом понимании локальности с этим можно согласиться, в описываемое время поселение сородичей, по-видимому, тяготело к родовой земле обутака (obutaka) и соседский элемент в общине занимал подчиненное положение (L. P. Mair. Baganda land tenure. «Africa», vol. VI, 1933, p. 189).

точнее и конечным пунктом приложения сил. Поскольку расстояние между управляющими и управляемыми увеличилось на цепочку старейшина — верховный вождь, постольку дом старейшины рода становился промежуточным, подчиненным звеном по отношению к резиденции кабаки — новому центру административной власти, куда стекалась дань, где организовывались военные походы и складывались единые нормы идеологии и культа.

Как уже упоминалось, каждому роду предоставлялась возможность установления непосредственных связей с верховной властью. Это не означает, что существовала идея полного равенства родов перед лицом суверена, напротив, объединение строилось по принципу соподчиненности, иерархии родов, но иерархичность эта носила зыбкий, нестабильный характер, и номинальное положение рода далеко не всегда соответствовало фактическому. В зависимости от обстоятельств и личных качеств главы рода или его представителя при дворе кабаки «благородный» род мог захиреть или «низкий» возвыситься. Существовало множество лазеек (почетное побратимство с членом «высшего» рода, что-то вроде частичной инкорпорации или двойного подданства, брачные союзы и т. д.), благодаря которым можно было «облагородиться», если это оказывалось необходимым для придворной карьеры.

Так или иначе любой род, признававший подданство кабаке, имел при дворе ранних династий определенные обязанности и должен был данью или трудом сородичей обеспечить их выполнение. Тем самым на рядовое население возлагались дополнительные поборы и отработочные повинности, возможно уже царшавшие адекватность в обмене услугами между управляющей частью общества и занятыми в производственной деятельности, хотя относительно печального, легендарного периода становления государства в Бугаде строить какие-то предположения о степени эксплуатации очень трудно.

Что побуждало батака, рискуя потерей независимости, искать союза с верховным вождем?

Эпоха Кинту — время интенсивной внутренней колонизации Северного Междозерья. Истории большинства родов относят свое появление на берегах оз. Виктория к правлению ранних кабаков¹⁶⁸. С большой долей уверенности

¹⁶⁸ J. Roscoe. The Baganda, p. 141—172.

можно сказать, что накануне и в процессе создания государства Буганда переживала демографический взрыв. Отсутствие засух и преобладание в хозяйстве многолетней культуры банана позволяли получать по сравнению с зерновыми районами северо-запада Межозерья большие урожаи с меньших площадей, и, таким образом, размер обработанного участка и запас земли под перелог, необходимые для хозяйства производственной единицы, получались меньшими — опять-таки в сравнении с северо-западными соседями. Поэтому при всем обилии земли, обеспечивающем свободу расселения, Буганда заселялась компактно и оказалась способной выдержать довольно высокую плотность населения¹⁶⁹ без малейших признаков земельного голода, но с явными признаками острого дефицита железа, соли и пастбищ. Причем нужно учесть, что мигранты, связывающие себя с Кинту, наряду с земледельческой традицией, вероятно, должны были вынести из Западной Кении прочные навыки скотоводства. Скот в Буганде, как и во многих обществах сходной стадии развития, становился формой накопления богатств и

¹⁶⁹ Р. Стевенсон посвятил специальную работу исследованию роли демографического фактора в формировании традиционных государств Африки («Population and political systems in Tropical Africa». N. Y. — London, 1968). Полемизируя с тезисом Фортеса и Эванс-Причарда (*M. Fortes, E. E. Evans-Prischard*. Op. cit., p. 7, 8): «Было бы неправильно предполагать, что правительственные институты обязательно должны быть в обществах с высокой плотностью населения. Обратное равным образом возможно», Стевенсон пересматривает пять из шести исследованных этими авторами примеров африканских обществ и приходит к убедительному выводу о существовании положительной зависимости между плотностью населения и сложностью политических институтов.

На рубеже XIX—XX вв. население Буганды насчитывало, по Г. Джонстону, 1 млн. человек — в 4 раза, как он думает, меньше, чем полувеком раньше, вследствие работорговли, гражданских войн и эпидемий сонной болезни; численность населения Буньоро в начале века — 110 тыс. человек (*H. Johnston*. Op. cit., p. 591, 640).

По переписи 1959 г., плотность населения в Буганде — 114 человек на кв. милю, в Буньоро — 32,4 человека на кв. милю (*Uganda census 1959: African population. Nairobi, 1961*. Приводится по: *J. Beattie*. *The Nyoro State*, p. 248). Мы не можем опрокидывать эти цифры в прошлое, отделившее от нас пять веками, но очевидно, что и в те времена эколого-хозяйственные характеристики обуславливали для Буганды более компактное заселение.

показателем престижа его владельца. Понятно, что прекрасные пастбища, с северо-запада опоясывавшие Буганду, не могли не привлечь внимания бугандской элиты. Обострение нужды в недостающих ресурсах параллельно с ростом уверенности в собственных силах — хотя бы потому, что резко возросла численность и плотность населения, — в конце концов оказались сильнее межродовых раздоров и опасений потерять самостоятельность и привели батака «под знамена» Кинту. Союз бугандских родов, насколько это различимо в источниках, предстает как объединение, пацеленное на экспансию. Пусть поначалу масштабы военных действий малы соответственно величине п еще только зарождающейся мощи будущего государства: «До Накибинге (восьмого по счету кабаки. — Э. Г.) нет сообщений о войнах, за исключением нескольких набегов с целью захвата скота, **инициатива** которых (подчеркнуто мной. — Э. Г.) принадлежала Буганде»¹⁷⁰, основы их успеха закладываются уже в это время. Они коренятся в социальной структуре, в свою очередь ставшей возможной благодаря экономике, которая освободила мужчину от повседневного участия в земледельческом труде. Все взрослые члены общины — потенциальные воины. К тому же верховная власть не встала на путь дискриминации части родов и, таким образом, могла рассчитывать на всеобщую социальную активность¹⁷¹. Это ставило ее в более выгодное положение по сравнению с теми, чьи земли Буганда собиралась завоевывать: государи Китары Чезви, списавшие в социальный пассив большую, земледельческую часть населения страны (правда, и далеко не столь свободного от трудоемкой работы земледельца), присвоив исключительное право руководства государством скотоводам, вынуждены были бы организовывать оборону большей в сравнении с Бугандой и редко населенной страны в атмосфере безразличия подавляющего большинства населения к событиям в политической сфере.

Таким образом, в расстановке сил на исходной позиции перед неминуемым столкновением с Китарой Бу-

¹⁷⁰ *M. Southwold. Succession to the throne in Buganda, p. 105.*

¹⁷¹ При избрании старейшине рода торжественно вручали копье и щит. Потрясая оружием, он приносил клятву сражаться за кабаку (*M. B. Nsimbi. Village life and customs in Buganda. UJ, vol. 20, N 1, 1956, p. 33.*)

ганда имела некоторые явные преимущества. Даже ее малые, ничтожные по сравнению с Китарой размеры могли обернуться стратегической выгодой: компактность территории и населения облегчала общее руководство и координацию действий вооруженных отрядов, но при одном непременном условии: если разделенные болотами холмы Буганды свяжет единая сеть коммуникаций. Судя по тому, что строительство дорог и мостов приняло, наряду с воинской, характер поголовной повинности, по тому, как продуманно разрабатывались маршруты дорог с учетом удовлетворения трех основным требованиям: 1) кратчайшей связи между столицей и резиденциями вождей — самые широкие дороги, как и все почти дороги Буганды, проложенные с бескомпромиссной прямоотой, 2) такой же связи между резиденцией вождя и контролируемыми им деревнями и, наконец, 3) соединяющей локально-родовые центры в единую систему сети дорог, с тем чтобы можно было распланировать, «какими дорогами армия пойдет к границе, так как войны слажались населением, жившим вдоль дорог, и нужно было рассчитать так, чтобы не разорить чрезмерно ту или иную область»¹⁷², — судя по такой организации дорожного дела, *формирующаяся центральная власть прекрасно отдавала себе отчет в важности этой задачи и успешно с ней справлялась*. Нет нужды оговариваться, что столь стройное стратегическое решение не было плодом мгновенного изобретения и вынашивалось постепенно, возможно, на опыте побед и поражений, но при всей трудности датировок можно предположить, что начало ему было положено во времена Кигу-Чва. Значение же общественных (дорожных) работ не только для успешности экспансии, но и для развития экономических, социальных и политических форм внутри страны сопоставимо лишь с ролью ирригации в становлении древневосточных деспотий¹⁷³.

¹⁷² J. Roscoe. The Baganda, p. 351.

¹⁷³ М. А. Коростовцев относит к предпосылкам возникновения деспотического режима ирригацию или войну (М. А. Коростовцев. Некоторые теоретические аспекты становления классового общества. НАА, 1971, № 4, стр. 65). Однако далеко не все общества, у которых война становилась «регулярной функцией народной жизни», строились по принципу деспотий: известны и военно-демократические формы. «Возможно, наибольший «демократизм» в эпоху классовобразования, — пишет А. М. Хазанов, — присущ именно тем обществам, у которых война стала

Что же касается времени и условий, в которых приобретали исторический опыт создатели Буганды в самом начале ее консолидации как государства, когда направление развития еще хрупкой и аморфной формирующейся структуры легко могло быть изменено воздействием соседней государственности, то они были благоприятны для укрепления наметившейся линии общественного развития. Можно сказать, что в этом отношении Буганде повезло вдвойне: экологически и исторически. Поначалу невмешательство (или слабая степень вмешательства) Китары было обеспечено непривлекательностью банановой зоны для скотоводческой аристократии Чвези, затем к этому присоединился политический фактор.

Правление Чвези было коротким и беспокойным: с севера их тревожили набеги нилотов-луо. Начало медленного продвижения луо на юг из теперешних провинций Бахр-эль-Газаль и Восточная Экватория в Южном Судане Б. Огот относит к рубежу I—II тысячелетий¹⁷⁴. Во второй половине XV в. луо вплотную придвинулись к границам Китары. Недаром именно на север ориентированы фортификационные сооружения столиц Чвези — Биго и Нтуси¹⁷⁵. По-видимому, угроза на северных границах была слишком серьезной, чтобы обращать внимание на мелкие вылазки с юга, из Буганды¹⁷⁶. Тем самым было упущено

регулярной функцией народной жизни» (А. М. Хазанов. Ф. Энгельс и некоторые проблемы классового образования. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса». М., 1972, стр. 157, 158). С другой стороны, далеко не все деспотии — производное от ирригационного хозяйства (цивилизации Центральной и Южной Америки), хотя там, где оно было, между ним и деспотией существует очевидная причинная связь. Поэтому, как нам кажется, нет смысла противопоставлять две изложенные выше точки зрения и искать единственную конкретную для всех времен и народов причину происхождения деспотии. Конкретные причины, вероятно, могли быть разными, но поскольку «в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 184), постольку присвоение этой функции государством на уровне центральной власти неминуемо должно было способствовать усилению автократических, самодержавных форм правления и смещению провинциальных властей на роль пассивных исполнителей воли государя.

¹⁷⁴ В. А. Огот. History of the Southern Luo, p. 40.

¹⁷⁵ J. Maquet. Kitara, p. 236.

¹⁷⁶ Первые семь правлений бугандской династии характеризуются, по-видимому, отсутствием военно-политического давления со

время, когда разгром непрочного союза родов мог предотвратить, затормозить или модифицировать консолидацию государства в Буганде. Этого времени Буганде хватило для кристаллизации и упрочения самостоятельной, отличной от Китары, тенденции общественного развития. Суть ее и основной итог эпохи Кипту-Чва — создание нацеленного на экспансию союза родов, имеющего прочную экономическую базу в земледельческом (женском) хозяйстве «тыла». Буганда этого времени — еще не государство в собственном смысле слова. Обладая специфическими чертами, она в то же время обнаруживает некоторое типологическое сходство с дофеодальными общественными структурами военно-демократического типа у европейских варваров, которые А. И. Неусыхин определил как «прочное осевший в определенной области племенной союз с королевской властью, еще не ставшей выразительницей интересов лишь господствующей знати, но руководствующейся общеплеменными интересами»¹⁷⁷.

На рубеже XV—XVI вв. «империя» Чвези пала под ударами луо. Традиция приписывает этому времени всевозможные стихийные и социальные бедствия: гибли от болезней люди, падал скот, народ вышел из повиновения — и Чвези бежали, «исчезая» в кратерах вулканов и в озерах¹⁷⁸. Власть в Китаре захватили «дикари из Букеди» — неопределенной области к северу или северо-востоку¹⁷⁹, основавшие новую династию Бито. Впрочем, «Бабито — дети Бачвези и внуки Батембузи», — говорят баньоро¹⁸⁰. Традиция, как всегда, стремится в конце концов узаконить права власть имущих. Распавшееся было государство восстанавливается, правда, в урезанных границах: династиям Хима и Тутси в Анколе и Карагве удалось устоять. Скотоводы-луо, став правителями Буньоро, как называлась теперь Китара¹⁸¹, постепенно восприняли язык и

стороны Китары. (*M. Southwold. The history of a history. Royal Succession in Buganda. «History and Social Anthropology». London, 1968.*

¹⁷⁷ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. ВП, 1967, № 1, стр. 81.

¹⁷⁸ K. Oberg. Op. cit., p. 123; A. R. Dunbar. Op. cit., p. 17.

¹⁷⁹ J. Gorju. Op. cit., p. 8.

¹⁸⁰ J. Beattie. The Nyoro State, p. 58.

¹⁸¹ А. Райт считает, что слово «пуого», ставшее этнонимом банту Буньоро, — нилотского происхождения (от пуи-огого — дети гос-

культуру завоеванной страны, циклически повторив историю частичной седентаризации и установления отношений симбиоза с земледельцами, некогда произошедшую с Чвези. Но теперь этот путь был пройден быстрее как за счет заимствования уже выработанных в Китаре традиций государственных методов управления, так и по причине сходства социально-экономического облика старой и новой аристократии. Вкупе все это обусловило Буньоро преемственность в развитии общества: луо продолжали править страной по нормам, выработанным Чвези.

В правление первого из Бито — Исингома Рукиди — Буньоро, если полагаться на традицию ньюоро, делилось на 24 провинции, в числе которых называется и Буганда¹⁸². Наместником последней, согласно той же традиции, был назначен брат-близнец Исингома — Като. Оба они были якобы сыновьями бывшего наместника Буганды — Къёмйя (брата последнего мукамы Чвези) и женщины-ланго¹⁸³. Таким образом, установленным (фиктивным?) родства и наследственной передачи должности традиция создает видимость соблюдения принятых обычаем норм законности власти. В этом еще нет ничего нового, как нет нового и в самом факте назначения представителя мукамы в отдаленную провинцию Китары. Но до Бито эта должность была фактически номинальной: никакой реальной властью Чвези здесь не располагали. Присутствие их представителей в Буганде совершенно неощутимо. Закрадывается даже подозрение, что фиктивный пост наместника мукамы в Буганде был лишь приличной формой ссылки родственников главы государства, дабы исключить возможность организации ими заговоров и переворотов.

Совсем другое дело — Буганда в правление Бито. Действительно новое и по существу еще не объясненное состоит в том, что Като удалось стать Кимерой. Это второе имя (от кимера — укореняться, пускать ростки)¹⁸⁴ он получил уже в Буганде, и именно с ним связана известность Кимеры как устроителя и реформатора буганд-

пожи, «принцессы») и первоначально было почетным титулом: мупуого wange — мой господин (A. C. A. Wright. Op. cit., p. 152).

¹⁸² B. K. Taylor. Op. cit., p. 19.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ J. Beattie. The Nyoro State, p. 54.

ского государства. Если Кимера и был братом Исингомы, посланным (или сосланным) на окраину Буньоро, последствия этого оказались несравнимыми с судьбой прежних пameстников. Мы не имеем возможности судить о том, как это произошло. Традиции баньоро и баганда противоречат друг другу. Первая говорит о благородном отпрыске новой династии, получившем от брата удел и преуспевшем в сепаратистских действиях¹⁸⁵. Не желая воевать с братом, Исингома примирился с отделением Буганды, сказав: «Бедняга, должно быть, голодал; оставьте его кормиться там, если ему нравится»¹⁸⁶. Традиция баганда отрицает версию вторжения Бито в Буганду и настаивает на добровольном признании власти Кимеры в Буганде, так как последний — якобы внук кабаки Чва, вернувшийся из Буньоро, где он родился от тайного союза гостившего у мукамы бугандского принца Калемеры, сына Чва, и одной из жен мукамы¹⁸⁷. Поэтому, признавая приход Кимеры из Буньоро, баганда отказываются видеть в нем отпрыска династии Бито. Для нас, однако, важна не столько истинная родословная Кимеры, сколько согласие обеих традиций в следующих важных пунктах: 1) приход Кимеры с группой сподвижников из Буньоро¹⁸⁸, 2) признание, вольное или невольное, его верховной власти в Буганде, 3) отказ Бито, подобно их предшественникам Чвези, от установления эффективного контроля над Бугандой.

То, что Кимера, рожденный в Буньоро и воспитанный в традициях скотоводческой элиты, не считал для себя, в отличие от прежних номинальных наместников Буганды, бесполезным и унижительным «укорениться» в земледельческой стране, служит, как нам кажется, показателем того, что Буганда в качестве объекта установления власти приобрела к этому времени определенную привлекательность и для завоевателя-скотовода. В отличие

¹⁸⁵ A. R. Dunbar. Op. cit., p. 34.

¹⁸⁶ J. H. Speke. Op. cit., p. 252.

¹⁸⁷ J. Roscoe. The Baganda, p. 215.

¹⁸⁸ Это подтверждается и тем, что с династией Бито связана дуальная система захоронений правителей (храм, где хранилась нижняя челюсть и могила с телом), известная только в Буньоро и Буганде. Начиная с Кимеры, все места захоронений кабаки в Буганде хорошо известны и тщательно охраняются (R. Oliver. The royal tombs of Buganda. III, vol. 23, N 2, 1959, p. 124, 125).

от Кинту, Кимера нашел здесь не просто несколько родов с едва намеченной тенденцией к объединению, а воинственный союз с большими перспективами экспансии, возглавить который было и выгодно и лестно. Но тем более странной может показаться легкость, с которой баганда примпрились с навязанной извне властью. Традиция, задним числом узаконивающая власть, не слишком хороший помощник в поисках объяснения этому, но есть один момент, как будто бы несколько проясняющий дело: признание Кимеры вызвано, вероятно, не столько «законностью» его притязаний, сколько тем, что оно пришлось на затянувшийся после «исчезновения» Чва период междуцарствия¹⁸⁹.

Похоже, что к приходу Кимеры в Буганде не пашлось силы, способной возглавить союз местных родов и противостоять захвату власти лидером мигрантов с запада. Победа Кимеры — скорее свидетельство не его силы, а слабости власти «старейшины старейшин» Буганды. Эта победа показывает, насколько еще неустойчива была в Буганде объединительная тенденция и не разработан механизм наследования верховной власти, допустивший длительное междуцарствие. Позднее такие периоды в истории Буганды встречались все реже, а нормы наследования быстрее и жестче обеспечивали преемника на пост кабаки. А пока, согласно традиции, вдова Чва, охотно «признав» в Кимере наследника своего сына Калемеры, погибшего в Буьоро, «сообщила ему обо всех делах правления в Буганде»¹⁹⁰.

Если Кинту предстает в устной истории преимущественно как мифический культурный герой и посетитель магической силы, связующей воедино роды Буганды, в характеристике Кимеры преобладают вполне земные и конкретные черты воина и законодателя: ему приписывается введение административной системы почти в том виде, в каком ее застала европейская колонизация¹⁹¹. Понятно, что мгновенный скачок к зрелым государственным порядкам невозможен, да и предания родов, во многом конфликтующие с официальной общегугандской традицией, позволяют сделать поправки на присущие ей анахронизмы. Однако

¹⁸⁹ J. Roscoe. The Baganda, p. 215.

¹⁹⁰ A. Kagwa. Bika bya Baganda, 1908 (изд. 1949). Kampala, p. 26 (цит. по: M. Southwold. The history of a history... p. 143).

¹⁹¹ J. H. Speke. Op. cit., p. 253.

нельзя отрицать и того, что через Кимеру и его сподвижников в Буганду, возможно, был впервые непосредственно привнесен опыт древнейшей в Междозерье государственности Китары. Учитывая уровень спонтанного развития Буганды, можно заключить, что бугандское общество было стадияльно подготовлено к преобразующей деятельности Кимеры, почему она и оказалась способной резко ускорить процесс формирования государства.

Кимере приписывается впервые произведенное территориальное деление страны на округа, получившие то же название — *саза*, что и в Китаре со времен их легендарного учредителя, последнего в династии Батембузи — Исазы. Традиция утверждает также, что во главе *саза* Кимера поставил наместников *bakungu*, предоставив им право на часть дани с подведомственной области и доверив им функции, ранее представлявшие исключительную прерогативу родовых старейшин *bataka* (организация ополчения и общественных работ, судопроизводство)¹⁹².

Нет сомнения, что при Кимере эта политика не могла быть проведена столь последовательно (и двумя веками позже во главе некоторых *саза* еще оставались *батака*), но ей было положено начало. Тем самым родовая знать, и без того связавшая себя зависимостью от воли верховного вождя, постепенно оттеснялась на второстепенные роли в руководстве жизнью общества, а сородичи теряли основной барьер социальной защиты, каковым до сих пор был род. Возможно, что некоторые заимствованные в Буньоро принципы административного управления способствовали развитию тенденции к выдвиганию новой социальной опоры центральной власти, новой элиты, формирующейся не в русле и не по правилам родовых институтов. Несмотря на все старания родо-племенной аристократии удержать в своих руках традиционные полномочия, наступает период, объективно благоприятный для авантюрных биографий наиболее предприимчивых и чувствующих новые веяния индивидов.

Однако если перенесение в Буганду политических традиций Китары ускорило темпы общественного развития, снабдив правящую верхушку «готовыми формами» административного аппарата, то наполнение этих форм, т. е. сам механизм классообразования, никоим образом не

¹⁹² J. H. Speke. Op. cit., p. 254; H. Johnston. Op. cit., p. 682.

повторял историческое прошлое Китары. Местный субстрат, иной экономически и исторически, предопределил и другие пути социального размежевания. В Китаре—Буньоро социальные изменения почти совсем не затронули основную, земледельческую массу населения, автоматически предоставив ей роль эксплуатируемого через дань, социально пассивного слоя. Возможности его имущественного и социального возвышения были ничтожны. Среди скотоводов наиболее острая конкуренция в социальной и имущественной сфере замыкалась пределами немногочисленной группы служилого сословия, кровными и личностными узами связанного с правящим родом. В последнем же все потерпевшие неудачу претенденты на должность главы государства обеспечивались тем или иным местом в политическом аппарате и подконтрольной частью территории страны¹⁹³.

Совершенно иная картина наблюдается в Буганде. Ни скотоводы как таковые — их просто не было в земледельческой Буганде, ни потомки кабака — «принцы» *balangira* не обладали наследственным правом принадлежности к управленческому слою. Напротив, забегая вперед, можно сказать, что для *balangira* история Буганды — это история их последовательного отлучения, вплоть до физического уничтожения (разумеется, за исключением избранного быть кабакой), от какого-либо участия в политической жизни страны.

Все остальное население оказалось втянутым в процессы социальных изменений. Их основным каналом и важнейшим стимулом, благодаря которому ускорялась подмена избранных родом снизу назначенными кабакой сверху, стала война: «Кимера прослышал о богатствах басога; поэтому он послал экспедицию... чтобы ограбить их»¹⁹⁴. Первый поход после коронации обычно организовывался в Китару, второй — в Бусогу¹⁹⁵. «Баганда, — подтверждает А. Кагва, — привыкли силой добывать желаемое или же получать его в дар от короля»¹⁹⁶. «Надежда на добычу преисполняла каждого мужчину желанием принять участие в походе... Война с баньоро возобновля-

¹⁹³ J. Beattie. The Nyoro State, p. 256.

¹⁹⁴ J. Roscoe. The Baganda, p. 215.

¹⁹⁵ J. H. Speke. Op. cit., p. 260.

¹⁹⁶ A. Kagwa. The customs of the Baganda, p. 66.

лась ежегодно»¹⁹⁷. В военных походах были необходимы и видны личные качества воинов: организаторские способности, инициатива, храбрость и т. д. Верховная власть («когда-то короли сами вели армию в бой»)¹⁹⁸ поощряла отличившихся в битвах, перераспределяя в их пользу награбленное и даруя должности и привилегии.

Война, таким образом, оказывала противоречивое воздействие на процессы социальной и имущественной дифференциации: неравно приобщая к богатству и не всех — к власти, она перестраивала социальную структуру с «горизонталей» родового равенства на «вертикали» вне-родовой иерархии, взращенной, однако, на эксплуатации главным образом вне собственно Буганды и потому еще не способной и не заинтересованной последовательно отстаивать свои сословные интересы внутри ее. Так же как и некогда Кинту, Кимера и его преемники заручились поддержкой всего общества, поставив подданных в условия «равных возможностей», но теперь социальная мобильность проникла в самые недра общества, перейдя от уровня соперничества кровнородственных коллективов к конкуренции индивидов: «... любой член рода мог достичь самого высокого положения в стране, если ему удавалось стать сведущим в государственных делах и он был храбр на войне и гибок в совете»¹⁹⁹. Конечно, у наследников тех, кто уже добился власти, было больше шансов «стать сведущими», и этим обеспечивалась некоторая наследственная преемственность в формировании господствующего сословия. При ранних кабаках многие должности передавались по наследству, но централизаторская политика бугандских правителей, чем дальше, тем больше противостояла этой тенденции, вновь и вновь возрождая социальную мобильность.

По сравнению с функцией военачальника все остальные обязанности новой элиты поначалу выступают как подчиненные, важные постольку, поскольку они обеспечивают основные условия для успешного ведения войны: снабжение армии, коммуникации. Поэтому гражданская сфера управленческой деятельности, будучи также каналом социальной мобильности, и в престижном и в реальном от-

¹⁹⁷ *J. Roscoe. The Baganda*, p. 346.

¹⁹⁸ *Ibid.*, p. 354, 355.

¹⁹⁹ *Ibid.*, p. 269.

ношениях в начальные века формирования бугандского государства была менее перспективной для социального продвижения и обогащения. Однако и здесь усложнение организационных задач постепенно вызывает к жизни специализацию, углубляющую общественное разделение труда между управляющими и управляемыми и ставящую первых над вторыми.

Прежде всего должность бакунгу, часто отлучавшихся из своих саза из-за войн и вызовов кабаки в столицу для обсуждения государственных дел в *lukiko* — совете глав провинций и выполнения придворных обязанностей, пришлось дополнить, как и в Буньоро, заместителями — *basigire* (ед. *musigire*)²⁰⁰ с предоставлением им на время отсутствия бакунгу всей полноты полномочий наместника саза. Басигире, отвечая за саза в целом, в промежуточных территориальных подразделениях — *ggombolola* и, наконец, в элементарной территориальной единице — деревне *kualo*, передоверяли свои функции представителям низших звеньев формирующегося государственного аппарата, также получавшим свою долю перераспределенного продукта. Впрочем, слово «передоверяли» не вполне точно передает специфику социальной иерархии в Буганде, так как соподчинение внутри управляющего сословия считалось второстепенным в сравнении с отношением *omwami* («господин», любой человек, имеющий должность) — кабака.

Обычай требовал личного представления кабаке любого кандидата на любую должность, вплоть до деревенского старейшины. Назначение скреплялось дарами и клятвой хранить верность прежде всего главе государства, а не непосредственно вышестоящим по рангу²⁰¹.

²⁰⁰ I. Beattie. Bunyoro: An African feudality? JAH, vol. V, 1964, N 1, p. 34.

²⁰¹ Этот акт напоминал бы европейский оммаж, если бы его не отличали от последнего два весьма существенных момента: 1) он устанавливался между двумя любого ранга и кабакой, но не между самими двумя: кабака *ekka* — «только кабака» монопольно владел правом дарования титулов, должностей, социальных и имущественных привилегий; 2) он носил односторонний характер: омвами обязывался беспрекословно повиноваться государю, но не получал взамен никаких гарантий охраны привилегий, имущества и личности. В отличие от Европы, в Буганде со временем возобладала тенденция ненаследственного принципа предоставления должностей, а срок службы определялся лишь одной стороной — кабакой, опять-

Кроме территориальных властей, управленческий аппарат постепенно обрастает целым рядом новых профессий: стражников, надсмотрщиков на строительных и дорожных работах, палачей, гонцов, сборщиков дани. Многочисленная челядь, обеспечивающая хозяйственные пужды двора кабаки и резиденций бакунгу, организована по ведомствам во главе со специальными должностными лицами: шеф-поваром, мвами над пивоварами, кузнецами, горшечниками и т. д. Все эти категории «слуг короля», впоследствии получившие обобщенное наименование *batongole* (ед. *mutongole*), вознаграждались частью из собранной дани и обычными административными правами-обязанностями в одной или нескольких деревнях. В описываемый период они рекрутировались в основном через родовые каналы.

Вообще род, обнаружив удивительную приспособительную гибкость, не только уступает старые позиции, но и завоевывает новые. Восходящая к эпохе Кинту-Чва традиция предоставления каждому роду определенных наследственных обязанностей по отношению к двору закрепляется и с захватом новых территорий и инкорпорацией населяющих их родов приобретает большие масштабы²⁰². Она оказалась настолько прочной, что выдер-

таки в отличие от Европы, где вассал, усмотревший в действиях сюзерена отклонения от условий договора, вправе был считать себя свободным от взятых на себя обязательств: «В нормальных условиях подданные подчинены своему законному государю. Но их повиновение выражается не столько в пассивном послушании, сколько в верности. Отличие верности (*fidelitas*) от простого повиновения состоит в наличии определенных условий, при которых верные служат своему господину, и в элементе взаимности...» (*А. И. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 193*).

²⁰² Поначалу Буганда объединяла не больше полутора десятка родов. В конце XIX в. Дж. Роско насчитывает 36 родов. Сейчас, по данным М. Нсимби, — 38, М. Саутуолда — около 50 (*J. Roscoe. The Baganda, p. 138—140; M. Nsimbi. The clan system in Buganda. UJ, vol. 24, N 1, 1964, p. 25*).

В Буньоро приблизительно 150 родов, но они «не действуют корпоративно выше уровня локальной линджей и, за исключением Бито, никогда не имели такого политического значения, как у ганда» (*J. Beattie. The Nyoro State, p. 249, 250*). В Бусоре при общей численности населения всего 500 тыс. человек — 220 родов. К концу XIX в. — 68 самостоятельных крошечных государственных и предгосударственных образований с монополизацией власти только одним, «королевским» (*D. W. Cohen. Op. cit., p. 7, 12, 14*), родом. «Роды баганда»

жала и колониальный и постколониальный периоды бугандской монархии.

Другой важнейший канал социального продвижения, проходивший через род, — система наследования королевской власти.

Поскольку союз кабаки с каждым родом скреплялся брачными узами, а дети от этого брака, в отличие от общепринятых норм отцовского права, наследовали тотем матери, любой род мог надеяться увидеть во главе государства своего представителя, что, естественно, сулило на время его правления определенные привилегии для сородичей. Поэтому в целом закономерный для эпохи классовообразования процесс распада кровнородственных коллективов в Буганде был приостановлен: чем шире был род, тем больше шансов было у его членов оказаться сородичами кабаки.

Согласно традиции, при ранних кабаках наследование престола решалось серией поединков между его сыновьями, но, по-видимому, по мере созревания административного аппарата государства усиливалось и его вмешательство в вопросы наследования верховной власти. Дж. Спик сообщает, что кабаку избирали бакунгу, причем предпочтение отдавалось тому из балангира, «кого они считали наиболее пригодным и не очень высокого ранга со стороны матери, иначе это „убило бы их всех“»²⁰³. Судя по последнему объяснению, роды, особенно «благородные», казались еще настолько серьезной социальной силой, что ее поощрение могло «убийственно» сказаться на положении новой элиты. Впрочем, бакунгу лишь переняли и освоили еще до них сложившуюся тенденцию к периодическому уравнительному перераспределению власти между родами — с тем же самым суждением вполне согласились бы и батака времен Кипту. Теперь же оно стало вдвойне значимым.

До XVII и отчасти XVIII в. значительную часть территории Буганды продолжали наследственно контроли-

в отличие от родов басога, — заключает Коэлп, — конкурирующие в борьбе за власть в экспансионистском и централизующемся государстве... оставались сильными структурами по сравнению с родами в большинстве других частей района. Хотя происходил процесс сегментации рода, централизующее давление политической системы удерживало род в широком и даже расширяющемся объединении» (ibid., p. 71).

²⁰³ J. H. Speke. Op. cit., p. 254.

ровать родовые старейшины²⁰⁴. Даже в правление Мутеби (1636—1690 ± 44 гг.), прославившегося политикой открытых репрессий против батака, несколько глав родов «пользовались автономией и называли себя кабаками»²⁰⁵.

Правители Буганды не в силах были разорвать сакрально понимаемую связь батака — бутака, родовых старейшин — родовых земель. Кабака мог распоряжаться только пезанятыми землями (что провоцировало стремление к их захвату). Но если не во власти кабаки было сместить повсюду родовых старейшин и заменить их своими ставленниками-бакунгу, то и батака ничего не могли поделаться с тем, что все большая часть королевских милостей, а с ними — реальная власть и богатство, распределялись в обществе, минуя их. Это неустойчивое равновесие все чаще нарушается прямым посягательством кабаки на права старейшин: «... главам родов не разрешается встречаться во избежание мятежей против кабаки»²⁰⁶. Запрет налагается и на захоронение вне бутака, так как, по обычному праву, трехколенного захоронения сородичей в одном месте было достаточно, чтобы земля перешла в категорию бутака²⁰⁷. Само избрание главы рода со временем превращается в фикцию: негодный кандидат мог быть отвергнут кабакой²⁰⁸. Смотреть за тем, чтобы предписания государя выполнялись, обычно поручалось соседствующим с бутака территориальным властям, специальным органам: «тайной полицией» из сородичей кабаки во главе с его дядей по матери²⁰⁹, различного рода гондамлазутчикам и просто добровольцам-наушникам. В конце концов положение круговой обороны ставило батака перед альтернативой: либо примириться с урезанным объемом прав (контроль за соблюдением экзогамии, вопросы землепользования в бутака, наследования в роде, взаимопомощи, отправление культа), либо, вместо того чтобы подчиняться территориальным властям, самим во чтобы то ни стало стремиться занять какой-нибудь пост в иерархии

²⁰⁴ M. S. M. *Kiwanuka*. Sir Apolo Kagga and the pre-colonial history of Buganda. UJ, vol. 30, N 2, p. 139, 1966; H. F. *Morris*, J. S. *Read*. Uganda. London, 1966, p. 5.

²⁰⁵ M. *Southwold*. Succession to the throne in Buganda, p. 105.

²⁰⁶ M. B. *Nsimbi*. The clan system in Buganda, p. 26.

²⁰⁷ J. *Roscoe*. The Baganda, p. 134.

²⁰⁸ *Ibid.*, p. 238.

²⁰⁹ *Ibid.*, p. 208.

провинциальных наместников. Родовая знать некогда, на заре формирования центральной власти, ее опора, должна была пережить период гонений, прежде чем вновь была допущена к управлению. С упрочением централизованного государства складываются условия для компромисса: носителям родового пачала, уже неопасного для государственного, уделяется толика власти. Но этот возврат несопоставим с былым полновластием батака. Как правило, они не поднимаются выше ранга деревенского старейшины в своих же родовых бутака. Накануне колонизации почти все батака занимают эту должность и лишь две-три — на уровне глав саза²¹⁰.

Однако конфликт между родом и государством не получает таким путем полного разрешения. Совершенно прав Л. Фоллерс, полагающий, что одновременное удовлетворительное выполнение социальных ролей сородича и представителя государственной администрации невозможно, так как при всей существующей в роде иерархии в фокусе его социальных связей всегда находилось «корпоративное единство», а не отношения господства-подчинения²¹¹. В той же мере, в какой старейшины рода, совмещающие в одном лице также и старейшину деревни — *kualo*, становятся по преимуществу проводниками интересов господствующего сословия всех рангов — от кабаки до их собственного, рядовые общинники — сородичи или соседь — ставятся на службу этим интересам.

Состав обязанностей *bakori* (ед. *tikori*) — людей без должности — остается в пределах традиционной триады (участие в ополчении, общественных работах, обычай подношений и даров управляющим-мвами), однако военная добыча и ответные дары, осаждаясь на всех уровнях мвами, лишь в малой степени просачиваются в низы общества. Несмотря на частичное сохранение родовых традиций уравнительного перераспределения, взаимопомощи и т. д., имущественная дифференциация в Буганде достигает довольно высокой степени развития: на одном полюсе (кабаки и наместники саза) — сотни голов скота, многочисленные жены-рабыни²¹², возделывающие сады и поля,

²¹⁰ R. P. Ashe. Op. cit., p. 94.

²¹¹ L. A. Fallers. *Vantu Bureaucrasy...*, p. 16.

²¹² До XIX в., включившего Буганду в сферу арабской работорговли, баганда брали в плен почти исключительно женщины. Их дети инкорпорировались в род отца, и во всех последующих

на другом — одна-две коровы в крестьянском хозяйстве и одна-две пленницы-жены²¹³.

Положение последних ничем существенно не отличалось от статуса первой жены, урожденной муганда: им также давался для обработки отдельный участок земли, где они были полновластными хозяйками. Правда, у жены-пленницы не было права купова — развода с условием возвращения ее родом брачного выкупа мужу, и дети ее несколько ущемлялись в вопросах наследования, но в следующем поколении и эти различия сводились на нет²¹⁴. При слабом развитии товарных отношений, особенно в первые века существования бугандского государства, цели земледельческого хозяйства ограничивались потреблением и выплатой дани, впрочем, все больше становившейся похожей на регулярный налог. Присоединение дополнительной рабочей силы облегчало выполнение этих задач для рядового общинника и, безусловно, снижало степень его эксплуатации. Но этим и ограничивались, если не считать престижной, ее функции: ни о каком интенсивном выколачивании земледельческого прибавочного продукта посредством рабского труда не могло быть и речи, так как этот продукт не нашел бы себе сбыта, пока Межозерье оставалось изолированным от внешнего мира.

В составе общины обособленная, иногда полигамная семья выступает самостоятельной производственной единицей. Но это в земледелии и домашних ремеслах. Для основной мужской сферы «производства» — войны община является той элементарной социальной ячейкой, посредством которой она организуется и тем самым ее сплачивает. «Общинная организация, — пишет К. Райли, имея в виду рыхлость общины как земледельческого объединения, — пришла в действие только на службе государству и правящему классу, т. е. в войне, прокладке дорог и строительстве домов знати»²¹⁵. По мере того как род терял функции основного регулятора общественных отношений и все менее надежной для сородичей становилась его защита, усиливается тенденция к поискам дополнительной социальной опоры. Бакопи предпочитают селиться не

поколениях потомки баганда и пленниц пользовались равными правами с остальными сородичами.

²¹³ J. Roscoe. The Baganda, p. 415.

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ C. Wrigley. The changing economic structure..., p. 22.

на своих родовых землях: «Не сюда приходил молодой муганда, чтобы поселиться после женитьбы... он даже не селился рядом со своим отцом»²¹⁶. А так как в распоряжении любого старейшины всегда был избыток земли, он был лишь рад пополнить свою общину новым членом: ведь его доходы в складывающейся системе налогообложения составляли определенный процент от подушного сбора в его общине. Так формируется категория крестьян-basenze (ед. musenze) — поселенцев, несородичей старейшины, а вместе с ней укрепляется соседская община. И таким образом индивид заручался двойным подданством — роду и общине, пробуя и там и здесь использовать возможные каналы для приобретения социальных и имущественных привилегий. Большой резерв свободных земель и право senguka — свободы крестьянского перехода позволяли басензе выбирать из старейшин тех, кто пользовался славой «щедрого и доброго». Понятно, что, наряду с другими факторами, это также препятствовало усилению эксплуатации.

Хотя процессы социального размежевания деформировали род и превратили его в одно из средств приобретения богатства и власти, они не смогли вовсе лишить его корпоративного начала. Участвуя в создании отношений эксплуатации, он через каналы перераспределения и взаимопомощи отчасти ее же и гасил. Вытесняя род соседская община с самого начала ориентирована на отрицание равенства. Это отрицание происходило на двух уровнях: коллективным и индивидуальным. Как коллектив община является одновременно и эксплуататором и эксплуатируемым: первым — получая долю от грабежей и даней с соседних народов, вторым — по отношению к собственной бюрократии. Обычно подчеркивают, что вынесение эксплуатации вовне затушевывает и отчасти нивелирует антагонизмы внутри государства, но при этом иногда ускользает от внимания, что частичное перераспределение награбленного в пользу социальных низов не только не мешает, но потворствует разъедающему традицию равенства действию, какое грабежи и дащи, как и любой другой вид эксплуатации, оказывают на общество в целом. В Буганде это особенно видно еще и потому, что не

²¹⁶ L. P. Mair. An African people in the twentieth century. London, 1934, p. 154.

только общине как таковой был проткрыт доступ к обогащению, но и каждый входивший в нее индивид жил надеждой на личную карьеру, которая вырвала бы его из плена повинностей рядового мукопи и обеспечила господство не только над чужаками, но и над своими соплеменниками. Победа центральной власти в отстаивании принципа ненаследственной, сменяемой бюрократии означала, что категория бакопи превращалась в социальный резерв, из которого милостью кабаки в любой момент можно было вознестись на самые верхи бугандского общества. Лихорадочной, похожей на чехарду периодической перетряской государственного аппарата правители Буганды стремились — и не безуспешно — предотвратить возможность развития децентралистских тенденций. Неявка в лукико, поражение в битве, признаки излишнего, с точки зрения кабаки, богатства и популярности, доносы, интриги, наконец, малейшее нарушение придворного этикета — все использовалось как повод для понижения в должности, лишения чина, конфискации имущества, штрафов, наказаний, подвергающих публичному глумлению недавно могущественного вельможу, скоропалительных судов и казней. Атмосфера острой конкуренции, нестабильность положения вынуждали индивида воспринимать свой социальный статус как временное состояние, постоянная надежда на улучшение которого или страх потерять привилегии отвращали от союза с людьми, объективно занимающими в данный момент ту же ступеньку социальной лестницы. Политика «разделяй и властвуй» препятствовала развитию корпоративности, сознания единства сословных интересов и необходимости их коллективной защиты, без чего беззащитным перед центральной властью оказывался и индивид. Преимущественное развитие «вертикальных» связей господства-подчинения в ущерб «горизонтальным» отношениям равенства внутри сословных групп отмечают многие исследователи общественной структуры баганда²¹⁷.

²¹⁷ См., например: *L. A. Fullers. Social stratification in traditional Buganda. «The king's men», p. 70, 71; K. S. Carlston. Social theory and African tribal organization. Urbana. Chicago and London, 1968, p. 254; M. L. Perlman. The traditional systems of stratification among the Ganda and the Nyoro of Uganda. «Social stratification in Africa». London, 1970, 131, 132.*

Высокая степень социальных перемещений в условиях негражденности от произвола порождала противоречивые черты в социально-психологической сфере. С одной стороны, отмечаются «редкая способность баганда к организации и управлению»²¹⁸, чувство национального превосходства²¹⁹, предприимчивость²²⁰, с другой — постоянное поприение чувства собственного достоинства: «Опущенные глаза, преклоненные колени...»; страх перед троном, считалось, что «дотронуться до трона или одежд короля — верная смерть. Благодарность кабаке выражается простершись ниц»²²¹. «Всякая независимость мышления и действия подавлялась»²²², вызывала настороженность, недовере²²³.

Итак, мы видим, что в XV—XVII вв. в Буганде складывается общественная структура, основанная на отношениях господства-подчинения. Как и повсюду в эпоху становления государства, она строится на присвоении знатью прибавочного продукта, произведенного в хозяйстве земледельца и скотовода. Организатором эксплуатации поначалу выступает родовая знать, направляющая социальную энергию мужского населения страны (освобожденного от необходимости участия в земледельческом труде, с одной стороны, и лишено возможности специализации в ремеслах из-за недостатков ресурсов и узости обмена — с другой) вовне складывающегося племенного союза. Тем не менее и в эту эпоху неравенства в распределении добычи можно расценивать как первоначальную, скрытую форму эксплуатации рядовых общинников-бакопи. С заменой родовой знати бюрократической, т. е. с оформлением аппарата государства, усиливается тенденция к эксплуатации подданных внутри государства, хотя вплоть до колонизации эта тенденция сочеталась с даннической эксплуатацией соседних народов.

²¹⁸ M. A. Kitching. On the backwaters of the Nile. London, 1912, p. 31.

²¹⁹ K. S. Carlston. Op. cit., p. 257.

²²⁰ A. R. Tucker. Op. cit., p. 86.

²²¹ J. H. Speke. Op. cit., p. 256.

²²² A. R. Tucker. Op. cit., p. 86.

²²³ Сходные явления отмечает в странах речных культур Древнего Востока А. И. Тюменев: «Отношения между членами правящего класса отличались чертами крайнего сервиллизма» (А. И. Тюменев. Передний Восток и античность. ВИ, 1957, № 6, стр. 57).

На какой же основе строилась эта эксплуатация?

Древнейший, догосударственный пласт традиционных представлений баганда связывает землю сакральными узами с похороненными в ней и населяющими ее сородичами-батака (буквально — «люди земли»), одному из которых, старейшине, доверялись регулирование землепользования в пределах родовой общины и репрезентативные функции в отношениях с соседствующими родами. С объединением родов внутриобщинные санкции старейшин остаются неприкосновенными, в то время как функции арбитра в отношениях между родами и охраны общих интересов складывающегося племенного союза от посягательств не входящих в него чужаков вверяются «старейшине старейшин» — ссабатака.

Таким образом, обобщенная на племенном уровне концепция родовой собственности получает патристическую окраску: подобно тому как батака владеют землей, завещанной предками, ссабатака как «отец народа» владеет совокупностью родовых земель. По мере развития соседских связей род в Буганде все больше деллокализуется и соответственно осмысление владельческих прав индивида в понятиях родовой собственности становится недостаточным. Однако при сопоставлении прав и обязанностей родового общинника, живущего в своей родной бутака, в бутака другого рода или в чисто территориальной общине, не закрепленной ни за одним из родов, обнаруживается, что никаких существенных различий между ними нет. Единственное, что их отличало — право наследственного владения бутака, не имело реальной ценности в условиях обилия свободных земель и неразвитости товарно-денежных отношений. Каждый крестьянин мог с ведома старейшины (и, как мы убедились, к его удовольствию) беспрепятственно занять любой свободный участок, который была способна обработать его семья. До тех пор пока земля хранила следы обработки, живущий на ней считался полноправным членом общины, защищенным ею от любого, кто посягнет на его права.

С освоением земель на соседских началах и, главное, развитием классов и государства, складывается представление о кабаке как о верховном распорядителе земельного фонда страны: «Вся земля принадлежала королю, и он один мог наделять ею вождя или частное лицо»²²⁴. Под

²²⁴ J. Roscoe. The Baganda, p. 238.

«частным лицом» Роско, несомненно, имеет в виду лицо, ищущее должности. Наделение участком бакопи не требовало прошения у кабаки, для этого достаточно было санкции любого деревенского старейшины. Должность же предоставляла определенную сумму публичных прав, временно делегированных кабакой и действующих в пределах контролируемого наместником района. За выполнение своих обязанностей должностное лицо получало жалованье в виде части собранного государственными сборщиками налога. Очевидно, олицетворенное в кабаке государственное пачало заявляло о себе как о непосредственном собственнике прибавочного продукта.

Нетрудно заметить, что в генезисе традиционных повинностей бакопи и их зеркальном отражении — прерогативах знати с очевидностью распознается кратко описанный Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» путь классового образования, восходящий к появлению общественного разделения труда между производством и управлением, к выделению специализированной управленческой функции²²⁵.

Все без исключения представители эксплуататорского слоя являются таковыми, только будучи служащими государственного аппарата.

Такая социально-политическая структура полностью соответствует взглядам Маркса на развитие азиатских обществ: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»²²⁶.

²²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 184.

²²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У ДРЕВНИХ МАЙЯ

В. И. Гуляев

История вопроса. Первые раннеклассовые индейские государства возникли в Мезоамерике в самом конце I тысячелетия до н. э. или в первых веках нашей эры. Их самостоятельное развитие было насильственно прервано испанским завоеванием в XVI в. Таким образом, история мезоамериканской цивилизации и государственности насчитывает более полутора тысяч лет. Этот довольно продолжительный период ученые-американисты подразделяют в свою очередь на два этапа: *классический* (I тысячелетие н. э.) и *постклассический* (X—XVI вв. н. э.). Письменными источниками более или менее освещен лишь второй из них.

Классический этап, отражающий начальные и наиболее интересные для нас стадии существования раннеклассовых городов-государств Мезоамерики, известен пока исключительно на основе археологических данных. Никаких письменных документов для этого времени не сохранилось, а иероглифические тексты некалендарного характера, запечатленные на многочисленных стелах, алтарях и рельефах из древних городов майя, до сих пор полностью еще не прочитаны. Таким образом, мы можем рассчитывать здесь лишь на археологию. Однако и археологический материал при всем своем изобилии и значимости не позволяет сколько-нибудь полно судить о характере политических институтов древних майя в классическое время.

Поскольку специальных работ о происхождении и характере царской власти у древних майя до сих пор нет, отдельные высказывания исследователей на этот счет приходится извлекать из различных работ общего порядка. Еще в начале нашего века известный североамериканский

риканский ученый Г. Спинден высказал в своем фундаментальном труде «Исследование искусства майя» предположение о том, что персонажи высокого ранга, запечатленные на майяских скульптурах классического времени, являются жрецами¹. Ту же мысль более четко сформулировал англичанин Т. Джойс. Основываясь главным образом на мотивах майяского искусства и письменных источниках, он утверждал, что «фактически невозможно провести различие между жрецами и правителями и уже сама эта трудность указывает, вероятно, на то, что система правления имела чисто религиозную основу»². Его окончательный вывод на этот счет носил еще более определенный характер. «Есть все основания предполагать, — писал Т. Джойс, — что древние майя жили под властью правителей, у которых жреческие функции были явно преобладающими»³.

Эти взгляды получили дальнейшее развитие в трудах крупнейшего специалиста в области археологии майя — Э. Томпсона. Они в известной мере отражали наиболее распространенные в зарубежной американистике 30—40-х и даже 50-х годов концепции социально-политической структуры городов-государств древних майя. Обобщив большую археологический и этнографический материал, Э. Томпсон высказал мнение о наличии у майя классических времен теократической системы правления. «У нас нет прямых данных, — писал он, — о том, как было организовано общество майя в период «Начальной Серии» (синоним классического этапа. — *В. Г.*) . . . однако огромное количество ритуальных зданий, повсеместная практика их перестройки и увеличения в размерах, усилия, затрачиваемые на сооружение датированных монументов, подавляющее господство религии во всех произведениях искусства . . . наличие сведений . . . о мирном характере общества в тот период — все говорит о преобладании у майя *теократии*, или такой формы правления, при которой жрецы имели полный контроль над обществом»⁴. Та же мысль отчетливо прозвучала и в статье известного тео-

¹ *H. Spinden. A study of Maya art. MPM, vol. VI. Cambridge, Mass., 1913, p. 49.*

² *T. A. Joyce. Mexican archaeology. London, 1914, p. 279.*

³ *Ibid., p. 280.*

⁴ *J. E. Thompson. Maya hieroglyphic writing. Norman, 1960, p. 7.*

ретика американской археологии Г. Уилли⁵. Даже автор монографии о первых городских цивилизациях Месопотамии и Центральной Мексики — Р. М. Адамс не преминул отдать дань господствовавшим в зарубежной американистике взглядам. «Первыми, — считает он, — появились жрецы или во всяком случае та элита, притязания которой на лидерство были первоначально подкреплены только религиозными доводами»⁶. И лишь значительное время спустя в результате ожесточенной борьбы между старой теократической кастой и повой, набирающей силу военной знатью реальная власть переходит, наконец, в руки последней⁷. Поскольку этот тезис иллюстрируется примерами как из истории Месопотамии, так и из истории Центральной Мексики, т. е. областей, не связанных друг с другом ни во времени, ни в пространстве, он приобретает тем самым силу какого-то общего закона, общего теоретического положения.

Причины появления столь одностороннего подхода к сложным социально-политическим процессам, происходившим в доколумбовых индейских обществах, когда религиозная сфера искусственно выпячивалась в ущерб другим видам деятельности, найти не так уж сложно.

Корни подобных взглядов лежат, безусловно, в идеалистическом мировоззрении ряда зарубежных ученых. Еще сравнительно недавно в ходе археологических исследований древних памятников майя обращалось главное внимание лишь на самые внушительные и красивые архитектурные сооружения, расположенные в центральной части города или селения, каковыми, естественно, были в первую очередь храмы. В итоге основную долю наших сведений о классической культуре майя составляли именно материалы из раскопок центральных храмовых комплексов. Так было в Чичен-Ице, Паленке, Пьедрас Неграс, Хольмуле и частично Вашактуне. Сложная и изощренная символика майяских каменных монументов — алтарей и стел, также расположенных, как правило, вблизи храмов, — только усиливала всеобщее убеждение в абсолютном господстве религии и ее служителей

⁵ G. R. Willey. The structure of ancient Maya society. Aa, vol. 58, N 5.

⁶ R. M. Adams. The evolution of urban society: early Mesopotamia and prehispanic Mexico. Rochester, 1966, p. 120.

⁷ Ibid., p. 133.

в жизни древних майя. Изображения персонажей высокого ранга в пышных одеждах и вычурных головных уборах, столь многочисленные в классическом майяском искусстве, без колебаний объявлялись верховными жрецами, представителями правящей теократической верхушки, чем-то вроде всемогущих католических пап в годы европейского средневековья. Вся повседневная жизнь рядового земледельца и горожанина протекала, по мнению исследователей, под аккомпанемент бесконечных религиозных молитв, обрядов и постов. Вся духовная жизнь, наука и искусство находились под опекой служителей культа. Письменность и календарь обслуживали якобы лишь нужды религии.

«Города» майя в I тысячелетии н. э., по мнению многих исследователей, оказывается, вовсе не были таковыми, а представляли собой своеобразные ритуальные центры, где постоянно жили только группа жрецов и обслуживающий их персонал. Население окрестных земледельческих поселков снабжало такой центр всем необходимым, в том числе и даровой рабочей силой, но сами земледельцы бывали в этих священных «городах» не слишком часто — в дни наиболее торжественных религиозных церемоний и празднеств⁸.

Конечно, не следует впадать и в другую крайность, объявляя древних майя абсолютно свободными от влияния религиозных канонов и правил, а жрецов — лишеными всякой реальной власти служителями запутанного и малопонятного народу культа. В любом раннеклассовом обществе сфера духовной жизни находилась под сильным влиянием религии. Жрецы составляли могущественную прослойку внутри господствующего класса. Искусство, наука, идеология и даже различные политические события в те времена зачастую выступали в религиозной оболочке.

Но это отнюдь не должно заслонять от нас другие, не менее важные стороны социально-политической жизни древних народов: военные и гражданские функции правителя, роль ремесла и торговли и т. д. За последние годы в мезоамериканской археологии заметно проявились себя совершенно новые, быстро прогрессирующие тенденции,

⁸ W. T. Sanders, B. J. Price. Mesoamerica. The evolution of a civilization. N. Y., 1968, p. 10.

суть которых состоит в отказе от прежнего одностороннего подхода к изучению сложной картины социальных отношений в доколумбовых городах-государствах, в том числе и у майя.

Настоящий переворот в изучении древних майя произвели работы известной исследовательницы из США Т. Проскуряковой, посвященные анализу некалендарных надписей на стелах из Пьедрас Неграс и Яшчилана⁹. Выяснилось, что эти стелы, расположенные группами возле определенных храмов, не что иное, как каменная летопись деяний конкретных правителей майя, начиная от их восшествия на престол и кончая появлением нового преемника.

Выводы Т. Проскуряковой получили подтверждение после аналогичных исследований профессора Д. Келли в Киригуа¹⁰. Вполне солидарен с этими взглядами и другой известный ученый из США — М. Д. Ко¹¹. «Таким образом, — подчеркивал он, — персонажи, которые представлены на рельефных изображениях классического времени, — не боги и не жрецы, а династические самодержцы и автократы...»¹² Археологи в ходе недавних раскопок древних памятников майя получили обильный материал, полностью подтверждающий факт существования в классический период правящих наследственных династий в майяских городах-государствах. Здесь следует упомянуть прежде всего У. Хевиленда, который несколько лет вел работы среди руин Тикаля¹³, и руководителя тикальского проекта раскопок У. Р. Ко¹⁴.

Важный вклад в разработку проблемы социально-политической структуры древних майя внесли советские

⁹ *T. Proskouriakoff*. Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala. *Aan*. vol. 25, N 4. Salt Lake City, 1960, p. 454—475; *idem*. Historical data in the inscriptions of Yaxchilan, pt 1. — *ECM*, vol. III. Mexico, 1963, p. 149—167; pt 2. — *ECM*, vol. IV. Mexico, 1964, p. 177—201.

¹⁰ *D. H. Kelley*. Glyphic evidence for a dynastic sequence at Quirigua, Guatemala. *Aan*, vol. 27. Salt Lake City, 1962, p. 323—335.

¹¹ *M. D. Coe*. *The Maya*. London, 1966, p. 170—174.

¹² *Ibid.*, p. 171.

¹³ *W. A. Haviland*. Prehistoric settlement at Tikal, Guatemala. — «Expedition», vol. 7, N 3. Philadelphia, 1965, p. 22, 23; *idem*. Tikal, Guatemala and Mesoamerican urbanism. — «World Archaeology», vol. 2, N 2. London, 1970, p. 195.

¹⁴ *W. R. Coe*. Tikal. A Handbook of the ancient Maya ruins. Philadelphia, 1967.

ученые Ю. В. Кнорозов и Р. В. Кинжалов. Первый из них удачно сопоставил общество майя с цивилизациями Древнего Востока, и прежде всего с Шумером. Ему же принадлежит и очень интересная попытка определить время формирования государства у майя, используя факт появления так называемых «юбилейных» стел¹⁵. Второй высказал ряд интересных соображений об особенностях системы правления в городах-государствах классического времени при рассмотрении богатого и разнообразного искусства майя¹⁶. Ю. В. Кнорозов высказал также важные соображения о ранних ступенях государственности майя на основе анализа майяского календаря¹⁷.

Характер царской власти у майя по данным письменных источников. В зарубежной майяистике широко распространён тезис о неприменимости сведений письменных источников майя X—XVI вв. к археологическим материалам классического периода (I тысячелетие н. э.). На мой взгляд, такие сопоставления, напротив, вполне допустимы¹⁸. Больше того, сколько-нибудь успешная реконструкция социально-политических институтов майя I тысячелетия н. э. возможна только на основе ретроспективного анализа данных из старых хроник и этнографических отчетов к археологическим находкам классического времени.

Полуостров Юкатан. Судя по сведениям индейских и испанских хроник, к моменту европейского завоевания на полуострове Юкатан существовало около 16 независимых государств¹⁹, во главе которых стояли свои династии правителей. Они вели между собой непрерывные войны из-за спорных земель, добычи и рабов. Как пишет Диего де Ланда, «между тремя домами главных сеньоров, какими были Кокомы, Шчу и Чели, происходили раздоры и вражда»²⁰. Каждое такое государство управлялось «халач

¹⁵ Диего де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.—Л., 1955, стр. 37—38; Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963.

¹⁶ Р. В. Кинжалов. Искусство древних майя. Л., 1968, стр. 29, 39, 72, 73, 77, 97 и др.

¹⁷ Ю. В. Кнорозов. Заметки о календаре майя. Общий обзор, ч. I. — СЭ, 1971, № 2; ч. II.

¹⁸ В. И. Гуляев. Некоторые вопросы становления раннеклассового общества у древних майя. СЭ, 1969, № 4, стр. 86, 88.

¹⁹ Испанские авторы называют эти государства «провинциями».

²⁰ Диего де Ланда. Указ. соч. стр. 124.

виником» («halach unic» — майяск, «настоящий человек»). Должность его была наследственной и передавалась от отца к сыну²¹ или во всяком случае по мужской линии в рамках одной семьи. Диего де Ланда сообщает, что правители династии Чель из «провинции» Ах Кип Чель имели одновременно и «жреческое достоинство»²². В словаре Мотуль термин «халач виник» переводится как «епископ, верховный судья, губернатор или правитель и комисарио» (вид верховного судьи по соблюдению религиозных канонов. — В. Г.)²³. Следовательно, «халач виник» паряду с чисто светскими выполнял и какие-то религиозные функции²⁴. Власть его была довольно велика. Он играл ведущую роль в осуществлении внешней и внутренней политики своего государства, был верховным судьей и главнокомандующим армией. Мы располагаем прямым указанием индейца Гаспара Аптонио Чи на то, что власть правителя была практически абсолютной. «Правители, — пишет он, — имели абсолютную власть в пределах своих владений и осуществляли ее в довольно жесткой форме. . .»²⁵

В то же время есть не менее надежные свидетельства о наличии при особе правителя специальных советов с совещательными функциями. В их состав входили наиболее богатые и знатные саповники, представители родовой верхушки, батабы — должностные лица, стоявшие во главе городов и селений, и т. д.²⁶ В некоторых случаях такие советы играли решающую роль даже в разработке вопросов самой высокой политики. Так, при походе отряда Кортеса к границам майяского государства Акалан-Тишчель его правитель Пашболонача «собрал знатных людей из всех селений, потому что ни одно дело не могло осуществляться без того, чтобы не поставить о нем в из-

²¹ Там же, стр. 140. («Если сеньор умирал... ему наследовал старший сын...»).

²² Там же, стр. 128.

²³ R. L. Roys. The Indian background of colonial Yucatan. CIWP. N 548. Washington, 1943, p. 60.

²⁴ Фактически вопросы религии находились в ведении верховного жреца («ах-ав как-ул» — «страж владыки»), который был советником правителя (Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975, стр. 256).

²⁵ A. M. Tozzer. Landa's relación de las cosas de Yucatán. PPM, vol. 18. Cambridge, Mass., 1941, p. 231.

²⁶ Ibid., p. 238.

вестность этих знатных людей»²⁷. Некоторые из «халач винников» имели также титул «ахав», который переводится в словаре Мотуль как «царь, император, монарх». В колониальную эпоху майя называли так короля Испании. Накануне конквисты титул «ахав» носили правители по крайней мере трех юкатанских «провинций»: Ахав Печ, Ахав Чель и Ахав Коком²⁸.

Экономической опорой власти правителя служили его собственные, «царские», земли, обрабатываемые рабами и разного рода зависимыми людьми²⁹. Кроме того, он систематически получал с подвластных ему селений дань в виде различных сельскохозяйственных продуктов. О размерах этой дани существуют самые противоречивые мнения. Дело в том, что основным источником при создании трудов многих испанских хронистов (Диего де Ланда, Лопес де Когольюдо и др.) послужили сообщения Гаспара Антонио Чи — выходца из знатного индейского рода Шивов. Вполне естественно, что он постарался показать своих царственных предков в самом выгодном свете, приукрасив или скрыв многое из их былых деяний. Так, согласно Лопесу де Когольюдо, ежегодная дань правителям Майяпана состояла из небольшого числа хлопчатобумажных плащей, домашней птицы, какао (в тех местах, где его выращивали) и каучука, и «все требуемое было очень невелико по размерам»³⁰. То же самое пишет и сам Гаспар Антонио Чи: «И дань, которую они ему (Тутуль Шиву, правителю Мани. — В. Г.) давали, была не более чем разновидностью их признательности; она состояла из одной домашней птицы в год и немного маиса в пору сбора урожая, а также меда и некоторых одежд из хлопка — все в очень ограниченном размере и почти добровольно»³¹.

Однако вряд ли эта идиллическая картина соответствовала действительности. В одном из испанских доку-

²⁷ F. V. Scholes, R. L. Roys. The Maya Chontal Indians of Acahualtixchel. CIWP, N 560. Washington, 1948, p. 390.

²⁸ R. L. Roys. The book of Chilam Balam of Chumayel. Norman, 1967, p. 189.

²⁹ R. L. Roys. Lowland Maya native society at Spanish contact. HMAI, vol. 3. Austin, 1965, p. 669.

³⁰ P. A. Means. History of the Spanish conquest of Yucatan and the Itzas. PPM, vol. 7. Cambridge, Mass., 1917, p. 12.

³¹ The historical recollections of Gaspar Antonio Chi. «Brigham Young University. Publication in Archaeology and Early History», vol. 3. Provo, 1952, p. 32, 33.

ментов XVI в., посвященном образу жизни юкатанских майя до европейского завоевания, сказано: «И этим упомянутым правителям они повиновались и платили дань в виде планцей и индеек, манса, фасоли и... рабов. Того, кто не давал правителю полагающуюся ему дань, он приказывал принести в жертву...»³².

В свою очередь Диего де Ланда отмечает, что «все население делало посевы» для правителя, а собранный урожай шел на нужды царского дома. «Когда была дичь или рыба или когда приносили соль, всегда давали часть сеньору...»³³ Общинники обязаны были также построить каждому правителю новый дом и следить за его состоянием, ремонтируя в случае нужды³⁴.

Таким образом, даже эти далеко не полные сведения позволяют судить о жестокой эксплуатации правителем подвластного ему населения.

Исторические свидетельства майя позволяют предполагать, что по меньшей мере дважды на протяжении постклассического времени большая часть Юкатана была объединена в рамках единого государства: в X—XII вв. под эгидой завоевателей-тольтеков, обосновавшихся в Чичен-Ице, и с XIII до середины XV в. — во главе с правителями Майяпан.

«Некогда вся эта страна, — утверждает Гаспар Антонио Чи, находилась под властью одного правителя, в те времена, когда царствовали правители Чичен-Ицы и их могущество сохранялось более чем два столетия... Ему (правителю Чичен-Ицы. — В. Г.) платили дань все савонники этой провинции и даже за пределами ее, из Мексики, Гватемалы, Чапаса... Они слали ему подарки в знак мира и дружбы»³⁵. К XIII в. могуществу тольтекских династий из Чичен-Ицы приходит конец, а на небосклоне майяской истории все ярче светит новая восходящая звезда — Майяпан. Его династы сумели за несколько десятилетий укрепить свои позиции, подчинив своей власти значительную часть юкатанских земель.

³² Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar, 2a serie, t. 11. Relaciones de Yucatán. Madrid, 1898, p. 105.

³³ Диего де Ланда. Указ. соч., стр. 140.

³⁴ R. L. Roys. The book of Chilam Balam of Chumayel, p. 75.

³⁵ The historical recollections... , p. 29.

Новое централизованное государство (*mul tepal*) сделало своей столицей сильно укрепленный город Майяпан. Майяпанские цари вскоре приняли гордый титул «ко-текпана» («*sôtcran*»), что означает «человек, стоящий над всеми»³⁶. «В этом городе (Майяпане. — В. Г.) находился правитель с абсолютной властью, Тутуль Шив, от которого происходят правители упомянутой провинции Мани»³⁷. Можно предполагать, что у властителей Майяпана, стоявших во главе обширного государства, было куда больше возможностей и средств для осуществления своей политики и утверждения своей власти, чем у их ближайших потомков — правителей мелких независимых государств — «провинций» *капуна конкиты*.

«Правители Майяпана, — пишет Лопес де Коголь-юдо, — имели абсолютную власть и строго наказывали за несоблюдение их приказов»³⁸.

Подобно «халач винику», цари Майяпана объединяли в своих руках высшую светскую и духовную власть, активно участвуя во всякого рода религиозных церемониях и обрядах. По словам одного испанского хрониста, «в древние времена сеньоры Майяпана должны были служить в храмах идолов во время церемоний и празднеств, которые были предписаны для них законом...»³⁹

У нас нет никаких точных данных о происхождении власти «халач виников» или правителей государств юкатанских майя с центрами в Чичен-Ице и Майяпане. Известный американский историк Р. Ройс считает, что «халач виник» был, вероятно, когда-то военным вождем, наподобие главы мексиканской конфедерации племен⁴⁰.

Тем не менее на основе анализа некоторых письменных источников и этнографических параллелей с индейцами, не столь уж далекими от Мезоамерики (индейцы юго-запада и юго-востока США), можно наметить основные этапы становления царской власти у древних майя. Оседлые земледельческие племена индейцев-пуэбло и кочевые общины воинственных обитателей североамериканских прерий, взятые здесь в качестве этнографического эталона для майя, находились к моменту широкого прошикновения

³⁶ *Ibid.*, p. 32.

³⁷ *Ibidem*.

³⁸ P. A. Means. *Op. cit.*, p. 13.

³⁹ *Ibid.*, p. 12.

⁴⁰ R. L. Roys. *The Indian background...*, p. 59.

европейцев в эти области Нового Света на уровне военной демократии, или на высшей ступени варварства. «Сохранявшиеся институты родового общества, — подчеркивает Ю. П. Аверкиева, — у этих племен приобретали новые качества. Сама племенная организация в отличие от ее сущности в родовом обществе превратилась здесь в форму политической организации, в которую облекался военно-демократический строй»⁴¹. Каждое племя имело какие-то специфические черты в своей структуре, но основные институты эпохи военной демократии: верховный вождь, совет племени и народное собрание — повторялись в той или иной форме у всех. Причем одна из характернейших особенностей этой социально-политической организации заключалась в периодической передаче должности племенного вождя представителям определенных родов и фратрий. Так, племя айова «делилось на две фратрии: Зимы и Лета и на девять—десять родов. Во главе племени стояли два вождя (курсив наш. — Г. В.), выбиравшихся из одного правящего рода каждой фратрии: рода Медведя во фратрии Зимы и рода Бизона во фратрии Лета. Каждый из них руководил жизнью племени в течение полугода»⁴². Это так называемые «сезонные вожди», правившие попеременно, в течение «подвластного» сезона. В то же время у индейцев-пуэбло, живших в области Рио-Гранде, органы управления состояли из верховного вождя (governor, cacique), военного вождя и племенного совета. Верховный вождь избирался здесь ежегодно, т. е. сроком на год, из определенных родов и пользовался большим влиянием среди соплеменников, хотя законодательная власть находилась в руках совета. Военный вождь также переизбирался раз в год⁴³.

Большую роль в выборах верховного вождя играло мнение воинов племени, организованных в специальные военные союзы, или общества (например, общество Кван у хопи⁴⁴, или военные отряды у индейцев-уичита)⁴⁵.

⁴¹ Ю. П. Аверкиева. Индейское кочевое общество XVIII—XIX вв. М., 1970, стр. 121.

⁴² Ю. П. Аверкиева. Указ. соч., стр. 83.

⁴³ P. E. Goddard. Indians of the Southwest. Handbook Series, N 2. N. Y., 1921, p. 99.

⁴⁴ F. Eggan. Social organization of the Western Pueblos. Chicago, 1950, p. 106.

⁴⁵ M. G. Smith. The plains Indians. «University of Nebraska Studies», vol. 24, N 1—2. London, 1924, p. 61.

Двойственный характер верховной власти: наличие главного (или «мирного») и военного вождей — был присущ в той или иной степени многим индейским племенам. Однако постепенно все отчетливее проявляется тенденция к слиянию религиозных, гражданских и военных функций в лице одного правителя, вышедшего из рядов военной знати⁴⁶. Как справедливо отметил А. М. Золотарев, эта «двойственность должностей повсеместно покоится на дуальной организации»⁴⁷. И по мере того как дуальная организация, фратрия, теряет свое экономическое и брачное значение, «возрастает ее влияние на мировоззрение и внешние формы быта, например организация власти и церемоний»⁴⁸. Находят ли упомянутые выше черты какое-либо отражение в социально-политических учреждениях древних майя?

Появление первых четко выраженных атрибутов власти правителя в виде так называемых «ритуальных полос» (*ceremonial bars*) наряду с началом возведения «юбилейных» стел считается одним из показателей окончательного укрепления царской власти и государственности у майя. Вместе с тем изображение на «ритуальных полосах» попеременно то богов дождя и грозы, то богов солнца⁴⁹, возможно, служит отдаленным отголоском существования у майя в прошлом «сезонных вождей» (дождь — Лето; Солнце — засуха, Зима).

Что касается ежегодной передачи власти очередному представителю четырех групп родов, или фратрий, то этот обычай нашел у майя самое широкое отражение и в социальной структуре и в идеологических воззрениях. «Согласно жреческим учениям (майя. — В. Г.), — пишет Ю. В. Кнорозов, — боги правили миром поочередно, сменяя друг друга у власти. Четыре бога — Хобпилль, Кап Цик Наль, Сак Кими и Хосан Эк — сменяли друг друга у власти ежегодно... Эти представления в своей основе фантастически отражают древний социальный институт смены власти по родам...»⁵⁰ Аналогичные воззрения еще

⁴⁶ Ю. П. Аверкиева. Указ. соч., стр. 122.

⁴⁷ А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964, стр. 148.

⁴⁸ Там же, стр. 150.

⁴⁹ C. F. Guillemín. Development and function of the Tikal ceremonial center. «Ethnos», N 1—4. Stockholm, 1968, p. 31.

⁵⁰ Диего де Ланда. Указ. соч., стр. 51.

более ярко отражены в ритуале предновогоднего праздника Вайеб, когда в течение пяти «роковых» дней жители селения избирали ежегодно «князя» и в его доме и под его руководством совершали сложные и пышные церемонии, так или иначе связанные с аграрным культом. На следующий год все повторялось. Причем общая продолжительность всего цикла была четыре года, а число участвовавших в ритуале «князей» — тоже четыре⁵¹.

Почти полной аналогией празднику Вайеб может служить также отрывок из книги Чилам Балам из Чумайеля, где описаны ритуал четырех сторон света, четыре мировых дерева, четыре цвета и четыре правителя — «хольпопа»⁵². Причем для каждой стороны света текст майя дает четыре имени, которые определены как юкатанские патронимии, т. е. названия патрилинейных родов⁵³:

«44. Тогда поселились начальники (в оригинале «хольпопы»)

45. Иш Нох Ук начальник на востоке...

49. Батун начальник на севере...

53. Ибан начальник на западе...

56. Ах Йамас начальник на юге...»⁵⁴

В виде пережиточной формы четырехчленное деление власти отмечено у многих племен майя X—XVI вв. н. э.: в Акалане у индейцев чонталь⁵⁵, в Чичен-Ице и Майяпане⁵⁶, у майя-ицев Тайясалья, переселившихся с Юкатана в Петен⁵⁷, у индейцев горной Гватемалы⁵⁸ и т. д. В действительности же вся полнота власти находилась в то время в руках *одного* правителя, а три его бывших

⁵¹ Там же, стр. 169, 170.

⁵² «Холь-поп» (holpop) означает буквально — «владыка циновки», циновка же у майя всегда была символом власти. Видимо, в древности холь-поп был одним из эпитетов вождя, правителя, однако к моменту конквисты так называли на Юкатане исполнительное должностное лицо не слишком высокого ранга.

⁵³ M. D. Coe. A model of ancient community structure in the Maya lowlands. SWJA, vol. 21, N 2, 1965, p. 105—106.

⁵⁴ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 72.

⁵⁵ F. V. Scholes, a R. L. Roys. Op. cit., p. 54, 456, 383.

⁵⁶ M. D. Coe. A model of... p. 107.

⁵⁷ J. Villagutierre Soto-Mayor. Historia de la conquista de la provincia de el Itza. «Biblioteca Guatemala», vol. IX, Guatemala, 1933, p. 306.

⁵⁸ B. de Las Casas. Apologética historia sumaria, t. 1. México, 1967, p. 500.

соперника из других фратрий превратились в высших сановников или военачальников государства, да к тому же принадлежавших зачастую к тому же самому правящему роду или семье.

Ю. В. Кнорозов очень удачно сопоставил этот одноличный этап в развитии ранних форм власти правителя у майя с первой реформой календаря, когда в местных городах-государствах появляется официальная хронологическая система, — это 354—38 гг. до н. э.⁵⁹ Не берусь судить о точности ранней даты. Однако сам факт появления важнейших признаков цивилизации майя не позднее I в. до н. э. хорошо подтверждается археологическими данными и вряд ли подлежит сомнению. «Введение хронологии, — подчеркивает Ю. В. Кнорозов, — вполне может рассматриваться как один из признаков возникновения государства. Представляется неточным связывать потребность в хронологии с властью царя или правителя. Во главе формирующихся государств не обязательно стояли цари с пожизненной властью. Царской власти еще нужно было добиться своего признания, преодолев сопротивление племенных традиций. История календаря в Мезоамерике как раз и отражает эту упорную борьбу»⁶⁰. Вторая реформа календаря майя, относящаяся ко времени не позже 179 г. н. э., призвана была дать идеологические обоснования продления срока власти правителя до четырех лет. «В самом деле, получалось, что 13 небесных богов правят теперь по четыре года каждый. Отсюда весьма легко было сделать вывод, что земной владыка также должен править бессменно четыре года, чтобы все было, как у богов»⁶¹.

Логическим завершением длительного процесса становления царской власти у древних майя явилось введение около 337 г. н. э. в качестве основной календарной единицы двадцатилетнего цикла — катуна. Согласно новым жреческим учениям, в течение каждого двадцатилетия теперь правил один из 13 небесных богов, что создавало в свою очередь идеологическую базу для продления на тот же срок власти царя⁶². Однако, как свидетельствуют

⁵⁹ Ю. В. Кнорозов. Заметки о календаре майя. Общий обзор, ч. I, стр. 81, 84.

⁶⁰ Там же, стр. 84.

⁶¹ Там же, ч. II, стр. 33—35.

⁶² Ю. В. Кнорозов. Заметки о календаре майя, ч. II, стр. 37.

«юбилейные» стелы, реальной смелы власти у царей уже не происходило даже через 20 лет, просто они получали от очередного бога право на следующий срок правления. Длительная борьба за царский трон между различными группировками знати закончилась. Правда, это произошло не в 337 г. н. э., как пишет Ю. В. Кнорозов, а несколько раньше («юбилейные» стелы» и инсигнии в виде «ритуальных полос» появились еще в III в. н. э.). Ученые жрецы, осуществлявшие третью реформу календаря, лишь закрепили идеологически те перемены, которые уже произошли в реальной жизни.

В книгах Чилам Балам, в эпизоде о правителе Хунак Кееле, назван ряд атрибутов царской власти:

«Тогда он пожелал букет цветов.
Тогда он пожелал белую циновку.
Тогда он пожелал плащ, вышитый с двух сторон.
Тогда он пожелал зеленого индюка.
Тогда он пожелал крапчатую улитку.
Тогда он пожелал белые тыквы»⁶³.

Из всей совокупности имеющихся сейчас исторических свидетельств можно сделать вывод о том, что трон, циновка, опахало, букет и чаша были важнейшими атрибутами власти правителя юкатанских майя. К этому следует добавить еще и скипетр: «Тогда был лишен скипетра. Чак Шиб Чак, Сак Шиб Чак был лишен скипетра. Эк'Иуун Чак был также лишен скипетра („канхел“)»⁶⁴. На рисунке, изображающем генеалогическое древо династии Шивов, видимо, представлена одна из таких инсигний царской власти в виде длинной и гибкой рукоятки с головой змеи на конце и опахала или веера в верхней части⁶⁵. Точно такие же инсигнии или скипетры изображены в руках пышно одетых персонажей на фресках из храма Чак Мооля в Чичеп-Ице⁶⁶. Мне кажется, что абсолютно права американская исследовательница Эли Моррис, считающая «канхел» постклассических времен выродившейся формой так называемого «карликового скипетра» классического периода, т. е. инсигнии, известной еще с I тысячелетия н. э.⁶⁷ Иногда трон правителя изго-

⁶³ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 73.

⁶⁴ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 73.

⁶⁵ S. G. Morley. The ancient Maya..., p. 22.

⁶⁶ R. L. Roys. The Book of Chilam Balam of Chumayel, fig. 2—3.

⁶⁷ Ibid., p. 6.

товлялся в виде фигуры ягуара, а циновка заменялась разостланной шкурой того же свиреного хищника⁶⁸.

Во время отправления различных религиозных ритуалов или изображая каких-либо богов, правители часто пользовались специальными масками, изготовлявшимися из дерева, металлов и камня⁶⁹.

Прижизненный и заупокойный культ правителей, их обожествление — еще одна характерная черта социально-политической жизни юкатанских майя в постклассическое время. «По мнению индейцев, — пишет Диего Ланда, — с псами, которые поселились в Чичен-Ице, пришел великий сеньор К'ук'улькан... Говорят, что он был благосклонным, не имел ни жены, ни детей и после своего ухода считался в Мексике одним из их богов, Кецалькоатлем. В Юкатане его также считали богом, так как он был великим правителем... и посветили ему храм, чтобы в нем справлять ему праздник. И справляла его торжественно вся страна до разрушения Майяпана»⁷⁰. Аналогичные данные о легендарном тольтекском правителе Кукулькане, впоследствии обожествленном и в Мексике и на Юкатане, приводит испанский историк Антонио Эррера⁷¹.

Не совсем ясное свидетельство о наличии царского культа среди древних майя содержится и в трудах индейского хрониста Гаспара Антонио Чи. «Главными идолами, — указывает он, — в честь которых они (майя. — В. Г.) совершали жертвоприношения, были фигуры людей в их естественном виде, людей, которые считались выдающимися и храбрыми персонами и которых они призывали... для того, чтобы заручиться их поддержкой в своих войнах и чтобы эти люди дали им процветание и долголетие...»⁷². Весьма интересные сведения о сущности царского культа в одной из юкатанских «провинций» содержатся в «Истории Юкатана» испанского монаха Бернардо де Лисаны: «В этом селении Ицамаль имелось пять пирамид или холмов значительной высоты, все

⁶⁸ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 74, 75, 92.

⁶⁹ «El libro de los libros de Chilam Balam», México—Buenos Aires, 1948, p. 112; R. L. Roys. The Prophecies for the Maya tuns. SAAN, vol. X, N 51. Washington, 1949, p. 172, 173.

⁷⁰ Диего де Ланда. Указ. соч., стр. 112, 113, 189.

⁷¹ A. M. Tozzer. Landa's relación... p. 215.

⁷² The historical recollections... p. 41.

сложенные насухо из камня... Древние (жители Ица-маля. — В. Г.) имели здесь одного весьма почитаемого идола, которого они называли «Ицамат уль», что означает «Тот, кто получает и владеет росой или небесной субстанцией». И этот идол не имел другого имени... потому что они говорят, что это был когда-то царь, великий правитель данной земли, *которому все повиновались как сыну богов* (курсив мой. — В. Г.)... После смерти этого правителя они поставили ему алтари и он был оракулом... И после этого... они построили ему другой храм, и вот для чего. Когда был жив этот царь-идол, с ним советовались о вещах, имевших место в самых удаленных местах, и он рассказывал об этом и о других вещах, касающихся будущего. Точно так же ему приносили умерших, и он воскрешал их, а больных исцелял, и поэтому он был окружен великим почитанием... и считался настоящим богом...»⁷³

Не менее четко прослеживается по письменным источникам на Юкатане и заупокойный культ правителей. «Они поклонялись, как богам, — пишет Лопес де Когольюдо, — своим умершим царям»⁷⁴. Весьма редкий для майя обряд погребения — кремацию⁷⁵ — описывает для туземных правителей кануна конкисты Диего де Ланда: «Что до сеньоров и людей очень знатных, они сжигали их тела, клали пепел в большие сосуды и строили над ними храмы... В настоящее время бывает, что пепел кладут в статуи, сделанные полыми из глины, если умершие были великими сеньорами»⁷⁶.

Горная Гватемала. Хотя сложная картина социально-политических отношений в горных районах Гватемалы накануне конкисты и отличалась во многих деталях от нарисованной выше, глубокое внутреннее сходство важнейших общественных учреждений и институтов в обеих областях территории майя не подлежит никакому сомне-

⁷³ В. de Lizana. Historia de Yucatán. México, 1893, p. 4.

⁷⁴ D. López. de Cogolludo. Historia de Yucatán, t. 1. Campeche, 1954, p. 355.

⁷⁵ Возможно, что отряд кремации для правителей и знати юкатанских майя — далекое напоминание о тольтекском завоевании областей майя в X в. н. э. Известно, что правители майя даже накануне конкисты всячески подчеркивали свое мексиканское (тольтекское) происхождение. Обряд кремации — характерная деталь пышного погребального ритуала царей антеков.

⁷⁶ Диего де Ланда. Указ. соч., стр. 163.

нию. Испанские отряды во главе с Педро де Альварадо, вторгшиеся в Горную Гватемалу в 1523 г., застали здесь в отличие от Юкатана всего лишь три сравнительно крупных государственных образования, созданные народами языковой группы майя-киче. Большую часть названной области занимало государство киче со столицей в Утатлане (Кумаркаах) в районе современного города Гватемалы; восточнее жили соперники и заклятые враги киче — какчикели (их столица — Ишимче). Вокруг оз. Атитлан обосновались цутухили. На этой же сравнительно небольшой территории находились владения и нескольких других, менее значительных государств: индейцев мам, покомам, кекчи и покончи⁷⁷. Между всеми названными государствами постоянно велись ожесточенные войны и столкновения ради захвата земель, добычи и рабов.

Согласно индейской исторической традиции, предки правителей киче, какчикелей и цутухилей пришли в незапамятные времена из легендарного Толлана — столицы тольтеков и силой подчинили себе всю страну. До XV в. киче и какчикели входили в состав единого государства, и только после этого в результате каких-то внутрдинастических разногласий и интриг происходит разделение двух народов, создавших два враждовавших между собой царства.

По этой причине социально-политические институты доиспанского населения Горной Гватемалы отличались поразительным сходством. Во главе государства стоял правитель, имевший титулы «ах-поп» («господин циповки») и «ах-попкамха» (у киче) или «ах-поп-камахай» у какчикелей⁷⁸. В словарях индейского языка покомам, составленных в XVI в. испанскими монахами-миссионерами, есть специальные термины для обозначения особ царского ранга: «Ахуаль», «Ахуа» — «правитель, принц»; «Нукакнутепев» — «ваше величество, ваше высочество», «йах как йах тепев» — «человек такого величия, что ему поклоняются почти как богу»⁷⁹.

⁷⁷ «Пополь Вух». М.—Л., 1959, стр. 160.

⁷⁸ Memorial de Solola. Anales de los Cakchiqueles. México—Buenos Aires, 1950, p. 55.

⁷⁹ S. W. Miles. The XVIth century Pokom-Maya: a documentary analysis of social structure and archaeological setting. TAPS, new series, vol. 47, pt 4. Philadelphia, 1957, p. 767, tab. II.

У горных майя существовал весьма интересный порядок престолонаследия и системы правления. Согласно данным письменных источников, и у кипче и у какчикелей было сразу четыре правителя: два родных брата и два их старших сына. Первый из них был фактическим правителем, второй — царем-«избранником», т. е. прямым наследником «ах-попа», третий — старшим военачальником и, наконец, четвертый — младшим военачальником. «И если кто-то из них умирал, — пишет Бартоломео де Лас Касас, — его место занимал следующий из этой четверки»⁸⁰. В то же время есть указания и на прямую передачу власти от отца к старшему сыну⁸¹. Во всяком случае верховную власть, как и на Юкатане, всегда получали отпрыски мужской половины одной определенной семьи или рода. Скучность источников не позволяет судить о пределах власти правителя в Горной Гватемале. Не подлежит сомнению, что он вершил внутреннюю и внешнюю политику своей страны, считался верховным судьей и принимал участие в отправлении важнейших религиозных обрядов. Правитель номинально считался и верховным главнокомандующим, хотя конкретное руководство военными действиями осуществлялось специальными сановниками и полководцами. Власть царя была достаточно велика. «Там, — пишет историк Ф. Хименес, — имелся верховный правитель царства, должность которого передавалась от отца к сыну, и хотя он не был абсолютным монархом, его окружали таким почетом и уважением, что считали его чуть ли не богом...»⁸² Тот же автор указывает, например, что во главе «провинции» Верапас стоял правитель «весьма могущественный и обладающий абсолютной властью...»⁸³.

Но в то же время власть царя в какой-то мере была ограничена специальным советом, состоявшим из важных сановников и представителей родовой знати. В том же

⁸⁰ *B. de Las Casas. Apologética historia sumaria, t. 2. México, 1967, p. 500.*

⁸¹ *F. A. Fuentes y Guzmán. Historia de Guatemala o recordación Florida, t. 1. Madrid, 1882, p. 20; «The Annals of the Cakchiquels». Norman, 1953, p. 87.*

⁸² *F. Jiménez. Historia de la provincia de San Vicente de Chiapa y Guatemala. «Biblioteca Guatemala». vol. I. Guatemala, 1929, p. 103.*

⁸³ *Ibid., p. 92.*

Верапасе правитель постоянно обсуждал в своем дворце с членами совета не только вопросы войны и мира, но и наиболее серьезные судебные дела⁸⁴. Высший совет при правителе государства киче состоял из 24 сановников — представителей 24 знатных родов страны. Именно с ними советовался царь перед вынесением окончательного решения по всем важнейшим вопросам внутренней и внешней политики⁸⁵.

Политические институты горных майя пакапупе конкисты, несмотря на всю свою сложность и иерархическую стратификацию, в целом выглядят более архаичными по сравнению с юкатанскими городами-государствами. В местных эпических повествованиях («Пополь Вух», «Анналы какчикелей») и хрониках вполне отчетливо прослеживаются исторические пласты более ранних эпох, восходящих ко времени военной демократии.

Отчетливое отражение основных институтов, свойственных эпохе военной демократии, содержится прежде всего в некоторых архаических преданиях эпоса майя-киче «Пополь Вух»:

*«Племена собрались вместе, устроили совет и созвали всех (курсив наш. — В. Г.)... И вот тогда собрались все племена, все вооруженные своими луками, стрелами и своими щитами. И невозможно было описать богатство их украшений; поистине прекрасен был вид всех вождей и воинов...»*⁸⁶. Из этого отрывка следует, что в некую отдаленную эпоху (по эпосу — это время легендарного исхода предков майя-киче из Толлана) дела у племен майя-киче решал совет вождей, получавший одобрение со стороны народного собрания, в состав которого входили, однако, лишь воины, т. е. все взрослые вооруженные мужчины. Историческая традиция гватемальских индейцев-майя донесла до наших дней и смутное воспоминание об истоках царской власти — о постепенном превращении выборного военного вождя в наследственного правителя. «На заре существования этих государств, — пишет испанский хронист Фуэнтес-и-Гусман, — их правители не заботились о внешнем блеске своей власти, стараясь больше быть правителем силой и могуществом оружия, так как

⁸⁴ Ibid., p. 92, 94.

⁸⁵ F. A. Fuentes y Guzmán. Historia de Guatemala..., t. 2, p. 167.

⁸⁶ «Пополь Вух», стр. 107, 108.

им казалось, и не без основания, что главное для правителя — слава война, а не величие»⁸⁷.

Постепенное возвышение верховного военачальника, военной знати, опирающихся на вполне реальную силу в лице воинов, жаждущих добычи и новых походов, показывает другое этическое повествование горных майя — «Анналы какчикелей». Так, во время легендарного странствования семи племен из Толлана на юг в районе страны Оломан у какчикелей произошло открытое столкновение вождей, поддержанных воинами, с остальной частью племени. Речь шла о том, идти ли с боями дальше на юг, за что ратовали вожди, или повернуть назад. Чтобы сломить сопротивление соплеменников, вождям пришлось прибегнуть к открытой угрозе насилием. «И сказали тогда воины: „Кто выступит против нас, воинов, несущих смерть и чье оружие хорошо известно?“»⁸⁸.

Вместе с тем эти же воины составляют наиболее действительную и активную силу в народном собрании, оказывая подчас решающее влияние на выбор того или иного вождя: «Вы — наши вожди, наши ведущие главы — так сказали все воины семи племен, обращаясь к Гагавицу и Сактекауху»⁸⁹. Еще более отчетливо выражено это в другом отрывке из «Анналов какчикелей»: «И воины семи племен сказали. . . „О братья! Один из вас — старший сын, а другой младший. И мы сделаем так, что в день совета вы предстанете во всем своем блеске. Мы, *тринадцать групп воинов*, дадим вам ваш балдахин, ваш трон (курсив наш. — В. Г.), ваше место чести, вашу верховную власть“»⁹⁰.

Эти весьма существенные моменты в становлении власти вождя (правителя), опирающегося в своих притязаниях на воинов племени, находят прямые аналогии и у многих других народов Старого и Нового Света на соответствующем этапе их развития. Можно сослаться, в частности, на эпизод столкновения ацтекских общинников с воинами, поддерживавшими честолюбивые устремления правителя Тепочтитлана, по весьма острому вопросу — воевать или нет с соседним городом Аскапоцалько⁹¹. По-

⁸⁷ F. A. Fuentes y Guzman. Op. cit., t. 1, p. 26.

⁸⁸ «Memorial de Solola», p. 60.

⁸⁹ Ibid., p. 74.

⁹⁰ Ibid., p. 77.

⁹¹ D. Duran. The Aztecs. New Brunswick, 1964.

разительно, что по другую сторону Атлантики, по за-
четыре тысячи лет до появления ацтеков, совершенно
аналогичный конфликт запечатлен в шумерской поэме
о Гильгамеше⁹².

В Аккаде, в городе Кише, еще во второй половине
III тысячелетия до н. э. народное собрание (скорее всего
вооруженное мужское население) избирало царя или во
всяком случае его утверждало: «На площади Энлиля, на
поле, принадлежащем Эсхабаду, храму Гулы, собрался
Киш, и Ипхуркиша, мужа из Киша, они вознесли цар-
ство»⁹³.

В Куше (Африка) в V в. до н. э. преемник умершего
царя избирался. Причем при избрании царя формально
инициатива исходила от армии (состоявшей из воору-
женного свободного народа). Однако реальное влияние
на исход этих выборов оказывали некоторые высшие са-
новники и особенно жреческая верхушка⁹⁴.

«Круг лиц, из числа которых в Куше выдвигался из-
бранник, как это обычно для многих народов и племен
Африки, часто ограничивался братьями царя, хотя трон
мог перейти и его сыну»⁹⁵.

«Вожди фракийских племен (IX—VIII вв. до н. э.) были
главным образом военными и религиозными руководи-
телями, лишенными единовластия, — пишет Т. Д. Златков-
ская. — Руководители союза племен конца VII—VI вв.
до н. э. в отличие от них были наделены не только властью
единого военного руководителя, но и обладали функциями
управления. Их власть передавалась *по наследству*. . . При
этом, однако, сохранилась еще видимость выборности
главы союза племен: *наиболее знатные* решали каждый
раз вопрос об избрании заново. Роль рядовых фракийцев
была при этом целиком или почти целиком сведена на
нет»⁹⁶.

Почти аналогичную эволюцию претерпели соответ-
ствующие социально-политические институты и у горных

⁹² С. Н. Крамер. История начинается в Шумере. М., 1965, стр. 44.

⁹³ T. Jacobsen. Primitive democracy in Ancient Mesopotamia. «Journal of Near Eastern Studies», vol. 2, N 3, 1943, p. 165.

⁹⁴ И. С. Кацнельсон. Государственный строй Папаты и Мероз (опыт характеристики). «Древний Египет и Древняя Африка». М., 1967, стр. 41, 42.

⁹⁵ Там же, стр. 46.

⁹⁶ Т. Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, стр. 210.

мая. Так, в «Аппалах какчикелей» в одном месте говорится, что, «будучи избрапы *всеми*, эти правители пришли к власти»⁹⁷. В другом отрывке число «выборщиков» сокращается до «*глав семейств и кланов*»⁹⁸. И наконец, спустя какой-то отрезок времени, когда верховная власть прочно обосновалась в руках одного определенного *династического* рода или семьи, наследственный принцип передачи царской власти был окончательно узаконен⁹⁹. Так, в период легендарного переселения предков какчикелей из Толлана на юг в выборах царя принимали, по-видимому, участие все взрослые мужчины¹⁰⁰. Но уже тогда внутри народного собрания назревал острейший конфликт между молодыми воинами, всецело поддерживавшими активную завоевательную политику своего вождя, и остальными членами племени. Фраза: «Мы, тринадцать групп воинов, дадим вам («царям». — В. Г.) ваш балдахин, ваш трон, ваше место чести, вашу верховную власть» — весьма недвусмысленно рисует нам расстановку сил в борьбе за реальную власть: молодые воины и царь, ратующие за захват добычи и новых земель, с одной стороны, и основная часть племени — с другой¹⁰¹. Впоследствии, когда власть правителя стала достаточно крепкой, он с помощью военной знати полностью отстранил народное собрание и от участия в выборах нового царя, и от обсуждения важнейших государственных дел. Этим стали заниматься лишь представители родовой верхушки, придворные саповники, военачальники, вассальные правители и вожди, входившие, как правило, в верховный совет при особе царя.

Царский титул постепенно превратился в привилегию одной семьи или рода и передавался непосредственно по мужской линии от отца к старшему сыну или к брату¹⁰². То, что на первых порах эта власть иногда была еще не совсем прочной, подтверждается сообщением испанского автора Франсиско Хименеса о праве подданных свергать своего правителя в случае, если он окажется угнетателем и тираном. Правда, весьма примечательно, что дело огра-

⁹⁷ «The Annals of the Cakchiquels», p. 87.

⁹⁸ Ibid., p. 80.

⁹⁹ Ibid., p. 87.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Ibid., p. 74; «Memorial de Solola», p. 60, 61.

¹⁰² «The Annals of the Cakchiquels», p. 80, 87.

ничивалось здесь уже чисто дворцовым переворотом, без какого-либо участия народа. «Первоначально, — указывает Ф. Хименес, — когда какой-либо правитель оказывался тираном и жестоким человеком, главы родов, а также богатые и знатные сеньоры сообщали городам и судьям страны о преступлениях и злодеяниях, совершенных царем, и если это подтверждалось, то они его убивали, детей и жену его делали рабами, а все богатства и поместья царя конфисковали...»¹⁰³ Скорее всего перед нами одно из свидетельств реальной борьбы за царский трон внутри правящей верхушки.

«Царь имел специальных и очень влиятельных сановников, — читаем мы в той же хронике Хименеса, — которые знали о всех делах и переговорах; они собирали и хранили подати в пользу царя и выдавали то, что было необходимо для стола и жизни правителя, его братьев и сыновей...»¹⁰⁴ Пышный двор правителей киче и какчикелей включал в себя десятки всевозможных должностей и титулов для знатных лиц, призванных обслуживать персону царя и его семью: всякого рода виночерпии, дворецкие, казначеи, счетоводы, писцы и др.¹⁰⁵ Есть указание и о палачии специально обслуживавших нужды двора групп ремесленников: ювелиров, мастеров серебряных дел, резчиков по дереву и камню и т. д.¹⁰⁶ Здесь же, на территории царской резиденции, находились специальные отряды воинов дворцовой гвардии¹⁰⁷. За счет каких же ресурсов жила эта довольно многочисленная группа людей, непосредственно связанных с двором правителя? Доходы правителей горных майя основывались прежде всего на уплате дани населением подвластных им земель. Известно, например, что цари какчикелей Хуптох и Вукубац собирали дань с 36 городов и селений, список которых приводится в «Анналах какчикелей»¹⁰⁸.

В состав этой дани входили драгоценные камни (нефрит), металлы, перья птиц зеленого и голубого цвета¹⁰⁹. Особенно интересные сведения о характере дани в пользу

¹⁰³ F. Jimenez. Op. cit., p. 91.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ «Memorial de Solola», p. 87, 103.

¹⁰⁶ Ibid., p. 103.

¹⁰⁷ Ibid., p. 100.

¹⁰⁸ «The Annals of the Cakchiquels», p. 93.

¹⁰⁹ «Memorial de Solola», p. 53.

даря приводит испанский монах Бартоломео де Лас Касас. «Общая дань («пата»), — пишет он, — которую они давали своему правителю, состояла в совместном строительстве для него дома и в сборе для его кладовых зерна, хлопка и какао, а также всего другого, в чем он нуждался для своей жизни, и все они приносили в изобилии»¹¹⁰. Кроме того, пять-шесть раз в год специальные чиновники собирали со всех городов и селений особую дань для совершения религиозных обрядов и празднеств, но половина полученных при этом продуктов шла в пользу правителя. «Когда правители женили своих сыновей или выдавали замуж дочерей, — продолжает Лас Касас, — то селения давали в качестве приданого золото, перья, какао и индеек... Охотники приносили правителю часть добычи... Каждый горожанин при рождении у него ребенка приносил царю индейку или другую соответствующую вещь... Никто не появлялся перед правителем, не принеся ему какого-либо подарка по своим возможностям... Когда же они собирали урожай зерна и фруктов со своих полей, то они приносили определенную часть своему правителю...»¹¹¹ Тех же, кто уклонялся от уплаты дани или вообще отказывался делать это, ждала самая суровая кара. «Люди, которые не хотели платить дань, — подчеркивает Ф. Хименес, — расстреливались из луков...»¹¹²

Эти данные всецело подтверждает в своем труде другой испанский историк — Фуэнтес-и-Гусман: «Земледельцы, которые под каким-либо предлогом мешали сбору и уплате дани, принадлежавшей царю, или подбивали селения к бунту, приговаривались к смерти, а их семьи продавались в рабство...»¹¹³

Помимо дани, правители имели и свои собственные земли, которые они отдавали в аренду беднякам за определенную плату или же сажали на них своих женатых рабов, забирая у них за это часть урожая¹¹⁴.

Пышная церемония коронации нового царя, неоднократно описанная в различных письменных источниках кануна конкисты, включала в себя много интересных

¹¹⁰ S. W. Miles. Op. cit., p. 772.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² F. Jiménez. Op. cit., p. 49.

¹¹³ F. A. Fuentes y Guzmán. Op. cit., t. 1, p. 30.

¹¹⁴ S. W. Miles. Op. cit., p. 773.

подробностей, касавшихся атрибутов царской власти, костюма правителя, совершавшихся при этом обрядов.

«Затем они устраивают, — пишет Лас Касас, — длительные и торжественные празднества, особенно в день инвеституры и принесения царем присяги... В день и час, назначенные для коронации, собираются все самые значительные сановники. Они сажают нового правителя на низкое сиденье, на циновку («поп»). И если это был царь или верховный правитель, который по своему рангу имел право на один или несколько балдахинов, то они приносили их ему. И он, стоя на коленях, произносил речь, обещая править справедливо»¹¹⁵.

Властители Горной Гватемалы совершали далекие и утомительные путешествия в Чичен-Ицу, к легендарному тольтекскому правителю Накшпу-Кукулькану, чтобы получить верховные санкции на свои титулы и звания, а также необходимые инсигнии. «Полностью Накшп дал им знаки отличия владык, — говорится в эпосе майя-киче «Пополь Вух», — и вот все они, перечисленные по их названиям: балдахин, трон, флейты, сделанные из костей, барабаны, желтые бусы, когти пумы, голова ягуара, ноги оленей, помост, ожерелья из раковин, табак, маленькие тыквы, перья попугая, перья белой цапли для головных уборов...»¹¹⁶

Только правители и ближайшие члены их семьи носили «чачаль» — ожерелье из драгоценных камней и золота, отращивали очень длинные ногти на руках, наподобие когтей ягуара, одевали плащи из тонкой хлопчатобумажной ткани¹¹⁷.

Здесь мы встречаем и уже знакомые нам по юкатанским источникам знаки царской власти: букет желтых цветов — «сипуаль», специальные проколки из костей пумы и ягуара для прокалывания хрящей носа, чтобы вставлять туда драгоценные камни¹¹⁸.

И настолько сильны оказались эти традиции, настолько устойчивым был весь набор царских инсигний, что даже некоторое время спустя после испанского завоевания ритуал коронации правителя в одной из областей киче

¹¹⁵ Ibid., p. 772.

¹¹⁶ «Пополь Вух», стр. 114.

¹¹⁷ S. W. Miles. Op. cit., p. 767.

¹¹⁸ «Memorial de Solola», p. 67, 68.

ничем не отличался от аналогичных ритуалов, описанных выше.

«Вот, сейчас, мы даем высокое звание, — говорится в одном документе колониальной эпохи из Горной Гватемалы, — мы выбираем дона Франсиско Искина „ах-попом“... Мы оказываем ему честь, потому что он вонистину является сыном сеньоров. И мы посадим его на трон, посадим его на циновку, на три великих сиденья, в великий день святой Сесилии. Мы вручим ему кости льва и ягуара, его посох и его корону...»¹¹⁹

Подобно своим юкатанским собратьям, цари киче и какчикелей выполняли, помимо светских, и ряд религиозных функций. Они постились, ревностно совершали всевозможные обряды перед идолами богов в храмах, принимали участие в торжественных религиозных празднествах¹²⁰. Цари киче приносили жертвы и совершали моления от лица всех своих подданных перед идолом верховного божества — бога грозы и плодородия Тохили, испрашивая мир и благоденствие своей стране¹²¹.

По мере усиления могущества царей их власть приобрела в глазах народа священный и сверхъестественный ореол, откуда остается всего один шаг до прямого обожествления личности правителя, всего один шаг до появления прижизненного и заупокойного царского культа. «Были необычайно могущественны эти сеньоры (правители киче. — В. Г.), — пишет Ф. Хименес, — великие чародеи и прорицатели, но особенно правитель Котуха, Кукумац, а также Кикаб Какусимах. И они знали наперед, будет ли чума или голод; все видели и предсказывали они...»¹²².

Наконец, некий сверхъестественный оттенок царской власти у горных майя придает и само ее происхождение. Согласно индейской исторической традиции, все правители киче и какчикелей происходят по прямой линии от четырех мифических предков-богов: Балам-Киче, Балам-Акаба, Махукутаха и Ики-Балама¹²³. Что касается заупокойного культа царя в Горной Гватемале, то он пред-

¹¹⁹ А. *Recinos*. *Crónicas indígenas de Guatemala*. Guatemala, 1957, p. 99.

¹²⁰ «Пополь Вух», стр. 125, 126.

¹²¹ *F. Jiménez*. *Op. cit.*, p. 50, 51.

¹²² *Ibidem*.

¹²³ «Пополь Вух», стр. 86.

ставлен здесь неизмеримо полнее и ярче, чем по юкатанским источникам. Испанский хронист Фуэнтес-и-Гусман так, например, описывает погребальные обряды в честь умерших правителей у горных майя-покомам: «После церемоний и прощальных слов... они клали царя в гробницу вместе с различными драгоценностями: золотом, серебром, нефритом, горным хрусталем и перьями птицы кецаль. Затем убивали всех рабов, и женщин и мужчин, которые ему прислуживали, так, чтобы они могли и в дальнейшем заботиться о своем господине... Над гробницей они насыпали из камней и земли холм, величина которого зависела от знатности умершего. Когда эта работа была закончена... они изготовляли статую умершего повелителя и с различными церемониями устанавливали ее на вершине холма. И туда приносили цветы, благовония, приносили там в жертву зверьков и птиц, так что с тех пор данное место становилось святилищем, поскольку они приписывали его статуе божественные свойства, считая, что подобно тому, как он правил при жизни, он и после смерти будет заботиться об их благоденствии и процветании»¹²⁴. Почти тождественное описание царских похорон в области Верапас содержится в труде выдающегося испанского историка и гуманиста Бартоломео де Лас Касаса. «И таким образом, — пишет он, — одетого в лучшие одежды, завернутого во множество плащей и украшенного различными драгоценностями они клали правителя в ящик из дерева или камня, где он помещался в сидячем положении с перекрещенными ногами. Этот ящик они ставили в яму, выкопанную на вершине горы... Затем, опустив туда повелителя, они убивали рабов мужского и женского пола, которые должны были ему прислуживать на том свете... После этого они засыпали могилу землей и сооружали над ней алтарь около полуметра высотой, сложенный из камня на известковом растворе и окрашенный в белый цвет. На нем они имели обыкновение сжигать душистую смолу и совершать иные жертвоприношения»¹²⁵. «По словам индейцев, — подчеркивает Лас Касас, — умерший правитель превращался в одного из богов...»¹²⁶

¹²⁴ S. W. Miles. Op. cit., p. 749.

¹²⁵ Ibid., p. 750.

¹²⁶ Ibid., p. 749.

Строительство храмов и крепостей, защита своих владений и постоянное стремление расширить их при удобном случае, нескончаемое соперничество с соседними государствами, войны, династические браки, интриги внутри и за пределами страны, пышный и многолюдный двор во главе с правителем-полубогом — вся эта картина уже хорошо знакома нам и по юкатанским источникам. Разница здесь лишь в незначительных деталях. И тем не менее институт царской власти в Горной Гватемале представляется несколько более архаичным по форме, чем на Юкатане.

Остается решить, в какой мере соответствует приведенная выше картина археологическим данным I тысячелетия н. э. Конечно, археологические данные — весьма специфичны. И для того чтобы поднять их до уровня исторического источника, требуются и особо тщательный выбор категорий материала и значительные усилия по их интерпретации. Лучше всего, на наш взгляд, подходят для освещения темы настоящей статьи такие виды археологического материала, как дворцовые ансамбли, царские погребения и мотивы искусства, связанные с личностью правителя.

Характер царской власти майя в классический период (рубеж нашей эры—X в. н. э.). Дворцовые ансамбли. В ходе изучения древних городов майя археологи довольно часто встречали характерные длинные постройки из камня, стоявшие на низких основаниях, или платформах. Эти здания, как правило, имели довольно много помещений и комнат и были сгруппированы вокруг открытых внутренних двориков и площадей. Еще пионеры майяской археологии, такие, как Т. Малер, А. Тоззер и А. Моудсли, назвали этот тип построек «дворцами», стремясь показать его отличие от специфических «башнеобразных» храмов майя, возводившихся на высоких ступенчатых пирамидах с усеченной плоской вершиной и имевших в классический период максимум две-три комнаты. С тех пор данный термин прочно вошел во все труды по майяской архитектуре, хотя каждый раз исследователи предпочитают брать его в кавычки, подчеркивая тем самым его условность и слабую обоснованность фактами. Назначение и основные функции «дворцов» майя действительно во многом оставались до недавнего времени загадкой для ученых: слишком мало было исследовано подобного рода построек, слишком плохо разработаны критерии для до-

казательства их дворцовой принадлежности. Одни авторы считали «дворцы» местом обитания жрецов¹²⁷. Другие рассматривали эти здания как чисто административные учреждения, а не жилые постройки¹²⁸. Третьи называли их «мужскими домами», предназначенными для собраний и встреч мужчин и для обучения молодежи¹²⁹. Наконец, были и такие исследователи, которые приписывали «дворцам» их прямое назначение, т. е. считали их резиденциями правителей городов-государств майя¹³⁰.

Пытаясь опровергнуть эту последнюю точку зрения, многие ученые ссылаются на сырость и темноту, постоянно царящие внутри толстостенных, со ступенчатым перекрытием «дворцов»¹³¹. Но их оппоненты с не меньшим упорством отстаивают свои взгляды, справедливо указывая на то, что все «дворцы» дошли до нас в сильно попорченном виде и поэтому не известно, какими они были внутри в момент функционирования¹³².

Положение заметно изменилось лишь в 60-х годах нашего века. Обширная и продуманная программа археологических исследований в крупнейшем центре древних майя Тикале, осуществляемая учеными Музея Пенсильванского университета (США), позволила, наконец, положительно решить и интересующий нас вопрос о назначении «дворцов». Раскопки в центральной зоне города, районе «Центрального акрополя», помогли выявить несколько таких дворцовых ансамблей¹³³, существовавших по меньшей мере несколько сот лет (с 350 до 850 г. н. э.). Для доказательства того, что «дворцы» Тикаля действительно были местом обитания правителей, их семей, сановников и слуг, американский археолог У. Хевиленд приводит довольно убедительные аргументы. Во-первых, по его словам, наблюдается непрерывная линия развития от простых деревянных хижин с крышами из листьев или тростника через каменно-деревянные здания скромных размеров

¹²⁷ H. E. Pollock. Architecture of the Maya Lowlands. HMAI, Austin, vol. 2, 1965, p. 411.

¹²⁸ L. Satterthwaite. Thrones at Piedras Negras. BUPM, vol. 7, N 1. Philadelphia, 1937, p. 18—23.

¹²⁹ H. E. Pollock. Op. cit., p. 411.

¹³⁰ W. R. Coe. Tikal. A Handbook..., p. 62.

¹³¹ G. F. Guillemain. Development and function..., p. 19.

¹³² Ibidem.

¹³³ P. D. Harrison. Form and function of a Maya «palace» group. «Verhandlungen des 38 ICA», Bd. 1. München, 1969, p. 165—167.

к внушительным сооружениям целиком из камня. Вторых, во внутренних помещениях «дворцов» в изобилии найдены хозяйственные отбросы с материалами постклассического времени (X—XII вв. н. э.), что указывает на жилой характер данных построек хотя бы в то время. Можно предполагать, что эти «дворцы» служили резиденциями правящей элиты и в более ранний период — в I тысячелетии н. э. В пользу этого свидетельствует и находка в одном из «дворцов» «Центрального акрополя» бытовых отбросов и мусора с предметами VI—VII вв. н. э. Отсутствие же подобных находок в других аналогичных постройках связано, очевидно, с тем, что мусор оттуда тщательно убирался. Его в большом количестве использовали в качестве засыпки или заполнения при строительстве платформ и оснований новых зданий. В-третьих, в некоторых «дворцах» удалось найти под полами комнат погребения. Известно, что погребение мертвых под полами домов или вблизи них — характернейшая черта погребального обряда майя, начиная с доклассических времен и вплоть до копкисты¹³⁴.

Другие исследователи вполне справедливо отмечают большое сходство в планировке и общем облике дворцовых ансамблей, известных как по постклассическим письменным источникам, так и по данным археологии (например, Ишимче — столица какчикелей в Горной Гватемале, основанная в XV в. н. э. и сожженная испанцами в 1526 г.), с «дворцами» майя I тысячелетия н. э.¹³⁵

Таким образом, вряд ли приходится сомневаться, что длинные многокомнатные постройки из камня, стоящие на низких фундаментах, или платформах, и сгруппированные вокруг открытых внутренних двориков, которые так часто встречают археологи при раскопках древних городов майя, действительно были дворцами, местом обитания представителей правящей династии и их многочисленной свиты.

Каменные дворцы позднеклассического периода с их ступенчатым («ложным») сводом, массивными стенами, облицованными снаружи и изнутри слоем белоснежного штукатурки и обильными рельефными украшениями на фасаде, демонстрирует уже вполне сложившуюся, зрелую форму

¹³⁴ W. A. Haviland. Tikal, Guatemala... p. 190.

¹³⁵ G. F. Guillemin. Development and function... p. 20.

царских резиденций, прошедшую к тому времени длительный и сложный путь развития. Типичными образцами подобного рода зданий можно считать «Большой дворец» в Паленке¹³⁶, «Дворец Губернаторов» в Ушмале¹³⁷ и многие «дворцы» Тикаля¹³⁸. Но когда же впервые появляется данный тип построек на территории майя? Поскольку подавляющее большинство каменных «дворцов» в равнинных лесных областях майя имеют перекрытие в виде ступенчатого свода, наша задача во многом сводится к поискам зачатков монументальной майяской архитектуры со ступенчатым сводом.

У истоков развитой каменной архитектуры майя стоит, вероятно, типичная хижина майяского земледельца, которая в почти неизменном виде сохранилась до сих пор у индейского населения Юкатана. Стены ее построены из вертикально врытых в землю столбов или жердей и покрыты слоем глины и белого штукатурки. Высокая островерхая крыша с крутыми скатами изготовлялась из листьев или из снопов тростника. Крутые и высокие крыши делались для того, чтобы облегчить сток воды и не допустить ее проникновения внутрь дома во время сильных ливней в течение длинного сезона дождей. По мнению С. Морли, именно высокая и островерхая крыша майяской хижины послужила прототипом для создания ступенчатого свода каменных зданий¹³⁹. Это сходство еще более усиливается благодаря наличию внутри каменных зданий со ступенчатым перекрытием деревянных поперечных балок, служивших дополнительным креплением для крыши-свода.

Первоначально многие каменные постройки майя похожи на хижины из дерева и глины не только по внешнему виду, но и по планировке. Обычно это удлиненное прямоугольное здание с одним внутренним помещением. Дверь — единственный источник воздуха и света — делали посередине длинной фасадной стены. На узорчатых вершухах таких каменных зданий часто видна имитация

¹³⁶ J. Marquina. *Arquitectura prehispánica*. México, 1963, p. 610—615.

¹³⁷ T. Proskouriakoff. *Album de arquitectura Maya*. México, 1960, p. 69, 70.

¹³⁸ T. Maler. *Explorations in the department of Peten, Guatemala: Tikal*. MPM, vol. V, N 1—3. Cambridge, Mass., 1911, p. 11—22.

¹³⁹ S. G. Morley. *The Ancient Maya...*, p. 342, 343.

продольной балки, характерной для тростниковых и лиственных крыш (например, фасад южного крыла «Четырехугольника желского монастыря» в Ушмале). В позднеклассическое время имитация вертикальных деревянных столбов или жердей, образующих стены хижины, — одна из черт каменной архитектуры Юкатана (фасады дворцов в Сайиле и Лабна). Фризы ранних каменных построек Петена также несут на себе следы влияния деревянного зодчества. Аналогичная взаимосвязь существует также между ранними постройками из адобов и классической каменной архитектурой¹⁴⁰. Таким образом, не подлежит никакому сомнению тот факт, что прототипом для монументальных каменных дворцов и храмов классического периода послужила скромная деревянная хижина с лиственной или тростниковой крышей, в которой, подобно другим своим соплеменникам, жил первоначально вождь племени.

«Древнейшими монументальными постройками Египта, — пишет известный советский историк В. И. Авдиев, — являются храмы и гробницы, служившие торжественными, освященными религией и магией дворцами для живого или мертвого вождя племени. Древнейший тип храма или часовни, в котором находился какой-либо предмет культа, священный фетиш или священное изображение божества, был не чем иным, как копией хижины вождя племени. Разница была лишь в том, что в хижине вождя жил вождь — носитель власти, а в хижине храма находился священный фетиш или божество, источник религиозно-магической силы»¹⁴¹.

Вполне естественно, что мы не можем проследить археологически ранние формы деревянных построек: они попросту не сохранились в условиях влажных тропиков. Но начальные стадии каменных построек кое-где были выявлены в ходе раскопок. Первые признаки монументальных каменных зданий с облицовкой из штука появляются в Тикале примерно с этапа Чуен (около 200 г. до н. э.)¹⁴². Около 150 г. н. э. на «Северном Акрополе»

¹⁴⁰ *H. Spinden. Maya art and civilization. Norman, 1957, p. 132.*

¹⁴¹ *В. И. Авдиев. Идеология обоготворения царя и царской власти в Древнем Египте. «Историк-марксист», 1935, № 8—9, стр. 137.*

¹⁴² *W. R. Coe. Tikal, Guatemala and emergent Maya civilization. «Science», vol. 147, N 3664, 1965, p. 1407.*

Тикаля архитекторы майя возвели огромное, похожее на дворец здание (Str. 5D — 26—4-th), но без каких-либо признаков ступенчатого свода¹⁴³.

Уже в самом начале классического периода здесь известно по меньшей мере несколько монументальных дворцовых комплексов (например, Str. 7F — 32¹⁴⁴ и Str. 5D — 46¹⁴⁵). Последний из них — двухэтажное каменное здание со ступенчатым перекрытием, стоящее на высокой, похожей на крепость платформе. Неподалеку от дворца обнаружен искусственный резервуар, куда по специальной системе водостоков собиралась дождевая вода. Другой интересный дворец раннеклассического времени (Str. 5D—65) находится на «Центральном Акрополе» Тикаля. Нижний его этаж состоит из ряда комнат, расположенных двумя параллельными рядами. Резной фриз опоясывал когда-то весь фасад здания. Над дверными проемами изнутри сохранились отверстия для палочек, к которым привязывались занавески или циновки, закрывавшие двери. В некоторых комнатах дворца обнаружены скамейки из камня, служившие в качестве лежанок или «кроватей». Внутри стены покрыты слоем гладкой белой штукатурки¹⁴⁶. В соседнем с Тикалем городе Вашактуне характерным примером ранних дворцовых ансамблей могут служить комплексы А—V¹⁴⁷ и А—XVIII¹⁴⁸. В последующий, позднеклассический, период на территории равнинных лесных районов майя известны уже десятки внушительных дворцовых сооружений в виде скопления длинных и низких многокомнатных зданий, окружающих открытые внутренние дворики: «Большой Дворец» в Паленке¹⁴⁹, дворцы Тикаля¹⁵⁰, Лабна, Ушмаля и Сайиля — на Юкатане¹⁵¹ и т. д. Эти каменные постройки необычайно близки и по своей общей планировке и по внутреннему

¹⁴³ Ibid., p. 1416.

¹⁴⁴ G. W. Lowe. Current research: Southeastern Mesoamerica. *Aan*, vol. 31, N 3. Salt Lake City, 1966, p. 463.

¹⁴⁵ W. R. Coe. *Tikal. A Handbook...*, p. 69.

¹⁴⁶ Ibid., p. 59.

¹⁴⁷ A. L. Smith. Uaxactun, Guatemala: excavation of 1931—1937. CIWP, N 588. Washington, 1950, p. 15.

¹⁴⁸ P. B. Кунжалов. Указ. соч., стр. 39.

¹⁴⁹ I. Marquina. *Op. cit.*, p. 614, pl. 186.

¹⁵⁰ G. W. Lowe. *Op. cit.*, p. 463.

¹⁵¹ I. Marquina. *Op. cit.*, p. 745—791.

устройству постклассическим «дворцам» правителей Юкатана и Горной Гватемалы, известным нам уже не только археологически, но и по письменным источникам (например, дворец правителей какчикелей в городе Ишимче, сожженном конкистадорами Педро де Альварадо в 1526 г.)¹⁵².

Погребальный обряд. Как мы уже могли убедиться, в некоторых средневековых хрониках испанского и индейского происхождения содержатся прямые указания на наличие у майя накануне конкисы пышного ритуала царских похорон и заупокойного культа умершего правителя. В какой же мере соответствуют эти недвусмысленные исторические свидетельства сложной и во многом запутанной еще картине развития царских династий классического периода, которая вырисовывается сейчас по археологическим данным?

Уже сам факт появления внушительных гробниц с царскими захоронениями рассматривается многими советскими и зарубежными исследователями как один из важнейших признаков государственности и цивилизации. Гордон Чайлд подчеркивал при этом, что первые царские гробницы Месопотамии и Египта отличаются от рядовых могил своими большими размерами, архитектурой (гробница царя — подземная копия его дворца), особым характером приношений (не только их обилием и богатством, но и качеством), наличием человеческих жертв и неизмеримо большими затратами общественного труда на строительство этих пышных мавзолеев¹⁵³. Очевидно, что те же самые признаки помогут нам выделить царские погребения и на территории древних майя. Следует сказать, что погребальные обряды майя изучены в настоящее время крайне недостаточно.

И тем не менее, даже с учетом разрозненности и немногочисленности захоронений из различных областей территории майя мы уже сейчас в состоянии достаточно четко проследить общие тенденции в развитии погребального обряда местных индейских племен. Причем большую роль в обобщении этих скудных пока еще данных

¹⁵² G. Guillemin. The Ancient Cakchiquel capital of Iximche. «Expedition», vol. 9, N 2, 1967.

¹⁵³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 136—138.

сыграла монография известного мексиканского археолога Альберто Руса¹⁵⁴.

Во время господства начального и среднего этапов раннеземледельческой культуры (архаический, или доклассический, период, по общепринятой терминологии), примерно с 2000 по 500 г. до н. э., на территории равнинных и горных областей майя встречаются немногочисленные погребения в простых могильных ямах, с бедным и в массе своей однородным инвентарем: керамикой, глиняными статуэтками, орудиями из кремня и обсидиана. Таковы могильник в Плая де лос Муэртос на р. Улуа в Западном Гондурасе¹⁵⁵ и отдельные захоронения в Чиапа де Корсо¹⁵⁶ и Вашактуне¹⁵⁷. Однако к концу архаического (доклассического) периода различия между рядовыми погребениями и гробницами знати и жрецов выступают уже вполне отчетливо. Могилы основной массы населения представляют собой простые ямы, иногда с грубой облицовкой из камня по стенам. Их инвентарь состоит из нескольких глиняных сосудов, скромных украшений из раковин, каменных орудий (например, рядовые захоронения этапа Чиканель в Вашактуне)¹⁵⁸. Одновременно уже с середины I тысячелетия до н. э. на большей части территории майя появляются отдельные погребения с более обильным инвентарем, указывающим, по-видимому, на имущественное неравенство среди членов общества. Где-то в последних веках I тысячелетия до н. э., т. е. к самому концу архаики, это имущественное неравенство уже перерастает, вероятно, в неравенство социальное. Появившиеся к тому времени пышные гробницы знати и жрецов отличались от простых могил своими размерами, конструкцией, количеством и качеством сопровождавших даров, ритуалу и местонахождению: большинство найденных до сих пор богатых гробниц было расположено под храмами и святилищами, в то время как простые могилы связаны обычно с остатками жилищ («house mounds») из дерева и глины.

¹⁵⁴ A. Ruz Lhuillier. *Costumbres funerarias de los antiguos mayas*. México, 1968.

¹⁵⁵ D. Popenoe. *Some excavations at Playa de los Muertos, Uluu River, Honduras*. MR, vol. 1, N 2. N. Y., 1934.

¹⁵⁶ P. Agrinier. *The archaeological burials at Chiapa de Corzo and their furniture*. NWAFF, N 16. Provo, Utah, 1964.

¹⁵⁷ A. L. Smith. *Uaxactun, Guatemala...*, p. 88—102, tab. 6.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 88.

В числе этих пышных гробниц — яркое свидетельство появления аристократии — находились безусловно и первые царские захоронения. Каким же образом отличить их от других богатых могил? Помимо названных выше общих признаков царских гробниц, необходимо использовать и все остальные виды имеющейся в нашем распоряжении информации (ретроспективное преломление данных письменных источников, этнографические наблюдения, параллели с Древним Востоком и т. д.).

В 1952 г. Альберто Рус в ходе раскопок «Храма надписей» в Паленке (штат Чиapas, Мексика) обнаружил в глубине 23-метровой пирамиды, служившей фундаментом храма, погребальную камеру с каменным резным саркофагом, вес которого достигал нескольких тонн. В полу храма было квадратное отверстие, прикрытое каменной плитой. Оно оказалось устьем подземного туннеля с узкой лесенкой, соединявшей храм и погребальную камеру, спрятанную под толщей пирамиды, у самого ее основания.

У входа в гробницу был обнаружен грубый каменный ящик с останками пяти юношей и девушки. Искусственно деформированная лобная часть черепа и следы инкрустации на зубах свидетельствует о том, что речь идет не о рабах-иноплеменниках, а о знатных людях из среды самих майя, принесенных тем не менее в жертву какому-то могущественному лицу¹⁵⁹. Погребальный склеп представлял собой просторное помещение около 9 м в длину и 4 м в ширину. Его сводчатый потолок (ступенчатый свод — характернейшая черта монументальной архитектуры майя в классический период) достигал 6 м высоты. И стены и свод были сложены из тщательно отесанных квадратных каменных блоков. Внутри склеп украшали рельефы из алебаstra, изображавшие, по-видимому, девять богов подземного царства — «Болон-ти-ку»¹⁶⁰. Посредине камеры стоял огромный каменный саркофаг, сплошь испещренный причудливой резьбой. Возле него находились несколько глиняных сосудов и две великолепные алебастровые головы юношей, отбитые когда-то от целых статуй. «Помещенные в склеп в виде приношения, — пишет А. Рус, — они, возможно, представляли собой имитацию человеческого жертвоприношения. Подобное жертвоприношение

¹⁵⁹ А. Рус *Lhuillier*. La civilización de los antiguos Mayas..., p. 154.

¹⁶⁰ *Ibid.*, p. 155, 156.

у древних майя было связано с земледельческими обрядами — культом маиса»¹⁶¹. Внутри саркофага, на шкуре ягуара лежал на спине, вытянувшись во весь рост, скелет взрослого мужчины, почти сплошь закрытый бесчисленными украшениями из драгоценного зеленого нефрита (диадема с фигуркой божества в виде летучей мыши, ожерелье, нагрудная бляха, браслеты, статуэтка бога Солнца на поясе и, наконец, мозаическая нефритовая маска, передающая, по мнению А. Руса, более или менее достоверный облик умершего)¹⁶². И скелет и внутренняя часть саркофага были густо посыпаны пурпурной краской. На крышке саркофага сохранились остатки различных атрибутов власти и регалий погибшего владыки: пояс из кусочков нефрита с тремя антропоморфными масками и девятью сланцевыми привесками в виде «топориков», маленький круглый щит с маской солярного божества и, вероятно, скипетр с фигуркой бога дождя наверху и змеиной головкой на конце рукоятки¹⁶³. Эти же атрибуты постоянно встречаются у персонажей высокого ранга, запечатленных на рельефах, стелах, фресках, алтарях и резных деревянных притолоках из различных городов майя позднеклассического периода. От саркофага вела наверх длинная каменная труба, оформленная в виде фигуры змеи. Она заканчивалась в центральном помещении храма, неподалеку от алтаря. Эту трубу А. Рус назвал «каналом для души», предназначенным, по его словам, для духовного общения жрецов и здравствующих членов царской фамилии с их почившим божественным предком, поскольку лестница после совершения похорон была засыпана обломками камней и связь между гробницей и храмом наверху могла поддерживаться только ритуальным путем — через «канал»¹⁶⁴.

Большой вес и размеры каменного саркофага абсолютно исключали возможность его доставки вниз по узкой лесенке после завершения строительства храма. Следовательно, саркофаг и гробница в этом комплексе — главный элемент, а пирамида и храм — подчиненный. Они были выстроены над уже готовой гробницей, чтобы защитить ее от разрушения, скрыть от непрошенных взоров и, на-

¹⁶¹ A. Ruz Lhuillier. La civilización, p. 156.

¹⁶² Ibid., p. 159—160.

¹⁶³ Ibid., p. 164.

¹⁶⁴ Ibidem.

копец, чтобы служить местом отправления культа погребенного внутри обожествленного правителя. «Не исключено, — подчеркивает А. Рус, — что погребенный в „Храме Надписей“ человек сам был вдохновителем и организатором строительства своей гигантской усыпальницы»¹⁶⁵. Не приходится сомневаться и в том, кто был погребен в гробнице «Храма Надписей». Перечисленные выше черты погребального ритуала, человеческие жертвы, немаловажно большие затраты общественного труда для сооружения этого гигантского мавзолея и, наконец, наличие атрибутов власти, хорошо известных нам по изображениям на рельефах и стелах классического времени, подтверждают мысль о том, что мы имеем здесь дело с погребением царя, правителя, «халач виника».

Более внимательный анализ упомянутого царского захоронения из Паленке позволяет выделить ряд интересных деталей погребального ритуала, в своей совокупности позволяющих археологам довольно успешно отличать данный тип погребений от (во многом сходных с ними) гробниц аристократов и жрецов. К числу таких важных черт относятся: клыки и шкура ягуара, портретные маски и маски богов, посыпание трупа пурпурной краской. Голова и когти ягуара (и пумы) упоминаются среди других царских регалий в эпосе майя-киче «Пополь Вух»¹⁶⁶. Этот свирепый хищник играл важную роль в религиозных воззрениях майя накануне и в эпоху конкисты. И совсем не случайно шкура, клыки и когти грозного владыки джунглей стали по крайней мере с начала I тысячелетия н. э. широко использоваться владыками земными в качестве атрибутов своей власти. Более того, ягуар считался божественным покровителем многих правящих династий майяских городов-государств¹⁶⁷. На многих произведениях искусства майя классического периода встречаются изображения персонажей, облаченных в плащи, пабедренные повязки или сандалии из шкуры ягуара. Причем их высокое общественное положение намеренно подчеркнуто древним художником либо с помощью увеличенных размеров,

¹⁶⁵ Ibid., p. 163.

¹⁶⁶ «Пополь Вух», стр. 144.

¹⁶⁷ T. Proskouriakoff. The lords of the Maya realm. «Ancient Mesoamerica». Palo Alto, 1966, p. 168—175.

либо какими-нибудь иными приемами (см., например, сцены на фресках Бонампака)¹⁶⁸. Судя по сообщениям испанских и индейских хронистов, важнейшим символом царской власти у майя считалась циновка (майяск. «поп»; отсюда название правителя — «ах-поп», что означает «владыка циновки»). Циновкой покрывали сиденье или деревянный трон, на котором восседал правитель. И очень часто в качестве прямого эквивалента циновке служила шкура ягуара. Мы отчетливо видим эту деталь на росписи одного полихромного сосуда из погребения № 196 в Тикале (700 г. н. э.)¹⁶⁹. Иногда правители майя вообще предпочитали иметь трон в виде фигуры ягуара: изображенне на стеле 20 из Тикаля¹⁷⁰, знаменитый рельеф из Палепке¹⁷¹ и наиболее поздний вариант такого трона, найденный в Чичен-Ице¹⁷².

Накопец, весьма примечательно, что почти во всех богатых и пышных погребениях майя встречаются клыки, когти и шкуры ягуара, хотя последние удается проследить далеко не всегда в виду плохой их сохранности в условиях влажного тропического климата. Так, под фундаментом храма (Str. 5D — 33) в Тикале была обнаружена в процессе раскопок вырубленная прямо в скалистом грунте гробница (Burial 48), относящаяся к 457 г. н. э. Внутри просторной камеры находилось три скелета. Главный персонаж — взрослый мужчина лежал, вытянувшись во весь рост, на спине, на подстилке из полусгнившей шкуры ягуара. Его сопровождали богатые погребальные дары в виде многочисленных нефритовых украшений, морских раковин, игл морского ежа (*sting-ray spines*) и керамических сосудов (в том числе и привезенных из Центральной Мексики). У скелета мужчины отсутствовали кости руки и череп. Вдоль продольных стен гробницы лежали два скелета подростков с разбитыми черепами, почти лишенные инвентаря. Это, очевидно, заупокойные жертвы в честь умершего правителя. Над шахтой гробницы, как

168 A. Villagra Caletí. Bonampak. La ciudad de los muros pintados. México, 1949.

169 W. R. Coe. Tikal. A Handbook..., p. 52.

170 W. R. Coe. Tikal. Ten years..., p. 49.

171 I. Marquina. Op. cit., p. 651, lam. 205.

172 W. Wadepuhl. Die alten Maya und ihre Kultur. Leipzig, 1964, fig. 126.

уже говорилось, сразу же был построен специальный храм¹⁷³.

Что же касается человеческих жертвоприношений, то в погребальной практике майя они применялись в крайне редких и особо торжественных случаях и всегда в сравнительно умеренных масштабах. Обычно в погребениях знатных лиц, в которых с известным основанием можно видеть царей, паходят один или два скелета принесенных в жертву людей (погребение 48). Однако, как уже отмечалось, в Паленке, в знаменитой гробнице из «Храма Надписей», были обнаружены останки шести человек. В Тикале число человеческих жертвоприношений в одном царском погребении доходило до девяти (погребение 10, V в. н. э.)¹⁷⁴.

И все же это не идет ни в какое сравнение с гекатомбами трупов, сопровождавших умерших правителей ацтеков. Испанский хронист Диего Дуран сообщает, что во время похорон «тлатоани» (правителя) Ахуицотла число принесенных в жертву людей превысило 200 человек¹⁷⁵.

Среди украшений и драгоценностей, которые сопровождали обычно правителей Древней Мезоамерики в загробный мир, выделяются красочные погребальные маски, передающие либо реальный облик умершего, либо изображение какого-нибудь божества, связанного так или иначе с данным правителем. «Если умирал правитель, — пишет испанский историк Антонио Эррера, — то погребальные церемонии совершались очень пышно, покойного обряжали в лучшие одежды и клали на лицо маску...»¹⁷⁶. У пахуа тело умершего царя Тесосомока «одели в царские одежды, положили ему все его регалии..., а лицо покрыли мозаичной маской — точный портрет умершего»¹⁷⁷. В 1481 г. во время торжественных похорон «тлатоани» ацтеков Ашайякатля его последовательно обряжали

¹⁷³ E. M. Shook, A. V. Kidder II. The painted tomb at Tikal. «Expedition», vol. 4, N 1, 1961, p. 2—6.

¹⁷⁴ W. R. Coe. Tikal. A Handbook..., p. 44.

¹⁷⁵ D. Duran. The Aztecs. The history of the Indians of New Spain. N. Y., 1964, p. 218.

¹⁷⁶ A. de Herrera. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y tierra firme del Mar Océano. Madrid, 1726, t. 3, p. 99.

¹⁷⁷ M. Orozco y Berra. Historia antigua de las culturas aborígenes de México. México, 1951, p. 182.

в одежды четырех богов, представителем которых на земле он считался (Уцилопочтли, Тлалока, Йохуалахуа и Кецалькоатль). В состав этих «божественных» костюмов входили и специальные маски ¹⁷⁸.

На территории майя великолепные мозаичные маски из нефрита и раковин также встречаются обычно в наиболее богатых гробницах и погребениях (в Паленке, Тикале, Вашактуне и других городах).

Что касается пурпурной краски, то в космогонии майя красный цвет ассоциируется с востоком, поскольку именно там «рождается» каждый раз Солнце после своей ежедневной «смерти» на западе. Вследствие этого восток — место воскрешения, место жизни, а красный цвет, который представляет его в гробницах и погребениях, символизирует, таким образом, бессмертие ¹⁷⁹.

Помимо Паленке, необычайно интересные и разнообразные типы пышных захоронений на территории равнинных областей майя дает крупнейший городской центр классической эпохи — Тикаль (департамент Петен, Северная Гватемала). В самом большом храме города — «Храме гигантского ягуара» (Храм I) — в основании многометровой каменной пирамиды американские археологи обнаружили богатейшую гробницу, сооруженную около 700 г. н. э. (Burial 116) ¹⁸⁰. На ее крыше были тщательно уложены тысячи осколков или отщепов кремня и обсидиана — ритуальное приношение в честь погребенного. Внутри просторной, сложенной из камня погребальной камеры с высоким ступенчатым сводом на специальной платформе или скамейке, накрытой циновкой и совершенно сгнившей шкурой ягуара или оцелота, лежал вытянуто на спине скелет взрослого мужчины. «По внешнему виду, — пишет автор раскопок Обри Трик, — погребальная камера в точности копировала комнату дворцового или храмового здания, но без дверного проема» ¹⁸¹.

¹⁷⁸ D. Duran. The Aztecs. . . , p. 176.

¹⁷⁹ A. Ruz Lhuillier. La civilización. . . , p. 161, 162. На протяжении веков древний обычай посыпания трупа красной краской, вероятно, не раз переосмыслился (Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя, стр. 249). Однако в I тысячелетии н. э. на территории майя употребление красной краски отмечено только в наиболее пышных могилах и погребениях.

¹⁸⁰ A. S. Trik. The splendid tomb of temple I at Tikal. Guatemala. «Expedition», vol. 6, N 1, 1963, p. 3—15.

¹⁸¹ Ibid., p. 8, 9.

Впечатление этого сходства только усиливалось от наличия внутри гробницы деревянных поперечных балок, крепивших ступенчатый свод. Среди вещей, сопровождавших умершего, особенно выделяются: мозаичная маска, морские раковины, жемчуг, иглы морского ежа, масса нефритовых украшений и более 20 глиняных сосудов с полихромной росписью. Наиболее впечатляющими мотивами росписи являются различные сцены дворцовых церемоний: правитель на троне, аудиенция и т. д. Но самой интересной находкой были, бесспорно, резные кости животных в виде трубочек и проколов, сплошь покрытые иероглифическими надписями и толко выполненных мифологическими сценами в духе знаменитого Дрезденского кодекса майя¹⁸². Можно предположить, что по крайней мере часть этих костяных поделок, и в частности проколки, тоже входила в число атрибутов царской власти.

Что касается полихромной керамики с сюжетными росписями, то она, по наблюдениям археологов, встречается, как правило, только в наиболее пышных погребениях майя¹⁸³. Больше того, американский исследователь М. Д. Ко установил, что тематически все росписи на такой керамике ограничены приблизительно четырьмя мотивами: а) правитель, сидящий на троне; б) божество со старческим лицом, выглядывающее из раковины (видимо, бог-улитка. — В. Г.); в) два юных персонажа, внешне похожие друг на друга; г) божество в виде летучей мыши с символами смерти. Эти сцены почти всегда сопровождаются стандартными по форме иероглифическими надписями, в которых часто упоминаются божества подземного мира и т. д. Исходя из вышесказанного, М. Д. Ко всю эту керамику считает погребальной, предназначенной исключительно для сопровождения умерших правителей майя, на что указывают и сюжеты, запечатленные на сосудах, и некоторые, истолкованные в настоящее время блоки иероглифических надписей. Наблюдается поразительное совпадение некоторых мотивов полихромной керамики I тысячелетия н. э. с описаниями подземного мира и подвигов божественных близнецов из эпоса майя-киче «Пополь Вух»¹⁸⁴. Собранный воедино, такая керамика спо-

¹⁸² Ibid., p. 15—18.

¹⁸³ M. D. Coe. Ancient Maya writing and calligraphy. «Visible Language», vol. V. N 4. Cleveland, 1971, p. 304.

¹⁸⁴ Ibid., p. 304, 305.

собна стать важнейшим историческим источником, на много расширяющим наши возможности по интерпретации однозначного в большинстве случаев археологического материала¹⁸⁵ во всякого рода социально-политических реконструкциях.

По наблюдениям археологов из Пенсильванского университета, погребение 116 было совершено в скалистом грунте непосредственно перед началом строительства Храма I («Храма Гигантского Ягуара»), и, таким образом, последний был призван, по-видимому, «запечатать», прикрыть устье могильной шахты¹⁸⁶. Наконец, небезынтересно и то, что некогда вся поверхность Храма I была выкрашена в красный цвет¹⁸⁷. На фасаде гребня, украшающего крышу здания, изображена гигантская фигура правителя, сидящего на троне в окружении декоративных растительных побегов¹⁸⁸. Одна из резных деревянных притолок внутри храма также украшена близкой по характеру сценой: сидящий на троне правитель и гигантский бог-ягуар за его спиной в позе протектора, покровителя земного владыки. Таким образом, есть все основания полагать, что персонаж, запечатленный на гребне и на притолоке храма, и человек, погребенный в пышной гробнице под храмовой пирамидой, — одно и то же лицо.

Обычай сразу же строить над гробницами персонажей высокого ранга — правителей или царей — специальные храмы, окрашенные в красный цвет, прослеживается в Тикале и на других не менее ярких примерах. Так, под основанием позднеклассического храма (Str. 5 D — 32) начала VII в. н. э. было обнаружено погребение 195, находившееся в специальной, вырубленной в скалистом грунте гробнице со ступенчатым сводом. Внутри лежал вытянуто на спине один скелет взрослого мужчины с необычайно интересным набором вещей: четыре деревянные, покрытые тончайшим слоем голубого штукатурки фигуры длинноносого бога, обычно отождествляемого специалистами с богом воды и дождя; деревянный резной трон (курсив наш. — В. Г.) и четыре деревянные резные доски, похожие на панель или облицовку¹⁸⁹.

¹⁸⁵ M. D. Coe. The Maya scribe and his world. N. Y., 1973.

¹⁸⁶ W. R. Coe. Tikal. A Handbook..., p. 32.

¹⁸⁷ Ibid., p. 28.

¹⁸⁸ Ibidem.

¹⁸⁹ Ibid., p. 50.

Исходя из вышесказанного, можно говорить о том, что царские погребения у майя классического периода имеют ряд специфических деталей в инвентаре и ритуале, позволяющих почти безошибочно отделить их от других пышных гробниц и захоронений: во-первых, гробница царя — точная копия его жилища, т. е. дворца (каменная постройка с высоким ступенчатым сводом, деревянными балками-распорками и специальными скамейками, помостами или тронами для сидения); во-вторых, над царской гробницей немедленно возводился специальный храм или святилище, окрашенные в красный цвет; в-третьих, на крышу гробницы часто клали тысячи осколков кремня или обсидиана как часть сложного и пышного погребального ритуала; в-четвертых, правители из богатейших гробниц классического времени лежат, как правило, либо на циновке (символ власти у древних майя), либо на шкуре ягуара; в-пятых, большую роль в погребальном ритуале царя играла красная краска; в-шестых, в число инвентаря обязательно входили различные морские продукты, и особенно большие раковины Спондилус, иглы морского ежа и др.; и наконец, в-седьмых, среди известных по поздним письменным источникам атрибутов царской власти в классических гробницах встречаются мозаичные маски и специальные костяные проколки.

Таким образом, археологически абсолютно точно установлен факт связи пышных гробниц правителей с храмами, строившимися непосредственно вслед за этим над устьем могильной ямы (Тикаль и Паленке). В одних случаях эти гробницы были как-то связаны с храмовым помещением наверху либо с помощью магических средств («канал для души» из «Храма Надписей» в Паленке), либо специальными лестницами и ходами (Чичен-Ица¹⁹⁰, Комалькалько¹⁹¹, Йашчилан¹⁹²). Видимо, мы имеем здесь дело с материальным воплощением заупокойного царского культа у древних майя, наподобие древневосточного и египетского. Но если, скажем, в Египте заупокойный храм

¹⁹⁰ E. H. Thompson. The high priest grave, Chichen Itza, Yucatan. México. AS FMNH, vol. 27, N 1, Publ. 412. Chicago, 1938, p. 16—42.

¹⁹¹ F. Blom, O. La Farge. Tribes and temples, vol. 1. New Orleans, 1926, p. 115—130.

¹⁹² A. Ruz Lhuillier. Estudio preliminar de los tipos de enterramientos en el area maya, t. 2. «Actas del 33 ICA». San Jose, 1959, p. 191.

строили рядом с пирамидой, содержавшей гробницу фараона, то в доколумбовой Мексике та же идея была решена конструктивно совершенно иначе — путем соединения в одно целое по вертикали и заупокойного храма и гробницы правителя. Впервые тезис о наличии заупокойных храмов у древних майя выдвинул А. Рус после своего блестящего открытия в Паленке. Позднее этому вопросу посвятил специальную статью американский исследователь М. Д. Ко¹⁹³. Наличие заупокойного царского культа на территории майя в X—XVI вв. было отмечено мною выше со ссылками на соответствующие индейские и испанские хроники. Существовал этот обычай и в других областях доколумбовой Мезоамерики. В легендах и преданиях нахуа о создателях теотихуаканской цивилизации в долине Мехико говорится, например, следующее: «И они назвали город Теотихуакан, потому что, когда умирали правители, их там и хоронили. А затем воздвигали над ними пирамиды, которые стоят еще до сих пор»¹⁹⁴.

Только что описанные погребальные комплексы из Тикаля и Паленке — наиболее яркий пример царских погребений у древних майя. Они знаменуют собой конечную стадию развития раннеклассового общества классического периода, длившегося много веков. Однако последние исследования зарубежных археологов на территории Мексики и Гватемалы позволяют в общих чертах проследить начальную стадию формирования заупокойного царского культа в этом районе, что косвенно позволяет судить и о времени сложения царской власти у майя.

В 1962 г. в небольшом пирамидальном холме «В—III», среди руин древнего города Алтарь де Сакрифисьос, под остатками построек раннеклассического и позднеархаического времени, была обнаружена каменная гробница, сложенная из тщательно отесанных блоков красного песчаника. Это погребальное сооружение, бесспорно, было увенчано когда-то ступенчатым, или «ложным», сводом. Судя по стратиграфическому положению гробницы, она представляет собой древнейший образец каменных гроб-

¹⁹³ M. D. Coe. The funerary temple among the classic Maya. SWJA, vol. 12, N 4. Albuquerque, 1956, p. 387—393.

¹⁹⁴ M. Leon-Portilla. Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares. México, 1961, p. 26.

ниц со сводом на территории майя и относится к последним векам до н. э.¹⁹⁵

В начале 60-х годов при раскопках «Северного Акрополя», расположенного в центральной части Тикаля, были найдены две интересные ранние гробницы (погребения № 167 и 85).

Погребение 167 находилось в прямоугольной каменной гробнице со ступенчатым сводом. На полу, в центре камеры, лежал на спине, головой на восток, скелет взрослого мужчины (скелет «А»). На его черепе стояла большая глиняная чаша, содержавшая внутри расчлененный и пешолый женский скелет («Б»). Близ ног скелета «А» находился еще один керамический сосуд с останками младенца. На костях мужского скелета и вокруг него были обнаружены ожерелье и браслеты из раковин, иглы морского ежа и вотивная антропоморфная статуэтка из зеленого камня. В северной части гробницы, датируемой по С¹⁴ 25 г. до н. э., стояли *девять глиняных сосудов типа «кавак» и полихромная расписная урна*¹⁹⁶. Сразу же после сооружения гробницы над ней была возведена постройка (5 D—Sub—10—1-st). На платформе алого цвета (размеры 3×3,3 м) стоял крохотный каменный храмик со ступенчатым сводом. *Внутри этого святилища на стенах, оштукатуренных и окрашенных в красный цвет, сохранились остатки фресок: человеческие фигуры в богатых костюмах и масках и какие-то растительные мотивы. Как уже говорилось, головной убор одного из изображенных персонажей был украшен иероглифом календарного знака «Акбаль» (название дня в ритуальном календаре майя)*¹⁹⁷.

Еще более интересную картину обнаружили археологи при исследовании одного раннего погребения (погребение № 85) Тикаля. На полу небольшого каменного склепа (размеры 2,45×1,25 м) со ступенчатым сводом находился скелет взрослого мужчины, помещенный первоначально в сидячем положении, лицом на юг. Его кости были плотно спеленуты какой-то тканью. Череп и берцовые кости ног отсутствовали. На том месте, где должен был находиться череп, лежала великолепная маска из зеленого

¹⁹⁵ G. Willey, A. L. Smith. New discoveries at Altar de Sacrificios, Guatemala. «Archaeology», vol. 16, 1963, p. 88.

¹⁹⁶ W. R. Coe. Tikal, Guatemala and emergent... , p. 1413.

¹⁹⁷ W. R. Coe. Tikal, Guatemala and emergent... , p. 1413.

камня, глаза и зубы которой были инкрустированы раковинами¹⁹⁸. Хотя маска довольно реалистично передает черты лица какого-то юноши, вряд ли ее следует считать портретным изображением умершего. Дело в том, что в верхней ее части вырезано подобие диадемы со стилизованным початком кукурузы. И это позволило Р. В. Кинжалову рассматривать данный предмет как «древнейшее изображение божества кукурузы»¹⁹⁹. Если это так, то перед нами погребение какого-то важного персонажа в маске бога кукурузы, что сразу же заставляет вспомнить аналогичные («маисовые») сюжеты из гробницы «Храма Надписей» в Паленке (на крыше саркофага) и погребальные ритуалы ацтеков.

Кроме того, внутри гробницы найдено 26 керамических сосудов типа «кавак», морские раковины и иглы морского ежа. После завершения погребальных церемоний над погребением 85 было построено легкое святилище из дерева и глины, с крышей из тростника или листьев (Str. 5D—Sub. 2—2-nd). Это здание стояло на двухступенчатой платформе, окрашенной в алый цвет. Куски древесного угля, взятые внутри одного из глиняных сосудов этой гробницы, дали радиоуглеродную дату $16 \pm \pm 63$ г. н. э.²⁰⁰ Видимо, именно по этой причине американский археолог Уильям Ко отнес время сооружения гробницы к I в. н. э.²⁰¹

Однако вся керамика, найденная в погребении 85, относится к этапу «кавак» — местной разновидности этапа «чиканель» («чиканель» — позднеархаический период, датируемый примерно 300—100 гг. до н. э.). Время «кавака» определяется по материалам Тикаля от 150 г. до н. э. до 50 г. н. э.²⁰² Кроме того, немаловажное значение имеет и то, что сверху здание храма, связанного с погребением 85 (Str. 5D—Sub. 2—2-nd), перекрывает другая постройка (Str. 5D—Sub. 2—1-st), и ее радиоуглеродная дата составляет 1 ± 46 г. до н. э., т. е. раньше, чем для самой гробницы, что совершенно невероятно. Учитывая большую типологическую и конструктивную близость погребения 85 к описанной выше тикальской гробнице 167, можно пред-

¹⁹⁸ Ibid., p. 1414.

¹⁹⁹ Р. В. Кинжалов. Указ. соч., стр. 36.

²⁰⁰ W. R. Coe. Tikal Guatemala and emergent..., p. 1414.

²⁰¹ W. R. Coe. Tikal. Ten years..., p. 19.

²⁰² Ibid., p. 14, 21.

положить, что и она относится ко времени не позднее I в. до н. э.

В самом начале нашей эры (этап «сими») под лестницей пебольшего храма на «Северном Акрополе» Тикаля была устроена каменная гробница с деревянным перекрытием, содержащая внутри один скелет взрослого мужчины (погребение 125)²⁰³. На ее крышу были навалены сотни килограммов осколков и отщепов кремня, что сразу же заставляет нас вспомнить аналогичный ритуал наиболее пышных царских гробниц Тикаля классического времени (погребение 116).

Таким образом, обычай строить заупокойные храмы или святилища, окрашенные в красный цвет, над гробницами лиц самого высокого социального ранга появился у майя (по крайней мере, в Тикале) в I в. до н. э. О принадлежности упомянутых ранее гробниц к царским захоронениям свидетельствуют и другие признаки: наличие масок, игл морского ежа и раковин Спондилус, человеческие жертвы, обилие украшений из раковин и нефрита. Кроме того, все упомянутые погребения находились в каменных склепах со ступенчатым сводом, а это, бесспорно, древнейшие образцы монументальной майяской архитектуры. Известно, что в дальнейшем, в классический период (I тысячелетие н. э.), в число каменных построек со ступенчатым сводом входили лишь два вида зданий: наиболее крупные храмы и дворцы. Тот факт, что в таких гробницах всегда хоронились лишь наиболее выдающиеся лица майяского общества, а также то, что жилища мертвым часто строились по прямому подобию реальных жилищ, не говоря уже о других приведенных здесь признаках, вполне отчетливо указывает, кому именно принадлежали данные погребения. Что касается территории горных майя, то там похожую и не менее яркую картину дают богатые гробницы этапов Мирафлорес (Холм Е-III-3)²⁰⁴ и Эсперанса (холмы «А» и «В»)²⁰⁵ в Каминальгуюю.

Комплекс стелы — алтаря и его значение для понимания царского культа. В археологии майя вряд ли есть еще другой такой предмет или явление культуры, которые

²⁰³ W. R. Coe. Tikal, Guatemala and emergent... p. 1416.

²⁰⁴ E. M. Shook, A. V. Kidder. Mound E—III—3, Kaminaljuyu. Guatemala. SAHN, N 53. Washington, 1952, p. 41—64.

²⁰⁵ A. V. Kidder, J. D. Jennings, E. M. Shook. Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala, CIWP, N 561. Washington, 1946, p. 10—82.

можно было бы сравнить по значимости с каменными резными стелами. Появление этих внушительных монументов отмечает, по мысли многих специалистов, рождение цивилизации и государственности на майяской земле. Большое значение для исследования искусства и социально-политических институтов майя классического периода имеют и запечатленные на стелах разнообразные культовые и светские сцены. Наконец, многие стелы и алтари майя уже с очень раннего периода сопровождалась иероглифическими надписями календарного и некалендарного характера, что само по себе служит великолепным признаком наличия цивилизации²⁰⁶. Взятые в отдельности, эти важнейшие элементы культуры (письменность, календарь, мотивы искусства) получили достаточно подробное освещение в специальной литературе. Однако общий анализ стелы как средоточия всех упомянутых черт до сих пор был сравнительно редким явлением. Между тем именно такой подход открывает самые широкие перспективы в освещении интересующей нас проблемы становления царской власти у древних майя.

В подавляющем большинстве случаев резные стелы встречаются группами по несколько штук и, как правило, в той или иной связи с архитектурными сооружениями (храмами)²⁰⁷. Именно этот факт и послужил отправным моментом для исследований Татьяны Проскуряковой. Она установила, что в городе Пьедрас Неграс все монументы располагались отдельно стоящими группами (общим числом около семи). Причем в каждой такой группе отрезок времени, представленный на календарных датах имеющих там стел, никогда не превышал средней продолжительности человеческой жизни. Это сразу же навело Т. Проскурякову на мысль, что каждая группа таких памятников служит своеобразной каменной «летописью» жизни и деяний одного конкретного правителя. Первый монумент такой группы сопровождался изображением юноши, сидящего в нише на платформе или троне. Здесь же были высечены и две важные даты. Одна из них, дополненная иероглифом, наподобие человеческой головы

²⁰⁶ Ю. В. Кнорозов. Заметки о календаре майя, стр. 83, 84.

²⁰⁷ T. Maler. Researches in the central portion of the Usumatsintla Valley. MPM, vol. II, N 1. Cambridge, Mass., 1901, p. 43—58, fig. 17.

с подвязанной щекой, отмечала время прихода этого персонажа к власти, а другая — с иероглифом в виде «лягушки», задравшей кверху лапки, указывала на время рождения того же человека. Более поздние монумены той же группы посвящены таким событиям, как браки, рождение наследников, военные победы и т. д. Следовательно, фигуры, изображенные на рельефах и стелах классического периода, — не боги и не жрецы, а представители правящих династий²⁰⁸.

Глубокий анализ стел майя как отражение важных исторических процессов и явлений содержится в работе советского ученого Ю. В. Кнорозова «Письменность индейцев майя». Описывая так называемые «юбилейные» стелы, которые устанавливались в честь окончания двадцатилетия — катуна, он отмечает, что эти стелы «неразрывно связаны с культом богов, правящих поочередно в течение определенного периода. Религиозные представления о переходе власти от одного бога к другому, несомненно, являются реальным отражением существовавшего института смены правления по родам. Появление юбилейных стел, по-видимому, свидетельствует о том, что захват власти одной династией получил религиозную санкцию. Смена власти происходит уже не в реальной жизни, а у богов. Земной владыка, вместо того чтобы передавать власть, получает от очередного бога инвеституру на правление»²⁰⁹. Интересные соображения насчет стел майя приводит и Р. В. Кипжалов. «С нашей точки зрения, — подчеркивает он, — воздвижение стел и их назначение были тесно связаны с зародившимся культом правителя города-государства. Первоначально стелы ставились, очевидно, чтобы отметить какое-то крупное событие в его жизни (восшествие на престол, победа над врагами, вступление в брак и т. п.). Не случайно все наиболее ранние стелы не имеют, как правило, круглых дат. Возможно, что некогда власть правителя была ограничена (как пережиток выбора вождя в родо-племенном обществе) сроком в 20 лет. Впоследствии подобные представления были перенесены целиком в область религии (бог-покровитель уступал место другому по истечении катуна), а правитель лишь воздвигал стелу в ознаменование этого события. Вполне вероятно.

²⁰⁸ Т. Proskouriakoff. Historical implications..., p. 454—475.

²⁰⁹ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя, стр. 12.

что при этом имели место обряды, аналогичные древне-египетскому празднику *хеп-сед*. Назначением их было укрепление силы правителя для предстоящего, нового двадцатилетия его царствования»²¹⁰.

Целиком соглашаясь с названными выше авторами, я хочу, тем не менее, конкретизировать и дополнить их выводы. Особенно это касается тезиса о том, что многие стелы непосредственно связаны с культом правителя. Тот факт, что стелы обычно стоят у тех самых заупокойных храмов, в пирамидах которых скрыты царские гробницы, и то, что часто на них изображены сами правители, еще мало о чем говорит — нужно выяснить конкретные проявления этого культа. В другой работе мне уже приходилось затрагивать данную тему при рассмотрении запечатленных на стелах мотивов искусства, доказывающих наличие прижизненного царского культа у древних майя (мотивы: «правитель на троне и с атрибутами власти», «царь, поражающий врагов на поле брани», «сцены триумфа», «царь, находящийся под защитой и покровительством богов», и др.), так что здесь нет необходимости останавливаться на этом еще раз²¹¹.

Очень интересные материалы по интересующему нас вопросу дает и анализ содержимого ритуальных тайников, устроенных под основанием почти всех каменных монументов. Начиная с раннеклассического времени многие стелы Тикаля, Вашактуна и других городов майя содержали в своих подземных тайниках «фигурные кремни» («eccentric flints») геометрических форм, кусочки обсидиана в виде пожевидных пластин и отщепов, раковины,

²¹⁰ Р. В. Кинжалов. Указ. соч., стр. 29, 32.

²¹¹ В. И. Гуляев. Америка и Старый Свет., стр. 138—155. Здесь необходимо отметить многофункциональный и многоплановый характер каменных монументов, объединяемых под общим термином «стела»: стелы были «юбилейные» и «победные», стоявшие обычно группами; они-то и связаны непосредственно с личностью правителя, но были и другие стелы — эквивалент «первоначальному мировому дереву», месту для собраний и религиозных церемоний жителей данного селения; в этом случае стела рассматривалась лишь как некое отвлеченное понятие — место пребывания бога-покровителя данного двадцатилетия или какого-либо другого отрезка времени, и такие стелы (хотя и в небольшом числе) должны были находиться в любом, даже самом малом, городке или селении (Ю. В. Кнорозов. Заметки о календаре майя. Монумент Е в Трес-Саюотес. — «Латинская Америка», 1973, № 6, стр. 86, 87).

керамические сосуды, обломки костей и т. д.²¹² Конечно, в зависимости от хронологии, местонахождения и характера самого монумента содержимое таких тайников могло значительно варьироваться, но наличие кусочков резного кремня и обсидиана вычурных пропорций и силуэтов всегда неизменно. В позднеклассический период, по крайней мере в Тикале, происходит дальнейшая стандартизация и унификация содержимого ритуальных тайников. Как правило, под каждой стелой находилось теперь лишь девять фигурных кремней и девять отщепов обсидиана с резными изображениями богов майяского пантеона²¹³. С другой стороны, при раскопках в Пусильха (Британский Гондурас) под основанием стелы «Е» было найдено 100 фигурных изделий из кремня и обсидиана (дата стелы соответствует 731 г. н. э.)²¹⁴.

Как указывает Т. Джойс, среди этих предметов встречаются образцы, близкие по форме наконечнику копья или лезвию ножа; есть змеевидные изделия и пластинки, напоминающие скорпионов²¹⁵. В Тикале, под основанием стелы 4 (396 г. н. э.), найдены восемь фигурных кремней: три штуки в виде летучей мыши, три — змеи, две — головы оленя и три куса обсидиана, изображающих голову оленя²¹⁶. Среди фигурных кремней довольно многочисленную группу составляют изображения скорпионов, изредка — антропоморфные образы и чаще всего изображения сложных геометрических фигур явно символического характера. Их культовое назначение признается единодушно всеми исследователями²¹⁷. Но что именно изображают эти странные обсидиановые и кремневые изделия? Ответ на этот вопрос дали обсидиановые пожевидные пластины с резными фигурами богов майяского пантеона, найденные под некоторыми стелами Тикаля конца классического периода. И хотя отождествление имеющихся там изображений с божествами из иероглиф-

²¹² *W. R. Coe. Caches and offertory practices of the Maya lowland.* HMAI, vol. 2. Austin, 1965, p. 465.

²¹³ *Ibidem.*

²¹⁴ *T. L. Joyce. The eccentric flints of Central America.* — JRAI, vol. LXII. London, 1932, p. XVII.

²¹⁵ *Ibid.*, p. XIX.

²¹⁶ *S. G. Morley. The inscriptions of Peten.* CIWP, vol. 1, N 437. Washington, 1938, p. 169, 170.

²¹⁷ *С. Н. Замятин. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.* СА. X. 1948, стр. 100.

ческих кодексов и пантеоном майя XVI в. во многих случаях более чем сомнительно, в целом спорить не приходится: в ритуальных тайниках под стелами хранились кусочки камня с «портретами» важнейших майяских богов: бога грозы и дождя, бога маиса и др.²¹⁸ Так, под тикальской стелой Р—20 (751 г. н. э.) было найдено девять обсидиановых резных пластинок с «портретами» богов и девять фигурных кремней вычурных очертаний²¹⁹. Следует отметить, что на лицевой части стелы был изображен персонаж высокого социального ранга в пышном костюме, с круглым щитком и скипетром в руках. Позади него, чуть вправо, стоит великолепный резной трон в виде фигуры ягуара²²⁰, что позволяет нам рассматривать изображенного индивида как правителя, или царя.

Точно такой же набор из девяти кремневых и обсидиановых вещей археологи обнаружили и под стелой 21²²¹ (736 г. н. э.). Изображенный на стеле персонаж в богатом костюме держит в левой руке плетеную сумку, а правой бросает вниз горсть зерен²²². Видимо, перед нами — сцена участия правителя в ритуальном севе, наподобие древневосточных и египетских аграрных обрядов, сцена, хорошо известная и по другим произведениям искусства майя-I тысячелетия н. э. (стела 40 в Пьедрас Неграс и др.). Весьма примечательно, что каждый раз в коллекции резных кусочков обсидиана с «портретами» богов всегда встречается один интересный мотив божества с устойчивыми и специфическими признаками: «глаз бога», длинный, прямой или загнутый вверх нос, знак «факела» или топора с двойным завитком (дым, огонь) на лбу и ярко выраженные рептильные черты (змеиная голова вместо одной ступни и т. д.)²²³. Это, по определению большинства зарубежных специалистов, бог «К» из пероглифических рукописей XII—XV вв. и Ах Болон Цакаб из пантеона майя XVI в. — бог ветра, бури и

²¹⁸ Там же, стр. 120, 121; *T. A. Joyce. The eccentric flints...*, p. XXIII.

²¹⁹ *W. R. Coe. Caches and offertory practices...*, p. 463, fig. 1.

²²⁰ *S. G. Morley. The inscriptions of Peten*, vol. 1, p. 362, 363.

²²¹ *H. Berlin. El templo de las inscripciones-VI-de Tikal. ANG*, vol. III, N 1. Guatemala, 1951, p. 38—44, fig. 12—13.

²²² *Ibid.*, fig. 9.

²²³ *W. R. Coe. Caches and offertory practices...*, p. 463, fig. 1, g.

дождя, покровитель земледелия²²⁴. Но даже независимо от правильности подобного сопоставления можно с уверенностью сказать, что данное божество — точная копия бога-«карлика», увенчивающего вершину царского скипетра на всех позднеклассических изображениях майя. По всем своим ассоциациям и признакам бог-«карлик» был божеством грозы и дождя, а тем самым и плодородия, т. е. покровителем земледелия в целом²²⁵. Функциональным эквивалентом ему могут служить бог «В» из иероглифических рукописей и Чак из пантеона майя XVI в. Достаточно показательно, что появление скипетров примерно совпадает по времени с выработкой канонического набора кремней и обсидиана в тайниках в виде девяти предметов (и на одном из них, как и на скипетре, всегда представлен бог-«карлик»).

Этнографические параллели позволяют вполне определенно утверждать, что кремневые и обсидиановые изделия всегда рассматривались майя как грозное оружие небесных богов, прежде всего богов грозы и дождя, покровителей земледелия. Индейцы-какчикели из Горной Гватемалы называли кремень «огненным камнем»²²⁶. Лакадоны считают кусочки обработанного обсидиана, часто находимые в тех местах, оружием Баламов (богов-покровителей земледелия)²²⁷. Юкатанские майя тоже отождествляют кусочки кремня и обсидиана с «громовыми стрелами», брошенными с небес богом грозы во время вспышек молнии²²⁸. Поэтому они имеют магическую, защитную силу, и когда жрец совершает обряд, чтобы оградить свое селение от дурных ветров, он закапывает кусочки кремня или обсидиана у всех четырех входов в поселок²²⁹.

В свете вышесказанного становится понятным не только несколько необычный набор предметов, клавшихся

²²⁴ S. G. Morley. The Ancient Maya. . . , p. 244; H. Spinden. Maya art and civilization, p. 303.

²²⁵ В. И. Гуляев. Атрибуты царской власти у древних майя. СА, 1972, № 3, стр. 126—128.

²²⁶ «Anales de los Cakchiqueles». La Habana, 1967, p. 24.

²²⁷ A. M. Tozzer. A comparative study of the Mayas y Lacandonos. N. Y.—London, 1907, p. 155.

²²⁸ D. Brinton. Religions of primitive peoples. N. Y.—London, 1899, p. 148.

²²⁹ R. Redfield, a A. Villa Rojas. Chan Kom. A Maya village. Chicago, 1962, p. 113.

в тайники под стелами (фигурные кремни и кусочки резного обсидиана с «портретами» главных богов, а также обилие морских продуктов — отражение культа воды: раковины, кораллы, иглы морского ежа, водоросли²³⁰ и т. д.), но и общий смысл совершаемых в связи с установлением стелы обрядов. Это — прямое археологическое отражение важнейшего обряда майя, призванного обновить магическую силу обожествленного царя на следующие двадцать лет (катун) правления²³¹. Тем самым царю как бы обеспечивалась поддержка всех основных богов майяского пантеона, от которых зависит урожай, а следовательно и благополучие всей страны. Точно такой же смысл имел и знаменитый обряд хеб-сед у древних египтян. «... содержанием ритуала хеб-седа, — пишет М. Э. Матье, — было магическое восстановление сил состарившегося фараона, заменившее существовавший некогда в долине Нила обычай ритуального убийства предводителя племени...»²³² Чем же вызваны упомянутые обряды по восстановлению магической силы царя? Именно такие ритуалы и совершали, по-видимому, правители майя у «своих» стел по истечении каждых 20 лет царствования. Во всяком случае характер многих изображений на стелах и набор предметов в тайниках (кремни, кусочки обсидиана, морские раковины, кораллы, водоросли) недвусмысленно указывает на причастность майяских царей к культу плодородия, на связь их с божествами грозы и дождя.

Дополнительным аргументом в пользу этого предположения служит и внешний вид атрибутов царской власти у майя в позднеклассический период: «карликовый скипетр» (*Maniquin Scepter*) и круглый щиток с маской бога Солицца. Бог-«карлик» украшает лишь навершие скипетра, а рукоять этого предмета обычно сделана в виде изогнутого гибкого тела змеи. И основные функции бога-«карлика» (см. выше — это божество грозы и дождя, покровитель земледелия и т. д.), и рептильные ассоциации рукояти (змея — эмблема воды и дождя)²³³ — все говорит

²³⁰ G. Strömsvik. *Substela caches and stela foundations at Copan and Quirigua*. СААН, N 37. Washington, 1941, p. 67—93.

²³¹ Оба упомянутых монумента из Тикаля (стелы 21 и Р—20) поставлены в честь окончания катуна, т. е. это «юбилейные» стелы, по Ю. В. Кнорозову.

²³² М. Э. Матье. Хеб-Сед. ВДИ, 1956, № 3, стр. 8.

²³³ Т. А. Joyce. *Mexican archaeology*, p. 236, 237.

о том, что этот атрибут власти правителей майяских государств, так же как и более ранняя форма царских инсигний — «ритуальная полоса» («ceremonial bar»), ведет свое происхождение либо от каменного топора-кельта, либо от «змеиных жезлов» племенных вождей — «вызывателей дождя» («rain-maker») более раннего периода.

Древнейшие известные сейчас изображения атрибутов царской власти на территории майя (в виде «ритуальных полос») относятся к концу III в. н. э. (стела 29 из Тикаля; 292 г. н. э.)²³⁴. Однако какие-то смутные прототипы их относятся к гораздо более ранней эпохе. Доказательством этому может служить, вероятно, обломок каменного навершия жезла в форме головки змеи с сильно изогнутой шеей (как у древнеегипетского «урья»), найденный в Эль Ситио (побережье Гватемалы) в слоях конца I тысячелетия до н. э.²³⁵ Не менее интересно изображение жезла на лицевой стороне стелы I из Эль Бауль (Эскинтла) на Тихоокеанском побережье Гватемалы. Жезл имеет прямое длинное древко, но верхней его части придана какая-то необычная, волнистая форма. Видимо, это тоже связано с рептильной или водной символикой: хорошо известная ассоциация «змея—вода». На стеле сохранилась календарная дата майя, соответствующая 36 г. н. э.²³⁶ Изображения атрибутов власти в виде простой змеи как архаизмы встречаются и в искусстве более позднего времени: фигура бога «В» из Дрезденского кодекса, где он показан сидящим на троне, со змеей в руке²³⁷.

Таким образом, судя по археологическим материалам, возникновение института царской власти у древних майя следует отнести по меньшей мере к I в. до н. э. Подобные взгляды разделяют теперь и некоторые зарубежные исследователи. «Наследственная правящая элита, — пишет американский археолог У. Хевилепд, — появилась, очевидно (у майя. — В. Г.), в последнем столетии до нашей эры»²³⁸. Это не означает, конечно, что царская власть возникла внезапно лишь в I в. до н. э. и сразу во вполне

²³⁴ E. M. Shook. Tikal. Stela 29. «Expedition», vol. 2. 1960.

²³⁵ E. M. Shook. Archaeological survey of the Pacific Coast at Guatemala. HMAI, vol. 2. Austin, 1965, p. 181, fig. 1.

²³⁶ M. D. Coe. The Maya, p. 62.

²³⁷ H. Spinden. A study of Maya art, p. 63, fig. 74.

²³⁸ W. A. Haviland. Tikal, Guatemala... p. 195.

сложившемся виде. Процесс ее формирования начался гораздо раньше и теряется в глубинах архаического периода, где-то на грани между его средним и поздним этапами (500—300 гг. до н. э.), а окончательно завершается во II—III вв. н. э. (появление «юбилейных» стел и четко выраженных царских инсигний в виде «ритуальных полос»). К сожалению, мы не можем пока делать далеко идущие выводы о характере ранних форм царской власти у майя, опираясь лишь на имеющиеся археологические находки. Налицо существование прижизненного и заупокойного культа правителя. Четко выявляется его активное участие в политической (военные сцены, триумф, победы над соседними городами-государствами и т. д.) и религиозной (участие в важных аграрных обрядах) сферах жизни общества. Но даже по этим скудным и разрозненным данным можно сделать вывод о большом сходстве форм и конкретных проявлений царской власти у майя классического и постклассического периодов с первыми раннеклассовыми обществами Древнего Востока (Шумер и Египет).

РОЛЬ РАБСТВА В ПРОЦЕССАХ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ У КОЧЕВНИКОВ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

А. М. Хазанов

Специфика рабовладения в кочевых обществах обсуждается в науке довольно давно. Уже в начале XX в. было высказано мнение, что рабство по чисто экономическим и иным причинам не может стать у скотоводов важной производительной силой. «У пастушеских племен, — писал Г. Нибур, — средства существования составляют собственность отдельных лиц и не имеющим скота не остается ничего больше, как прибегнуть за поддержкой к собственникам. Поэтому, если есть нужда в рабочих, всегда найдутся свободные люди, которые охотно предложат свои услуги, и нет большого проку в рабском труде»¹. Взгляды Г. Нибура были полностью приняты М. М. Ковалевским².

Уже в советское время, в начале 30-х годов сходные мысли были высказаны В. И. Равдоникасом. По мнению ученого, «в условиях кочевого скотоводства рабский труд не может быть основой хозяйства, и рабы обычно применяются только лишь для вспомогательных видов труда, например доение, переработка молока и т. п. Постоянные передвижения кочевников облегчают возможность бегства для рабов и затрудняют широкое применение рабов в кочевническом хозяйстве, не требующем к тому же массовой рабочей силы»³.

Однако в то же самое время, в начале 30-х годов, С. П. Толстов предположил, что кочевники в своем раз-

¹ Нибур. Рабство как система хозяйства. М., 1907, стр. 247 и др.

² М. Ковалевский. Происхождение рабства. «Итоги науки в теории и практике», т. X. М., 1914, стр. 83, 84.

³ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стаднальным развитием Северного Причерноморья. «Известия ГАИМК», вып. 103. М.—Л., 1934, стр. 170—188.

витии обязательно проходят рабовладельческую стадию. По его мнению, у кочевников евразийских степей в целом период со II в. до н. э. по VIII—IX вв. н. э. (у скифов гораздо раньше, а у туркмен вплоть до нового времени) был временем господства рабовладельческих отношений⁴. Рабству отводилась решающая роль и в процессах классовобразования у кочевников, так как монополизация владения скотом в руках аристократии, рычагом которой С. П. Толстов считал рабовладение, имела своим неизбежным следствием зависимость массы свободных членов родов от этой аристократии⁵.

В дальнейшем С. П. Толстов несколько изменил свои взгляды. Правда, он по-прежнему постулировал рабовладельческую эпоху, через которую якобы прошли евразийские кочевники. Но в то же время признавалось, что лишь меньшая часть рабов использовалась в скотоводческом и домашнем хозяйстве. Остальные — обрабатывали землю, или занимались ремеслом, или же, являясь формально рабами, представляли собой нечто среднее между илотами и неполноправными союзниками и были обязаны уплачивать дань и поставлять вспомогательные военные контингенты⁶. Таким образом, мнение о паличии у кочевников рабовладельческой стадии С. П. Толстов фактически обосновывал отождествлением рабства с данничеством, едва ли правомерным.

Взгляды С. П. Толстова получили довольно широкое распространение не только в работах, посвященных исследованию конкретных кочевых обществ, но и в общетеоретических концепциях⁷. Очевидно, существенную роль в их утверждении сыграло характерное для советской исторической науки 1930—1940-х годов представление об универсальности рабовладельческой стадии развития.

⁴ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Известия ГАИМК», вып. 103. М.—Л., 1934, стр. 170—188.

⁵ Там же, стр. 185, 186.

⁶ С. П. Толстов. Тирания Аброя. «Исторические записки», № 3, 1938, стр. 50, 51; он же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 263 и сл.

⁷ См., например: А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхово-енисейских тюрок VI—VIII веков. М.—Л., 1946, стр. 120; он же. Очерк истории гуннов. Л., 1951; «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период». Ташкент, 1955 (выступление В. С. Батракова, М. М. Дьяконова и С. П. Толстова).

Допускалось, правда, что отдельные народы могли непосредственно перейти от первобытнообщинного строя к феодализму, но лишь после гибели рабовладельческого способа производства во всемирно-историческом масштабе, т. е. конкретно после IV—V вв. н. э. Поэтому государственные образования древних кочевников: хунну⁸, жуаньжуаней⁹, усуней¹⁰, приаральских саков¹¹, сарматов (сираков)¹² и особенно скифов¹³ — обычно рассматривались как рабовладельческие.

Уязвимость подобной точки зрения стала для многих очевидной в 1950—1960-х годах¹⁴. Именно в это время увидели свет работы, в которых доказывалась принципиальная невозможность прохождения кочевниками рабовладельческой стадии развития¹⁵. Появились и первые

⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 260.

⁹ Там же, стр. 257; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 129.

¹⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 260.

¹¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 200, 201.

¹² В. В. Струве. Древнейший историк СССР. «Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии». Л., 1968, стр. 187.

¹³ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, стр. 168; А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934; он же. Скифы. М., 1966, стр. 140 и сл.; М. И. Артамонов. Скифское царство в Крыму. ВЛГУ, 1948, № 8, стр. 68, 69; Б. Н. Граков. Скифский Геракл. КСИИМК, вып. XXXIV. М.—Л., 1950, стр. 9 и сл.; он же. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, стр. 21 и сл.; он же. Скифы. М., 1971, стр. 35 и сл.; Э. И. Соломоник. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. «Археология и история Боспора», I. Симферополь, 1952, стр. 108; В. Д. Блаватский. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья. СА, вып. XX, 1954, стр. 32; Д. Б. Шелов. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956, стр. 193; А. И. Тереножкин. Об общественном строе скифов. СА, 1966, № 2, стр. 44 и др.

¹⁴ См., например: «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, выступления А. А. Рослякова и С. С. Черникова», «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957, стр. 45; Л. П. Лашук. О характере классового образования в обществах ранних кочевников. ВИ, 1967, № 1, стр. 108; Г. Е. Марков. Кочевники Азии. М., 1967, стр. 7. Автореф. докт. дисс.

¹⁵ Г. И. Семенов. Рабство в Казахстане в XV—XIX веках. ТИИАЭ АН КазССР, т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 164 и сл.; он же. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен

работы, в которых обосновывался тезис о том, что государства древних кочевников также не были основаны на рабстве¹⁶. Однако некоторые исследователи продолжали и продолжают думать по-иному. Одни из них просто полагают, что рабовладельческие отношения преобладали у древних кочевников, создавших свою государственность¹⁷. В то же время Ю. М. Кобищанов пишет: «Что касается сравнения земледельческого хозяйства с пасторально-кочевым, а также отгонно-скотоводческим, то именно при животноводстве, дающем больший простор развитию условнокрупного производства и товарно-депежных отношений, чем натуральное докапиталистическое земледелие, становится возможным относительно широкое применение рабского или полурабского труда»¹⁸. Поэтому целесообразно рассмотреть фактическую сторону проблемы, особое внимание обращая на древних кочевников, поскольку у них ведущая роль рабства постулируется наиболее часто.

Из всех евразийских кочевников древности господство рабовладельческих отношений наиболее часто усматривалось у скифов. В доказательство обычно следовали ссылки на античную традицию, якобы содержащую многочисленные свидетельства о распространённости рабства в Скифии. Однако это еще ничего не доказывает. Рабовладельческим можно назвать лишь такое общество, в котором рабство являлось основой производства.

К тому же на самом деле источники содержат не так уж много упоминаний о скифских рабах. И если из некоторых работ создается иное впечатление, то лишь потому, что вслед за греческими авторами многие современные исследователи рассматривали как рабов иные категории

п народов (на материалах Казахстана). «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 266.

¹⁶ А. М. Хазанов. О характере рабовладения у скифов. ВДИ, 1972, № 1; Д. Б. Шелов. Социальное развитие скифского общества. ВД, 1972, № 3; Археологія Української РСР, т. II, Київ, 1971, стр. 44.

¹⁷ А. П. Смирнов. Происхождение рабовладения. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970, стр. 130; О. І. Тереножкін. Класи і класові відносини у Скіфії. «Археологія», № 15, 1975, стр. 12.

¹⁸ Ю. М. Кобищанов. К вопросу о социально-экономических отношениях в средневековой Нубии. «Социальные структуры доколониальной Африки». М., 1970, стр. 104, примеч. 14.

зависимого населения, на самом деле рабами не являвшиеся¹⁹.

Согласно Геродоту (IV, 2), «всех своих рабов скифы ослепляют» и используют для переработки молока. Нельзя сказать, что все в этом известии ясно и понятно. Сомнительно, чтобы скифы ослепляли всех своих рабов поголовно, хотя Геродот на этом настаивает, повторяя свое известие дважды. Непонятной остается также причинная связь между ослеплением рабов и приготовлением молочных продуктов. О взбалтывании кобыльего молока для приготовления иппаки — популярного скифского блюда сообщает также Псевдо-Гиппократ (*de aere*, 25), по ослепленным рабам он при этом не говорит ни слова. Поэтому часто высказываются догадки, что утверждение Геродота основано на лингвистическом недоразумении, например на неправильной интерпретации скифского термина, обозначающего рабов. К тому же считается, что в этом месте в тексте пропало несколько строк, объясняющих, почему именно для взбалтывания молока требовалось ослеплять рабов²⁰.

Все же из рассказа Геродота можно извлечь определенную информацию. С одной стороны, из него явствует, что у скифов в рабство обращались военнопленные, с другой — что сфера применения рабского труда в кочевом хозяйстве была невелика и ограничивалась лишь некоторыми домашними работами.

В других частях своего скифского рассказа Геродот добавляет, что полон у скифов был довольно обильным (каждый сотый из пленных мужчин приносился в жертву богу Аресу; IV, 62), в то время как «покупных рабов у них вовсе нет» (IV, 72). Приписание рабов в жертву, как и любое другое нерациональное, с современной точки

¹⁹ Подробно об этом см.: А. М. Хазанов. Указ. соч., стр. 161 и сл.

²⁰ Ф. Мищенко. Слепые рабы у скифов. «Филологическое обозрение», т. XVIII, кн. 2. М., 1900; Комментарий к Геродоту в СС. ВДИ. 1947, № 2, стр. 257, примеч. 6; Д. Б. Шелов. Социальное развитие скифского общества, стр. 74; W. W. How, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1912, p. 303; *Hérodote. Histoires. Livre IV. Texte établi et traduit par Ph.-E. LeGrand*. Paris, 1949, p. 48, N 3; *Herodot. Historien. Übersetzt von A. Horneffer, neu herausgegeben und erläutert von H. W. Haussig*. Stuttgart, 1955, S. 684; H. Kothe. Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte. «Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischen Sicht». Berlin, 1968, S. 103 f.

зрения, их использование, само по себе еще не свидетельствует о неразвитости рабовладельческих отношений. Наглядным примером служат бои гладиаторов в Риме. Но и большое количество пленных тоже мало о чем говорит, поскольку неизвестно, как много из них кочевники оставляли для работы в собственном хозяйстве. Ведь пленных могли продавать за пределы Скифии или использовать каким-либо иным способом.

Более важными представляются слова Геродота об отсутствии у скифов покупных рабов, потому что они свидетельствуют о еще весьма неразвитых формах рабства. Этнографические материалы показывают, что покупное рабство, получая широкое распространение лишь в классовых обществах, в ограниченных размерах нередко встречается и в обществах, только лишь переживающих разложение первобытнообщинных отношений²¹.

Если в Скифии, которая, по моему мнению, к середине V в. до н. э. уже достигла рубежа государственности, не было купли-продажи рабов на внутреннем рынке, то это свидетельствует о существовании в ней еще весьма неразвитых форм рабства и косвенно — об отсутствии значительного спроса на рабскую силу.

Помимо рабов, у скифов в источниках упоминаются также рабыни, которым, в отличие от свободных скифских женщин, «достаточно лишь одного сообщения с мужчиною, чтобы сделаться беременными; это прямое следствие их трудовой жизни и сухости тела» (Ps. — Hipp., de aere, 28). Судя по термину αἱ οἰχέτιδες²² и контексту, речь скорее всего идет о домашних рабынях, возможно бывших одновременно наложницами своих господ.

Археологически наличие рабов у кочевых скифов прослеживается довольно плохо. Имеется всего несколько погребений, в которых с большей или меньшей уверенностью можно предполагать захоронения рабов. Практика насильственного захоронения рабов с умершими свобод-

²¹ См., например: *И. Вениаминов*. Записки об островах Уналаш-кинского отдела, ч. II. Спб., 1840, стр. 165; *Ю. П. Аверкиева*. Рабство у индейцев Северной Америки. М., 1941; «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 444; *J. H. Steward, L. C. Faron*. Native peoples of South America. N. Y.—Toronto—London, 1959, p. 243, 244.

²² Liddel-Scott, 1925—1932, s. v.

ными членами общества также не получила в Скифии широкого распространения.

Вероятно, значительно чаще рабов убивали при похоронах скифской знати. Геродот сообщает (IV, 71—72), что у скифов на царских похоронах убивают и кладут с царем в могилу одну из его наложниц, а также его виночерпия, повара, конюха, слугу и вестника. Через год после похорон убивают еще 50 слуг (*φεράποντες*) из числа прирожденных скифов, служащих царю по его приказанию. В скифских царских курганах встречаются захоронения мужчин, женщин и подростков, не имеющих особой могильной ямы, с неустойчивой ориентацией. Сопутствующий инвентарь или отсутствует, или очень беден. Скорее всего это погребения рабов и рабынь.

Что же касается ферапонтов, то ни анализ свидетельства Геродота, ни данные археологии не позволяют видеть в них настоящих рабов. Напротив, в них скорее надо видеть приближенных царя, например его дружинников²³. Факт их ухода из жизни вместе с царем ничего не определяет. Сравнительно-исторический материал дает сколько угодно примеров подобной смерти, добровольной или совершенной под давлением господствующих в данном обществе ценностных ориентаций.

При всех обстоятельствах убийство рабов при похоронах свободных скифов мало что говорит о характере рабовладельческих отношений в скифском обществе. Человеческие жертвоприношения при похоронах встречаются в самых различных обществах: у американских тлинкитов и майя, у полинезийцев, во многих африканских государственных образованиях, особенно в Дагомее, где человеческие гекатомбы исчислялись сотнями и даже тысячами душ, в Шумере, у скандинавов эпохи викингов и т. д. Системы эксплуатации в этих обществах были весьма различными и отнюдь не сводились только к рабству.

Таковы сведения о рабстве у скифов, которые можно извлечь из античной традиции и данных археологии. Они свидетельствуют о существовании в Скифии определенного количества рабов, но не дают достаточных оснований для столь частых утверждений о господстве в Ски-

²³ М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. ВЛУ, 1947, № 9, стр. 83; А. М. Хазанов. Указ. соч., стр. 163, 164.

фии рабовладельческих отношений. Напротив, то, что известно о бесспорных случаях рабства в самой Скифии, говорит скорее об ограниченном использовании рабского труда.

Вероятно, лишь часть военнопленных обращалась в рабов для работы в хозяйствах кочевых скифов. Другая — могла освобождаться за выкуп. Лукиан (Тох., 39) сообщает, что скифы выкупали своих пленных, а сарматы охотно отдавали их за выкуп. Выкуп у кочевников евразийских степей был достаточно распространенной практикой.

Можно предположить, что большую часть обращенных в рабство военнопленных продавали за пределы Скифии. Полибий (IV, 38, 4—5) свидетельствует, что в эпоху эллинизма окружающие Понт страны в числе прочих товаров доставляли грекам «огромное количество бесспорно отличнейших рабов». По Страбону (XI, 2, 3), азиатские и европейские кочевники привозили в Танаис рабов для обмена на товары, «свойственные цивилизованному образу жизни».

Конечно, эти свидетельства только частично могут относиться к скифам. Но письменные источники, керамические надписи и описи имущества гермакопидов содержат прямые упоминания о наличии в Греции рабов скифского происхождения. Уже со второй половины VI в. до н. э.²⁴ наиболее известны скифы-лучники — государственные рабы в Афинах, в период приблизительно с 477 до 378 г. до н. э. игравшие роль своеобразных полицейских²⁵.

И все же рабов-скифов было в Греции сравнительно немного. Правда, по вероятному предположению Б. Н. Гракова, часть рабов: даков, гетов, трибаллов, ставших обычными в Греции с V в. до н. э., также могла поставляться скифами²⁶, по общей картины это не меняет. Как показывают специальные исследования, вывоз рабов из Северного Причерноморья никогда не был особенно большим,

²⁴ Б. Н. Граков. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 232.

²⁵ A. Plassart. Les archers d'Athènes. «Revue des grecques», t. XXVI, N 117. Paris, 1943, p. 133 sq.; M. I. Finley. The Black Sea and Danubian regions and the slave trade in Antiquity, vol. 40. Klio, 1962, p. 52, 53.

²⁶ Б. Н. Граков. Скифы, стр. 29.

значительно уступая в этом отношении Фракии, Малой Азии и Сирии²⁷.

Сарматы, как и скифы, обращали в рабство военнопленных и поставляли их на античные рынки. В последние века до н. э. — первые века н. э. именно им стала принадлежать ведущая роль в работорговле в Северном Причерноморье. Уже на рубеже III—II вв. до н. э. имена рабов-скифов исчезают из греческих надписей. На смену им приходят имена сарматов и меотов²⁸. Овидий в изгнании смог близко познакомиться с сарматскими набегами и оставил их впечатляющее описание (*Tristia*, III, 10, 50—64). «Часть жителей уводятся в плен, тщетно оглядываясь на деревни и свои жилища, а часть гибнет жалкой смертью, пронзенная зазубренными стрелами, потому что в летучем железе имеется впитанный яд».

В 175 г. н. э. сарматы язиги, потерпев поражение, возвратили римлянам «100 тысяч пленников, помимо тех, которые были ими проданы, или умерли, или убежали» (*Cass. Dio*, LXXI, 15—16). Цифра весьма внушительная, хотя, вероятно, преувеличенная. Неясно только, как именно использовали язиги своих пленных. Не исключено, что подобная высокая концентрация их была временной.

Сарматы в некоторых случаях, может быть, продавали в рабство даже собственных детей. Плутарх (*de prov. alex.*, I, 10) оставил полуанекдотическое и не вполне понятное известие о том, что «савроматы на попойках продают дочерей». И у сарматов рабовладение в первую очередь было ориентировано на продажу. Аммиан Марцеллин (XXXI, 2, 25) даже утверждал про аланов, что «они не имели никакого понятия о рабстве». Это, конечно, преувеличение, но слова историка свидетельствуют об ограниченном распространении рабства. Известно, что

²⁷ Б. Н. Граков. Материалы..., стр. 290—291; В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 500—501, примеч. 11; В. А. Гольденберг. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира. ВДИ, 1953, № 1; Н. И. Сокольский, Д. Б. Шелов. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья в античную эпоху. «Проблемы истории Северного Причерноморья». М., 1959, стр. 52, 53; В. Д. Блаватский. О рабах-меотах. КСИА, вып. 116, 1969, стр. 68; ср.: В. И. Велков. Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. ВДИ, 1967, № 4, стр. 70 и сл.

²⁸ Б. М. Граков. Скифы. Київ, 1947, стр. 46.

аланы возвращали пленных за выкуп (Ios., VI, VII, 7, 4).

Данных о рабовладении у древних кочевников Средней Азии очень мало. Но известно, что эфталиты вели довольно обширную работорговлю, причем контингенты рабов пополнялись из завоеванного населения²⁹.

Хунну в результате своих набегов и войн с Китаем угоняли большой полон, причем, по сообщению Сыма Цяна, «взятых в плен делают рабами и рабынями»³⁰. В «Книге песен» — Шицзин имеются такие строки: «Ни семьи и ни дома нет больше... Беда — Это гуннская вторглась орда»³¹. Китайские источники полны известиями, подобными следующим: «Сюнну... ежегодно вторгались в пограничные земли, где убивали и захватывали большое количество людей и скота». Сюнну в округе Ляоси «угнали в плен свыше двух тысяч человек... После этого сюнну вторглись в (округ) Яньмынь, убили и угнали в плен свыше тысячи человек» (128 г. до н. э.). Сюнну «вторглись в округ Дай... и угнали в плен свыше тысячи человек (126 г. до н. э.). Осенью этого же года сюнну снова вторглись в (округ) Яньмынь, убили и угнали в плен более тысячи человек. На следующий год сюнну снова вторглись в округа Дай, Динсян и Шанцзюнь... убили и угнали в плен несколько тысяч человек». Осенью 124 г. до н. э. сюнну вторглись в округ Дай «и угнали в плен свыше тысячи человек»³². И так далее.

Иногда хунну отбирали женщин и детей у подчиненных племен за невыплату дани в срок. Так, в «Истории Поздней династии Хань» (Хоуханьшу) Фань Е говорится про ухуаней: «Кто не представлял ясака в срок, у тех отбирали жену с детьми»³³.

Имелось у хунну и какое-то количество покупных рабов. В 110 г. н. э. шаньюй хунну возвратил китайцам «захваченных в плен, а также захваченных цянми и перепроданных в сюннские земли мужчин и женщин, всего более 10 тыс. человек»³⁴.

²⁹ «История таджикского народа», т. I. М., 1963, стр. 408.

³⁰ В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну, вып. 1. М., 1968, стр. 41.

³¹ Шицзин. Избранные песни. М., 1957, стр. 181.

³² Там же, стр. 47, 51, 52.

³³ Н. Я. Вичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, стр. 144.

³⁴ В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну, вып. 2. М., 1973 стр. 89.

Итак, большое количество рабов у хунну, по крайней мере в периоды их усиления, не вызывает сомнений. Однако важного производственного значения в скотоводческом хозяйстве они не имели. Основными формами эксплуатации в государстве хунну были данничество, прямой военный грабёж и копртрибуция как его следствие, а в какой-то степени и палогообложение рядовых кочевников. Возможно, часть военнопленных-китайцев занималась земледелием и ремеслом³⁵: сведения об этом имеются в китайских источниках. Но рабское положение их вызывает сомнения. Известно, например, что в 10 г. н. э. хунну поселили пленных китайцев «отдельно на реке Линушуй для занятия земледелием»³⁶. Известно также, что хунну отпускали пленных за выкуп³⁷. Во всяком случае, сами китайцы констатировали, что «рабы и рабыни пограничных жителей печалются о своей тяжелой жизни, среди них много желающих бежать, и они говорят: «Ходят слухи, что у сюнну спокойная жизнь, по что поделаешь, если поставлены строгие караулы?» Несмотря на это, иногда они все же убегают за укрепленную линию»³⁸.

Вероятно, между скифами и хунну существовали некоторые различия в характере использования рабов. У скифов, соседивших с форпостами алтичной рабовладельческой цивилизации, наибольшее распространение получила продажа рабов на внешние рынки. Хунну, захватывавшие большую часть пленных в войнах с Китаем, пополняли ими различные категории зависимого и эксплуатируемого, но не рабского населения.

Европейские гунны во время войн и набегов захватывали огромное количество пленных. Часть из них они возвращали за выкуп, большую часть продавали римским торговцам, в основном на ежегодных рынках, некоторые военнопленные служили в армии под командой своих господ и иногда оказывались в состоянии выкупиться на волю за счет своей доли в добыче. Известен и другой случай, когда рабы убили своих господ на войне. В наказание их распяли (Prisc. Pan., fr. 8). Лишь немногие из

³⁵ Л. Н. Гумилев. Хунну. М., 1960, стр. 14; С. И. Руденко. Культура хуннов и Номунуляские курганы. М.—Л., 1962, стр. 29.

³⁶ В. С. Таскин. Материалы по истории сюнну, вып. 2, стр. 56, 57.

³⁷ Там же, стр. 54, 56.

³⁸ Там же, стр. 41.

рабов использовались в домашнем хозяйстве гуннов³⁹.

В средние века у кочевников существовали те же формы использования рабов, что и в древности. Прежде всего рабов продавали на внешнем рынке (на Востоке существовал устойчивый высокий спрос на рабов на протяжении всего средневековья⁴⁰, а кое-где и в новое время), в меньшей мере труд рабов использовали в домашнем хозяйстве, преимущественно аристократическом, изредка даже их приносили в жертву на похоронах. Иногда из рабов формировались военные дружины, которые аристократия кочевников, стремившаяся к усилению своей власти, противопоставляла племенным ополчениям, но и подобное использование рабов началось уже в древности⁴¹. К тому же и в средние века в евразийских степях такие дружины были скорее исключением, чем общим правилом, а главное, и статус подобных рабов-воинов существенно отличался от статуса рабов, занятых в производстве, и назвать подобный метод их использования экономическим можно лишь с большой натяжкой.

Гунно-болгарские племена Восточной Европы в V—VII вв. располагали большим количеством рабов из воеп-

³⁹ В. В. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР, М.—Л., 1941, стр. 39, 40; J. O. Maenchen-Helfen. The world of the Huns. Berkeley—Los Angeles—London, 1973, p. 39, 40.

⁴⁰ Тесные контакты с кочевниками при прочих благоприятных условиях иногда даже способствовали распространению рабства у оседло-земледельских народов, например в Китае в эпоху северных династий (*Wang Yi-t'ung*. Slaves and other comparable social groups during the northern dynasties (386—616). «Harvard Journal of Asiatic Studies», 1953, N 3—4, p. 293 sq.) или в Передней Азии после завоеваний арабов, сельджуков и монголов (И. П. Петрушевский. Применение рабского труда в Иране и сопредельных странах в поздние средневековье. (К проблеме рабовладельческого уклада в феодальных обществах Передней и Средней Азии). «XXV МКВ. Доклады делегации СССР». М., 1960; *он же*. К истории рабства в халифате VII—X веков. НАА, 1971, № 3. На Руси по целому ряду причин потрясения, вызванные татаро-монгольским нашествием, привели к увеличению роли холопства (А. А. Зимин. Холопы на Руси. М., 1973, стр. 273).

⁴¹ По свидетельству Помпея Трога про парфян (Just., XII, 2, 6—7), которое, правда, нередко вызывает сомнения, «войско у них состоит не из свободных, как у большинства народов, а по большей части из рабов». У тоба рабов иногда освобождали и делали воинами (Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 184). У европейских гуннов рабы, как уже отмечалось, также иногда привлекались к участию в войнах.

попленных⁴². Но они охотно освобождали их за выкуп, а в случае отказа выкупить пленных иногда угрожали их избиением⁴³. Рабство, очевидно, носило домашний характер. Известно, что рабы обзаводились семьями⁴⁴.

Древние тюрки в своих постоянных войнах порой брали многочисленный полон. Так, в 619 г. Чуло-хан в Бил-чжеу «забрал в городе всех жепцин и девиц и ушел»⁴⁵. Чеби-хан «часто выезжал для похищения людей и скота»⁴⁶. Пленных использовали в качестве домашней прислуги⁴⁷. Нередко их сажали на землю в специальных поселках и принимали с них дань продуктами земледелия и ремесла, вероятно продолжая в этом отношении старую традицию хунну. При описании владений Тюркского каганата в Восточном Туркестане в VIII в. н. э. в источнике сказано: «Малых городов считается до трехсот. Они населены китайцами, которых тукюесцы (т. е. тюрки. — А. Х.) увели в плен. Пленники еще говорят китайским языком»⁴⁸. Характер их эксплуатации не был рабским⁴⁹.

Хазары, по крайней мере в ранний период своей истории, большую часть рабов продавали соседям или сажали на землю в качестве зависимого населения⁵⁰. По-видимому, даже домашнее рабство было распространено в их среде не слишком широко. Во время вторжения в Албанию в 628 г. был отдан приказ: в случае неповиновения местного населения сохранять в живых только женщин и детей, обратив их в рабство⁵¹. Позднее хазары захватывали много пленных во время своих походов против печенегов, но продавали их в страны ислама⁵².

⁴² М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 99.

⁴³ Агафий. О царствовании Юстиниана. Пер. М. В. Левченко. М.—Л., 1953, стр. 162.

⁴⁴ Н. В. Пигулевская. Указ. соч., стр. 166.

⁴⁵ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 246.

⁴⁶ Там же, стр. 263.

⁴⁷ Масао Мори. Политическая структура древнего государства кочевников Монголии. «XII Международный конгресс исторических наук. Доклады». М., 1970, стр. 77.

⁴⁸ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 300.

⁴⁹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 54—55.

⁵⁰ М. И. Артамонов. История хазар, стр. 152.

⁵¹ «История агван Моисея Каганкатваца, писателя X в.» Пер. с арм. К. Патканьян. Спб., 1861, стр. 120, 121.

⁵² V. Minorsky. Hudul al'Alam. The regions of the world, a Persian geography 372 AN—982 AD. London, 1937, p. 160.

Мадьяры во время своего пребывания в Ателькузе, т. е. на территории степного Северного Причерноморья, очевидно между Днепром и Дупаем, совершали набеги на славян и русь, но, по сведениям источников, не оставляли захваченных пленников у себя, а продавали их в Византию⁵³.

Рабство внутри печенежского общества было развито очень слабо⁵⁴. Рабов иногда только использовали в качестве домашних слуг⁵⁵. Пленников продавали или отпускали за выкуп. Анна Комнина рассказывает один эпизод, когда «начальники скифов (т. е. печенегов. — А. Х.) хотели было убить пленных, которых содержали, по сходка никак не позволила этого, надеясь выдать их за деньги»⁵⁶.

По утверждению ал-Бекри, печенеги предоставляли военнопленным «на выбор, желают ли они остаться у них на условиях полной равноправности и (даже) поступления в брак у них, если того пожелают, или быть отправлены обратно в безопасное для них место»⁵⁷. Возможно, права С. А. Плетнева, полагающая, что отпущенные на свободу пленники становились зависимой категорией населения⁵⁸.

У огузов и туркмен IX—XIII вв. подавляющее большинство пленных продавалось соседним народам. Рабство имело домашний характер: рабы использовались в основном в качестве слуг, иногда из них формировались дружины ханов, эмиров и беков; рабыни обращались в наложниц и прислуг. В источниках нет свидетельств о применении труда рабов в скотоводческом хозяйстве⁵⁹.

В огузском эпосе неоднократно упоминаются рабы и рабыни, но только как домашние слуги, служанки и па-

⁵³ С. А. Macarthey. The Magyars in the ninth Century. Cambridge, 1930, p. 208; М. И. Артамонов. Указ. соч., стр. 346.

⁵⁴ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, стр. 193.

⁵⁵ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 220.

⁵⁶ Сокращенное сказание о делах Алексея Комнина (1081—1118). «Труд Анны Компиной», ч. I. Спб., 1859, стр. 334.

⁵⁷ А. Куник, В. Розен. Известия Ал-Бекри и других древних авторов о Руси и славянах, ч. I. Спб., 1878, стр. 60.

⁵⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 193.

⁵⁹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 128; С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969, стр. 110—112.

ложницы. В торжественных случаях их иногда отпускают на волю. Один из героев эпоса, попавший в плен, упоминает своих рабов, которые тоскуют по нему вместе с его отцом, матерью и сестрами⁶⁰.

У половцев рабство также оставалось домашним. Пленных старались продать или получить за них выкуп⁶¹. Город Судак в Крыму был важным центром сбыта половецкого полона. По словам Ибн-ал-Асира, «к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, и на них покупаются девушки и невольники»⁶².

Рабство было хорошо известно и монголам. Изредка рабы пасли скот⁶³, значительно чаще становились «слугами-холопами при табуне и кухне»⁶⁴. Во время своих завоевательных походов монголы захватили огромное количество рабов, но многие из них были проданы за пределы Монголии. По словам ан-Нувейри, после побед Чингисхана «дети тюрков и кипчаков были распроданы и купцы повезли их в разные стороны»⁶⁵.

Количество оставшихся пленных все равно превышало возможности их рабской эксплуатации. В надгробной надписи на могиле Елюй Чу-цай, советника Чингисхана и Угэдея, говорится: «В то время рабы, полученные князьями, сановниками и военачальниками, часто оставлялись в областях и проживали на половине Поднебесной. Поэтому его превосходительство в докладе императору предложил при переписи населения записать всех как (обычных) податных крестьян»⁶⁶. Но у монголов рабов использовали в домашнем хозяйстве⁶⁷, как ремесленников⁶⁸,

⁶⁰ «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962, стр. 22, 28, 31, 41, 45—47, 49, 58, 76, 79, 89, 97.

⁶¹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 189; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы. . ., стр. 221, 222.

⁶² В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Спб., 1884, стр. 26.

⁶³ С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941, стр. 82, 122.

⁶⁴ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 145.

⁶⁵ В. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 540; см. также: «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука». М., 1957, стр. 72.

⁶⁶ Н. Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965, стр. 78.

⁶⁷ С. А. Козин. Указ. соч., стр. 190.

⁶⁸ И. П. Петрушевский. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия: «Татаро-монголы в Азии и Европе». М., 1970, стр. 125; L. Olshki. Guilloume Boucher

иногда даже их приносили в жертву на похоронах⁶⁹.

У татар Золотой Орды рабов добывали в основном ради продажи в другие страны. Подчиненные страны при этом рассматривались как резервуар живого товара. После походов на Русь татаро-монголы «полونا много вземше»⁷⁰.

Летопись красочно описывает, как пленников «ведуще босы и без покровен в станы свое»⁷¹. Так, в 1252 г. летописец записал, что татары «в полон... люди бесчисла поведоша»⁷².

Выгоды от работорговли были столь велики, что продавали даже соотечественников, захваченных в междоусобных войнах, а в затруднительных ситуациях — и собственных детей⁷³. По свидетельству Рукн-ад-дин Бейбарса, после победы хана Токты над Ногаем «из жеп и детей их взято было в плен многое множество и несметное скопище. Они были проданы в разные места и увезены в [чужие] страны. В областях египетских султан и эмиры накупили множество людей, которых привезли туда купцы»⁷⁴.

С 1366 по 1397 г. в одной лишь Флоренции было продано 389 рабынь, 250 из них были татарками⁷⁵. В 1368 г. количество рабов, вывезенных из Северного Причерноморья в Италию, настолько увеличилось, что стали опасаться их восстания. Поэтому многих рабов начали перепродавать в другие страны⁷⁶.

Кроме того, важным потребителем рабской силы, преимущественно ремесленной, были золотоордынские города. Но в них рабы постепенно освобождались из своего состояния, пополняя прослойки зависимого населения. Показательно, что с упадком этих городов, наступив-

a French artist at the court of the khans. Baltimore. England, 1946, p. 5 sq.

⁶⁹ «Путешествия в восточные страны Плато Карпини и Рубрука», стр. 32—33.

⁷⁰ «Полное собрание русских летописей», т. I. Л., 1926, стб. 469.

⁷¹ Там же, стб. 464.

⁷² Там же, стб. 473.

⁷³ В. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 113, 114, 231, 235, 436; Е. Ч. Скржинская. История Таны (XIV—XV вв.). «Барбаро и Контарини о России». Л., 1971, стр. 53—56.

⁷⁴ В. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 114.

⁷⁵ Г. Харгт. Венецианец Марко Поло. М., 1956, стр. 114.

⁷⁶ И. В. Луцицкий. Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV—XV вв. Киев, 1886, стр. 12, 13.

ним в XV в., вновь расцвела уменьшившаяся было в XIV в. экспортная работоторговля⁷⁷.

По словам испанского путешественника Перо Тафура, посетившего Каффу в XV в., «в этом городе они продают рабов и рабынь в большем количестве, чем в любом месте мира»⁷⁸.

В то же время, по одному из свидетельств, хотя, очевидно, страдающему некоторым преувеличением, отношение к рабам передко было сравнительно мягким. «Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и держа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те, вооружившись, следуют за ними, честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору»⁷⁹.

Войны и набеги на соседние страны, одной из главных целей которых был захват рабов, стали повседневной практикой Крымского ханства. Только за десять лет, с 1607 по 1617 г., татары угнали из России не менее 100 000 человек, за первую половину XVII в. — не менее 150—200 000⁸⁰. Мухаммед-Гирей в XVI в. жаловался турецкому султану: «Невелишь пойти на московского и волошского [князя], чем быть сыту и одету»⁸¹. И опять же большая часть полона шла на продажу, во всяком случае расходовалась непродуцвительно.

По словам С. Герберштейна, после успешного похода 1521 г. Мухаммед-Гирей будто бы «увел с собой из Московии такое огромное множество пленников, что оно покажется вряд ли вероятным. Ибо говорят, что число их превосходило 800 000; отчасти он продал их туркам в Каффе, отчасти перебил, так как старики и немощные, которых нельзя было продать за дорогую цену и которые

⁷⁷ М. Г. Сафаргалиев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960, стр. 91; Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, стр. 83—85.

⁷⁸ Pero Tafur. Andancas è Viajes. Madrid, 1874, стр. 161—162 (цит. по: М. Г. Сафаргалиев. Указ. соч., стр. 91).

⁷⁹ С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIX вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив», вып. III. М.—Л., 1940, стр. 91.

⁸⁰ Д. Л. Якобсон. Крым в средние века. М., 1973, стр. 141.

⁸¹ Б. Е. Сыроечковский. Мухаммед-Гирей и его вассалы. «Ученые записки МГУ», вып. 61, 1940, стр. 14.

не пригодны к перенесению труда, отдаются татарами их молодежи, как зайцы щенкам, чтобы они учились на них первым опытам военной службы. Те же, которых продают, вынуждены служить рабами шесть лет, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удалиться из страны»⁸².

Согласно рассказу префекта Каффы Дортелли, вернувшись из набега, «победители делят их (невольников. — А. Х.) между собой... Затем их ведут в разные города Татарии. Там невольников выставляют напоказ... представляя на выбор любого покупателя... [Их] развозят в Константинополь, в Азию, в Европу, на Восток и на Запад»⁸³.

Домашним оставалось рабство у кочевых узбеков и казахов⁸⁴. Преобладал вывоз рабов, в том числе соотечественников, на внешние рынки. Рубехан писал: «Когда [один над другим] одерживает победу, то один другого продает [в рабство], а их имущество и скот забирает в качестве добычи. [Они] никогда не воздерживаются от этого [правила]. Если кто отвергает [подобное], говоря: «Зачем же ты продаешь [в рабство] собственный народ?», то на это удивляются и говорят: «Да этот человек на самом деле сумасшедший! Он брезгует военной добычей»⁸⁵.

Однако, по словам А. Левшина, рабы у казахов «почитаются товаром или вещьми и не принадлежат к киргизским (казахским. — А. Х.) поколениям, но состоят из пленных русских, персиян, калмыков и проч.»⁸⁶.

В самом Казахстане оставляли лишь небольшую часть из обращенных в рабство в результате войн и междоусобиц пленных, и то преимущественно женщин и детей. Рабы, как правило, выполняли домашние работы, скот пали редко. Иногда они участвовали в набегах и войнах⁸⁷.

⁸² С. Герберштейн. Записки о московитских делах. Спб., 1908, стр. 151.

⁸³ Э. Дортелли *д'Асколи*. Описание Черного моря и Татарии (1634 г.). «Записки Одесского общества истории и древностей», XXIV, 1902, стр. 124.

⁸⁴ С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVI—XIX веках. Алма-Ата, 1959, стр. 243, 396; Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков. М., 1965, стр. 85—88.

⁸⁵ Цит. по: Б. А. Ахмедов. Указ. соч., стр. 86.

⁸⁶ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 3. Спб., 1832, стр. 12, 13.

⁸⁷ С. С. Шашков. Рабство в Сибири. «Исторические этюды», т. II. Спб., 1872, стр. 152, 153; Ф. Зобнин. К вопросу о невольниках,

Рабское состояние во многих случаях было временным. По истечении определенного срока раб женился, обзаводился скотом и кибиткой и пополнял прослойку зависимого, но не рабского населения⁸⁸.

Еще меньше было распространено рабство у калмыков, хотя калмыцкая беднота в XVIII в. была вынуждена иногда продавать своих детей кубанцам, чтобы на вырученные деньги приобрести просо⁸⁹.

Таким образом, рабы никогда не являлись важной производительной силой в кочевых обществах евразийских степей.

Существует целый ряд причин, по которым рабовладение у кочевников никогда не могло стать ведущей формой эксплуатации. Главная из них заключается в самой специфике кочевого хозяйства, не требующего большого количества рабочих рук. Здесь вполне применимы слова К. Маркса, хотя они и были высказаны про иное общество, о том, что «в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота...»⁹⁰

У калмыков в XIX в. два пастуха выпасали стадо овец в 1000—1500 голов или 300 лошадей. У туркмен в недавнем прошлом стадо из 400—800 голов мелкого рогатого скота обслуживалось одним пастухом с подпаском⁹¹. В Монголии один человек мог управиться со стадом из 150—200 овец и даже из 500, если он имел коня;

рабах и тюленгутах в киргизской степи. «Памятная книжка Семипалатинской области на 1902 год», вып. VI. Семипалатинск, 1901; *Е. Бекмаханов*. О зависимых феодальных категориях — рабах и тюленгутах. (Первая половина XIX века). «Вестник АН КазССР», 1947, № 6 (27), стр. 46, 47; *Г. И. Семенюк*. Указ. соч., стр. 167, 178, 201 и др.

⁸⁸ *М. П. Вяткин*. Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 134, 135.

⁸⁹ *Н. Н. Пальмов*. Этюды по истории приволжских калмыков, ч. II. Астрахань, 1927, стр. 125.

⁹⁰ *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 327.

⁹¹ *И. А. Жигецкий*. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892, стр. 95, 96; *А. Оразов*. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX—начале XX в. (Доклад на VII МКЭН). М., 1964, стр. 4, 5; *Г. Е. Марков*. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1971, № 1, стр. 82.

два всадника — со стадом из 2000 голов. Один человек мог выпасать стадо из 150 лошадей⁹².

Для сравнения приведу данные по капиталистическим ранчо. В США один всадник управляется с 1000 голов крупного рогатого скота. В Австралии до 1850-х годов на одного человека приходилось от 300 до 1500 голов овец, позднее — до 2500 голов. В Аргентине на 1000 голов крупного рогатого скота в среднем приходится 2,5—3 человека, на 1000 голов овец и коз — 1,5⁹³.

В то же время потребность в дополнительной рабочей силе в кочевых обществах легко удовлетворялась за счет внутренних ресурсов. Во-первых, наличие общины обеспечивало определенные формы кооперации. Во-вторых, частная собственность на скот, существовавшая в любом кочевом обществе, и перманентная неустойчивость кочевого хозяйства приводили к тому, что в них всегда существовала прослойка неимущих и малоимущих лиц — *готовый объект эксплуатации*. Эти люди как работники имели целый ряд преимуществ по сравнению с рабами. Они были знакомы со спецификой скотоводческого труда, были гораздо более надежны, потому что чаще всего принадлежали к той же родственной группе, что и их работодатели, а эксплуатация их нередко прикрывалась традициями родовой взаимопомощи и т. д.

Наряду с этими основными причинами, ограничивавшими распространение рабства в кочевых обществах, имелся и целый ряд дополнительных. Пастыба скота — высококвалифицированный труд, требующий заинтересованности, инициативы и определенных профессиональных навыков. Труд чабанов у кочевников всегда был престижным и сравнительно неплохо оплачивался⁹⁴. Огузский средневековый эпос, в основном имеющий аристократический характер, вместе с тем воспеваает труд пастуха. «С наступлением темного вечера начинается твоя забота, пастух, в снег и дождь ты выходишь, пастух, много молока и сыру ты приготавлиаешь, пастух!»⁹⁵. Любопытно,

⁹² *Tomio Goto*. On the nomadic unit-groups of the East Mongols in the recent times. «Proceeding of the VIII th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences», vol. II. Tokyo and Kyoto, 1968, p. 95, 96.

⁹³ *A. Stricon*. The Euro-American ranching complex. «Man, culture and animals». Washington, 1965, p. 245.

⁹⁴ *А. Оразов*. Указ. соч., стр. 5, 6.

⁹⁵ «Книга моего деда Коркута», стр. 23.

что и в современном западном обществе труд ковбоев в престижном отношении оценивается гораздо выше, чем труд наемных сельскохозяйственных рабочих на земледельческих фермах.

Кроме того, раб, занятый пастьбой скота, мог найти благоприятный момент для бегства, и это обстоятельство опять-таки ограничивало возможности использования рабской силы. Недаром упоминания о рабах-пастухах так редко встречаются в источниках. Благоприятные условия для бегства, которые создавал кочевой образ жизни в целом, также являлись одним из факторов, ограничивавших распространённость рабства у кочевников. В «Юань ши» — одной из китайских летописей, описано положение, сложившееся во время монгольских походов в Китай. «В то время впервые была разгромлена Хэпань, пленных было очень много и при возвращении [монгольских] войск [на север] бежало семь-восемь [человек] из [каждых] десяти [пленных]»⁹⁶.

Правда, необходимо учитывать дополнительные потребности в рабочей силе для рытья и поддержания в порядке колодцев, водопоя скота, обработки продуктов животноводства и некоторые другие, в которых рабский труд находил себе определенное применение. Но в целом возможности продуктивного использования рабов у кочевников все же были значительно меньшими, чем в плужном или ирригационном земледелии.

Указанные причины действовали на протяжении всего времени существования кочевничества как особого хозяйственного типа. В этом отношении не паблюдается существенных различий между древними кочевниками, кочевниками средневековья или нового времени. Рабство, почти имманентно присущее кочевникам, никогда не было и не могло стать у них основой производства, а следовательно не играло важной роли в процессах классообразования и формирования государственности в кочевой среде.

Этот вывод можно распространить на любое экстенсивное скотоводческое хозяйство. Все попытки применять труд рабов на ранчо в обеих Америках в XVI—XIX вв. провалились, причем в качестве причин неудачи называются уже знакомые: неэффективность и дороговиз-

⁹⁶ Н. П. Мункуев. Указ. соч., стр. 192.

зна рабского труда, возможность побегов и т. д.⁹⁷ Когда в Кентукки в 1820-х годах распространились ранчо за счет табачных и конопляных плантаций, там немедленно появился излишек рабов⁹⁸.

Представляющиеся ошибочными выводы о господстве у кочевников в тот или иной период их истории рабовладельческих отношений в известной мере основаны на смешении рабства с иным видом зависимости — даннической. Это смешение совершается тем легче, что сами кочевники нередко называли данников рабами, а вслед за ними и древние и средневековые историки. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть специфику данничества у кочевников, особое внимание обращая опять-таки на древних помадов, поскольку именно у них оно наиболее часто принимается за разновидность рабства.

Даннические отношения в Скифии прослеживаются на протяжении почти всей ее истории. Уже в VII в. до н. э. многие государства Передней Азии попали в данническую зависимость от скифов (Нер., I, 106). После вынужденного возвращения в Северное Причерноморье скифы стремились установить (или восстановить) свое господство над местными племенами.

Рассказ Геродота об этих событиях (IV, 1, 3—4) имеет легендарный характер. «Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской; они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии... При всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву. Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: «Да что мы делаем, скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами становимся малочис-

⁹⁷ A. Strickon. Op. cit., p. 242, 243.

⁹⁸ P. C. Henlein. Gattle kingdom in the Ohio Valley 1783—1860. Lexington, 1959, p. 43, 69, 70.

леннее, вследствие потерь убитыми, и, убивая их, уменьшаем число своих рабов на будущее время. Поэтому я теперь предлагаю оставить конья и луки, а каждому взять конскую пагайку и идти на них: пока они нас видели с оружием в руках, они считали себя равными нам и одного с нами происхождения; но, когда они увидят у нас в руках пагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы, и в сознании этого не устоят против нас.

Услышав это, скифы привели совет в исполнение; рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство».

Первое, что бросается в глаза в этом рассказе, — его очевидная и поэтому давно подмеченная близость аналогичным рассказам о восстаниях рабов и их усмирениях, созданным греками и носящим ярко выраженный отпечаток рабовладельческой идеологии (ср.: *Her.*, VI, 83; *Just.*, III, 4, 8; VIII, 3). Никто сейчас, кажется, не сомневается, что сам рассказ оформился в среде греческих поселенцев в Северном Причерноморье. Однако считать его чистым вымыслом трудно. Скорее всего в нем содержится намек на реальный конфликт, происшедший где-то в конце VII или начале VI в. до н. э.

Лишь отдельные исследователи думают, что у Геродота действительно речь идет о восстании рабов, коллективных или частных⁹⁹. Большинство же полагает, что в рассматриваемой новелле отразились события, связанные с подчинением вернувшимся из Передней Азии скифами местных племен¹⁰⁰. При этом нет никаких оснований следовать за древними греками, которые, естественно, восприняли установившуюся в результате этого подчинения зависимость как рабскую, в рамках привычных для себя категорий.

⁹⁹ А. П. Смирнов. Скифы, стр. 144.

¹⁰⁰ М. И. Ростовцев. Эллинизмо и пранство на юге России. Пг., 1918, стр. 33; И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. М., 1959, стр. 110; А. Н. Щеглов. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». Л., 1968, стр. 333; В. А. Ильинская. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968, стр. 333; А. М. Хазапов. Указ. соч., стр. 162; Д. Б. Шелов. Социальное развитие скифского общества, стр. 74.

По-видимому, рассказ о восстании потомков скифских рабов следует сопоставлять с Геродотовым же описанием царских скифов, самых лучших и многочисленных и «считающих прочих скифов своими рабами» (IV, 20), или с упоминанием Плиния (NH, IV, 80) про неблагородных, рабского происхождения скифов-троглодитов. Подобные свидетельства отражают сложный характер скифского объединения, в котором одни племена находились в зависимости от других, причем степень этой зависимости могла варьировать.

По Страбону (VII, 4, 6), зависимость земледельцев от кочевых скифов была не слишком обременительной. «Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани; предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением установленной умеренной дани, не для наживы, а для удовлетворения ежедневных жизненных потребностей; в случае же неуплаты денег данниками начинают с ними войну».

Афиней (XII, 27) со ссылкой на ученика Аристотеля — Клеарха Солийского рассказывает о значительно более суровых формах зависимости. «Сначала один только скифский народ пользовался общими законами; затем они снова сделались „несчастнейшими из всех смертных“, вследствие своих насильственных поступков: они предались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния... Они дошли до такой степени жестокости, что у всех людей, с которыми вступали в сношения, стали обрезать концы носов; их потомки, удалившиеся с родины, до сих пор носят название, заимствованное от этого несчастья. А женщины их татуировали тела женщин фракийцев, живших вокруг них к западу и к северу, накалывая рисунки булавками... Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило и в последующих поколениях, что значило выражение „от скифов“».

Нередко полагают, что у Клеарха Солийского речь идет о жестоких формах рабства, но он прямо говорит, что покоренные жили вокруг скифов к западу и северу. Следовательно, рабство в данном случае исключается.

Даннические отношения получили широкое распространение не только у скифов, но и у других кочевников

свразийских степей. Хунну в периоды своего усиления получали регулярную дань в виде ремесленных изделий и продуктов земледелия с Китая, которую китайцы стыдливо называли «подарками»¹⁰¹. Впрочем, представители хунну даже не всегда считали нужным сохранять видимость добровольности, заявляя: «Ханьский посол, не говори лишнего, заботься лучше о том, чтобы шелковые ткани, шелковая вата, рис и солод, которые хапцы посылают сюнну, были в достаточном количестве и непременно лучшего качества. К чему болтать? Если поставляемого будет в достатке и лучшего качества, то на этом все кончится, но при пехватке или скверном качестве осенью, когда созреет урожай, мы вытопчем ваши хлеба конницей»¹⁰².

Данью облагались и другие земледельческие страны¹⁰³. Так, Хотан платил дань шерстяными и бумажными тканями¹⁰⁴. Подчиненные кочевые племена также были обложены различными повинностями. Например, ухуапи поставляли хунну кожи, овчишы и полотно¹⁰⁵. Кроме того, кочевники и владения Западного края поставляли вспомогательные войска¹⁰⁶, усуни и Давань были обложены почтовой повинностью¹⁰⁷ и т. д.

Среди кочевников Средней Азии также были широко распространены даннические отношения (Strabo, XI, 8, 3). Усуни, усилившись, подчинили себе многие владения, в том числе окрестные города¹⁰⁸. Большие юэчжи подчинили владение Дахя¹⁰⁹. В зависимости от Кангюя находился ряд кочевых и оседлых владений¹¹⁰.

Аналогичная картина наблюдалась и в Европе. Например, римляне при Адриане платили дань роксоланам (SHA. Adrian., 6). Позднее европейские гунны не

¹⁰¹ В. С. Таскин. Указ. соч., вып. 1, стр. 42, 45, 48, 50, 57; вып. 2, стр. 22, 64.

¹⁰² Там же, вып. 1, стр. 46, 47.

¹⁰³ Там же, вып. 2, стр. 126; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 216, 218.

¹⁰⁴ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 233.

¹⁰⁵ В. С. Таскин. Указ. соч., вып. 2, стр. 54; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 144.

¹⁰⁶ В. С. Таскин. Указ. соч., вып. 2, стр. 125; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 214.

¹⁰⁷ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 155, 161, 190—191.

¹⁰⁸ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 155, 190.

¹⁰⁹ Там же, стр. 183—184.

¹¹⁰ Там же, стр. 186, 229.

только грабили римлян, но и систематически облагали их разорительной данью (Prisc. Pan., fr. 5). Платили дань и побежденные племена, многие из которых к тому же вынуждены были участвовать в гуннских набегах и походах (Iord., Get., 198—201).

Конечно, данничество и связанные с ним формы зависимости, существовавшие в скифском и других кочевых обществах древности, не остались незамеченными. Различные исследователи писали о них довольно много. Но нередко их пытались представить как разновидность рабства. В результате данничество и подвластность одних племен другим стало выглядеть как завоевательное рабство типа илотов и т. п.¹¹¹

Однако на самом деле данничество не тождественно рабству, хотя в некоторых случаях в дифференцированном виде обладает сходными с ним чертами, а является особой неклассической формой эксплуатации. Чтобы убедиться в этом, следует обратиться к его генезису.

Подобно рабству, данничество и близкие к нему формы эксплуатации, заключающиеся в том, что зависимые группы отдают часть произведенного продукта и выполняют иные повинности в пользу более сильной группы, возникают в эпоху разложения первобытного общества и генетически связаны с первоначально институционализированным военным грабежом и контрибуцией.

Различия между данничеством и рабством весьма отчетливы. Во-первых, данничество — вид коллективной, а не индивидуальной зависимости; во-вторых, находящиеся в такой зависимости группы сохраняют обычно свою экономическую и социальную структуру, хотя чаще всего и в несколько трансформированном виде; в-третьих, положение данников, обладающих собственным хозяйством и собственной социальной организацией, обычно значительно легче положения рабов.

Достаточно заметно даже отличие данничества от коллективного рабства, если последний термин вообще имеет

¹¹¹ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, стр. 185, 186; Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре, стр. 14, 21—23; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 42—43; А. П. Смирнов. Скифы, стр. 144; А. А. Нейхардт. Рабство в греческих городах южного побережья Понта. «Рабство на периферии античного мира». Л., 1968, стр. 145.

право на существование. В данном случае данников отличает неинтегрированность в социоэкономическую структуру господствующей группы. Например, у германцев с начала новой эры отмечаются войны, в результате которых подчиненные племена становились в зависимое положение по отношению к победителям¹¹². О характере такой зависимости дают представление следующие факты. Свобы требовали от подчиненных племен пеших и конных подкреплений (Caes., de bel. Gal., VI, 10), котины и осы уплачивали дань квадам и сарматам, а котины сверх того добывали для них железо (Tac., Germ., 43) и т. д.

Только в ходе дальнейшего развития, в классовом обществе данники по своему положению и характеру эксплуатации постепенно сближались с основными категориями зависимого населения, по их своеобразию при этом нередко сохранялось очень долго. Так, в античном мире коллективная форма эксплуатации и различная степень отчуждения подчиненных групп от средств производства приводили к тому, что положение их и с правовой и с фактической стороны выглядело весьма своеобразно, сочетая черты рабства и крепостничества с коллективной формой зависимости даннического типа.

Не в данной статье подробно обсуждать те формы зависимости, которыми определялось положение илотов в Спарте, мноитов и войкеев на Крите, мариандинов в Гераклея Понтийской или пенестов в Фессалии. И все же не могу не заметить, что если их нередко и считают рабскими, то в известной мере потому, что они отмечены в том регионе, где господствовали рабовладельческие отношения, и в тот период, когда они господствовали.

Даже среди греков, обычно рассматривавших их сквозь призму рабовладельческой идеологии, находились такие, которые отмечали, что «среднее положение между свободными и рабами занимают лакедемонские илоты, фессалийские пенесты, критские клароты и мноиты, дорофоры мариандинов, аргосские гимнеты, сикионские коринефоры» (Pollux., Onomast., III, 83).

Специальные современные исследования также показывают отличие их положения и статуса от собственно рабского¹¹³. «Несомненно, крепостное право и зависи-

¹¹² E. A. Thompson. The early Germans. Oxford, 1965, p. 69, 70.

¹¹³ См., например: К. И. Колобова. Войкеи на Крите. ВДИ, 1957, № 2; А. А. Нейхардт. Указ. соч., стр. 137 и сл.; Т. Д. Злат-

мость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, — писал Энгельс, — мы находим их всюду или почти всюду, где завосватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю...»¹¹⁴

Но если нельзя считать рабами илотов или пенестов, то тем более нет никаких оснований сблизать с ними зависимые от кочевников племена и народы. Источники, во всяком случае, не дают для этого никаких оснований. Напротив, они позволяют полагать, что зависимые племена сохраняли в основном свой прежний образ жизни и многие формы своей социальной организации, а зависимость их выражалась главным образом в уплате дани и некоторых иных повинностях. Обозначение даннической зависимости как рабской, характерное и для греков, и для скифов, и для многих других кочевников, таковой ее еще не делает. Оно может служить лишь для характеристики некоторых идеологических представлений правящей группы.

Например, археологический материал свидетельствует о том, что земледельческое население Скифии в лесостепной, а отчасти даже в степной зонах знало имущественное неравенство и социальную дифференциацию; у него была своя аристократия, воинская прослойка, в образе жизни подражавшие кочевникам, городища с мощными укреплениями — племенные центры и убежища. Все это вполне совместимо с даннической зависимостью, но очень плохо увязывается с представлениями об илотии или рабстве, будь то «коллективном» или индивидуальном, юридическом или фактическом.

В Европе на протяжении многих столетий стабильно существовал тип кочевых объединений, в которых одно племя доминировало над другими, находившимися от него в даннической зависимости. И так же прочно удерживалась идеология главенствующего племени, рассматривавшего остальных как своих рабов. Нередко дошедшая до нас в греко-римской интерпретации, она сбивала отдельных исследователей на поиски рабовладельческих отно-

ковская. О формах эксплуатации в европейских раннеклассовых обществах. Фракия. ВИ, 1968, № 7, стр. 108—110; она же. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971, стр. 138 и сл.; И. С. Свенцицкая. К вопросу о положении ААОИ в царстве Селевкидов. ВДИ, 1971, № 1, стр. 11—12.

¹¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 112.

шений у древних кочевников. Но при ближайшем рассмотрении нетрудно убедиться, что на самом деле под рабством имеется в виду всего лишь зависимость даннического типа.

С одной стороны, помимо царских скифов, известны царские язиги (Strabo, VII, 3, 17; App., Mithr., XII, 67, 2), царские сарматы (Ptol., V, 8, 16), впоследствии — царские гуны, по традиции именуемые скифами (Prisc. Pan., fr. 1). И. В. Пьянков допускает наличие в Средней Азии царских саков¹¹⁵. С другой — на примере одного из сарматских племенных объединений, язигского, видно, какой характер отношений преобладал между господствующим и остальными племенами объединения.

Язиги, оказавшись в дунайском междуречье, к концу I в. н. э. подчинили местное оседлое население, которое обязано было уплачивать им дань (Tac., Germ., 43). Подчинение земледельческих племен кочевым в язигском объединении, очевидно, сохранялось до IV в. н. э., когда в 358 г., в последние годы правления Константина I, в нем произошел раскол. Зависимое племя (или племена) сарматы-лимиганты восстали против господствующего племени сарматов-аргарагантов и изгнали их из своих областей (Amm. Marc., XVII, 12, 18; Euseb., Vita Const., IV, 6, 1—2; Anon. Vales., 32; Hieronym., Chron., a. 2350).

Все римские авторы, писавшие об этом восстании, называют сарматов-лимигантов рабами, и вслед за ними так же поступают некоторые современные исследователи¹¹⁶. Однако наиболее полное описание событий, содержащееся у Аммиана Марцеллина, не оставляет сомнений в том, что на самом деле лимиганты были земледельческим племенем или племенами, сохранявшими свою внутреннюю автономию и лишь обязанными кочевникам определенными повинностями.

Та же самая традиция наблюдается и в средние века. Про аланов и утигуров древние тюрки говорили: «Они в подданстве у нас стали нашими рабами»¹¹⁷. Половцы, победившие торков-огузов, считали их своими рабами¹¹⁸.

¹¹⁵ И. В. Пьянков. «Саки» (содержание понятия). «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», № 3 (53), 1968, стр. 15, примеч. 19.

¹¹⁶ В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 115, примеч. 2.

¹¹⁷ Византийские историки. Пер. С. Дестуниса. Спб., 1860, стр. 420.

¹¹⁸ С. Г. Агаджанов. Указ. соч., стр. 159, примеч. 3.

Монголы рассматривали как рабов половцев¹¹⁹. Киргизские роды и племена делились на основные и подчиненные, «рабские». К основным относились чисто киргизские, к подчиненным — «породческие»¹²⁰.

На самом деле по-прежнему очень широко были распространены даннические отношения. Владения Восточного Туркестана платили дань жуаньжуаням¹²¹, а тюрки добывали для них железо¹²². Древние тюрки получали большую дань от Китая, и Тобо-хаи говорил: «Только бы на юге два мальчика (Чжоу и Ци) были покорны нам: тогда не нужно бояться бедности»¹²³. Половцы получали дань от таких городов, как Судак и Тмутаракань¹²⁴. На данничестве базировались отношения Золотой Орды с завоеванными земледельческими странами¹²⁵. Казахские ханы и султаны временами взымали дань с сырдарьинских городов¹²⁶.

Таким образом, в отношении данничества многие племенные объединения и государственные образования средневековых кочевников в евразийских степях продолжали традицию предшествующего времени. В первую очередь данниками становилось подчиненное оседло-земледельческое население, но и покоренные господствующим племенем или племенами кочевники попадали в зависимость, в типологическом отношении близкую к даннической. Именно данничество, а не рабство являлось ведущей, хотя, разумеется, не единственной¹²⁷, формой эксплуатации в раннеклассовых государственных образо-

¹¹⁹ С. А. Аннинский. Указ. соч., стр. 88—89; ПСРЛ, т. X, стр. 90.

¹²⁰ С. И. Ильясов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Киргизии. «Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», стр. 48.

¹²¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. II, стр. 247.

¹²² Там же, т. I, стр. 221, 228.

¹²³ Там же, стр. 233.

¹²⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды, стр. 77.

¹²⁵ Там же, стр. 26, 27.

¹²⁶ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II. Спб., 1832, стр. 80—88; А. Добросмыслов. Материалы по истории России, т. II. Оренбург, 1900, стр. 61; он же. Города Сыр-Дарьинской области. Ташкент, 1912, стр. 110—111; Б. А. Пищулина. Присырдарьинские города и их значение в истории казахских ханств в XV—XVII веках. «Казахстан в XV—XVIII веках». Алма-Ата, 1969, стр. 13 и сл.

¹²⁷ Подробнее см. статью А. И. Першица в настоящем сборнике.

ваниях, созданных скифами, хунну, древними тюрками, хазарами и т. д.

Таким образом, данничество способствовало общественной дифференциации, ускоряло развитие общества. В то же время широкое развитие данничества у кочевников само становилось фактором консервации в их среде примитивных раннеклассовых отношений, потому что внешняя эксплуатация превалировала над внутренней: использование племенной организации в качестве орудия военно-политического господства над иноплеменниками ограничивало возможности эксплуатации соплеменников со стороны господствующей верхушки кочевников¹²⁸, хотя, конечно, и такая эксплуатация имела место.

Дальнейшее развитие требовало иных форм эксплуатации, а это было возможно только в результате более тесной интеграции кочевников и земледельцев в рамках одного государства. Именно в тех кочевых обществах, которые пошли по такому пути развития, и наблюдается дальнейшее, более полное развитие классовых отношений.

¹²⁸ А. И. Першиц. Данничество. «IX МКАЭН. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 6.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛАССООБРАЗОВАНИЯ И РАННЕКЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

А. И. Першиц

Все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством; их жилища — в кибитках. Как же такому народу не быть неодолимым и неприступным?

Herod., IV, 46

Вопрос об особенностях классовобразования в обществах кочевых скотоводов, равно как и тесно связанная с ним проблема специфики их общественного строя, принадлежит к числу старых вопросов исторической социологии. В прошлом он решался, как правило, однозначно: господствовало мнение, что кочевые народы вообще не в состоянии подняться над уровнем варварских родо-племенных отношений. Правда, еще в XVIII в. А. Фергюсон и А. Смит высказывали мнение, что, поскольку скот, вероятно, рано стал частной собственностью, в обществах, перешедших к кочевничеству, должно было ускориться социальное расслоение и становление политических институтов. Однако этому предположению было вскоре противопоставлено авторитетное суждение Гегеля, который в своей «Философии истории» отнес кочевников к так называемой второй доисторической ступени развития с ее еще неглубокими, не требующими политического устройства социальными противоречиями. В дальнейшем в науке надолго утвердилась концепция бесклассовости скотоводческих обществ. В России ее придерживались все крупные исследователи Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, в частности Г. Н. Потанин, А. Н. Харузин, Н. И. Гродеков,

Н. А. Аристов¹. За рубежом это мнение господствует до наших дней. Отметим, например, что американский арабист Р. Патаи пишет об отсутствии социальной дифференциации у бедуинов Передней Азии, американские этнографы А. Хэдсон и Э. Бэкон — о бесклассовом строе хезарейцев, бельгийская исследовательница Улленис де Шоотен — о духе братства и равенства, царящем в кочевьях кашкайцев², английский африканист Л. Бриггс — об отсутствии отношений эксплуатации у туарегов Сахары и т. д. Эта же концепция характерна и для современной западной философии исторического процесса: в «Исследовании истории» А. Тойнби кочевые общества выступают как недифференцированные организмы, целиком противостоящие соседним оседло-земледельческим обществам³.

Лишь о немногих скотоводческих обществах уже в до-революционной русской литературе, а также в некоторых старых и новых зарубежных работах иногда говорится как о классово (или сословно) дифференцированных. Однако в этих случаях мы, как правило, встречаемся либо с самой общей констатацией факта, либо с попытками объяснить подобную аномалию исключительно внешними влияниями⁴.

¹ Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. I—IV. Спб., 1883; А. Н. Харузин. Киргизы Букеевской орды. «Антропологические очерки», вып. I. М., 1883; Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, I. Юридический быт. Ташкент, 1889; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. ЖС, 1896, 3—4.

² R. Patai. Nomadism Middle Eastern and Central Asian. SWJA, 1951, vol. 7, N 4; A. Hadson, E. Bacon. Social control and the individual in Eastern Hasara culture. Menasha, 1941; M. T. Ullens de Shooten. Lords of the mountain. Southern Persia and the Kashkai tribe. London, 1956; L. C. Briggs. Tribes of the Sahara. Cambridge, 1960.

³ И. Я. Златкин. Концепции истории кочевых обществ А. Тойнби и историческая действительность. «Современная историография стран зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития». М., 1971.

⁴ См., например: М. Ковалевский. Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом, вып. I. Спб., 1911; М. И. Ростовцев. Эллинизм и пранство на юге России. Пг., 1918; A. Duveyrier. Les touareg du Nord. Paris, 1864; O. Lattimore. Prince, priest and herdsman in Mongolia. PA, 1935, vol. 8, N 1; L. Kraeder. Social organization of the Mongol-Turkish pastoral nomads. The Hague, 1963.

Серьезная разработка проблемы общественного строя кочевых скотоводов началась только в советской науке, постепенно углубляясь по мере овладения ею марксистской методологией. Работа в этой области развернулась еще в 1920-х годах, когда задачи социалистического строительства у отсталых в прошлом народов советского Востока потребовали исследования особенностей их социальной организации. В публикациях тех лет, с одной стороны, продолжал развиваться традиционный тезис о бесклассовости кочевнических обществ⁵, с другой — было выдвинуто положение о существовании у кочевников законченных классовых отношений⁶. Некоторые исследователи пытались найти и третье решение вопроса, в общем виде характеризующее общественный строй кочевников как раннеклассовый⁷.

Дискуссии 1920—начала 1930-х годов положили конец господству концепции бесклассовости скотоводческих обществ, но оставили без ответа теоретические вопросы специфики общественных отношений в скотоводческом кочевье. Более глубокое изучение этих вопросов относится к 1930-м годам, когда они поднимаются в трудах Б. Я. Владимирцова, С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского, Л. П. Потапова, С. А. Токарева, П. П. Иванова и других исследователей.

Законченный в 1931 г. труд Б. Я. Владимирцова о социальном строе монголов был первой в мировой науке капитальной монографией, в которой теоретически осмысливался процесс становления и развития классовых, феодальных отношений в одном из крупнейших обществ кочевых скотоводов. Основу этих отношений Б. Я. Владимирцов видел в феодальной собственности на пастбища и скот, а кочевническую специфику — в фактическом праве феодала распоряжаться пастбищами и руководить кочеванием. Менее отчетливо представлял себе автор характер собственности на скот: по его мне-

⁵ А. П. Чулошников. Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен, I. Оренбург, 1924; А. Соколовский. Казахский аул. Ташкент, 1926.

⁶ Буров-Петров. На борьбу с байством и манапством. Фрунзе, 1927; П. Погорельский и В. Ваграков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.

⁷ П. Кушнер (Кнышев). Горная Киргизия. Социологическая разведка. М., 1929.

нию, рядовые кочевники сами владели скотом, но так как они должны были подчиняться своим сеньорам и платить повинности, они больше походили на пастухов чужих стад. Недостатком работы также было то, что автор недооценил роль дофеодальных элементов в монгольском обществе и даже не задался вопросом об их роли в системе отношений, названных им «кочевым феодализмом»⁸.

Другой важной вехой в разработке проблемы было обсуждение в 1933 г. на пленуме ГАИМК доклада С. П. Толстова о генезисе феодализма в кочевых скотоводческих обществах. По С. П. Толстову, кочевые общества, проходя, подобно своим оседлым соседям, стадию рабовладения, но не поднимаясь, в отличие от них, выше примитивной военно-рабовладельческой демократии, развивают у себя особый, кочевой, вариант феодализма. Главное в нем то основное зерно, из которого вырастает вся его система, — саунные отношения, находящие ближайшую аналогию в прекарии классического феодализма. Но саунные отношения — феодализованная форма родовой взаимопомощи, и поэтому феодализм в кочевом скотоводстве навсегда остается сопряженным с остатками родовой организации. Сохранению последней способствует и то обстоятельство, что кочевничество не создает достаточно прочных территориальных связей. Наиболее сложен вопрос о характере феодальной собственности на землю. В неприкрытом виде она существует только в сопутствующем скотоводству земледелии. В собственно скотоводческом хозяйстве собственность на пастбища номинально остается родо-племенной, но фактически принадлежит тем, кто монополизировал собственность на скот⁹. Таким образом, если для Б. Я. Владимирцова феодальное землевладение непосредственно совпадает с фактическим правом распоряжения пастбищами, то для С. П. Толстова оно опосредовано отношениями скотовладения.

Сходные взгляды по вопросу об отношениях собственности и эксплуатации в кочевых обществах были высказаны в те годы и другими советскими исследовате-

⁸ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

⁹ С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, вып. 103, 1934.

лямп. Так, Л. П. Потапов отмечал, что у южных алтайцев существовала феодальная собственность на землю и скот, но при наличии земельного простора главным средством производства и основой эксплуатации был скот. С. А. Токарев, также отправляясь от алтайского этнографического материала, писал, что земельное право кочевников по форме оставалось общинным, а по существу санкционировало собственность феодалов, и связывал это с тем обстоятельством, что для скотоводов захват земли был производным моментом, выросшим из накопления скота¹⁰.

В 1940-х годах проблема специфики общественного строя кочевых скотоводов продолжала разрабатываться в основном в плане наметившейся ранее концепции взаимодействия дофеодальных и феодальных отношений. Вместе с тем в работах этого времени делаются заметные шаги в направлении сближения кочевой и оседлой моделей феодализма. М. П. Вяткин четко сформулировал мысль, что основным условием производства у кочевых скотоводов, как и у оседлых земледельцев, была земля. В. С. Батраков указал на аналогию между пастбищной общиной кочевников и земельной общиной оседлых. Л. П. Потапов выдвинул положение, что переплетение патриархальных и феодальных отношений было характерно лишь для ранних стадий феодализма в кочевнических обществах¹¹. Свое общее выражение эта тенденция получила в отказе от термина «кочевой феодализм» и замене его термином «патриархально-феодальные отношения». Накопление и осмысление материала по социальным отношениям у кочевников позволило в 1950-х годах еще раз вернуться к вопросу о характере феодализма в кочевых скотоводческих обществах. Наиболее оживленное

¹⁰ Л. П. Потапов. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933; С. А. Токарев. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л., 1936.

¹¹ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. Л., 1941; он же. Батыр Срым. М.—Л., 1947; В. С. Батраков. Особенности феодализма у кочевых народов. «Научная сессия АН УзССР 9—14 июля 1947 г.» Ташкент, 1947; Л. П. Потапов. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников. КСИЭ, вып. III, 1947; он же. Ранние формы феодальных отношений у кочевников. «Записки Хакасского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории», вып. I. Абакан, 1947.

обсуждение этой проблемы приходится на середину десятилетия, когда оно развернулось на страницах журнала «Вопросы истории». Одновременно состоялось ее обсуждение в Ташкенте на Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Дискуссии выявили две принципиально различные точки зрения. Согласно одной из них, разделяемой большинством советских исследователей, основу феодализма у кочевых скотоводов составляла собственность на пастбища, реализующаяся в прямых формах натуральной ренты; согласно другой — такой основой являлась собственность на скот, а ведущей формой эксплуатации — саунные отношения. Дискуссия вновь привлекла внимание к проблеме специфики общественного строя кочевых скотоводов и показала необходимость дальнейшего исследования присущих им форм собственности и эксплуатации¹².

С конца 1950-х годов вышло в свет большое число монографий, целиком или в значительной части посвященных социально-экономическому строю кочевников Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, а также и некоторых зарубежных стран¹³. В большинстве из них высказывается мысль о том, что пастбища у кочевников-скотоводов играют такую же экономическую роль, как и

¹² Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955; О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения). ВИ, 1956, № 1.

¹³ С. З. Зиманов. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958; С. Е. Толыбеков. Общественно-экономический строй казахов в XVI—XIX вв. Алма-Ата, 1959; А. Е. Еренов. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961; К. И. Петров. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV—XVIII вв. Фрунзе, 1961; К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX в. — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961; С. И. Ильясов. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX—начале XX в. Фрунзе, 1963; В. Ф. Шапматов. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964; Б. Ширендыб. Монголия на рубеже XIX—XX вв. Улан-Батор, 1964; Л. П. Потанов. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; С. И. Вайнштейн. Историческая этнография тувинцев. М., 1972, и др.

обрабатываемые земли у оседлых земледельцев, и соответственно преобладает тенденция к сближению кочевого и оседлого вариантов феодализма. Логическим завершением последней явились положение И. Я. Златкина о том, что кочевники и оседлые одновременно проходят одни и те же стадии развития феодализма¹⁴, и предложение Л. П. Лашука отказаться от понятия «патриархально-феодальные отношения» и пользоваться применительно к общественному строю кочевников, в зависимости от степени его развития, терминами «прафеодальный» и «феодальный»¹⁵. Реакция на эту тенденцию сказалась в некоторых других работах 1960—1970-х годов, авторы которых, выступая против недооценки особенностей кочевых обществ, вообще отказались от их трактовки как сложившихся классовых обществ. Так, С. Н. Алитовский на иракском и А. М. Васильев на арабийском материале постарались показать, что разложение патриархально-родового строя у арабских бедуинов даже к концу нового времени не пошло дальше доклассовых форм дифференциации¹⁶. Г. Е. Марков в обобщающей работе о кочевниках Азии выдвинул положение, что общественный строй кочевых скотоводов на всех этапах их истории был особой системой, характеризуемой сочетанием таких признаков, как частная собственность на скот и племенная собственность на пастбища, эксплуатация наемного труда пастухов и военной силы соплеменников, недоразвитость сословно-классовых отношений и племенная организация. В другой, несколько более поздней, работе этот же автор рассматривает кочевые общества как военно-демократические и дофеодальные¹⁷. Близкую к этому мысль развивает С. И. Вайнштейн, по мнению которого у всех кочевых скотоводов нашей страны вплоть

¹⁴ И. Я. Златкин. Опыт периодизации истории феодализма в Монголии. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. 5. М., 1963.

¹⁵ Л. П. Лашук. О характере классовобразования в обществах ранних кочевников. ВИ, 1967, № 7.

¹⁶ С. Н. Алитовский. Аграрный вопрос в современном Ираке. М., 1966; А. М. Васильев. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45—1818). М., 1967.

¹⁷ Г. Е. Марков. Кочевники Азии (Хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества). М., 1967. Автореф. докт. дисс.; *он же*. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии. СЭ, 1970, № 6.

до начала социалистического переустройства господствовал патриархальный уклад¹⁸. Сходные взгляды высказывают и некоторые зарубежные этнографы-марксисты, в частности И. Зелльнов¹⁹.

Итак, если до недавнего времени споры велись по вопросам, которые можно в данном случае считать сравнительно второстепенными (например, что именно — земля или скот — было основой феодальных отношений у кочевников), то в последнее десятилетие предметом дискуссии вновь стал едва ли не самый важный аспект рассматриваемой нами проблемы, т. е. вопрос о том, могли ли кочевники спонтанно перешагнуть рубеж классового общества.

Такое положение вызвано, на наш взгляд, двумя основными трудностями, стоящими перед исследователями своеобразных кочевнических обществ. Первая из них связана с теоретическими сложностями в разграничении просто социальной и именно классовой дифференциации, разграничении нелегком вообще и особенно трудном у кочевых скотоводов, которые, как известно, никогда не фиксировали право собственности на такое важнейшее средство производства, как пастбищные земли. Вторая сложность связана с недостатком источников для исторической реконструкции процесса классовообразования у кочевников и особенностей их общественного строя. Археологических памятников и письменных свидетельств по кочевым скотоводам, как правило, меньше, чем по оседлым земледельцам, и не приходится удивляться, что из имеющихся в нашем распоряжении скудных данных, например, о скифах или монголах делаются диаметрально противоположные, хотя нередко по видимости и одинаково правомерные выводы. Сведения по интересующим нас вопросам существенно возрастают лишь в новое время, но здесь возникает другая источниковедческая сложность: теперь почти все кочевнические общества стали частью крупных земледельческих государств и не смогли не ис-

¹⁸ С. И. Вайнштейн. О сущности и роли патриархального уклада в социальной истории кочевников Азии. — Тезисы докладов на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1971; он же. Историческая этнография тувинцев.

¹⁹ См. введение в сб.: Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht. Berlin, 1968.

пытать их деформирующее влияние. Понятно, что на кочевые племена, входившие в состав царской России, Османской империи и т. д., не могли хоть в какой-то степени не распространяться принятые в этих государственных образованиях социально-политические порядки.

Все же из этого правила есть исключения, наиболее существенными из которых представляются многие (едва ли не большинство) бедуинские племена Северной Аравии и туареги Сахары. И те и другие на протяжении почти всего нового времени сохраняли социально-политическую самостоятельность и самобытность. В то же время о них есть большая историко-этнографическая литература, по своей содержательности не уступающая литературе о кочевниках центрально- и среднеазиатского региона. Эту группу кочевников нового времени можно рассматривать как своего рода реликт кочевнических обществ предшествующих эпох, и данные по ним представляются нам первостепенно важными для изучения процессов классообразования у кочевых скотоводов.

Но прежде чем перейти к этим процессам, необходимо хотя бы коротко остановиться на некоторых специфических особенностях хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов.

Исследователями — и советскими, и зарубежными — уже не раз отмечалось, что кочевое скотоводческое хозяйство значительно менее стабильно, чем земледельческое или комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство. При благоприятных обстоятельствах поголовье скота быстро росло, но из-за засух, джупов, эпизоотий и других неизбежных в условиях экстенсивного хозяйства стихийных бедствий оно так же быстро падало²⁰. На стабильности кочевой экономики отрицательно сказывалось и то обстоятельство, что скот как особо легко отчуждаемое имущество зачастую утрачивался в результате вражеских набегов. Все это, естественно, вело к тому, что расширенное воспроизводство и получение прибавочного продукта в кочевом скотоводстве были значительно менее надежны, чем в земледельческом или комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйстве²¹. Говоря об ог-

²⁰ Некоторые цифровые данные по этому вопросу см.: А. М. Хаганов. Социальная история скифов, стр. 149 и сл.

²¹ Л. П. Потапов. Из истории кочевничества. — «ВИМК», 1957, № 4, стр. 61, 62; А. М. Васильев. Указ. соч., стр. 31; Г. Е. Мар-

раничепных эконолических возмолжности экстенсивного скотоводства, следует иметь в виду и такие его не раз отмечавшиеся особенности, как связанные с кочевым образом жизни слабое развитие ремесел и невозможность создания собственных торгово-ремесленных центров-городов.

Кроме того, для всех основных вариантов кочевого скотоводства характерна особая черта, позволяющая отнести их к одному хозяйственно-культурному подтипу, который можно назвать «всадническим». Она состоит в преобладании или, по крайней мере, в очень большой доле²² в составе стада такого универсального вида скота, как лошадь или верблюд, которые являются не только продуктивными, но и транспортными, в том числе верховыми, животными. Отсюда проистекает другая важная особенность этого основного кочевнического комплекса, сложившегося в степях и пустынях срединных областей ойкумены и в принципе отличающая его от кочевничества, например, оленеводов Северной Сибири или коровопасов Южной Африки. Имеется в виду определенное военное превосходство племен верховых номадов над племенами оседлых или полуседлых земледельцев. Это превосходство было результатом целого ряда факторов: необходимостью для постоянной охраны стад поголовной вооруженности скотоводов, наличием больших всаднических масс, боевыми преимуществами всадников над пешими, их особой мобильностью, — одним словом, всем тем, что К. Маркс, говоря о монголах, называл «воинственным образом жизни»²³.

Внезапно нападая на врага и быстро скрываясь от него в глубину степей или пустынь, кочевники обычно имели возможность держать в страхе своих непо-

ков. Кочевники Азии, стр. 29; А. М. Хазанов. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. «IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь 1973. Доклады советской делегации». М., 1973, стр. 5, 6.

²² Речь идет не о статистическом, а об экономическом преобладании. В хозяйстве кочевника лошадь приравнивается приблизительно к десятку овец; поэтому в стаде, состоящем, например, из 5 лошадей и 30 овец, экономически преобладает лошадь.

²³ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 220.

никает тогда, когда народ-завоеватель «оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне)»²⁹.

Развивая мысль Маркса, можно наметить следующие основные черты этой возникающей в распаде первобытнообщинного строя и сохраняющейся при рабовладении и феодализме формы эксплуатации. 1. Данничество не составляет особого способа производства: присваиваемый в качестве дани продукт может производиться в рамках и разлагающегося первобытнообщинного, и рабовладельческого, и феодального, и даже капиталистического строя. 2. Данники и получатели дани не интегрированы в составе одного этнического или социального организма: во-первых, они принадлежат к разным племенам или народам, во-вторых, у них может быть разная социальная структура. 3. Данники располагают собственными, не принадлежащими получателям дани средствами производства и эксплуатируются путем внеэкономического принуждения, которое обычно распространяется не на отдельные личности, а на весь коллектив.

Таким образом, данничество — это особая примитивная форма эксплуатации, не тождественная ни с рабовладением, ни с феодализмом. Однако по своей сути (производство продукта в собственном хозяйстве работников, частичная несвобода), а следовательно, и по заложенным в нем тенденциям, оно, видимо, все же ближе к феодализму. Не случайно в древнем мире данничество, даже и принимая рабовладельческий облик так называемого общинного рабства, всегда оставалось полурабством-полукрепостничеством, а в средние века оно, по мнению многих исследователей, составляло начальный этап развития феодальных отношений³⁰. Во всяком случае

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 723.

³⁰ С. Юшков. Эволюция дани в феодальную ренту в Киевском государстве в X—XI вв. «Историк-марксист», 1936, № 6; И. М. Рейснер. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М., 1954, стр. 98 и сл.; М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 370 и сл.; Л. П. Лашук. Указ. соч., стр. 117; А. М. Беленицкий. О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии. КСИА, вып. 122, 1970; Ю. М. Кобищанов. Доходы аксумских царей (к вопросу о социально-экономическом строе древних африканских государств). «Социальные структуры докапиталистической Африки». М., 1970, стр. 70 и сл.; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Путь развития феодализма. М., 1972, стр. 155.

данничество легче принимало феодальный, нежели рабовладельческий или какой-нибудь другой облик.

Имея в виду отмеченные специфические черты кочевых обществ: ограниченные возможности получения прибавочного продукта внутри племени и военное превосходство над оседлым некочевым населением, облегчающее внешнеэксплуататорскую деятельность кочевой верхушки, обратимся к нашему материалу.

В рассматриваемое время одним из наиболее заметных явлений общественной жизни населения Северной Аравии и примыкавших к ней аридных областей Сирии и Ирака были грабительские набеги, связанные с ними контрибуции и выраставшие из них даннические отпущения.

Грабительские набеги (*газв*, *газва*; в европейской литературе обычно *газу*) совершались для захвата скота или другой ценной добычи. По характеру организации различались небольшие *газу* отдельных внутриплеменных групп или кучки добровольцев из нескольких таких подразделений, крупные племенные набеги и большие походы, предпринимавшиеся совместно несколькими племенами. Участие в *газу* считалось добровольным, по обычно в набегах принимала участие вся «еще не имеющая бороды» молодежь. Молодым людям, без достаточных причин уклонившимся от участия в *газу*, могли в знак позора привязать к шатру черный флаг³¹. Напротив, участвовать в набегах, быть *харами* (разбойником) считалось почетным³². Харамы был желанным женихом. «Уверяют, — отмечал К. Нибур в своем описании Неджда, — что молодой человек не может жениться, пока не совершит нескольких подвигов»³³.

В зарубежной литературе существует мнение, что *газу* являются чем-то вроде «спорта», «развлечения» бедуинов³⁴. Это мнение совершенно игнорирует социаль-

³¹ A. Musil. Arabia Petraea, Bd. III. Ethnologischer Reisebericht. Wien, 1908, S. 373; D. Carruthers. A journey in North-Western Arabia. GJ, vol. 35, 1910, p. 271.

³² I. L. Burckhardt. Bemerkungen über die Beduinen und Wahaby. Weimar, 1831, S. 127.

³³ C. Niebuhr. Voyage en Arabie et en d'autre pays d'Orient. En Suiss, 1780, vol. II, p. 139.

³⁴ R. Montagne. La civilisation du désert. Paris, 1947, p. 226; E. Rutter. The habitability of the Arabian desert. GJ, vol. 76, 1930, p. 513.

ную природу грабительских набегов, их связь со всем комплексом общественных отношений в племени. Возникнув при распаде родового строя как закономерный результат военно-демократической стадии развития общества и в какой-то степени еще отражая свойственные ей обычаи и представления, газу в исследуемое нами время в целом уже подверглись глубокому социальному превращению и широко использовались аристократической верхушкой в качестве выгодного ей института. Наиболее «удачливые» представители племенной знати сделали газу своим постоянным промыслом и всеми способами вовлекали в них широкую массу соплеменников. Но в результате набегов обогащалась лишь верхушка племени. В соответствии с установившимися нормами раздела добычи предводители набегов, в качестве которых почти всегда выступали наследственные военачальники — *акыды* или *шейхи* племени, выбирали первым и в зависимости от принятых в племени обычаев получали при разделе в одних случаях несколько долей рядовых участников похода, в других — одну десятую, четверть или треть всей захваченной добычи, иногда всех лошадей, беговых верблюдов и т. п.³⁵ Шейх забирает себе определенную часть добычи даже в тех случаях, когда он совсем не участвовал в набеге³⁶. Эта часть была особенно велика, когда шейхская и акыдская власть объединялась в одних руках. Об одном из таких предводителей, шейхе и акыде одновременно, сообщалось, что он «рассматривал добычу, захваченную в газу, как свою собственность и забирает львиную долю», а «остаток распределял по своему усмотрению»³⁷.

Бедуины грабили и друг друга, и небедуинские племена. Но если взаимные грабежи бедуинов не создавали какой-либо определенной системы общественных отношений, то совершенно иначе обстояло дело с набегами бедуинов на их соседей: полукочевые племена и жителей небольших оазисов. Систематически организуя набеги на такие племена и оазисы, бедуинская знать в конце кон-

³⁵ I. L. Burckhardt. Op. cit., S. 114, 240; C. Guarmani. Northern Najd. London, 1938, p. 116; Ch. M. Doughty. Travels in Arabia Deserta, vol. I. Cambridge. 1888, p. 487.

³⁶ M. von Oppenheim. Vom Mittelmeer zum Persischen Golf, Bd. II. Berlin, 1900, S. 87.

³⁷ A. Jaussen. Coutumes des arabes au pays de Moab. Paris, 1908, p. 143.

цов вынуждала их откупаться от этих набегов³⁸, уплачивая дань. Такая практика существовала в окраинных оазисах почти на всей территории Северной Аравии и в прилегающих к ней периферийных областях Ирака, Сирии и Палестины. Она описана едва ли не всеми европейскими путешественниками и исследователями XIX—начала XX в. В знак обязанности платить дань и как предупреждение другим грабителям на воротах или стенах селения нередко ставилась бедуинская тамга³⁹. Не менее широкое распространение имела выплата дани полукочевниками: по словам Оппенгейма, вплоть до конца первой мировой войны это еще относилось к большинству окраинных племен Сирийской и Месопотамской степей⁴⁰. В частности, все полукочевые племена Восточной Сирии, кроме джабур, самого сильного из них, платили дань бедуинам аназа, почти все полукочевники Верхней Месопотамии — шаммарам, полукочевники Северо-Западной Аравии и Хиджаза — племенам бану сахр, хувейтат, бану атия, фукара и другим, полукочевники Северо-Восточной Аравии — племенам мутейр, аджман и зафир.

Даннические отношения, а равно и сама дань, назывались «братством» (*хува, хава, ахава*); получатель и плательщик дани именовались «братьями» (*ихван*). Номинально «братом-покровителем» оседлого селения или полуседлого племени мог быть любой бедуин. Но фактически им почти всегда являлся кто-нибудь из шейхов или акыдов. Получаемая протектором хува либо присваивалась им единолично, либо распределялась среди всей верхушки племени. «Дань, — отмечал Буркхардт, — обычно выплачивается шейху или какому-нибудь почтенному члену племени, который становится братом жителей селения...»⁴¹. По Валлину, хува шла главному шейху и другим влиятельным лицам в различных кланах; в частности, дань, взимаемая бану атия с Тебука, распределялась между шейхами, акыдами и другими предводителями племени⁴². Дань, получаемая фукара с шарарат,

³⁸ G. A. Wallin. Notes taken during a journey through part of Northern Arabia in 1848. London, 1850, p. 29.

³⁹ M. A. Van Gennep. Les wasm (warques de propriété des arabes). RS, vol. XVI, 1901, p. 463.

⁴⁰ M. von Oppenheim. Die Beduinen, Bd. I. Leipzig, 1939, S. 23.

⁴¹ I. L. Burckhardt. Op. cit., S. 156.

⁴² G. A. Wallin. Op. cit., p. 29.

в порядке очередности попеременно поступала в пользу одной из четырех главенствующих семей племени⁴³. Дать, которую платили полукочевники Верхней Месопотамии шаммарам, распределялась между всеми членами правящей шейхской фамилии Джарба⁴⁴.

Обычно каждое племя имело несколько данников, которые в свою очередь платили хуву не одному, а нескольким кочевым племенам. Результатом было то важное для нас обстоятельство, что если в каждом отдельном случае хува могла казаться «умеренной»⁴⁵, то в целом она тяжело ложилась на плечи плательщиков и давала большой доход верхушке бедуинских племен. Так, шейхи хувейтат ибн джази в начале нашего века ежегодно получали: 2—4 маджиди с шатра от шарарат, 120 пар верховых сапог и 120 чашек кофе от жителей Маана, 6 плащей от жителей Джауфа, 2 плаща и 2 меры фиников с хозяйства от жителей Теймы, 2 меры пшеницы, 2 меры ячменя, 2 меры сухих фиг и 3 меры оливкового масла с хозяйства от племен хамейда и джанабра; кроме того, они получали хуву с селений Шубак, Наимат, Лиятна и Гур⁴⁶. Шейхи руала взимали хуву с племен шарарат и хитейм, с селений Тудмур, Кариятейн, Сухна, Тейба, Каум, Насиб и некоторых других; из них одно лишь небольшое селение Кариятейн платило более 200 маджиди ежегодно⁴⁷. Общее представление о размерах дани, получаемой кочевой знатью, дает уже тот факт, что хува, выплачивавшаяся полуоседлым населением окраинных областей Сирии и Ирака, по некоторым данным, превосходила его налоги османскому правительству⁴⁸.

В некоторых случаях получателями дани были и полукочевники, взимавшие хуву с более слабых племен и с оседлых крестьян. Жители оазисов в свою очередь были не только данниками. Правители крупных оазисов, и в особенности правящая знать североаравийских эмира-

⁴³ A. Jaussen. Op. cit., p. 163.

⁴⁴ Gr. Britain. Review of the civil administration of Mesopotamia. London, 1920, p. 52.

⁴⁵ G. A. Wallin. Op. cit., p. 29.

⁴⁶ A. Musil. Arabia Petraea, S. 52.

⁴⁷ A. Jaussen. Op. cit., p. 176; A. Musil. The manners and customs of the Rwala beduin. N. Y., 1928, p. 60.

⁴⁸ M. Sykes. Journeys in North Mesopotamia. GJ, vol. 30, 1907, p. 250.

тов, собственными силами или чаще в союзе с кочевыми племенами совершали грабительские набеги, взимали контрибуцию, облагали регулярной данью и оседлых, и полукочевников, и кочевников. Так, известно, что в конце XVII—начале XVIII в. меккские шерифы предпринимали набеги на Неджд и получали дань с центральноарабских оазисов и племен⁴⁹. То же в несравненно больших масштабах делали ваххабитские эмиры после образования первого государства Саудидов. А. М. Васильев, подытоживая данные недждских хроник, приходит к выводу, что основным видом эксплуататорской деятельности правящей знати ранневаххабитского Неджда были грабительские походы, вторым по значению — получение контрибуции, дани. «Эта контрибуция была единовременной, но, возможно, выплата ее растягивалась на несколько лет, приобретая форму постоянной дани или налога. При помощи контрибуции, штрафа племена и оазисы откупались от отрядов ваххабитов, подтверждали свою приверженность к обновленной религии и дарийскому правителю. Словом, это была дань, по своему характеру ничем не отличавшаяся от дани, которую оазисы или слабые племена платили более сильным и в доваххабитский период»⁵⁰. Наконец, известно, что взимание дани как форма эксплуатации сохранилось и во втором государстве Саудидов: Пелли, посетивший Рияд в 1865 г., сообщает, что, наряду с племенами, входившими в состав этого государства и платившими закят, были периферийные племена, обязанные эмиру лишь уплатой дани⁵¹.

Таким образом, создается впечатление, что система военного грабежа и даннической эксплуатации была всеобъемлющей, охватывала все группы и слои населения. Могущественные эмиры грабили и облагали данью и оазисы, и кочевые или полукочевые племена, бедуинские шейхи — те оазисы и племена, которые не были надежно защищены эмирами, шейхи помельче — тех, кто не был защищен более сильными шейхами. Однако так кажется только на первый взгляд. В действительности, для правителей эмиратов не только грабеж, но и хува были временной или побочной формой эксплуатации:

⁴⁹ H. St. J. B. Philby. Saudi Arabia. London, 1955, p. 18.

⁵⁰ А. М. Васильев. Указ. соч., стр. 172, 173.

⁵¹ L. Pelly. A visit to the Wahaby capital, Central Arabia, JRGS, vol. 35, 1865, p. 187.

дань взималась либо только в период создания и экспансии государства, после чего она заменялась обычной податью, либо, позднее, только с полузависимых периферийных племен. Напротив, для бедуинских шейхов данническая эксплуатация, как уже говорилось, сохраняла свое значение на протяжении всего нового времени, причем для них она была едва ли не главной формой присвоения прибавочного продукта.

Помимо добычи от грабежей и дани, у кочевой знати были и другие внешние доходы.

За безопасный проход по земле племени торговец или караван должны были уплатить путевую пошлину. В Восточной Аравии, писал Рейхани, «арабский купец, чтобы безопасно пройти 40 миль, должен был уплатить хуву 4 или 5 раз. Аджман брали на юге, бану мурра — на границах Руб аль-Хали, манасир — от Катара и дальше, бану хаджир — по соседству с Катифом и Кувейтом, давасир — по ту сторону Дахны...»⁵². Путевая хува была довольно значительна: в первой четверти XIX в. аназские шейхи, контролировавшие торговые тракты Сирийской пустыни, брали за каждого груженого верблюда риял; столько же взимали в 1880-х годах шейхи бали⁵³. Добавим к этому постоянную хуву и «комиссионный сбор», выплачивавшиеся шейхам связанными с племенами верблюдоотроговцами, а также хуву с мелких странствующих торговцев и ремесленников⁵⁴.

Разновидностью путевой хувы была *сурра*, или *садака*, выплачивавшаяся шейхам кочевых племен, по территории которых пролегали пути сирийского и египетского хаджжа. На протяжении XVIII—XIX вв. турецкие власти не раз пытались прекратить уплату сурры, но эти попытки оставались безуспешными. Так, в 1756 г. дамасский паша обезглавил группу явившихся за суррой харбских шейхов, но уже два года спустя 80-тысячное ополчение кочевых племен, наголову разбив охрану и ограбив караван хаджжа, принудило турок возобновить выплату денег⁵⁵. В XIX в. сурру ежегодно получали

⁵² A. Rihani. Ibn Saoud of Arabia. His people and his lead. London, 1928, p. 217.

⁵³ I. L. Burckhardt. Op. cit., S. 5, 7; II. Huber. Journal d'un voyage en Arabie (1883—1884). Paris, 1891, p. 406.

⁵⁴ C. Guarmani. Op. cit., p. 114; A. Musil. The manners..., p. 280; A. Jaussen. Op. cit., p. 139.

⁵⁵ C. Niebuhr. Op. cit., p. 179.

аназские племена вульд али, хасанат (до середины века, когда это племя было разгромлено другими аназа), вульд сулейман, руала и фукара, племена бану сахр, маджалли, бану атия, хувейтат ибн джази, бали и харб. Накануне постройки Хиджазской железной дороги фукара получали 1000 маджиди⁵⁶, бану сахр — 2600 маджиди сурры⁵⁷. В более или менее урезанном виде сурра продолжала выплачиваться и после открытия железнодорожного сообщения — за свободный пропуск и охрану поездов⁵⁸. Как и другие виды хувы, сурра в основном присваивалась верхушкой племени. У бану атия в 1870-х годах сурра выплачивалась шейхам «в соответствии с их достоинством»⁵⁹, у фукара в это же время из 600 ф. сурры 160 забирал себе главный шейх племени Мутлак, 100 — шейх Зейд и т. д.⁶⁰; в начале XX в. получаемая фукара сурра распределялась между 11 главенствующими членами племени, на долю каждого из которых приходилось от 12.5 до 60 маджиди⁶¹.

У бану сахр в начале XX в. 1000 маджиди сурры забирали себе члены фамилии главного шейха, а остальные 1600 маджиди шли в пользу 11 «наиболее выдающихся» соплеменников⁶².

Особую статью внешних доходов верхушки кочевых племен составляла рента с обрабатываемых земель, право собственности на которые было отобрано у иноплеменников-феллахов в процессе перерастания первоначального даннического угнетения в настоящую феодальную зависимость. «Бедуины, — писал по этому поводу Мусил, — часто забирают самые плодородные поля, которые крестьянин должен затем для них обрабатывать»⁶³. Как правило, такие земли были собственностью шейхских семей, что легко устанавливается на примере земель Хейбарского оазиса, в отношении которых имеются прямые указания о том, что их собственниками были не бедуины вообще, а шейхские семьи южноаназских групп фукара,

⁵⁶ *Jaussen, Savignac. Coutumes des Fuqurâ. Paris, 1914, p. 8.*

⁵⁷ *A. Musil. Arabia Petraea, S. 336.*

⁵⁸ *Jaussen, Savignac. Op. cit., p. 8.*

⁵⁹ *Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 55.*

⁶⁰ *Ibid., p. 344.*

⁶¹ *Jaussen, Savignac. Op. cit., p. 9.*

⁶² *A. Musil. Arabia Petraea, S. 336.*

⁶³ *Ibid., S. 23.*

вульд алп, вульд сулейман и сабаа⁶⁴. Аналогичные данные имеются в отношении земель Акабского оазиса⁶⁵. Ряд других сообщений показывает, что шейхам почти всех бедуинских племен принадлежали значительные площади обработанной земли как на территории самой Северной Аравии, так и в прилегающих к ней с севера арабских странах. Так, в североаназской группе племен шейхи руала владели землями в Касыме, Джауфе, Каффе и Атре⁶⁶, шейхи вульд алп — землями в районах Хомса и Шейх-Ахмада⁶⁷, шейхи амарат — землями в районе Кербелы, плодородной долиной Рауза и большой финиковой рощей возле Багдада⁶⁸. Шейхской верхушке бану сахр принадлежало до 20 селений⁶⁹, а в 1920-х годах главный шейх этого племени имел «шесть деревень, много миль обработанной земли и дворец, где он держит свою старшую жену и многочисленных рабов. Сам он здесь не живет и посещает его только для встреч с правительственными чиновниками, предпочитая возглавлять свои племена и делить с ними жизнь в пустыне»⁷⁰.

Доходы, получаемые шейхской верхушкой извне, а не изнутри племени, несомненно имели для нее первостепенное значение. Все наиболее компетентные бытописатели бедуинского кочевья безоговорочно ставят на первое место именно внешние доходы шейхов. Так, Бэртон отмечал, что, «наряду с данью — ахава и платежами Порты шейхам кланов, состояние бедуинов состоит в стадах...»⁷¹ По словам Доуги, кочевники получали средства «от продажи части своих верблюдов, а главным образом, в областях, через которые проходят пути хаджжей, за счет сурры, платимой их шейхам добрыми турецкими маджидами»⁷². Некоторые авторы, подчеркивая роль внешних доходов шейхов, впадали в весьма показательную в данном случае крайность. Буркхардт утверждал, что доходы шейха составля-

⁶⁴ *Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 234, 344, 346; Jaussen, Savignac. Op. cit., p. 12.*

⁶⁵ *A. Musil. Northern Hejaz. N. Y., 1927, p. 85.*

⁶⁶ *A. Musil. Arabia Deserta, p. 109; A. Musil. The manners... , p. 58.*

⁶⁷ *A. Musil. Arabia Deserta, p. 390.*

⁶⁸ *G. Bell. The letters. London, 1930, p. 41.*

⁶⁹ *A. Jaussen. Op. cit., p. 243—244.*

⁷⁰ *W. Seabrook. Adventures in Arabia. London, 1928, p. 33.*

⁷¹ *R. F. Burton. Personal narrative of a pilgrimage to al-Madinah and Meccah. London, 1893, vol. II, p. 114.*

⁷² *Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 294.*

лись лишь за счет «дани, которую платят ему сирийские деревни, и денег, которые получает он с паломников»⁷³, а Мусил в своем перечне шейхских доходов отметил только «сборы с торговцев, ремесленников, опекаемых феллахов и горожан, равно как и добычу грабежей»⁷⁴. Имеются интересные цифровые данные, в общих чертах характеризующие соотношение разного рода поступлений в годовом бюджете двух уже упоминавшихся выше шейхов фукара. Один из них, Зейд, имел приблизительно 700 риялов постоянного годового дохода, в том числе 400 риялов от сурры, 200 риялов от земельной собственности в Хайбаре и, следовательно, только 100 риялов из внутренних источников⁷⁵. Другой, Мутлак, также жил главным образом за счет внешних поступлений. Его доля сурры составляла 160 ф. ст. в год, а земельная собственность в Хейбаре оценивалась в 200 ф. ст., в то время как вся его собственность в скоте стоила лишь около 300 ф. ст.⁷⁶

Сходным образом обстояло дело у кочевых туарегов, основным источником доходов верхушки которых, по сообщениям путешественников и исследователей прошлого века, была дань с более слабых соседей и караванов торговцев.

У туарегов Сахары кочевники-верблюдоводы (так называемые *ахаггары*) совершали набеги на полукочевников-козоводов (так называемых *амгидов*), а также на арабские и тибусские племена, селения Судана и торговые караваны. Организовывали и возглавляли набеги ахаггарские вожди; они же и делили захваченную добычу: скот, рабов и другие богатства. Результатом набегов была регулярная дань за отказ и защиту от набегов, платимая ахаггарам их соседями и торговцами⁷⁷. Дань,

⁷³ I. L. Burckhardt. Op. cit., S. 95.

⁷⁴ A. Musil. Arabia Petraea, S. 336; ср. S. B. Miles. The countries and tribes of the Persian Gulf, vol. II, London, 1919, p. 420.

⁷⁵ Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 346. Приведенные суммы исчислены Доути частью в ф. ст., частью в риялах; нами принят коэффициент 1:4. Автор не говорит здесь о доходах Зейда, получаемых им в счет хувы с теймцев и других данников (см. выше).

⁷⁶ Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 344.

⁷⁷ G. F. Lyon. Voyage dans l'interior de l'Afrique Septentrionale en 1818, 1819 et 1820. Paris, 1882, p. 118; E. Doumas. Les Sahara Algerien. Paris, 1845, p. 331; H. Duveyrier. Op. cit., p. 337, 385;

вносимая каждым отдельным племенем или торговцем, была невелика, но в своей совокупности она давала немалый доход. Некоторые исследователи, как, например, Дюверье, прямо указывали, что дань была основным и наиболее надежным источником существования ахаггаров⁷⁸. Так же как и у бедуинов, к дани добавлялись другие внеплеменные, внешние доходы, в частности доходы от принадлежавших ахаггарам земель в оазисах, обрабатываемых главным образом вольноотпущенниками-поздольщиками⁷⁹.

Внешние доходы играли весьма сложную роль в жизни кочевого племени, создавая здесь две противоборствующие тенденции. С одной стороны, они усиливали предводителей, а это открывало дорогу эксплуатации рядовых номадов и классообразованию внутри племени. Но, с другой стороны, для того чтобы грабить и облагать данью соседнее население, получать ренту с земледельческих поселений, контролировать торговые и пилигримские пути, кочевая знать должна была иметь надежную опору не только в дружинниках и ближайших сородичах, но и во всем своем кочевом племени, с его сильной военной организацией, приверженностью к наследственным предводителям и развитым племенным самосознанием. А это не могло не тормозить эксплуатацию и классообразование внутри племени. Какая-то доля внешних доходов выделялась рядовым соплеменникам-воинам. Тем самым консервировались остатки военно-демократических традиций, по которым добыча от грабежей так или иначе делилась между всеми участниками набегов, а часть получаемой племенем дани поступала не только его верхушке. Так, у бедуинов акыды газу временами торжественно объявляли, что «каждый волос будет разделен нами на равные части»⁸⁰. Бывало, что шейхи делили дань «между собой и многими другими людьми», «среди большего числа людей»⁸¹. Есть упоминания в литературе о рядовых кочев-

H. Bissuel. Les touareg de l'Ouest. Alger, 1888, p. 21, 111—112;
F. Fourreau. Mon neuvième voyage au Sahara et au pays touareg. Mars—Juin 1897. Paris, 1898, p. 76; *Ch. de Foucauld.* Dictionnaire touareg-français, vol. III. Paris, 1952, p. 1347.

⁷⁸ *H. Duveyrier.* Op. cit., p. 273.

⁷⁹ *H. Lhote.* Les touareg du Hoggar (Ahaggar). Paris, 1955, p. 207.

⁸⁰ *A. Musil.* Arabia Petraea, S. 376.

⁸¹ *I. L. Burckhardt.* Op. cit., S. 308, 331.

никах, живших исключительно за счет своей небольшой доли сурры⁸².

В этих условиях процесс классообразования в кочевой среде шел замедленными темпами и принимал своеобразные формы, что сказывалось в развитии как рабовладельческих, так и феодальных отношений.

Кочевые племена знали не только домашнее, но и производственное рабство, однако в весьма ограниченных размерах. Исследователи, занимавшиеся этим вопросом в последние годы, правильно объясняют это неадекватностью экстенсивного скотоводства с применением большого количества рабочих рук и трудностью надзора за рабами-пастухами. Видимо, можно согласиться с развиваемым многими современными советскими исследователями положением о том, что технические условия кочевого скотоводства вообще исключают возможность рабовладельческого способа производства⁸³. Но хотелось бы обратить внимание еще на одну сторону вопроса — на то обстоятельство, что далее в наиболее развитых в рабовладельческом отношении кочевых обществах (а таким, несомненно, следует считать туарегов Сахары⁸⁴) не существовало кабального или какого-нибудь иного по своим источникам рабства соплеменников. В частности, и у арабских бедуинов, и у туарегов Сахары в качестве рабов использовались только негры. Кроме того, и у тех и у других рабы, как и близкие к ним по своему положению вольноотпущенники, использовались не столько в скотоводстве, сколько в обработке принадлежащих кочевой знати плодородных земель в оазисах. В результате рабовладельческая эксплуатация фактически осуществлялась за пределами кочевого племени, была разновидностью не внутри-, а внешнеэксплуаторской деятельности. А это в свою очередь вело к тому,

⁸² *Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 441, 535.*

⁸³ *Г. И. Семенов. Рабство в Казахстане в XV—XIX веках. «ТИИАЭ АН КазССР», т. 6. Алма-Ата, 1959, стр. 164; он же. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов (на материалах Казахстана). «Проблемы возникновения феодализма у народов СССР». М., 1969, стр. 266, 267; С. С. Черников. О термине «ранние кочевники». КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 19; Г. Е. Марков. Кочевники Азии, стр. 7.*

⁸⁴ Подробнее см.: *А. И. Першиц. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 335 сл.*

что рабовладение не стимулировало, а тормозило классовое образование в среде кочевых племен.

Вопрос о рабовладении в кочевнических обществах представляется в настоящее время сравнительно несложным. Более труден и, как уже отмечалось раньше, привлек к себе наибольшее внимание вопрос о наличии, степени и формах вызревания у кочевников феодальных отношений. В литературе приводились многочисленные аргументы и контраргументы в пользу как существования, так и отсутствия феодальных отношений внутри кочевого племени, причем и те и другие представляются заслуживающими внимания. Наиболее существен в этой связи вопрос о том, что представляли собой поземельные отношения в кочевом племени, было ли владение пастбищами действительно общеплеменным или же оно таковым только считалось?

В рассматриваемых здесь в качестве примера обществах бедуинов и кочевых туарегов пастбищные земли считались коллективной собственностью племен, однако кочевание и пастьба скота регулировались верхушкой кочевников, распределявшей пастбища между внутриплеменными подразделениями, а подчас даже и отдельными семьями. Так, у бедуинов, по словам одного из авторов XIX в., «каждое стадо пасут на отдельной равнине, выделенной шейхом»⁸⁵; их шейхи, по сообщению другого наблюдателя, «по своему усмотрению распоряжаются пастбищами»⁸⁶. Как бы ни страдало племя от недостатка пастбищ, стада шейхской верхушки всегда были обеспечены кормом. В частности, широкое распространение получили шейхские пастбищные заповедники — *хима*, или *хадр*⁸⁷. Исследователи характеризуют эти земли как лучшие пастбища, находящиеся в постоянном пользовании кочевой верхушки и запретные для остальных членов племени⁸⁸. Практиковалось и предоставление пастбищ во временное пользование иноплеменникам с последующим присвоением шейхом арендной платы (или ее большей части), по древнему обычаю принадлежавшей всему коллективу⁸⁹. Васфи

⁸⁵ Ch. M. Doughty. Op. cit., p. 304.

⁸⁶ A. Musil. Northern Neğaz, p. 170.

⁸⁷ H. St.-J. B. Philby. The heart of Arabia, vol. II. London, 1922, app. II.

⁸⁸ H. R. P. Dickson. The Arab of the desert. London, 1951, p. 51.

⁸⁹ Jaussen, Savignac. Op. cit., p. 13.

Закария упоминает и о других сделках, возможно о купле-продаже: рассказывая о напряженной борьбе из-за пастбищ в Сирийской пустыне, он сообщает, что «порой дело улаживается соглашением, причем роль здесь играют и деньги»⁹⁰.

Аналогичная практика существовала у кочевых туарегов, где глава (*амгар*) племени распределял пастбища между соплеменниками, а глава всего объединения (*аме-нокал*) даже обладал правом предоставлять участок пастбища в длительное владение⁹¹.

Итак, главное условие производства в кочевом племени считалось владением всего коллектива, но право знати распоряжаться им по своему усмотрению в условиях той борьбы за пастбища, которая велась как между племенами, так и внутри каждого отдельного племени, превращало общеплеменное право в своего рода фикцию и по существу было близко к феодальному землевладению. Ведь определяющим признаком земельной собственности, как указывает Маркс, является именно монопольное распоряжение землей: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц распоряжаться определенными участками земли как исключительными, только им подчиненными сферами их личной воли»⁹².

Правда, исследователи, которые видят в племенных пастбищах фактическую коллективную собственность, считают, что в данном случае нельзя говорить о феодальном землевладении, так как кочевая верхушка не могла сдавать в аренду, обменивать или продавать пастбища⁹³. О некоторых коммерческих сделках в отношении пастбищ уже говорилось выше, но они, конечно, были не правилом, а исключением. Важнее другое: является ли вообще свободное отчуждение земли характерным признаком феодального землевладения? Полная частная собственность на землю, которая вследствие этого свободно и широко продается и покупается, характерна для капиталистического общества. В феодальном обществе тоже существует купля-продажа земли, но здесь она не является правилом. Более того, феодальная собственность на землю, в отли-

⁹⁰ *Васфи Закария*. Ашаир аш-шам. Дамаск. 1935, стр. 128 (на араб. яз.).

⁹¹ *H. Lhote*. *Op. cit.*, p. 191, 287.

⁹² *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

⁹³ См., например: *А. М. Васильев*. Указ. соч., стр. 47, 48.

чие от буржуазной, ограничена, условна и иерархична. Хорошо известны высказывания Маркса и Энгельса о том, что крестьяне имели на свои участки такое же законное право, как и сами феодалы⁹⁴. В нашем случае пастбища кочевых племен находились и в непосредственном владении кочевников, и в близком к феодальному землевладению распоряжении кочевой знати. Игнорировать эту особенность феодального землевладения — значило бы становиться на путь упрощения⁹⁵.

Приблизительно такой же разрыв между существом и формой наблюдался в порядке отчуждения внутри племени прибавочного продукта. Рядовые кочевники делали племенной знати различные внешне добровольные приношения, например приношения, связанные с издержками по приему гостей, покупкой новой лошади или бегового верблюда, утратой из-за каких-нибудь чрезвычайных событий части скота⁹⁶ и т. д. Психология таких приношений у бедуинов хорошо отражена Буркхардтом: «...в некоторых кочевьях арабы не допускают, чтобы их шейху приходилось резать своего ягненка, и по очереди снабжают его шатер мясом»⁹⁷. По форме такие приношения чаще всего выглядели как вполне добровольные дары главе или главам племени, да и мотивировались они по большей части организаторскими функциями кочевой знати. Однако в действительности перед нами явление, практически близкое к нефиксированной феодальной ренте: традиционная оболочка не меняет его сущности, как и в значительно более развитых феодальных обществах публично-правовая оболочка многих налогов не меняет сущности лежащей в их основе той же феодальной ренты⁹⁸.

И у бедуинов Аравии, и у кочевых туарегов существовал, хотя и не имел особенно большого распространения, также и другой способ эксплуатации — передача обедневшим соплеменникам на выпас скота. Он неоднократно

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 249; т. 23, стр. 729.

⁹⁵ Подробнее см.: М. В. Колганов. Указ. соч., стр. 412 и сл. Правильно указывая на различия в природе феодальной и буржуазной собственности на землю, М. В. Колганов, на наш взгляд, впадает в крайность, утверждая, что земельная собственность, в отличие от владения, появляется лишь в капиталистическом обществе.

⁹⁶ J. L. Burckhardt. Op. cit., S. 255; A. Jaussen. Op. cit., p. 143.

⁹⁷ J. L. Burckhardt. Op. cit., S. 198.

⁹⁸ Б. Ф. Поршнев. Указ. соч., стр. 67.

описан в исторической и этнографической литературе как сауи у казахов, сааи у киргизов, саиис у хакасов, польши у алтайцев, хасаас у якутов, вадиа у арабов, маниха у туарегов, улугабире у мурунди и т. д. Выше уже говорилось, что саушная эксплуатация долгое время рассматривалась в нашей науке как типично феодальная: С. П. Толстов видел в сауи аналогию земельному прекарию; С. А. Токарев и М. П. Вяткин — разновидность отработочной ренты; по С. Е. Толыбекову наделение кочевников скотом имеет такое же экономическое значение, как и наделение крестьян землей. Однако дальнейший анализ позволил Л. П. Потапову, С. З. Зимапову, Ю. И. Семенову и другим исследователям⁹⁹ прийти к выводу, что сауи — не специфически феодальная, а кабальная форма эксплуатации, издольная аренда скота, аналогичная издольной аренде земли у оседлых земледельцев. Эта точка зрения представляется более правильной, хотя в феодальном обществе кабала, в данном случае сауиные отношения, была, конечно, не столько самостоятельным способом эксплуатации, сколько методом вовлечения работников в господствовавшие феодальные отношения. Ведь такая аренда привязывала работника к собственнику скота и делала его исправным плательщиком феодальных повинностей. Более того, поскольку такой работник нередко становился неплатным должником, и аренда скота, и личная зависимость от собственника скота из временных практически становились пожизненными, подобными эмфитевсису раннефеодальной Европы.

Кочевью были известны также различные виды феодальной или близкой к ней несвободы — временная или постоянная, индивидуальная или групповая самоотдача рядовых кочевников под покровительство могущественных представителей кочевой верхушки. По свидетельству Жоссена, работавшего на рубеже нашего века в Северо-Западной Аравии, наиболее распространенный вид такого покровительства (*wasala* — «опека») «достигается личным об-

⁹⁹ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, стр. 85; С. З. Зимапов. Указ. соч., стр. 110 и сл.; Ю. И. Семенов. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации, стр. 250 и сл.; А. И. Першиц. К вопросу о сауиных отношениях. «Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология». М., 1973.

ращением к влиятельному человеку. Способ действия прост. Бедняк, который чувствует себя слишком слабым, чтобы противостоять своим противникам, запасается подарком, отправляется к выбранному им шейху, выкладывает свое приношение и говорит: «Я прошу опеки...» Меня уверяли, что среди бану сахр нет никого, кто не позаботился бы о покровителе-васи»¹⁰⁰. Другими сравнительно распространенными видами коммендации были обычай *кусара* и *танаба*, по которым иноплеменник или группа иноплеменников, вынужденные по тем или иным причинам оставить свое племя, отдавались под покровительство шейха и получали у него разрешение разбивать свои шатры рядом с его шатром и выпасать свой скот на землях его племени. Различая *касыра* и *таниба*, обычное право предполагало, что первый просит покровительства и права выпаса, вынужденный к этому какими-то определенными обстоятельствами и на обусловленный ими срок, второй же — вообще и навсегда. Но на практике и *касыры*, явившись на время, часто оставались затем в племени навсегда и превращались в обычных *танибов*. Коммендация чужаков, развившись раньше, чем коммендация соплеменников, имела очень широкое распространение. «В каждом крупном кочевье арабов, подчиняющихся власти могущественного шейха, — отмечал Жоссен, — я всегда устанавливал присутствие нескольких *танибов*»¹⁰¹. Интересно также сообщение Диксона о том, что коммендировавший себя шейху чужак в какой-то степени расставался и с личной свободой: во всех взаимоотношениях с другими лицами, в том числе и со своими соплеменниками, он должен был пользоваться посредничеством своего покровителя — шейха¹⁰².

Таким образом, процесс классовобразования в кочевых племенах рассматриваемого региона успел привести к появлению в них фактически феодальной собственности, по сути дела феодальных методов отчуждения прибавочного продукта, производимого в собственном хозяйстве рядовых соплеменников, и фактически феодальных форм личной зависимости непосредственных производителей от эксплуататорской верхушки. Однако мы не случайно подчеркиваем слово «фактически». Представляется весьма существенным, что все указанные явления не получили обычного

¹⁰⁰ A. Jaussen. Op. cit., p. 199.

¹⁰¹ Ibid., p. 216.

¹⁰² H. R. P. Dickson. Op. cit., p. 127.

для феодального общества юридического оформления и, следовательно, наметившийся процесс не пошел дальше самых ранних, начальных, незрелых форм. Очень показательно, что феодальная собственность на пастбища все же оставалась тщательно прикрытой оболочкой племенной собственности, а рента была невысокой, нефиксированной и также тщательно вуалировалась родо-племенными традициями. Все это — свидетельство замедленности, застойности, исторической ограниченности классовобразования в обществе кочевых скотоводов.

В рассматриваемых здесь обществах известны и более четкие и развитые формы феодальной эксплуатации, однако примечательным образом не во внутривременной среде и вообще не в среде собственно кочевников, а во взаимоотношениях верхушки помадов с полукочевыми и оседлыми соседями. Так, по сообщению арабского этнографа ат-Тахира, у части полукочевников Северо-Восточной Аравии данническая зависимость от бедуинской знати переросла в зависимость, известную под названием *забиха ва маниха* («жертва и дар») ¹⁰³. Она характеризуется следующими нормами: 1) шейх-сюзерен получает от вассальных шейхов определенное количество овец на подой (маниха), ягнят на мясо (забиха) и шерсти; 2) он имеет право на вассальную, в том числе военную, службу; 3) он не встает при появлении вассальных шейхов и вправе требовать, чтобы они соответственно своему возрасту целовали ему щеку, плечо, колено или ступню ¹⁰⁴. Диксон считает, что эта форма зависимости для Аравии не характерна и проникла сюда из Ирака, где она возникла в среде полукочевых овцеводческих объединений племен мунтефик, однако этому, видимо, противоречит то обстоятельство, что в принципе аналогичные порядки мы находим у туарегов Сахары во взаимоотношениях между кочевыми верблюдоводами-ахаггарам и полукочевыми козоводами-амгидами. Эти порядки предусматривали следующие основные повинности амгидов ахаггарам: 1) ежегодная фиксированная натуральная подать; 2) предоставление во временное пользование молочного скота; 3) обеспечение продовольствием во время совместных кочевок; 4) выпас ахаггарского скота; 5) половинная доля добычи от военных на-

¹⁰³ Абд аль-Джалиль ат-Тахир. Аль-бадв ва-ль-ашаир. Каир, 1955, стр. 70 (на араб. яз.).

¹⁰⁴ H. R. P. Dickson. Op. cit., p. 443, 582, gloss.

бегов¹⁰⁵. Небезынтересно отметить, что у туарегов Сахары описанный порядок имел, по-видимому, более выраженный феодальный характер, чем у бедуинов Аравии, так как, во-первых, пастбищные земли амгидов считались собственностью ахаггаров и, во-вторых, по некоторым сообщениям, зависимость амгидов от ахаггаров уже индивидуализировалась: считалось, что определенные фамилии амгидов наследственно связаны с определенными фамилиями ахаггаров¹⁰⁶.

Кочевники как у арабских бедуинов, так и у туарегов Сахары оказывались в такой откровенно феодальной зависимости лишь после того, как переставали быть кочевниками, по тем или иным причинам (чаще всего из-за утраты скота) перейдя к полукочевому или оседлому образу жизни. Но в этих случаях они одновременно переставали быть и членами кочевого племени, т. е. в определенном отношении привилегированного коллектива, на который опиралась его верхушка в эксплуатации соседнего населения.

Таким образом мы, по-видимому, можем резюмировать, что из двух порожденных внешними доходами кочевой знати тенденций в среде собственно кочевых племен преобладала тенденция замедленности классообразования. За века раннеклассового развития рассмотренные здесь кочевые общества, в отличие от соседнего некочевого населения, так и не были полностью феодализированы. Более того, верхушка кочевых племен выступала как бы в двух близких, но отнюдь не тождественных ипостасях, лучше всего видных при сопоставлении ее отношений с зависимыми некочевниками и кочевниками. В первом случае она выступает в качестве вполне сложившихся феодальных эксплуататоров, получающих путем внеэкономического принуждения с населения принадлежащих им земель настоящую фиксированную ренту. Во втором случае она выступает в качестве эксплуататоров раннефеодального типа, еще носящих обличье традиционных вождей и получающих со своих соплеменников лишь сравнительно

¹⁰⁵ *H. Duveyrier*. Op. cit., p. 334; *H. Lhote*. Op. cit., p. 194; *J. Nicolaisen*. Ecology and culture of the pastoral Tuareg. Kobenhavn, 1963, p. 404.

¹⁰⁶ *M. Benhazera*. Six mois chez les touareg d'Ahaggar. Alger, 1908, p. 54; *H. Lhote*. Op. cit., p. 224, 241; *L. C. Briggs*. Op. cit., p. 136.

небольшие нефиксированные и внешне добровольные припошения. Это и понятно. Ведь усиление эксплуатации внутри племени ослабило бы возможности эксплуататорской деятельности вне племени, и, считаясь с этим, кочевой феодал не был заинтересован в превращении характерной для внутриплеменных отношений примитивной патриархально-феодальной системы в более развитые, собственно феодальные формы.

*

Составляют ли отмеченные порядки отличительную черту одних только рассмотренных нами обществ или же они в той или иной степени характерны и для других групп кочевых скотоводов? Конечно, в разных конкретно-исторических обществах и в разные эпохи социальные отношения в скотоводческом кочевье не могли быть идентичными, но имеющиеся данные позволяют считать, что общества бедуинов Аравии и туарегов Сахары не были исключениями в историческом развитии.

С тех пор как в нашей науке было обращено большое внимание на такие формы эксплуатации, которые не являются способами производства, исследователи все чаще фиксируют данничество там, где раньше находили рабство или феодализм. Едва ли не наиболее характерный пример этому — скифы, ведущую форму эксплуатации у которых многие советские исследователи сейчас видят не в рабстве, а в данничестве, возникшем как результат подчинения кочевыми племенами оседлых¹⁰⁷. Новые взгляды на этот счет наиболее четко сформулировал А. И. Тереножкин: «... в свое время мы, так же как А. П. Смирнов и Б. Н. Граков, преувеличивали роль рабства у скифов и ошибочно считали, что скифское общество было рабовладельческим. Большие богатства, которыми владела скифская знать, нельзя объяснить лишь результатами эксплуатации своих общинников и рабов. Основные источники ее обогащения, очевидно, были в той неумеренной дани, какую скифы собирали с подвластного им населения, и в их грабительских войнах»¹⁰⁸.

¹⁰⁷ М. И. Артамонов. Скифское царство. СА, 1972, № 3; А. М. Хазанов. О характере рабовладения у скифов.

¹⁰⁸ А. И. Тереножкин. Вопросы классовых отношений в Скифии. «Конференция „Возникновение раннеклассового общества“». Тезисы докладов». М., 1973, стр. 32, 33.

А. М. Хазанов проделал значительную работу, свел сообщения о данничестве и показав распространение этой формы эксплуатации не только у скифов, но и у ряда других древних и средневековых кочевнических обществ евразийских степей. Это: хунну, усунь, юэцзи, язиги, сарматы, европейские гунны, тугю, жуань-жуани, половцы, татаро-монголы, казахи, киргизы¹⁰⁹, а также относительно хорошо изученные средневековые арабские и берберские племена Северной Африки¹¹⁰ и средневековые афганцы¹¹¹. «По-видимому, именно данничество, — считает А. М. Хазанов, — являлось ведущей формой эксплуатации в раннеклассовых государственных образованиях, созданных скифами, хунну, древними тюрками, хазарами и т. д.»¹¹² Может быть, подобное обобщение пока еще преждевременно, однако несомненно, что едва ли не у всех кочевых скотоводов внешнеэксплуататорская деятельность играла большую роль, и, следовательно, процесс классовобразования шел у них замедленными темпами.

Несомненно также, что не только рассмотренные нами, но и почти все другие кочевнические общества, в том числе и общества нового времени, не продвинулись в своем развитии далее ранних, еще незрелых, прикрытых патриархальной оболочкой форм феодализма. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к работам сторонников сближения кочевой и оседлой моделей феодализма, например к наиболее обобщающей работе Л. П. Потапова. Он отмечает две важные особенности феодальных отношений у кочевников Средней Азии и Казахстана: 1) феодальная земельная собственность была замаскирована общинным землевладением и 2) присвоение феодальной ренты выступало в специфической патриархальной форме. В частности, «натуральные повинности (своеобразный оброк) по снабжению продуктами и скотом феодалов выполнялись под видом «помощи» манану, султану, зайсану и т. д., в уплате, например, калыма, в расходах по устройству

¹⁰⁹ А. М. Хазанов. Социальная история скифов. Основные закономерности развития кочевников Евразии. М., 1974, стр. 160 и сл.

¹¹⁰ Н. А. Иванов. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. «Арабские страны. История». М., 1963, стр. 152 и сл.

¹¹¹ И. М. Рейснер. Указ. соч., стр. 55, 115 и сл.

¹¹² А. М. Хазанов. Социальная история скифов..., стр. 163.

свадьбы, различных угощений при рождении ребенка, обрезании, похорошах, при приеме чиновников и т. д.». «Отработочная рента, обязанность работать на начальника или владельца также считалась «родовым» древним обычаем»¹¹³. Видимо, говорить о феодальных отношениях в скотоводческом кочевье вне их патриархальной оболочки вообще невозможно. Отметим также, что другой сторонник сближения кочевой и оседлой моделей Л. П. Лашук, который идет значительно дальше Л. П. Потанова, отрицая правомерность самого термина «патриархально-феодальные отношения», фиксирует внимание только на фискальных государственных повинностях как централизованной феодальной ренте и целиком обходит молчанием обычную феодальную ренту¹¹⁴. Иначе обстояло дело у одних только монголов, на которых обычно и ссылаются сторонники сближения кочевой и оседлой моделей феодализма, но здесь, как это уже отмечалось в нашей литературе, не обошлось без сторонних влияний¹¹⁵.

Мы попытались показать, что существенной особенностью процесса классовобразования в обществах кочевых скотоводов был высокий удельный вес внешнеэксплуаторской деятельности, который, наряду с ограниченными экономическими возможностями экстенсивного скотоводства, замедлял темпы данного процесса. В результате кочевники, хотя они и переступали самостоятельно порог классового общества, как правило, не продвигались дальше раннефеодальных, патриархально-феодальных отношений. Их дальнейшее социальное развитие либо замедлялось за счет эксплуатации кочевой знатью соседнего населения, либо происходило уже после перехода от экстенсивного скотоводства к оседлому или полуоседлому земледелию. Таким образом, историческое развитие кочевых скотоводов определялось как общими, так и некоторыми специфическими закономерностями, связанными с особенностями их хозяйства и характером их взаимодействия с соседним некочевым населением.

¹¹³ Л. П. Потанов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, стр. 87.

¹¹⁴ Л. П. Лашук. Указ. соч., стр. 117 сл.

¹¹⁵ Вл. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 69.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ЧАСТНОСОБСТВЕННОГО УКЛАДА У САМОДИЙСКИХ НАРОДОВ ОБСКО-ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

В. И. Васильев

В 1935 г. в журнале «Сибирские огни» была опубликована статья А. А. Терентьева «О рабовладении и работорговле у народов Северо-Западной Сибири в XVII веке»¹, в которой на основании архивных материалов рассматривается вопрос о наличии у сибирских «самоедов» (ненцев и энцев) в XVII в. патриархального рабства.

Существование патриархального рабства у ряда сибирских народов сейчас можно считать установленным.

Последнее исследование И. В. Константинова по якутским материалам позволяет думать, что институт рабства возник у якутов еще на их южной прародине и по своему происхождению связан «с отношениями рабовладения у тюрко-монгольских народов древности»².

Это подтверждается наличием у якутов обычая захоронения слуг вместе с умершими господами. Судя по археологическим материалам захоронений XVIII в., такой обычай был распространен в указанный период достаточно широко. О значительной древности института рабства у якутов свидетельствуют и некоторые сюжеты олонхо³.

В то же время, как отмечают современные исследователи (С. А. Токарев, В. Н. Иванов и др.), в якутском обществе XVII в., находившемся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к феодализму, рабы состав-

¹ А. А. Терентьев. О рабовладении и работорговле у народов Северо-Западной Сибири в XVII веке. «Сибирские огни». Новосибирск, 1935, кн. 5.

² И. Константинов. Захоронение слуг у якутов. «Полярная звезда», Якутск, 1971, № 4, стр. 133.

³ И. В. Пузов. Якутский героический эпос олонхо. М., 1962, стр. 177.

ляли весьма незначительную прослойку эксплуатируемого населения.

Рабы довольно часто упоминаются в произведениях об-угорского героического эпоса⁴. Они выполняли всякого рода домашнюю работу, участвовали в промыслах (охота, рыболовство).

В то же время материалы эпоса свидетельствуют о сравнительно незначительной роли труда рабов в обско-угорском обществе. Число их было невелико. Герои былили — богатыри сами участвуют в промыслах, охотятся, ловят рыбу. В одной из былили рассказывается об «остяке», который ловит рыбу не только для себя, но и для своих рабов⁵.

Анализируя материалы хантыйского героического эпоса, С. К. Патканов отмечал: «Обращение с рабами было, судя по всему, весьма гуманным. Они были как бы младшими членами одной и той же семьи. Ни из одного сказания, ни из одной былили не видно, чтобы их господа обижали или притесняли»⁶.

В таком же свете рисуется институт рабства у различных групп эвенков⁷ и пивхов⁸. У самодийских народов, насколько нам известно, пока не выявлено ни одного архивного источника, который свидетельствовал бы о наличии у них сколько-нибудь развитого патриархального рабства. Правда, имеется целый ряд документов, где говорится о захвате ненцами пленных, которых они «держали у себя на работе»⁹. Но следует иметь в виду, что военные походы нередко совершались ненцами по наущению хантыйских «князцов», которым и доставалась основная доля захваченной добычи, включая пленных.

Часть пленных, очевидно, попадала и к ненецким военачальникам. И тем не менее нет никаких оснований считать, что эти пленные становились рабами или же находились на положении рабов.

⁴ С. К. Патканов. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былилиам и сказаниям. ЖС, 1891, вып. III, IV.

⁵ Н. Н. Степанов. К вопросу об остяко-вогульском феодализме. СЭ, 1936, № 3, стр. 29.

⁶ С. К. Патканов. Стародавняя жизнь..., вып. IV, стр. 83.

⁷ Н. Н. Степанов. Социальный строй тунгусов в XVII веке. «Советский Север», 1939, № 3, стр. 57.

⁸ Л. П. Шренк. Об инородцах Амурского края, т. III. Спб., 1903, стр. 16.

⁹ См. об этом: А. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 140.

Для того чтобы прийти к подобному выводу, достаточно проанализировать картину хозяйственного и общественного развития самодийцев в указанный период.

В XVII в. основными социальными институтами сибирских ненцев являлись большие патриархальные роды. Дробление их на более мелкие общественно-хозяйственные коллективы еще не началось. У энцев, по архивным материалам, выявляется несколько пная социальная картина. Здесь в качестве основных производственных единиц передко выступают уже подразделения больших патриархальных родов — малые роды. В ряде случаев в свою очередь выделялись более дробные единицы — большие патриархальные семьи¹⁰.

Таким образом, с нашей точки зрения, представляется очевидным, что основные средства производства — олени в этот период находились, хотя, возможно, в значительной степени и номинально, в ведении больших и малых родов.

Поскольку размеры стад, очевидно, были невелики, для их окарауливания с избытком хватало собственной рабочей силы, что ставит под сомнение не только необходимость, но и возможность использования труда рабов в этой отрасли.

Еще менее вероятно предполагать применение рабского труда при охоте на пушного зверя.

Что касается рыболовства, то указанная отрасль в данное время имела исключительно подсобное, потребительское значение.

С этих позиций становится понятным, почему среди военнопленных, взятых ненцами в результате набегов на соседей, главным образом были женщины, дети и подростки. Мужчин брали в плен редко. В источниках чаще всего сообщается, что пленных «заморили» или «приморили с голоду»¹¹. По той же причине ненцы отдавали (в обмен на муку или иные товары) пленных своим соседям-хантам. Об этом сообщается в ряде архивных документов XVII столетия¹².

¹⁰ Подробнее см.: В. И. Васильев. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и иганасан. «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 179—183.

¹¹ «Дополнения к Актам историческим» (ДАИ), т. V. Спб., 1855, № 68.

¹² С. В. Бахрушин. Самоеды в XVII в. «Научные труды», т. III, ч. 2. М.—Л., 1955, стр. 7.

В фольклорных преданиях ненцев и энецов также почти нет указаний на использование пленных мужчин в качестве рабов.

Женщины и дети, особенно последние, вероятно, включались в общий трудовой процесс, хотя нет никаких оснований утверждать, что они занимали в ненецком обществе бесправное, приниженное положение.

В ясачных документах XVII в. в составе отдельных ненецких и энецких семей иногда упоминаются «холопы». Так, по материалам переписи 1680—1681 гг., которой учтено было 44 чума хантайских (тундровых) энецов, в шести записаны «холопы». Это были дети от 4 до 12 лет¹³.

А. А. Терентьев считал всех «холопов», упомянутых в ясачных документах, рабами, исходя из того, что это соответствует русской терминологии того времени.

Но, во-первых, такое толкование термина «холоп» выглядит, на наш взгляд, слишком односторонне, во-вторых, нет никаких оснований считать всех детей, упомянутых в переписи 1680—1681 гг., иноплеменниками, захваченными в плен. Мы склонны думать, что в качестве «холопов» могли выступать не только дети иноплеменников (такие случаи, безусловно, имели место), но и члены того же рода, лишившиеся родителей. Иными словами, термин «холоп» вполне мог быть связан с широко распространенным у народов Сибири (и не только самодийцев) институтом опекуства. При этом опекаемыми могли быть, практически на одинаковых правах, и сироты из состава собственного рода, и дети иноплеменников. На определенном возрастном этапе они адаптировались воспитавшим их родом, становились равноправными его членами, а иногда и родоначальниками особых подразделений или даже родов.

Так, у тундровых энецов есть род Багго, родоначальником которого, как явствует из его названия («багго» или «баггя» на тундрово-энецком диалекте значит «остяк», «селькуп»), согласно традиционному объяснению, был «остяк», воспитанный энцами.

Отметим в этой же связи, что один из шести «холопов», зарегистрированных переписью 1680—1681 гг., а именно Лебеда, позднее стал главой самостоятельного «рода», точнее патронимии. Этот род «Лебедия», наряду с другими подобными же родами тундровых энецов, фигу-

¹³ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 214, оп. 1, кн. 708, лл. 99—116.

рирует в переписных материалах первой ясачной комиссии 1768 г.¹⁴

Все сказанное приводит нас к заключению, что патриархальное рабство даже в той очень умеренной форме, как оно существовало, скажем, у обских угров, у самодийских народов Обь-Енисейского Севера отсутствовало. Возможно, и то с определенными оговорками, о которых шла речь выше, говорить о наличии у них лишь отдельных элементов указанного социального института. С этих позиций мы объясняем и предложенный М. А. Кастреном вариант перевода ненецкого слова «хаби» — «селькуп» как «der Knecht» — «раб»¹⁵. Вероятно, в этом случае более уместен иной перевод, т. е. «военнопленный», так как никакой сколько-нибудь заметной роли в общественной жизни самодийского общества Обь-Енисейского бассейна институт патриархального рабства не играл.

В том же году, когда была опубликована упоминавшаяся выше статья А. А. Терентьева, известный историк Сибири С. В. Бахрушин выпустил книгу под названием «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках»¹⁶. На основании фольклорных источников, архивных данных и некоторых исторических документов рассматриваемого периода он выдвинул концепцию о том, что еще задолго до присоединения Сибири к России у хантов и манси произошел распад первобытнородовых отношений, наметились «признаки феодализации» и начали складываться, правда, «еще очень примитивные, формы государственной организации»¹⁷. «Остяцкий и вогульский князь, — писал далее С. В. Бахрушин, в XV—XVI вв. уже перестал быть родовым старшиной своего племени и принял черты маленького феодального сеньора»¹⁸.

«Самоедов» (ненцев) С. В. Бахрушин в этой связи обошел молчанием, ограничившись всего лишь одним замечанием о том, что многие из них были «в кабале и рабстве у остяцких князьков»¹⁹.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1648, лл. 34—41.

¹⁵ М. А. Castren. Wörterverzeichnisse aus der samoyedischen Sprachen. St.-Pb., 1855, S. 8.

¹⁶ С. В. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках. Л., 1935.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, стр. 14.

Концепция С. В. Бахрушина не встретила поддержки подавляющего большинства исследователей социальной истории Сибири ни тогда, когда книга его была опубликована, ни позже²⁰.

Н. Н. Степанов, один из оппонентов С. В. Бахрушина, выступивший со специальной статьей, посвященной разбору его книги, убедительно показал, что основная ошибка автора заключалась в модернизационной оценке социальной сущности обь-угорского общества XV и XVI—XVII вв.²¹ С. В. Бахрушин рассматривал лишь внешнюю, надстроечную сторону обь-угорского общества (политическая и наследственная власть «князей»), вместо того чтобы попытаться дать его всесторонний социально-экономический анализ. Как пишет Н. Н. Степанов, фольклорный, летописный и актовый материал, приведенный в книге С. В. Бахрушина, «не дает никаких данных о созревании феодализма у остяков и вогулов до XVII в.»²² Данные этих источников свидетельствуют о том, что в период, предшествовавший включению Сибири в состав Русского государства, обские угры находились на стадии патриархально-родовых отношений, хотя последние и вступили уже в эпоху своего распада.

Та же самая характеристика, очевидно, может быть применима и к социальному строю самодийцев XVII в., с той лишь разницей, что у кочевников тундры, какими они являлись, эти процессы протекали более замедленно.

В документах конца XVII в. (материалы переписи 1681 г.) о ненцах, энцах и нганасанах нередко упоминаются так называемые «захребетники». По подсчетам С. В. Бахрушина, в Авамском и Хантайском зимовьях, где вносили ясак члены нганасанских и тундрово-энецких родов, на 445 человек, учтенных переписью, приходилось 107 «захребетников»²³.

«Захребетниками», по мнению С. В. Бахрушина, ре-
визские учетчики называли бедняков, «худых людей»,

²⁰ Из современных историков Сибири, насколько нам известно, ее разделяет и поддерживает только В. Ф. Ретунский (см.: В. Ф. Ретунский. Общественный строй у народностей Обского Севера до Октябрьской революции. — «Ученые записки Горьковского государственного пединститута им. М. Горького», 1965).

²¹ Н. Н. Степанов. К вопросу...

²² Там же, стр. 20.

²³ С. В. Бахрушин. Самоеды в XVII в., стр. 9.

имевших в небольшом количестве или совсем не имевших оленей²⁴. Можно предположить, что они жили в качестве работников в чумах (а точнее, на стойбищах) более обеспеченных оленями сородичей.

К сожалению, материалы переписей и ясачные документы не позволяют четко определить социальное положение «захребетников» в самодийском обществе. Приведенная выше характеристика этой социальной прослойки самодийцев, по нашему мнению, наиболее точно отвечает действительному положению дел.²⁵ Вряд ли прав С. В. Бахрушин, который в своей другой работе, построенной на объ-угорских материалах, высказывает предположение о том, что наличие «разряда» (термин С. В. Бахрушина) «захребетников» у некоторых групп обских хантов следует расценивать как признак «нарождающихся феодальных отношений»²⁶. Еще меньше оснований считать «захребетников» прослойкой если не находившейся на одном юридическом положении с рабами, то во всяком случае ближе всего в социальном отношении с ней соотносившейся²⁷.

Для освещения вопросов о времени возникновения элементов частнособственнического уклада в самодийском обществе Сибирского Севера необходимо в первую очередь дать всесторонний анализ его экономической структуры.

Основными хозяйственными отраслями ненцев, энцев и иганасан ко времени включения Сибири в состав России (и вплоть до начала XX в.) были охотничий промысел, оленеводство и рыболовство.

Комплексный характер хозяйства не означал, однако, что указанные отрасли имели равноценное значение для всех самодийских семей на протяжении рассматриваемого периода в целом. Для каждой из названных отраслей самодийской экономики был характерен самостоятельный путь развития, в результате чего ее значимость в хозяйственной жизни самодийского общества неоднократно менялась. Одни хозяйственные занятия являлись главными, другие — второстепенными. Социальная дифференциация

²⁴ Там же.

²⁵ См. по этому вопросу также: *Н. Н. Степанов*. К вопросу..., стр. 30.

²⁶ *С. В. Бахрушин*. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках, стр. 25.

²⁷ *А. А. Геренгьев*. Указ. соч., стр. 136, 137.

семейных коллективов, вызываемая изменениями, происходившими в экономике самодийского общества, определяла значение отраслей в хозяйственной жизни семьи в зависимости от ее положения в общественно-социальной структуре.

Как и у большинства коренных жителей тундровой зоны Сибири, охотничий промысел самодийских народов подразделялся на добычу пушного зверя и охоту на животных и птиц, мясо которых употреблялось в пищу, а шкуры, кости, рога, оперение — для различных внутрихозяйственных нужд (шитье одежды и обуви, изготовление тюков — покрывал для чума, деталей оленьей упряжи, рукояток ножей и т. д.).

Среди промысловых животных и птиц первое место (особенно у энцев и иганасан) принадлежало дикому северному оленю. Добывали также куропатку и зайца, а весной и осенью — гуся и утку.

В прибрежных местностях (особенно на Ямале, Гыданском полуострове, в районе Обской губы) ценцы промышленляли нерп, морских зайцев, моржей.

Продукция морского зверобойного промысла (за исключением моржового клыка), как правило, товарного выхода не имела и потреблялась целиком внутри хозяйства.

Иначе обстояло дело с пушной охотой. Шкурки соболей и других ценных животных тундры (песцы, лисицы, горностап) не только шли для оторочки и украшения одежды, но и издавна служили предметом меновой торговли.

Задолго до построения Мангазейского острога и включения западносибирских тундровых районов в состав России служилые и торговые люди совершали походы за Урал с целью приобретения ценных собольих шкурок. В известном русском сказании «О человецах незнаемых в восточной стране», которое датируется концом XV — началом XVI в., относительно «самоеди Мангазси» (одно из родовых подразделений лесных энцев. — В. В.), живущей «на восточной стране, за югорскую землю...», говорится следующее: «... а ездят на оленях и собаках, а платье носят соболие и оление, а товар их соболии»²⁸. В том же произведении об иной «самоеди», обитающей «над морем»,

²⁸ А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 3.

сказано: «...а торг их соболи, да песцы, да пыжи, да оленьи кожи»²⁹.

Шкурки соболей и других ценных пушных зверей (лисицы, песцы, бобры, горностаи) были основной разновидностью дани — ясака, ежегодно собиравшейся с сибирских «инородцев» и поступавшей непосредственно в казну царского (императорского) дома. Размеры ясака, взимавшегося с представителей различных самодийских групп, первоначально заметно колебались, но затем постепенно стабилизировались. Так, по материалам, относящимся к 1625 г., тундровые и лесные энцы и нганасапы в указанное время вносили от одного до четырех соболей с каждого положенного в ясак мужчины³⁰. В то же время значительная часть тундровых и лесных ненцев на протяжении всего XVII столетия пребывала в «неоплатном» ясаке, т. е. не была учтена и переписана, а потому вносила ясак нерегулярно и всякий раз в произвольных размерах. В одной из ясачных книг Березовского уезда, датированной 1628—1629 гг., записано, например, следующее: «А платят государев ясак Казымская и Обдорская самоедь (т. е. тундровые и лесные ненцы. — В. В.) не по окладу, хто, что ясаку и какого мягкого рухлядью дать, то у них емлют... и год перед годом самоедь приезжает неровно»³¹.

Обложение ненцев ясачным сбором (да и то далеко не всех родовых групп) произошло только в конце XVII в. Именно система ясачного обложения коренного населения явилась решающим фактором, сделавшим пушнину предметом частной собственности. Один из архивных документов конца XVII в., в котором повествуется о нападении ненцев и лесных энцев на русских ясачных сборщиков, включает такой фрагмент. После того как «юраки» (тазовские ненцы) и «верхотазская самоедь» (лесные энцы) рода Аседа побили русских служилых людей, они «разобрали пушнину, взятую с них в ясак, причем каждый забрал обратно те шкуры, которые им и были принесены»³².

Важным обстоятельством, оказавшим влияние на превращение продукции пушного промысла в элемент част-

²⁹ Там же, стр. 4.

³⁰ Ленинградское отделение Архива Академии наук СССР (ЛЮААН), ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 23—32.

³¹ Цит. по: С. В. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII в. «Научные труды», т. III, ч. 2, стр. 59.

³² Там же, стр. 79.

ной собственности, следует считать также развитие меновой торговли. Как уже отмечалось выше, именно шкурки ценных пушных зверей, получаемые в обмен на муку, сахар, чай (а в дальнейшем — спирт, мануфактуру, изделия из кованого железа и меди), были самым ранним и на протяжении длительного времени (вплоть до середины XIX в.) основным видом товара, который приобретали русские промышленники, торговые и служилые люди у коренных жителей Северной Сибири. В опубликованном А. И. Андреевым «Описании о жизни и упражнении обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев», датированном 1782 г., по этому поводу сказано, например, следующее: «Выменивают и по имению в улове зверя в долг берут в Обдорском остроге самоедцы и тамошние остяки в ноябре и в декабре... у тобольских жителей и того острога у священника и причетников. В прошлом 782-м ржаной муки 3-х пудов куль за белого песка, а по конец торги выменивают за 3 песка такихых четыре куля»³³.

О том, как на практике осуществлялась такая торговля, можно судить по одному из энецких рассказов, включенному в уже упоминавшийся выше фольклорный сборник³⁴. И тем не менее право индивидуального (или даже индивидуально-семейного) пользования на протяжении всего рассматриваемого периода не распространялось на охотничьи угодья. В уже цитированном нами историческом документе второй половины XVIII в., в этой связи относительно туруханских «самоедов» говорится, например: «Обыкновенных же для промыслу зверя мест не имеют, а ходят в те места, где узнают больше зверя, и нередко самоеды и тунгусы доходят до самого моря, а иногда бывают для промыслов и в ведомстве якутском». И далее: «... а для лову зверей ходят повсюду и где только одного узнают. И сне право почитают по древнему обычаю, а других законных обстоятельств об утверждении сих мест не имеют»³⁵.

Как справедливо отмечает Б. О. Долгих, в отношении пользования какими-либо промысловыми угодьями суще-

³³ А. А. Андреев. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханском и Березовском округах разного рода ясачных иноверцев». СЭ, 1962, № 1, стр. 98.

³⁴ «Бытовые рассказы энецов». «Труды ИЭ», Новая серия, т. 75. М., 1962, стр. 118, 119.

³⁵ А. А. Андреев. Указ. соч., стр. 88, 89.

ствовало только право первого или же длительного освоения³⁶.

Правда, во второй половине XIX—начале XX в. в отдельных районах ненецкой территории отмечается закрепление охотничьих угодий за представителями определенных родов. Сообщения об этом мы находим, например, у Б. М. Житкова. Помещая карту «распределения» «самоедских» родов на Большом Ямале, последний снабжает ее следующими комментариями: «В черте своих владений самоед ловит рыбу в озерах, гоняет линных гусей и считает своей неотъемлемой собственностью песцовые норы, вблизи которых ставит слопцы и капканы»³⁷.

Однако, если быть абсолютно точным, приведенное высказывание нуждается в соответствующем комментарии. Дело в том, что в данном случае оно относится в значительно большей степени не только и даже не столько к охотничьим участкам, сколько к пастбищным угодьям. Совершенно прав М. М. Броднев, который на том же ямальском материале приходит к выводу о том, что «большинство ненцев промышляло в тех же местах, где выпасало оленей, и отношение к песцовым угодьям определялось отношением к пастбищам»³⁸.

Объясняется это прежде всего тем, что для самодийских народов пушной промысел никогда не был основной хозяйственной отраслью. При натуральном характере их экономики он всегда являлся второстепенным занятием по сравнению с оленеводством или даже рыболовством.

Подобным положением пушного промысла в хозяйственном комплексе самодийских народов следует объяснять и тот факт, что именно в данной отрасли элемент эксплуатации или зависимости стал проявляться относительно поздно, и то не совсем в чистом виде.

Мы можем лишь предполагать, что «захребетники», или «подворники», как стали именовать «худых» людей в документах второй половины XVIII—XIX в., не могли распоряжаться всей или определенной долей своей охот-

³⁶ Б. О. Долгих. Основные черты отцовско-родовых отношений у народов Севера. «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 94.

³⁷ Б. М. Житков. Полуостров Ямал. СПб., 1913, стр. 207.

³⁸ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев. СЭ, 1959, № 6, стр. 73.

ничьей продукции, которую они должны были отдавать главе чума (стойбища), где жили. В фольклорном сборнике «Бытовые рассказы энциев» приводится рассказ энца Р. А. Силкина о том, как в молодости он жил в рабочих у своего сородича Таси.

Тася Силкин снабжал своего работника одеждой и продуктами, но всех добытых песцов тот должен был отдавать ему³⁹. То же самое относительно ямальских пещцев сообщает и М. М. Броднев⁴⁰.

Положение «подворников» и иного рода несамостоятельных в производственном плане людей было связано прежде всего с тем, что они не владели достаточным количеством оленей. Именно оленеводство, начиная, вероятно, со второй половины XVII в., стало определяющим хозяйственным занятием для большинства этнографических групп северных самодийцев (во всяком случае, в пределах тундровой зоны), на чем мы подробно остановимся ниже. Пушной промысел по самой своей специфике мог развиваться только параллельно с развитием оленеводства, а его зависимость от чисто географических факторов, резкие сезонные колебания в размерах добычи того или иного вида являлись непреодолимым препятствием для прогрессивного роста продукции этой отрасли.

С этой точки зрения нам представляется ошибочным суждение, высказанное Н. А. Свешниковым, о том, что именно выделение пушного промысла в товарную отрасль северного хозяйства явилось основой развития частной собственности и роста имущественного неравенства у коренных народов Северо-Западной Сибири⁴¹.

Формирование частнособственнических отношений самодийского общества было непосредственно связано в первую очередь с развитием основного хозяйственного направления — оленеводства.

Тот факт, что крупнотабуное оленеводство — явление для западсибирского Севера относительно позднее, достаточно широко освещен в литературе.

³⁹ «Бытовые рассказы энциев», стр. 81.

⁴⁰ М. М. Броднев. Из истории..., стр. 78.

⁴¹ Н. А. Свешников. О переходе родовой общины в соседскую у народов Крайнего Северо-Запада Сибири. «Ученые записки Енисейского гос. пед. ин-та», вып. 3. Серия историко-филологическая. Енисейск, 1959, стр. 79.

В конце XV—XVI в., судя по отдельным текстам «Сказания о человеках, незнаемых в Восточной стране», по описанию путешествия по Московии Корнелиуса де Бруина и по некоторым другим источникам, самодийское оленеводство имело почти исключительно транспортный характер и служило для передвижения в зимнее время⁴². Даже в середине XVII в., судя по данным Е. И. Колычевой, наиболее многочисленные олени стада европейских ненцев не превышали сотни голов. «Владелец стада в 40 оленей считал себя сильным»⁴³.

Однако уже в конце XVII столетия размеры оленьих стад в европейских и западносибирских тундрах возрастают весьма интенсивно.

В поисках новых пастбищ ненецкие оленеводы начинают проникать во все более отдаленные тундровые районы. Очевидно, приблизительно к этому времени относится и освоение Большого Ямала. Потребность в оленьих пастбищах, вероятно, была и первопричиной военных конфликтов, имевших место между ненцами и энцами в конце XVII столетия, в результате которых бассейны среднего и нижнего течения реки Таз и левый берег реки Енисей стали зоной ненецкого влияния.

Сосредоточение в руках ненцев обширных пастбищных территорий со своей стороны способствовало прогрессивному росту поголовья оленей. Уже в XVIII в. оленеводство становится ведущим, определяющим направлением самодийской экономики.

Превращение оленеводства в главную хозяйственную отрасль оказало решающее влияние на изменение социальной структуры всех групп самодийского населения, и прежде всего тундровых сибирских ненцев.

«Книга обдорской самоеди» 1695 г. учла сибирских тундровых ненцев, кочевавших в пределах Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии в количестве 20 родовых подразделений⁴⁴. Данные ревизских переписей конца XVIII—начала XIX в. зафиксировали

⁴² А. Титов. Указ. соч., стр. 1—6; К. де Бруин. Путешествие через Московию. «Чтение в Обществе истории и древностей российских», 1872, кн. I, стр. 16.

⁴³ Е. И. Колычева. Ненцы Европейской России в конце XVII—начале XVIII в. — СЭ, 1956, № 2, стр. 79.

⁴⁴ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1095.

у них 15 родов⁴⁵. Какого-либо внутреннего членения родовых коллективов на более мелкие, дочерние подразделения (большие семьи или патронимии) указанными материалами почти не выявляется, и тем не менее этот процесс, вероятно, в рассматриваемое время развивался уже достаточно интенсивно.

Социальная дифференциация весьма отчетливо проявляется в оленеводстве уже в XVIII в. Так, по сведениям И. Г. Георги, у ненцев в указанное время встречались стада, размеры которых колебались в пределах от 20 до 2000 голов⁴⁶. В. Ф. Зуев приводит для того же периода еще более крайние цифры — 10 и 3000 голов соответственно⁴⁷.

С ростом размеров оленьего поголовья стада из собственности всего рода довольно скоро, очевидно, перешли в собственность отдельных патриархальных семей. По мере роста поголовья оленей, находившихся во владении этих большесемейных коллективов, они все более ощущали себя самостоятельными экономическими единицами, не связанными хозяйственными узами ни с основным родовым деревом, ни с другими его подразделениями.

Результатом этого процесса явилось полное экономическое обособление больших семей, которые по мере естественного разрастания превратились в патронимии, несшие на себе все функции малых родов (вплоть до экзогамии). Эти малые роды были связаны с другими аналогичными коллективами только экзогамными запретами, составляя с ними и с первоначальным родом однофратриальное единство.

Девятая народная перепись, проводившаяся в 1851 г., учитывала сибирских ненцев уже не только по родам, но и по «ватагам» (со своим старшиной во главе), на которые эти роды подразделялись. Всего переписью было учтено 12 родов и 29 «ватаг», причем наибольшее число «ватаг» — 13 — зафиксировано в одном из основных первоначальных родов сибирских ненцев — Харючи (Карачей)⁴⁸. «Ватаги» — не что иное, как патронимии, на ко-

⁴⁵ Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО), ф. 154, оп. 8, № 43, 72, 289, 404.

⁴⁶ И. Г. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. III. СПб., 1799, стр. 7.

⁴⁷ В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии Сибири XVIII века. М., 1947, стр. 32.

⁴⁸ ТФ ГАТО, ф. 154, оп. 8, № 993, лл. 51—102.

торые распались первоначальные роды сибирских тундровых пенцев. В архивных материалах — документах ревизских переписей конца XVIII в. среди глав и членов пенечских семей, входивших, например, в род Карачей (Харючи) упоминаются Лапцуй, Тоседа (он же Омзати), Хороля (Хороля — один из родов фратрии Харючи), Питирисов и другие, чьи имена или прозвища совпадают с названиями позднейших пенечских родов⁴⁹.

В данной переписи 1897 г. «ватаги» сибирских тундровых пенцев (в количестве 28) выступают уже под теми же родовыми названиями, под которыми они известны и в настоящее время⁵⁰.

Таким образом, можно констатировать, что к середине XIX в. большие патриархальные роды сибирских пенцев по существу прекратили свое существование как цельные социальные коллективы, распавшись на ряд экономически самостоятельных подразделений — малых родов.

Но и экономическая целостность малых родов была очень непрочной. В их недрах зрели процессы имущественной дифференциации, шло выделение экономически сильных семей, постепенно сосредоточивавших в своих руках основное хозяйственное достояние рода — оленей. На противоположном полюсе оказались семьи, которые, частично или полностью лишившись своих стад, должны были либо совсем порвать с оленеводством и перейти на работу в другие отрасли (например, в промышленное рыболовство), либо оказывались в постоянной экономической зависимости от более обеспеченных сородичей.

В условиях дальнейшего разложения патриархально-родовых отношений олепи становятся не только основным, определяющим коэффициентом имущественного положения той или иной семьи, но и своеобразным мерилом при решении правовых вопросов.

Любая кража оленей каралась наказанием, согласно которому ответчик, уличенный в преступлении, должен был возместить причиненный ущерб оленями из собственного стада, причем часто в полуторном и даже двой-

⁴⁹ Там же, № 43, лл. 131 об., 189; № 72, лл. 96 об., 139 об., 151 об.

⁵⁰ С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. II. СПб., 1912, стр. 37.

ном размере⁵¹. В пересчете на число оленей нередко выносились решения по поводу кражи одежды, парт, утвари и других предметов быта или продуктов, включая муку⁵².

Даже такое тяжкое преступление, как изнасилование, обычно каралось тем, что насильники отдавали в пользу пострадавшей одного или нескольких оленей⁵³.

Документы, содержащиеся в названном выше сборнике, свидетельствуют о том, что уже в 80-х годах XIX в. олени являлись собственностью не большесемейных коллективов, а отдельных малых семей.

В этом аспекте особенно интересны включенные в книгу дела о наследовании имущества. Подобных дел не много — всего три (№ 45, 48, 72), но каждое из них представляет большой интерес. Одно из перечисленных дел (№ 72) касается завещания, составленного престарелой «самоедской» вдовой Наречиной, из которого видно, что она признана единственным лицом, имевшим юридическое право распоряжаться своим имуществом, в том числе и оленями⁵⁴. Два других дела связаны с жалобами вдов на то, что братья или иные родственники бывшего мужа после его смерти прибирали к рукам имущество покойного (главным образом, колечпо, оленей). Во всех подобных случаях решение было однотипным: олени являются неотъемлемой собственностью вдовы и ее детей⁵⁵.

Наконец, именно количеством оленей определялся размер калыма, который отец жениха должен был вносить за невесту. Даже за воспитание несовершеннолетних детей (главным образом девочек) полагалась со стороны родителей (если таковые имелись) плата воспитателям в размере определенного количества оленей, или же они получали право на калым в случае замужества⁵⁶.

Дальнейшее развитие оленеводства и других отраслей самодийской экономики уже на рубеже XIX—XX вв. привело к замене родовых отношений как основополагающего фактора в экономической и социальной жизни ненецкого

⁵¹ «Обдорской управы книга для записей приговоров по тяжбам, спорам и проступкам инородцев (1881—1901)». Томск, 1970, стр. 44, 45, 60, 61, 83, 84, 120, 121.

⁵² Там же, стр. 33, 34.

⁵³ Там же, стр. 48, 49.

⁵⁴ Там же, стр. 90, 91.

⁵⁵ Там же, стр. 59, 60, 62.

⁵⁶ Там же, стр. 37, 38.

общества соседско-территориальными. В низовьях Енисея, например, к указанному времени сложились четыре территориальные группы, которые объединяли в своем составе не только представителей различных самодийских этнографических групп, но и порою людей разной этнической принадлежности.

В этих условиях дальнейшее дробление оленьих стад между отдельными семьями внутри малых родов (патронимий) продолжалось, в результате чего социальная дифференциация еще более усилилась.

Насколько далеко зашел данный процесс к 20-м годам нашего столетия свидетельствует помещенная ниже таблица.

*Распределение поголовья оленей по категориям хозяйств у самодийского населения низовьев Енисея по территориальным группам**

Категории хозяйств	Территориальная группа									
	право-бережная		левобережная		центрально-ная		лесотундровая		итого	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Безоленные хозяйства оленей	6	4,8	8	8,5	20	15,0	13	23,6	47	11,6
От 1 до 50 хозяйств оленей	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
От 1 до 50 хозяйств оленей	63	54,8	57	60,6	98	73,7	39	70,9	262	64,5
От 50 до 250 хозяйств оленей	1202	4,7	1303	11,9	1977	48,4	928	81,3	5410	13,1
От 50 до 250 хозяйств оленей	36	29,0	26	27,3	12	9,0	3	5,5	77	19,0
От 250 и более хозяйств оленей	3644	14,6	2717	24,8	1020	25,0	214	18,7	7595	18,4
От 250 и более хозяйств оленей	14	11,4	3	3,2	3	2,3	—	—	20	4,9
Итого: хозяйства оленей	20 228	80,7	6932	63,3	1083	26,6	—	—	23 243	68,5
Итого: хозяйства оленей	124		94		133		55		406	
Итого: хозяйства оленей	25 074		10 952		4080		1142		41 248	

* Таблица составлена по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Туруханскому Северу, хранящимся в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК) (ф. Р-769, оп. 5, № 93, 99, 101, 103, 105, 108, 109, 114, 118, 121, 125, 131, 136, 137).

Аналогичные данные по материалам Ямальской тундры приводятся в статье Н. А. Свешникова и других работах⁵⁷.

Основной формой производственных объединений оленеводов были стойбища, или «пармы». Можно предполагать, что первоначально пармы, вероятно, включали в свой состав только сородичей, а на самой ранней стадии, как нам уже приходилось отмечать, даже совпадали с большой семьей⁵⁸. Пармы такого рода существовали в конце XIX в.⁵⁹, а в отдельных уголках тундры сохранялись еще в 1920-х годах. Архивные материалы 1926 г., относящиеся к обдорским ненцам, кочевавшим на левобережье Енисея, дают пример подобной пармы, которую образовывали три брата из рода Ябтонгэ. Эти братья в рассматриваемый период жили раздельно, каждый своим хозяйством, но объединяли свои стада для совместного выпаса⁶⁰.

Однако нередко в парму входили люди, принадлежавшие к различным родам и этническим группам. Такие пармы известны по архивным документам уже с конца XIX в.⁶¹

Наряду с объединениями, которые составлялись из хозяйств, владевших примерно одинаковым числом оленей, были пармы, которые образовывали хозяйства различного материального достатка. Примеры таких объединений известны у европейских ненцев уже с середины XIX в.⁶² М. М. Броднев в послереволюционные годы на Центральном Ямале наблюдал парму, которую составляли ненцы Вэнго Соля, имевшего более 2000 оленей, Тусида Тенко и

⁵⁷ Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX—начале XX века. Вопросы истории Сибири. «Ученые записки Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 222. Л., 1961, стр. 79; 30 лет Ямало-Ненецкого округа (историко-экономический очерк). Тюмень, 1960, стр. 38.

⁵⁸ В. И. Васильев. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и иганасан. «Общественный строй у народов Северной Сибири», стр. 196, 197.

⁵⁹ «Обдорской управы книга...», стр. 136—139.

⁶⁰ ГАКК, ф. Р-769, оп. 5, лл. 33—38.

⁶¹ См. также: П. Маслов. Кочевые объединения единоличных хозяйств в тундре Северного Края. «Советский Север», 1934, № 5; П. Е. Терлецкий. К вопросу о пармах Ненецкого округа. Там же; Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья...; М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, и др.

⁶² В. Яславин. Самоеды в домашнем и общественном быту. Спб., 1847, стр. 57, 58.

Вэнго Еня, каждый из которых владел стадом в 150 оленей⁶³. Однако, поскольку в парме каждый чумо-хозяин выпасал совместное стадо поочередно, для Вэнго Соля она создавала возможность фактически безвозмездно эксплуатировать чужой труд.

Наряду с объединением в одно стойбище хозяйств разного экономического достатка в конце XIX—начале XX в. существовали и такие формы эксплуатации зажиточными оленеводами своих менее обеспеченных сородичей или соседей, как «подэрпо», или «кортом». В переводе с пенецкого «подэрпо» значит «запрягать». Суть «подэрпо» сводилась к следующему. Часть своих оленей (по 10, 20, 40, иногда до 100 голов) зажиточные пенцы отдавали на выпас менее обеспеченным сородичам или соседям. С одной стороны, соблюдался принцип родовой или соседской взаимопомощи, с другой — прикрывался элемент эксплуатации.

За пользование оленями малообеспеченные хозяйства расплачивались с их владельцами чаще всего пушшиной⁶⁴. Н. А. Свешников рассматривает «подэрпо» как своего рода отработочную ренту⁶⁵. Но, строго говоря, рентой «подэрпо» все же называть нельзя. Прежде всего размер и характер «взносов» за взятых в аренду оленей был чрезвычайно неустойчив. Чаще всего это были шкурки песца или иных пушных зверей, иногда рыба. Известны случаи, когда арендатор получал в пользование оленей лишь с обязательством их обучения⁶⁶.

Наиболее неприкрыто элемент эксплуатации чужого труда в оленеводстве выступал тогда, когда люди, по каким-то причинам лишившиеся оленей, вынуждены были наняться пастухами к зажиточным сородичам или соседям. Но и в этих случаях взаимоотношения хозяина и пастуха складывались весьма своеобразно. Как справедливо отмечает М. М. Броднев, специально занимавшийся исследованием этого вопроса, «неизвестно ни одного слу-

⁶³ М. М. Броднев. От родового строя к социализму. СЭ, 1950, № 1, стр. 96.

⁶⁴ По данным Ю. Кудрявцева, наиболее распространенным эквивалентом годовой арендной платы являлось соотношение: 1 песец=1 олень (Ю. Кудрявцев. На путях реконструкции оленеводства в советской Азии. «Советская Азия», 1930, № 1—2, стр. 36).

⁶⁵ Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья..., стр. 83.

⁶⁶ Л. В. Хомич. Ненцы. М.—Л., 1966, стр. 154.

чая, чтобы безоленный бедняк и хозяин стада определили условия труда — срок, размер оплаты и т. д., как это делалось при найме батраков в русских деревнях»⁶⁷. Собственно, и найма никакого не было: человек приходил или подкочевывал к стаду зажиточного оленевода, или тот сам его звал, и начинал работать. В его обязанности входил только выпас оленей. Кроме того, хозяину принадлежала и добытая пастухом пушнина. Со своей стороны пастух получал от хозяина питание, шкуры для шитья одежды (или готовую одежду)⁶⁸. Н. А. Свешников приводит цифры и значительно более высоких заработков. По его сведениям, у ненцев Обского Севера холостой пастух за свою работу ежегодно получал от хозяина десять оленей, семейный — три-четыре оленя⁶⁹. На Енисейском Севере пастух за работу в течение года получал (при питании за счет хозяина, но своей одежде) три оленя, а при собственном питании — по рублю за выпас каждого оленя⁷⁰. Если пастух покидал хозяина, то расчет с ним производился также целиком в зависимости от воли последнего. Иногда приходилось уходить ни с чем, но известны случаи, когда бывший пастух получал за свой труд оленей (по одному за каждый год работы)⁷¹.

Использование зажиточными ненцами для выпаса собственных оленей обедневших сородичей, опять-таки под видом взаимопомощи, по данным В. Ф. Зуева, известно со второй половины XVIII в.⁷².

Тот же автор сообщает и о случаях работы «самоедов» пастухами у русских. Но если на Европейском Севере, особенно в Капшинских и Тимапских тундрах, русские крестьяне прочно владели пастбищами и держали пастухов-ненцев в жестокой долговой кабале⁷³, за Уралом наблюдалась в этом отношении совершенно противоположная картина. Как пишет В. Ф. Зуев, появившись пастухом в русское стадо, хозяин которого видел своих оленей не чаще чем раз в год, «самоед» очень скоро «хозяина разо-

⁶⁷ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, стр. 78.

⁶⁸ «Бытовые рассказы энцев...», стр. 81.

⁶⁹ Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья..., стр. 82.

⁷⁰ ГАКК, ф. Р-769, оп. 5, № 42, л. 63.

⁷¹ «Бытовые рассказы энцев», стр. 81.

⁷² В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 32.

⁷³ А. А. Терентьев. Закрепощение ненцев в XVIII веке. Л., 1934.

рит, а сам разбогател», потому как, «куда б сколько (олений. — В. В.) ни утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности»⁷⁴.

Вообще необходимо отметить, что в Западной Сибири на протяжении почти всего дореволюционного времени оленеводство было занятием преимущественно коренного населения.

Коми, проникшие в Зауралье во второй половине XIX в., захватили пастбища, расположенные к западу от Оби. Далее на восток они продвинулись лишь узким клином в пределах Надымской тундры. Но произошло это уже в начале XX в.

Пастухами в стадах крупных оленеводов-коми работали, как правило, выходцы из европейских ненцев.

Что касается русских, то их причастность к занятию оленеводством в XIX—начале XX в. в Западной Сибири, в отличие от Европейского Севера, была скорее исключением. Лишь небольшое число русских жителей, преимущественно из обдорских и туруханских крестьян, рисковали связать свою деятельность с этим незнакомым занятием. Среди них наиболее крупным оленеводом считался обдорский крестьянин Алексей Мамеев, владевший поголовьем в несколько тысяч оленей. Пастухами в стадах Мамеева работали ненцы⁷⁵.

Подводя итоги вышесказанному, мы приходим к выводу, что оленеводство (во всяком случае со второй половины XIX в.) являлось той отраслью хозяйства народов Севера, где частнособственнические отношения достигли высокого развития.

Объектом частной собственности являлись основные средства производства — олени. Элемент эксплуатации чужого труда выступал в этой отрасли, хотя и обычно в завуалированной форме, все же весьма отчетливо.

И тем не менее, как справедливо замечает Б. О. Долгих, частная собственность на оленей у самодийских народов не была абсолютной⁷⁶. В том случае, например,

⁷⁴ В. Ф. Зуев. Указ. соч., стр. 30.

⁷⁵ Архив Сургутского горзагса. Метрические книги Сургутской Троицкой церкви, кн. 8, 1890 г., январь.

⁷⁶ Б. О. Долгих. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970, стр. 92.

если владелец стада умирал, а прямых наследников не оказывалось, олени умершего передавались членам его рода.

Но, пожалуй, самым важным обстоятельством в этом отношении следует считать отсутствие частной собственности на пастбищные угодья.

На западе (от Уральского хребта до Оби) и на востоке (в бассейнах Таза и Елисея) пастбищные угодья вообще не были распределены даже между отдельными родами. На Ямальском полуострове (особенно в его центральной и северной частях), судя по данным Б. М. Житкова, подтвержденным позднейшими материалами Г. А. Артеева и М. М. Броднева, такое распределение летних пастбищ имело место⁷⁷.

Но, говоря о Большом Ямале, нельзя забывать, что это территория сравнительно позднего освоения, причем появление самодийцев в центральной части и на севере полуострова было обусловлено именно потребностями развития оленеводства. Наконец, анализ материалов, относящихся к первой половине нашего столетия (в виде картосхем они приведены в последней работе Б. О. Долгих)⁷⁸, показывает, что в данном случае можно говорить о родовых территориях главным образом в отношении сравнительно поздних социальных образований — малых родов.

Выше нам уже приходилось отмечать, что с самого начала образования малых родов внутри них интенсивно развивалось социальное расслоение.

Сложение соседских территориальных групп, внутри которых основными производственными единицами стали объединения типа парм, еще более ускорило этот процесс. Поэтому для начала нашего столетия можно говорить о родовых территориях на Ямале, очевидно, в значительной степени в аспекте традиции. Как пишет Н. А. Свешников, в этот период фактическими собственниками пастбищ были кочевые соседские общины⁷⁹. В то же время известны факты захвата лучших пастбищ

⁷⁷ Б. М. Житков. Указ. соч., стр. 205—208; Г. И. Артеев. Кочевья оленеводов северо-западной части Обдорского района. — «Урал». 1926, № 8, стр. 141, 142; М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, стр. 20—22.

⁷⁸ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 94.

⁷⁹ Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья..., стр. 72, 75, 94.

крупными оленеводами, которые требовали даже платы от других сородичей за пользование родовыми угодьями⁸⁰. Эти случаи, бесспорно, можно рассматривать как свидетельство проявляющейся тенденции превращения пастбищных угодий в объект частной собственности.

Следует, однако, иметь в виду, что подобные случаи составляли скорее исключение, чем правило. Тенденция превращения пастбищных угодий в объект частной собственности так и не получила развития в самодийском обществе.

Относительная неразвитость, своего рода односторонность частнособственнических отношений в оленеводстве самодийских народов во многом объясняется тем, что эта отрасль в течение всего рассматриваемого периода имела натуральный характер. Продукция оленеводства по существу не получала товарного выхода и почти целиком потреблялась внутри собственного хозяйства.

Таким образом, хотя оленеводство и давало владельцу прибавочный продукт, он выступал либо в опосредствованной форме (например, шкурки песцов, которые пастухи обязаны были сдавать своему хозяину), либо в форме нереализуемых товарных ценностей (олени).

Исходя из этого, рассматривать оленеводческое хозяйство народов Севера даже в его наиболее резких полярно-полюсных проявлениях как капиталистическое или хотя бы развивавшееся по капиталистическому пути никаких оснований не имеется.

А если так, то совершенно неправомерно использовать для характеристики общественных отношений народов Севера терминологию развитого классового общества. К сожалению, этим грешат некоторые серьезные работы по данному вопросу⁸¹.

⁸⁰ Там же, стр. 77.

⁸¹ Мы имеем в виду прежде всего две содержательные статьи Н. А. Свешникова: «Общественный строй народов Нижнего Приобья в конце XIX—начале XX века» и «О переходе родовой общины в соседскую у народов Крайнего Северо-Запада Сибири». Но особенно показательна в этом отношении статья В. А. Тураева, само название которой достаточно выразительно говорит о ее содержании (*В. А. Тураев. Классовое расслоение на Севере (1926—1930 гг.). «История, социология и филология Дальнего Востока. Труды Дальневосточного научного центра»*, серия историческая, т. 8. Владивосток, 1971, стр. 131—134.

Рыболовство во внутривоспроизводственном комплексе северосамодийских народов всегда имело вспомогательное значение по сравнению с такими занятиями, как охота на дикого северного оленя, а позднее табушное оленеводство.

В то же время именно эта отрасль северного промыслового хозяйства в наибольшей степени привлекала русский торговый капитал. С развитием пароходного сообщения (в середине XIX в.) русские рыбопромышленники и предприниматели хлынули в низовья Оби и Енисея.

В связи с тем что рыбопромышленники захватывали лучшие угодья, принадлежавшие коренному населению, в 1801 г. было введено положение, согласно которому предприниматели были обязаны вносить «иногородцам» за пользование угодьями арендную плату или (если речь шла о покупке) полностью оплатить их стоимость⁸².

В конце XIX в. основные рыболовные угодья в низовьях Оби номинально паходились в собственности отдельных малых родов, на которые распались большие первоначальные роды. Но фактически, как правильно отметил М. М. Броднев, они являлись собственностью нескольких семей, принадлежавших к этим родам, которые по каким-то причинам лишились оленей и осели на берегу, сделав рыболовство своим основным занятием⁸³.

С приходом рыбопромышленников представители этих семей стали заключать с ними сделки на сдачу в аренду угодий и получать арендную плату. Постепенно число рыболовных участков, сдаваемых в аренду, возрастает. По данным, относящимся к началу нашего столетия, из 168 участков по Оби и Иртышу только 22 (или 13%) оставались еще в собственности коренного населения, остальные фактически перешли в пользование русских промышленников⁸⁴.

Одновременно сужается и круг семей, получающих арендную плату за угодья. М. М. Броднев приводит такого рода факт в отношении песка Ямбура, расположенного в пойме Нижней Оби. Некогда этот песок принадле-

⁸² А. Ф. Плотников. Нарымский край. Спб., 1904, стр. 84.

⁸³ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских энцев, стр. 73.

⁸⁴ А. А. Дунин-Горкавич. Тобольский Север, т. I. Спб., 1904. Приложение I (подсчеты наши. — В. В.).

жал нескольким семьям, в 1914 г. им владели две семьи, а уже в 1917 г. только одна⁸⁵.

Сдача рыболовных песков в аренду явилась основным каналом для проникновения частнособственнических отношений в эту отрасль самодейского хозяйства. Отдельные семьи стали рассматривать «родовые» угодья как свою собственность и не желали делиться с сородичами доходами, получаемыми от аренды. Тот же М. М. Броднев приводит характерный пример, как один из представителей фамилии Пуйко захватил угодье своего рода и постепенно завладел всей арендной платой, которая за него полагалась⁸⁶. Известны случаи, когда отдельные семьи (или группы семей), польстившись на крупную сумму, продавали угодья русским купцам или обеспеченным людям из числа ненцев⁸⁷.

Переход рыболовных угодий фактически в частную собственность отдельных семей породил среди ненцев даже определенную прослойку ростовщиков. Ярким примером в этом отношении может служить некий Сэротэтто Вакуй, который, сдавая рыбопромышленникам в аренду угодья, кроме обычной платы — 1500 руб. в год, требовал от них осенью в счет аренды будущего года 10 кирпичей чая, 3 пуда масла, 10 мешков ржаной муки и другие продукты. Ими на кабальных условиях зимой он снабжал в долг своих сородичей и соседей, получая на каждой сделке в среднем 150% прибыли⁸⁸.

Лов рыбы на арендованных песках производился в основном артелями наемных рабочих. Часть из них (русские, татары и др.) приезжали с пароходами из городов и деревень верховьев Оби и Енисея, часть (ненцы, энцы, ханты, коми) нанималась на месте. По данным Н. А. Свешникова, в 1908 г. в низовьях Оби работало на рыболовцев

⁸⁵ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, стр. 73.

⁸⁶ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, стр. 73.

⁸⁷ Там же. Эти же примеры приводит и В. Ф. Ретунский в качестве доказательства сложения у ненцев низовьев Оби «феодалной» собственности на рыболовные угодья (В. Ф. Ретунский. Указ. соч., стр. 135, 136).

⁸⁸ М. М. Броднев. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев, стр. 74.

ких промыслах более 13 000 человек из числа коренного населения⁸⁹.

Одной из распространенных форм организации труда в рыболовстве были также неводные или полуневодные артели. Такая артель создавалась следующим образом. Несколько безоленных или малооленных хозяйств объединялись и брали в аренду невод у кого-либо из русских купцов или промышленников за определенную долю в добыче. Существовали и такие артели, в которые входили владелец невода, получавший половинную долю, и арендаторы из числа коренного населения (обычно два хозяйства), каждый из которых распоряжался только четвертью улова.

Все рыболовецкие артели, как правило, сдавали рыбу в обмен на привозимые пароходами товары и лишь в редких случаях за деньги. Обычно члены самодийских рыболовных артелей забирали товары и необходимые материалы у торговцев и предпринимателей в кредит, что открывало последним широкие возможности для самой беззащитной эксплуатации коренного населения. Секретарь Енисейского губернского статистического комитета П. Е. Кулаков в своей докладной записке о состоянии рыболовного промысла в низовьях Енисея, составленной в 1897 г., приводит, в частности, такой пример сделки между промышленником и «инородцами». Крестьянин села Селякина пекто Кочнев снабжал «инородческую» артель коноплей, мешочным полотном, бечевой, пряжей, необходимыми для изготовления невода, а также лодкой — всего на сумму около 70 руб., за что получал от нее половину всего улова, стоимость которого составляла в среднем 140 руб. Прибыль от этой операции равнялась, таким образом, 100%, не считая того, что предприниматель забирал еще и половинную часть весеннего улова. Кроме того, он вел от имени артели все расчеты с торговцами, на чем наживался дополнительно⁹⁰.

Как правило, выловленной рыбы не хватало для покрытия всей суммы взятых в кредит товаров и материа-

⁸⁹ Н. А. Свешников. Общественный строй народов Нижнего Приобья..., стр. 33.

⁹⁰ П. Е. Кулаков. Докладная записка о состоянии рыболовного промысла и торговли в низовьях Енисея. Архив Всесоюзного географического общества (АВГО), раз. 57, оп. 1, № 50, лл. 21, 22.

лов, и члены рыболовецких артелей уже через несколько лет оказывались в неоплатном долгу у предпринимателей и торговцев. По свидетельству того же П. Е. Кулакова, среди опрошенных им «самоедов», «юраков» и долган не было ни одного, который не являлся бы должником⁹¹. По данным экономпческого обследования 1913 г., среди 21 хозяйства ненцев и энцев, рыбачивших на Енисее между станком Плахино и Дудинкой, не было ни одного, которое не находилось бы в долговой кабале у русских купцов. Общая сумма задолженности всех этих семей превышала 6800 руб. (в среднем около 300 руб. на каждое хозяйство), причем большинство долгов было с 10-летним сроком давности и выше⁹².

В счет погашения долга предприниматели вынуждали попавшие в зависимость от них ненецкие и энецкие хозяйства добывать для себя пушнину и даже продавать оленей. В результате перед революцией в низовьях Оби и Енисея сложилась довольно значительная прослойка безоленных семей, занимавшихся только рыболовством и находившихся в полной зависимости от русских предпринимателей и торговцев. «Нет рыболовных песков инородцев такого-то рода, а есть пески и инородцы Ивановых, Владимировых, Кучеренко, Сотниковых и т. д. Инородцы со своими семьями обратились в батраков данных лиц... Продажа шкуры песца или нескольких пудов рыбы не „хозяйину“ влечет за собой нещадные побои и т. д.», — говорится в отчете управляющего государственными имуществами Енисейской губернии, совершившего летом 1908 г. поездку в низовья Енисея⁹³. Как правило, заработная плата рыбаков энцев и ненцев, промышлявших „от хозяина“, была в 2—3 раза меньше, чем русских, работавших на того же купца или предпринимателя.

Приведенные выше материалы показывают, что в середине XIX в. в экономпческой сфере и социальной структуре самодийского общественного организма проступают

⁹¹ Там же, л. 23.

⁹² В. Л. Исаченко. Инородцы Туруханского края, выходящие на берега Енисея в районе Дудинки и их рыболовные и другие промыслы. «Материалы по обследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении», вып. IX. Красноярск, 1915, стр. 22, 56.

⁹³ «Отчеты управляющего государственными имуществами Енисейской губернии о поездке летом 1908 года в Туруханский край». Енисейский госархив, ф. 6, оп. 1, № 10, л. 2.

достаточно четко выраженные элементы частнособственнического уклада. Их происхождение, как мы это пытались показать, носит двойкий характер: с одной стороны, частнособственнические отношения являются порождением внутриэкономических процессов, связанных с возрастанием роли оленеводства в традиционном хозяйственном комплексе, с другой стороны, с развитием промышленного рыболовства в устьях Оби и Енисея, они оказались привнесены извне.

Таким образом, именно рыболовство явилось той отраслью, посредством которой иенцы и энцы низовьев Оби и Енисея оказались втянутыми в сферу капиталистического производства. Следует иметь в виду только, что применительно к самодийцам этот процесс затронул сравнительно небольшую часть обедневшего безоленьного или малооленьного населения и почти не коснулся основной массы оленеводов.

Возникнув у самодийских народов на определенном этапе разложения патриархально-родовых отношений, на смену которым пришли отношения соседско-территориальные, частнособственнические элементы в свою очередь стали одним из необходимых условий дальнейшего развития этого процесса.

Данное обстоятельство надо иметь в виду при анализе экономического строя и социальной структуры самодийского общества второй половины XIX—начала XX в.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИМК — Вестник истории материальной культуры
ЖС — Живая старина
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЭ — Институт этнографии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
Аа — American anthropologist
Aan — American Antiquity
AS FMNH — Anthropological Series of the Field Museum of Natural History
BUPM — Bulletin University of Pennsylvania Museum
CAAH — Contributions to American Anthropology and History
CIWP — Carnegie Institute of Washington Publication
ЕСМ — Estudios de cultura Maya
GJ — Geographical Journal
HMAI — Handbook of the Middle American Indians
ICA — International Congress of Americanists
JAH — Journal of African History
JRAI — The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland
JRGS — Journal of the Royal Geographical Society
MPM — Memoirs of the Peabody Museum

MR — Maya Research
NWAFF — New World Archaeological Foundation Papers
PA — Pacific Affairs
PPM — Papers of the Peabody Museum
RS — Review Scientifique
SWJA — Southwestern Journal of Anthropology
TAPS — Transactions of the American Philosophical Society
UJ — Uganda Journal

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдиев В. И. 223
Аверкиева Ю. П. 201
Адамс Р. М. 193
Адриан 273
Акабане Х. 146
Али Гаджи 119
Алптовский С. И. 286
Альварадо П. 208, 225
Амман Марцеллин 257, 277
Андреев А. И. 323
Андреев И. Л. 120
Ансордж У. 126
Арес, миф. 253
Аристов Н. А. 281
Аристотель 272
Артеев Г. А. 335
Асед, род 322
Афинея 272
Ах Болон Цакаб, миф. 244
Ах Йамас, миф. 203
Ахуицотл 231
Ашайякатль 231
Багго, род 317
Балам-Акаб, миф. 217
Балам-Киче, миф. 217
Баландые Ж. 102, 133, 166
Баломы, миф. 245
Батембузи, династия 153—
155, 161, 162, 173, 177
Батраков В. С. 250, 284
Багун, миф. 203
Бахрушин С. В. 318—320
Бачези см. Чези
Бейкер 124
ал-Бекри 99, 101, 262
Белл Ф. 23
Беннетт Дж. 50—54, 58, 64,
71, 73, 75
Биркет-Смит К. 27
Бито, династия 162, 173—
175, 181
Бриггс Л. 281
Броднев М. М. 324, 325, 331,
332, 335, 337, 338
Бруни К. 326
Бубу Хама 115
Буркхардт 295, 300, 306
Бэкон Э. 281
Бэртон 300
«В», миф. 245, 247
Вайнштейн С. И. 286
Валлин 295
Валусимби 151
Васильев А. М. 286, 297
Васильев В. И. 4, 314
Васфи Закария 304
Вейпрайт Дж. 145
Владимировы 340
Владимирцов Б. Я. 282, 283
Вольф Э. 13, 74
Вукубац 214
Вэнго Еня 332
Вэнго Соля 331, 332
Вяткин М. П. 284, 307
Гагавиц 211

- Гвоздев Р. 65
 Ггулу, миф. 163
 Гегель 280
 Георги И. Г. 327
 Герберштейн С. 265
 Геродот 94, 97, 253—255,
 270—272, 280, 290
 Гильгамеш, миф. 212
 Годниер Э. С. 4, 124
 Граков Б. П. 256, 311
 Грант 124
 Гришберг Дж. 128, 129, 143
 Гродсков Н. И. 280
 Гуляев В. И. 5, 191
- Дальтон Дж. 14—17
 Данбар А. 156
 Дауд I 118
 Джарбуа, династия 296
 Джойс Т. 192, 243
 Джонстон Г. 127, 160, 161,
 169
 Диксон 308, 309
 Дноп Ш. А. 115
 Долгих Б. О. 323, 334, 335
 Дортелли 266
 Доути 300, 301
 Дуран Д. 231
 Дьяконов М. М. 250
 Дэйл И. 138
 Дюверье 302
- Елюй Чу-цай 263
- Житков Б. М.** 324, 335
Жоссен 307, 308
- Зейд 299, 301
 Зелигман К. 127, 128, 156
 Зелльнов И. 287
 Зиманов С. З. 307
 Златкин И. Я. 286
 Златковская Т. Д. 212
 Золотарев А. М. 202
 Зуев В. Ф. 327, 333
- Ибан, миф. 203
 Иби-ал-Асир 263
 Иби Баттуга 97, 105
 Иби Саид 105
 Иби Хаукал 95, 101
 Иванов В. П. 314
 Иванов П. П. 282
 Ивановы 340
 Идрис Алома 118, 119, 122
 Идрис Катагармабе 119
 Ики-Балам, миф. 217
 Иохуалахуа, миф. 232
 Исаза 153, 154, 177
 Исингома Рукиди 174, 175
 Искин Ф. 217
 Иш Нох Ук, миф. 203
 «К», миф. 244
 Кагва А. 178
 Каиру, миф. 153
 Какама Твале, миф. 153
 Калемера 175, 176
 Кан Цик Наль, миф. 202
 Канту, миф. 153
 Кастрен М. А. 318
 Като см. Кимера
 Кахума, миф. 153
 Келли Д. 195
 Кецалькоатль (К'ук'ульмац),
 миф. 206, 232
 Кикаб Какусимах 217
 Кимбалл С. 64
 Кимера (Като) 162, 174—179
 Кинжалов Р. В. 196, 238,
 241
 Кинту 151, 161—171, 173,
 176, 179, 181, 182
 Клеарх Солийский 272
 Кнорозов Ю. В. 196, 202,
 204, 205, 241, 246
 Ко М. Д. 195, 233, 236
 Ко У. Р. 195, 238
 Кобищанов Ю. М. 252
 Ковалевский М. М. 249

- Когольюдо Л. 198, 200, 207
 Кокомы 196
 Колганов М. В. 291, 306
 Коллинз Р. 131
 Колычева Е. И. 326
 Кольманн П. 126
 Коминна Анна 262
 Конрад Н. И. 109
 Константин I 277
 Константинов И. В. 314
 Коростовцев М. А. 171
 Кортес 197
 Коттак К. 134, 135, 147, 149,
 150, 160, 161
 Кочнев 339
 Коэн Д. 152, 153, 155, 162,
 163, 182
 Краццолара Д. 128, 129, 152,
 153
 Кребер А. 12
 Куббель Л. Е. 4, 87
 Кудрявцев Ю. 332
 Кукумац 217
 Кулаков П. Е. 339, 340
 Кучеренко 340
 Къёмйя 174
- Ланда Д. 196—199, 206, 207
 Лапцуй 328
 Лас Касас Б. 209, 215, 216,
 218
 Лашук Л. П. 286, 291, 313
 Лебеда 317
 Левшин А. 266
 Ленин В. И. 17, 18, 45, 46,
 93
 Лепслус Р. 125
 Лисана Б. 206
 Лукиан 256
- Макаров Н. П. 47
 Маке Ж. 142, 147
 Макмастер Д. 145
- Малер Т. 219
 Мамсеев А. 334
 Марков Г. Е. 286
 Маркс К. 3, 5, 8, 11, 12, 79,
 103, 121, 190, 267, 289, 291,
 292, 305, 306
 Матвеев П. А. 39
 Матъе М. Э. 246
 Махукутах, миф. 217
 Мейнхоф К. 127, 129
 Мейр Л. 132, 167
 Мердок Дж. 130, 142, 144
 Морли С. 222
 Моррис Э. 205
 Моудсли А. 219
 Мтеза 166
 Мусил 299, 301
 Мутеби 183
 Мутлак 299, 301
 Мухаммед-Гирей 265
 Мухаммед Дао 117
- Накибинге 170
 Накшит-Кукулькан 216
 Намби, миф. 163, 165
 Наречина 329
 Нгонзаки 153
 Неусыхин А. И. 173
 Нибур Г. 249, 293
 Ногай 264
 Нсимби М. 181
 ал-Нувейри 263
 Нэш М. 16, 17
- Овидий** 257
 Огот Б. 130, 172
 Оливер Р. 142, 145
 Ольдерогге Д. А. 128
 ал-Омари 105
 Оппенгейм 295
 Орлова А. С. 136
 Осман дан Фоджо 117
- Патаи Р. 281

- Патканов С. К. 315
 Нашболонча 197
 Пелли 297
 Перо Тафур 265
 Першиц А. И. 5, 280
 Перэм М. 132
 Печ 198
 Питирисов 328
 Плетнева С. А. 262
 Плиний 272
 Плутарх 257
 Познанский М. 131, 142, 145,
 152, 156
 Полибий 256
 Помпой Трог 260
 Поршнов Б. Ф. 291
 Потанин Г. Н. 280
 Потапов Л. П. 282, 284, 307,
 312, 313
 Проскурякова Т. 195, 240
 Псевдо-Гиппократ 253
 Пуйко 338
 Пьянков И. В. 277

 Равдонпкас В. И. 249
 Радклифф-Браун А. Р. 22
 Райлп К. 130, 141, 145, 147,
 185
 Райт А. 155, 173
 Расмуссен К. 26
 Расцветаев М. К. 34
 Рейхани 298
 Регунский В. Ф. 319, 338
 Ройс Р. 200
 Роско Дж. 127, 158, 164, 167,
 181, 190
 Рузбехан 266
 Рукн-ад-дин Бейбарс 264
 Рус А. 226—229, 236
 Рыльский Ф. 61
 Рэдфильд Р. 11—13

 Сак Кими, миф. 202
 Сак Шиб Чак 205

 Сактекаух 211
 Салица М. 134
 Саттон Дж. 142, 143
 Саудиды, династия 297
 Саутуолд М. 181
 Свешников П. А. 325, 331—
 333, 335, 336, 338
 Семенов Ю. И. 3, 7, 307
 Сервис Э. 134
 Сессилия, миф. 217
 Сефава, династия 102
 Силкин Р. А. 325
 Силкин Т. 325
 Смирнов А. П. 311
 Смит А. 280
 Сопер Р. 144
 Сотниковы 340
 Спик Дж. 124—126, 182
 Спинден Г. 192
 Стевенсон Р. 169
 Степанов Н. Н. 319
 Страбон 256, 272, 273
 Стэнли Г. М. 126
 Стюард Дж. 134
 Сумаоро Канте 105
 Суна 166
 Сундьят 105
 Сым Цян 258
 Сэротэтто Вакуй 338
 Сюрэ-Каналь Ж. 104

 Такер А. 126
 Тахарка 156
 ат-Тахир 309
 Терепожкин А. И. 311
 Терентьев А. А. 314, 317,
 318
 Тесосомок 231
 Титуль Шив 198, 200
 Тлалока, миф. 232
 Тобо-хан 278
 Тоззер А. 219
 Тойлби А. 281

- Токарев С. А. 282, 284, 307,
314
Токта 264
Толстов С. П. 249, 250, 282,
283, 307
Толыбеков С. Е. 307
Томас А. 145
Томпсон Э. 192
Тоседа (Омзази) 328
Тохпль, миф. 217
Трик О. 232
Тураев В. А. 336
Тусида Тенко 331
Тутси, династия 173
Тюменев А. И. 188
Угэдей 263
Уилли Г. 193
Унцилопочтлп, миф. 232
Уэйланд Э. 140
Фань Е. 258
Фергюсон А. 280
Ферс Р. 14
Фоллерс Л. 184
Форд Д. 88
Фортес М. 23, 169
Фортес С. 23
Фостер Дж. 12, 13, 39, 40,
53—56, 58, 71, 72
Фрид М. 133
Фридман М. 40
Фуэнтес-и-Гусман 210, 215,
218
ал-Хадж Мухаммед I 117
Хазаров А. М. 6, 171, 249,
312
Хантингфорд 156
Харрис М. 134
Харузин А. Н. 280
Харючи (Карачея), род 327,
328
Хевиленд У. 195, 220, 247
Хетгерслей К. 127
Хима, династия 173
Хименес Ф. 209, 213—215,
217
Хобниль, миф. 202
Хороля 328
Хороля, род 328
Хосан Эк, миф. 202
Хунтох 214
Хупак Кееле 205
Хэдсон А. 281
Ци 278
Чайлд Г. 225
Как, миф. 245
Чак Шиб Чак 205
Чаянов А. В. 47
Чва 162, 167, 171, 173, 175,
176, 181
Чвези (Бачвези), династия
131, 155—157, 159—161, 170,
172—175
Чеби-хан 261
Чели 196
Челинцев А. Н. 47
Чель 198
Чель, династия 197
Чжоу 278
Чи Г. А. 197—199, 206
Чингисхан 263
Чуло-хан 261
Шивы, род, династия 198, 205
Шину 196
Шоотен У. 281
Штернберг Л. Я. 23
Эванс-Притчард 133, 169
Эк' Йууп Чак 205
Энгельс Ф. 5, 79, 100, 134, 190,
276, 306
Эррера А. 206, 231
Ябтонгэ, род 331
ал-Якуби 95, 101
Якубовский А. Ю. 282

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Ю. И. Семенов.</i>	
Первобытная коммуна и соседская крестьянская община	7
<i>Л. Е. Куббель.</i>	
Об особенностях классовобразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана	87
<i>Э. С. Годинер.</i>	
Становление государства в Буганде	124
<i>В. И. Гуляев.</i>	
Проблема становления царской власти у древних майя	191
<i>А. М. Хазанов.</i>	
Роль рабства в процессах классовобразования у кочевников евразийских степей	249
<i>А. И. Першиц.</i>	
Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов	280
<i>В. И. Васильев</i>	
Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера	314
Принятые сокращения	342
Указатель имен	344

СТАНОВЛЕНИЕ КЛАССОВ И ГОСУДАРСТВА

Утверждено к печати

*Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Садокова*

Художник *О. Е. Евсеева*

Художественный редактор *В. Н. Тикуннов*

Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Корректоры *Г. М. Коплова, Б. И. Рывин*

Сдано в набор 26/V 1976 г.

Подписано к печати 15/X 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 2.

Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,7. Тираж 4300.

Т-16553. Тип. зак. 1287. Цена 1р. 42 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

1-я типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И РЕВОЛЮЦИИ 40-Х ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. М., «Наука», 1977 (IV кв.), 40 л. (Институт славяноведения и балканистики), 10 000 экз., 2 р. 75 к. В пер. 10603.

Книга посвящена всемирно-историческому значению опыта Великого Октября; в ней подробно исследуется применение этого опыта в ходе революций 40-х годов указанных стран, анализируются социально-экономические предпосылки революций, дается глубокая характеристика процессов социалистических преобразований, которые подтверждаются всеобщностью ленинского учения об основных закономерностях перехода от капитализма к социализму.

Книга рассчитана на историков, экономистов, философов, пропагандистов, преподавателей, аспирантов и студентов.

План 1977 года, кн. 1.

VII КОНГРЕСС КОМИНТЕРНА И БОРЬБА ЗА СОЗДАНИЕ НАРОДНОГО ФРОНТА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. М., «Наука», 1977 (IV кв.), 20 л. (Институт славяноведения и балканистики), 10 000 экз., 1 р. 50 к. В пер. 10603.

В монографии обстоятельно показывается разработка Коминтерном новой политической ориентации коммунистического движения в связи с возросшей в 30-х годах угрозой фашизма и войны, творческое применение компартиями стран Центральной и Юго-Восточной Европы новой стратегии и тактики, борьба за создание единого рабочего и народного фронта в странах названного региона против наступления реакции и фашизма; обобщается опыт революционной борьбы трудящихся масс за демократизацию общественно-политического строя.

Книга представляет интерес для историков, широкого круга студентов и пропагандистов.

План 1977 года, кн. 1.

МАСЛОВА Г. С. ОРНАМЕНТ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. М., «Наука», 1977 (III кв.), 19 л. (Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая), 15 000 экз. 1 р. 50 к. 10602.

Книга-альбом посвящена русской народной вышивке. В ней рассматриваются техника выполнения вышивки, ее сюжеты и мотивы, а также семантика отдельных орнаментальных образов, печатаются иллюстрации лучших образцов вышивки. Выделены основные типы вышивки и проведены ареальные исследования по основным регионам, показана связь типа вышивки с различной социальной средой.

Книга богато иллюстрирована и рассчитана на искусствоведов, этнографов, историков и мастеров прикладного искусства.

План 1977 года, кн. 1.

Перечисленные книги можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464 МОСКВА, В-464, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110 ЛЕНИНГРАД, П-110, Петровзаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

АДРЕСА МАГАЗИНОВ «АКАДЕМКНИГА»:

480391 АЛМА-АТА, ул. Фурманова, 91/97; 370005 БАКУ, ул. Джапаридзе, 13; 320005 ДНЕПРОПЕТРОВСК, проспект Гагарина, 24; 734001 ДУШАНБЕ, проспект Ленина, 95; 375009 ЕРЕВАН, ул. Туманяна, 31; 664033 ИРКУТСК, 33, ул. Лермонтова, 303; 252030 КИЕВ, ул. Ленина, 42; 277012 КИШИНЕВ, ул. Пушкина, 31; 443002 КУЙБЫШЕВ, проспект Ленина, 2; 192104 ЛЕНИНГРАД, Д-120, Литейный проспект, 57; 199164 ЛЕНИНГРАД, Менделеевская линия, 1; 199004 ЛЕНИНГРАД, 9 линия, 16; 103009 МОСКВА, ул. Горького, 8; 117312 МОСКВА, ул. Вавилова, 55/7; 630076 НОВОСИБИРСК, Красный проспект, 51; 630090 НОВОСИБИРСК, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 СВЕРДЛОВСК, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700029 ТАШКЕНТ, П-29, ул. Ленина, 73; 700100 ТАШКЕНТ, ул. Шота Руставели, 43; 634050 ТОМСК, наб. реки Ушайки, 18; 450075 УФА, Коммунистическая ул., 49; 450075 УФА, проспект Октября, 129; 720001 ФРУНЗЕ, бульвар Дзержинского, 42; 310003 ХАРЬКОВ, Уфимский пер., 4/6.